Н. В. РЕБРИКОВА, Н. И. КАЛАШНИКОВ

ТАИЛАНД

общество и государство

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. В. РЕБРИКОВА
Н. И. КАЛАШНИКОВ

ТАИЛАНД
общество и государство

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор
М. Г. КОЗЛОВА

В книге исследуются проблемы социально-политического развития Таиланда на историческом материале, охватывающем период с конца XIX в (реформы 70 90-х годов) до 80-х годов XX в. Особое внимание авторы уделяют соотношению в общественном развитии Таиланда традиционных и современных, внешних и внутренних факторов.

$Р \frac{0506000000\text{-}025}{013(02)\text{-}84} 94\text{-}83$

ВВЕДЕНИЕ

Формирование классового общества и государства на Востоке, отражая общие сдвиги в развитии производительных сил и производственных отношений, проходило в специфических условиях. В числе последних была периодическая перестройка форм хозяйства с экстенсивных типов на интенсивные и обратно. Соответственно менялась и структура производительных сил, а следовательно, и условия формирования классового общества и государства. Поэтому генезис общественной и политической систем современности нужно исследовать с учетом особенностей развития производительных сил на предшествующих этапах, т. е. исходить из типологических особенностей общества и государства на так называемой традиционной стадии их развития.

В плане социальной структуры добуржуазные общества отличаются от капиталистических тем, что им свойственна не только классовая, но и сословная стратификация: необходимо поэтому четко отличать классовое деление общества от сословного, имущественного и по роду деятельности. Согласно политэкономической методологии основоположников марксизма, классовое деление является в своей основе экономическим делением: члены общества различно относятся к частной собственности на средства производства в процессе производства и распределения. Существование в добуржуазных классовых обществах антагонистических классов обусловливалось тем, что господствующий класс использовал частную собственность на условия и средства производства — землю и личность непосредственных производителей — в целях отчуждения и присвоения прибавочного труда эксплуатируемых им работников в различных видах докапиталистической ренты. Соответственно эксплуатируемая часть общества выступала в роли рабов или зависимых крестьян. Оба класса-эксплуататоры и эксплуатируемые делились на ряд сословий по политико-правовым признакам: по степени причастности к государственной власти и по объему их политических прав и обязанностей. Сословность — это характерная черта государственно организованных добуржуазных обществ. При этом классовое и сословное деления в добуржуазных обществах часто не совпадали.

Основной социальной и производственной ячейкой в восточных обществах была сельская община. Изучение внутриобщинных отношений очень важно, поскольку именно в этой ячейке скрыто решение вопроса о господствовавшем на Востоке в средние века способе производства. Сельская община — возникшая

естественным путем социальная общность, ее структурообразующий элемент, ее экономическая основа — крестьянский двор. Однако на Востоке процесс высвобождения экономической ячейки производства от общинных социальных связей сдерживался структурой производительных сил. Примат природных факторов труда над исторически созданными, приспособление к данным экологическим условиям содействовали сохранению социальной структуры производительных сил, а вместе с нею и таких методов внеэкономического принуждения, как власть, морально-религиозные нормы поведения членов общин. В этой связи необходимо исследование сущности государства и религии, поскольку и то и другое было важной интегрирующей силой.

Авторы предлагаемой монографии попытались конкретизировать эти теоретические положения применительно к традиционному обществу и государству Таиланда (с XIII до середины XIX в.). Хотя традиционное общество Таиланда часто квалифицируется как феодальное, типологические особенности его структуры недостаточно изучены. Это изучение и стало целью первой части данной работы.

С XIX в. таиландское общество под напором капиталистического мира стало претерпевать коренные социально-экономические изменения. Этот процесс и рассматривается во второй части монографии, исследующей проблему модернизации традиционного общества, приспособление его к новым условиям существования в системе мирового капиталистического хозяйства.

На современном, т. е. послевоенном, этапе своей эволюции, который рассматривается в третьей части работы, таиландское общество представляет довольно сложную с точки зрения социальной структуры картину, поскольку традиционное сословное деление стало совмещаться с делением на общественные классы по экономическому признаку. Совмещение традиционной структуры и современных общественных отношений превратило Таиланд в своего рода «образец» развивающегося мира [238, с. 145], изучение которого может оказать существенную помощь в исследовании других развивающихся стран. И действительно, почти в любой развивающейся стране Азии мы наблюдаем: наличие традиционного сословного деления и деления на общественные классы; углубляющийся социально-политический разрыв между столицей и периферией, неравномерное региональное развитие; «строительство нации» в условиях наличия отсталых, подвергающихся дискриминации меньшинств; усилившееся внешнее влияние на экономику; роль традиционных верований, религии как консервативной идеологии; народные движения на национальных окраинах.

Авторы данной работы согласны с мнением тех исследователей, которые при изучении развивающихся обществ, подобных таиландскому, исходят из необходимости «раскрытия диалектического взаимодействия «традиций» и «изменений», а не... прямолинейного вытеснения традиционных черт современными»

[299, с. 104]. В основе подхода авторов к изучению общества и государства Таиланда на традиционном и современных этапах их развития лежит марксистско-ленинская методология.

В своей оценке уровня развития стран Востока, данной в 1920 г., В. И. Ленин выделял черты господства докапиталистических отношений, общей неравномерности развития мирового капитализма [14, с. 218]. Шестой конгресс Коминтерна в 1928 г. отверг теорию стихийной индустриализации колоний и зависимых стран — теорию «деколонизации». Выступая с докладом на конгрессе, П. Тольятти отмечал: «Не следует представлять рост производства в колониях аналогично развитию производительных сил в Европе в период раннего капитализма, в период первоначального накопления. Главная особенность этого периода — развитие производительных сил, которое носило всеобщий характер и представляло собой непрерывную линию. Эта черта или совсем отсутствует, или имеет совсем иной характер в картине экономического развития колоний, эксплуатируемых капиталом» [15, с. 40].

В западной историографии по Таиланду можно насчитать более десятка монографических работ, в которых авторы ставили и по мере своих сил решали проблемы социально-политического развития таиландского общества, в частности его перехода от докапиталистического к новому этапу развития. Период докапиталистического развития эти авторы рассматривали в терминах бюрократической структуры, азиатского способа производства, «монолитизма» [204]. Прием исследования состоял в рассмотрении социально-политической истории таиландского общества на таком отрезке его истории, который дал бы возможность выявить основные тенденции его эволюции в период, предшествовавший переходу в новую структуру, и, исходя из этих особенностей, рассмотреть период перехода. Тем самым достигалась конечная цель — выяснение современной социально-политической структуры. К такому приему прибегали П. Фистье, В. Велла, Д. А. Уилсон, Ф. Риггс и др. [200; 303; 264; 308].

Советские историки интересовались преимущественно развитием в современном таиландском обществе капиталистических отношений [159, с. 173—205]. Внимание привлекали те слои — рабочий класс, национальная интеллигенция, обуржуазившиеся слои,— исследование которых помогало выявлению движущих сил в национально-освободительном движении. Развитие национальной статистики и появление многочисленных полевых исследований позволили создать монографические работы по проблеме формирования рабочего класса и подойти к исследованию аграрных отношений [124;134, с. 69—138]. Начата работа по исследованию промежуточных слоев [169], бюрократического правящего слоя [136; 137], роли армии в социально-политической структуре [174]. Однако для обществ, подобных таиландскому, изучение классов хотя и необходимо, но недостаточно для понимания эволюции, поскольку «классовый» подход не охватывает традиционную структуру. Авторы

предлагаемой работы исходят из положения, что «отсталость и зависимость от империализма не тождественны полностью друг другу» [123, с. 256].

В работе [160], предшествующей данной монографии, внимание было сосредоточено на исторических особенностях эволюции таиландского общества, а также на закономерностях последней, в которых можно отметить элементы как спонтанного, так и зависимого развития. Это приводило к определенной сбалансированности эволюции. Однако на новом этапе социально-политической истории, наступившем в XVII в., необходим анализ сложного взаимодействия местной структуры и ее исторических особенностей с имманентными законами товарного производства. Это обусловило интерес авторов предлагаемой монографии к проблемам структуры традиционного таиландского общества, особенностям его социально-экономической дифференциации. На структуру таиландского традиционного общества, согласно концепции, выдвигаемой авторами данной работы, воздействовала динамика отношений естественно-социальной общности. Поэтому на первый план в исследовании выступил вопрос о сельской общине, ее типах, изменении внутренней структуры, а также связанная с сельской общиной проблема характера производительных сил традиционного общества.

Обращаясь к проблеме традиционного общества, авторы данной работы попытались сформулировать свое отношение к таким спорным вопросам, как формационная характеристика таиландского общества, направление его эволюции и уровень социального развития в конце XIX в. Попытки определить формационные характеристики традиционного общества связаны с проблемой исследования традиционного государства, областью, в которой советскими востоковедами сделано еще крайне мало. А между тем восточное государство выполняло очень важные общественные функции как на традиционной стадии развития, так и в период модернизации. Авторы попытались дать определение абсолютной монархии восточного типа, ее социальной сущности, направления ее социальной политики, воздействия последней на развитие местного капитализма. Поставлен также вопрос о сущности революции 1932 г., аналогичной по ряду характеристик революции Мэйдзи в Японии XIX в. Исследование революции 1932 г. и политики «экономического национализма» 30—40-х годов поможет ответить на вопрос, насколько в ходе модернизации удалось преодолеть типологические особенности местного общества и государства, подготовить их к переходу на рельсы независимого национального развития в послевоенный период.

Первая и вторая части работы написаны Н. В. Ребриковой, третья часть — Н. И. Калашниковым. Авторы монографии выражают признательность сотрудникам Института востоковедения АН СССР и Московского государственного университета, принявшим участие в обсуждении данной работы.

Часть 1

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО К СЕРЕДИНЕ XIX в.
(Типология и уровень развития)

Глава I

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТАИЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА

Таиландское общество складывалось в ходе длительной исторической эволюции и к началу нового периода развития (это начало нами соотнесено с реформами 70-90-х годов XIX в. в Таиланде) оставалось традиционным. Под социальной структурой традиционного общества понимается социальный строй тех этносоциальных общностей, которые в процессе взаимодействия, этнической и социальной консолидации создавали таиландское общество как связанную систему социально-экономических отношений, политических институтов, культуры, общественного сознания. Иначе говоря, таиландское общество рассматривается в процессе формирования традиционной структуры и появления условий для национального развития.

Процесс эволюции восточных обществ, за которыми закрепилось наименование традиционных, отличался от развития обществ западноевропейского типа. В ходе эволюционного преобразования традиционные общества, как правило, сохраняли в своей социальной структуре ранние формы общественных отношений, причем эти формы существовали на последующих этапах эволюции не в качестве пережитков, а как функционирующие элементы. Своеобразие эволюции делало социальную структуру традиционных обществ сложной, заметно различающейся в разных странах.

Специфика структуры традиционных обществ определялась формами хозяйственной деятельности, приспособленными к природной среде, и формами социальной организации, которые соответствовали данному хозяйству. В числе условий формирования традиционного таиландского общества были и внешние влияния.

Условия формирования традиционной общественной структуры

Традиционное таиландское общество сложилось в XIV в. на основе двух типов общин — гетерогенной (территориально-родовой) общины мон-кхмеров и территориальной общины таи. Гетерогенная

община — это коллектив, состоящий из патронимического ядра (малый, или агнатный, род) и пришлых членов или семей, клиентов, зависимых. Формирование гетерогенной общины было вызвано переходом мон-кхмеров в I тысячелетии н. э. к такой экстенсивной форме хозяйственной деятельности, как подсечно-огневое мотыжное земледелие, которое обеспечивало сравнительно быстрое возрастание населения. Подсечно-огневое земледелие создало синтез отношений социальных (род) и экономических (большая семья, «дом»): община превратилась, как писал К. Маркс, в первую великую производительную силу. «Цель всех этих общин — сохранение, т. е. *воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»* [7 а, с. 483]. Процесс потребления продуктов природы и труда у мон-кхмеров на стадии гетерогенной общины опосредовался присвоением земли и распределением продуктов земледелия. При этом проводилось различие между землей — естественным условием существования общины — и продуктами труда. Все, что было произведено трудом предков и здравствующих членов общины, было собственностью малой или большой семьи либо ее членов и могло отчуждаться. Земля не входила в систему вещных отношений собственности, поскольку человеческий коллектив не мог быть отделен от естественных условий его существования. На основе этих представлений сложилась сакрализация земли, что было зафиксировано ритуалом, целой системой религиозных норм и правил. Право на землю как объект хозяйствования определялось личным статусом человека. За первопоселенцами и их потомками закреплялись преимущественные права владения расчищенными участками, права на землю чужаков ограничивались до их полной ассимиляции общиной. Личностный характер поземельных отношений проявлялся в наследственном порядке передачи прав на землю в пределах рода, в отсутствии цены земли. Общины мон-кхмеров не были однородны в социальном отношении: над рядовыми общинниками находились вожди, члены их семей, жрецы, ниже стояли зависимые и рабы. Вожди были хранителями и защитниками земли, за что они получали часть продукта, производимого общинниками. Существовала обязательная для всех общинников патронажная система распределения труда в пользу вождей, глав родов и домовых общин. В «домах» вождей, на их полях трудились зависимые и рабы.

Структура власти у мон-кхмеров — так называемое сегментное государство — возникла из возвышения сильных родов и подчинения ими более слабых. Главы возвысившихся родов — цари передавали право на власть в пределах меньших сегментов политической структуры подчиненным им правителям. Подобная передача власти у мон-кхмеров сосуществовала с демократическими принципами выборности: право на власть претендент обязан был доказать, продемонстрировав свои способности и возможности. Функции царя и нижестоящих вождей — правителей заключались в закрепле-

нии и усилении связей всего общинного коллектива и его подразделений с принадлежащей им территорией и землей как объектом хозяйствования. Но власть не соединялась с собственностью на землю. Цари мон-кхмеров не распределяли обрабатываемую землю в пределах общин.

Сельскохозяйственная революция — постепенный переход кхмеров от подсечно-огневого хозяйства к земледелию с использованием искусственного орошения на больших площадях, от экстенсивной к интенсивной форме хозяйства — открыла путь к укреплению политической структуры. Складывается конический клан, укрепляются кровнородственные связи: право наследования власти стало признаваться за старшим сыном царя, что положило конец эгалитарным традициям и демократической процедуре выбора царя. Эти процессы прослеживаются по эпиграфике кхмеров с VI—VII вв. Резко возросли роль и могущество кланового и политического лидера, со временем приобретшего облик сакрального символа, божества, носителя сверхъестественной силы,— царя-деспота, получавшего титул «царь-гора». «Единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего враждебные друг другу силы природы,— писал Ф. Энгельс,— есть лишь отражение единого восточного деспота, который по видимости или действительно объединяет людей с враждебными, сталкивающимися интересами» [10а, с. 56].

Создавались условия для дальнейшего развития социально-экономических отношений, а следовательно и классовой структуры общества, стал возможен переход от «сегментного государства» к территориально-государственной структуре власти. Начала складываться Ангкорская империя (X—XII вв.), включившая в свой состав и земли монов в долине р. Менам — Чаопрая.

По эпиграфике кхмеров можно на территории империи к востоку от Меконга проследить ослабление представлений о сращенности земледельческого коллектива с землей, о нерасторжимости этих связей. Пахотная земля — пхуми — переходит в наследственное владение «домов», остатки общинной земли воспринимаются как собственность общины. Появляются царское и храмовое хозяйства, существующие за счет эксплуатации труда рабов и зависимых. Поземельные отношения становятся ведущими в системе эксплуатации. В монских землях сохраняются экстенсивные формы хозяйства, поэтому поземельные отношения не развиваются: земля не упоминается в составе имущества «дома», нет зафиксированных эпиграфикой фактов дарения или продажи земли. Присвоение человека как условия производства (вместе с другими факторами производительных сил) сохраняло форму отношений естественной общности: глава «дома» «ел силы» младших членов большой семьи, зависимых и рабов, что вытекало из отношений господства-подчинения, власти над ними. Сохранялись первичные формы эксплуатации. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные),— писал К. Маркс,— таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается

лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах» [7 а, с. 100—101].

Территориальные общины таи — мыанги — формировались в небольших горных долинах севера, они использовали как экстенсивные (подсечно-огневое земледелие), так и интенсивные (поливное земледелие) формы хозяйственной деятельности. Устойчивое сочетание этих двух форм породило у таи особую социальную структуру, отличную от кхмеров и монов. У таи сложились представления о владении землей, укреплявшем положение семьи в земледельческом коллективе, о том, что вся земля племени принадлежит чао и кхун — вождям общин. Но эти представления сосуществовали с более древними представлениями о родовой сущности общинной земли: чао и кхун — это вожди территориальных общин и в то же время главы родов — первонасельников данной области, чао пен дин — «владыки земли». Право на расчищенную подсечно-огневым способом (рай) и орошенную (на) землю сохраняется за родом и передается по материнской линии. Гарантией владения землей выступала не система землепользования, а прочность социальной организации, обеспечивавшая безопасность владения. Развитие имущественного неравенства сдерживалось широко бытовавшими отношениями родства и свойства: несмотря на распространение долговой кабалы, из этих форм эксплуатации не возникало экономически закрепленных отношений господства — подчинения. Во главе мыанга стоял наследственный вождь, власть которого над членами общин была очень сильна: он имел право на жизнь и смерть своих подданных , он был чао ти вит — «господин над жизнью».

Длительное существование у таи общинно-родовых институтов сохраняло первичные формы эксплуатации, замедляя формирование классового общества. Лишь в XIII в. спонтанное социально-экономическое развитие привело к формированию раннеклассовых тайских государств, выделению сословий, распространению буддизма. В ходе многочисленных войн возвысились знатные роды чао мыангов — военных вождей общин. Их ближайшие родичи — лук чао и лук кхун — стали их помощниками и соратниками, начальниками дружин. Дружины набирались из родственников чао мыанга, зависимых и рабов; общинники на войне играли второстепенную роль. Знатные роды чао мыангов и стали привилегированными сословиями. К XIII в. в тайских мыангах сложилась организация раннеклассового общества во главе с чао мыангом и знатью, служившей сословному строю. Знать группировалась вокруг вождя-землевладельца: складывается патерналистская концепция власти. Лояльность в среде знати и по отношению к чао мыанга подкреплялась вассалитетом. «Сеть вассалов и подвассалов (в Сукхотаи.— *Н. Р.*),— отмечают исследователи,— была сложной, а официальная бюрократия незначительной» [211, с. 45]. Отношения внутри правящего сословия знати регулировались на основе «кормлений» — кын мыанг. «Кормленщик» брал в свою пользу поборы с деревни или местности. Однако «кормления» не были наследственными. Одно из низших сословий в тайских государствах составляли рядовые общинники, числен-

ность которых время от времени возрастала за счет военнопленных. Но несмотря на наследственно закрепленную в северных тайских государствах принадлежность к сословию, не было ни крепостного права, ни оформленной земельной ренты, хотя члены общин несли повинности в пользу князя-землевладельца — чао луанга. Кроме того, было известно рабство. Процессы классообразования в тайских землях не сопровождались деградацией общины, разрушением отношений естественно-социальной общности. На протяжении всего средневековья сохранялся «дом» (большая семья), а также свободная деревенская община с характерными для мировоззрения ее членов противопоставлениями: старший-младший (пхи — нонг); правый-левый (военный — гражданский); господин глава «дома» — младший член «дома», простолюдин (най — прай).

Формирование традиционного таиландского общества и государства было связано как с описанными выше социальными и экономическими процессами, протекавшими в доклассовых и раннеклассовых обществах монов, кхмеров, таи, так и с демографическими процессами — быстрым ростом в XIII в. населения в долине Менама. Новое содержание демографическим процессам придало движение на севере монголов: усилилась миграция таи на юг. Тайские князья и их дружины вступили в борьбу с Ангкорской империей за земли в долине Менама, их союзниками были монские прайя — главы «домов». В XIV в. в ходе синтеза общественной структуры монов и таи начало складываться новое общество — общество средневековой Аютии (1350—1767). Последняя не была, как считал ряд исследователей, «ирригационным государством» — полив полей осуществлялся естественным путем — за счет разливов реки. Открылись неограниченные для того времени возможности поселения на компактной территории. Правители Аютии в XIV—XV вв. стремились увеличить число жителей путем насильственного вывода населения из соседних стран.

Община монов, базировавшаяся на подсечно-огневом земледелии, исчезает с исчезновением этой архаичной формы хозяйственной деятельности. На базе заливного рисосеяния складывается новый вид естественно-социальной общности. Она характеризовалась стабилизацией кровнородственных отношений, которые, расширяясь, охватывают все общество. Начали складываться деревенские общины; центром каждой общины был буддийский монастырь — ват. Защита территории общины поручалась группам молодежи — наклэнг. Род локализовался в пределах деревенских общин. Так возникла тайская этносоциальная общность. Право на землю в Аютии определялось принадлежностью к локализованному роду, деревенской общине и этносоциальной общности таи. Только через процедуру приема в эти социальные группы чужеземец получал право поселиться в пределах государства Аютии.

Полноправная общность «свободных» — таи — четкой социальной гранью была отделена от «чужих», «несвободных». «Свободные» делились на социальные группы, положение которых в обществе

определялось конкретным видом труда (земледелие, управление). Социальный статус индивидов в этих группах не был наследственно закреплен, допускались переходы. Согласно одной из версий об основании Аютии, первым правителем государства был выходец из народа, доказавший свое право на власть магическими средствами В отличие от северных мыангов, где знать поддерживала сословный строй, в Аютии знать служила обожествляемому правителю, была привязана к месту в служебной иерархии. Власть создавалась не крупным землевладением, а верховным правом государя распоряжаться землей, как и другим имуществом подданных. Усилившееся государство превратило деревенские общины в тяглые и военнообязанные, что однако, не лишило общинников личной свободы. Политическая структура Аютии приобрела вид государства-общины: государство получило в свое распоряжение неоплачиваемый труд общинников, который можно рассматривать как централизованную ренту-налог. Система распределения доходов имела иерархическую структуру, получившую название «сактина». Стоящий выше на социальной лестнице наделялся большей властью и большей религиозной заслугой. Под политической властью понималось право отдавать команду — чакр — стоящим ниже на социальной лестнице, под религиозной заслугой — морально-этический принцип жертвенности, буддийский идеал отрешенности от мира вещей, импонировавший сознанию широких масс земледельческого населения, притуплявший социальные конфликты.

Так складывался буддийский образ жизни, в иерархии ценностей которого главное место было отведено политической и религиозной деятельности, ниже всех находилась экономика. Но подобный образ жизни, строившийся на экстенсивных формах хозяйственной деятельности, на скрупулезно соблюдаемой подчиненности в межличностных и общественных отношениях, был несовместим с общественными отношениями, связанными с более высоким уровнем развития производительных сил, общественной организацией труда, рыночными отношениями, основанными на формальном равенстве покупателя и продавца [121, с. 172]. А между тем тайское общество с XVI в. все более входило в контакт с международным рынком, оказывалось под его воздействием.

* * *

Социально-политическую историю таиландского общества, как и подавляющего большинства обществ Азии, с XVII в. следует рассматривать как процесс внешнего воздействия развивающегося капиталистического способа производства на местную земледельческую общественную структуру через систему международного разделения труда. Под влиянием возникающего капиталистического рынка иерархическая система распределения, обеспечивавшая воспроизводство, социальные и идеологические функции общества, поддерживавшая его социально-классовую структуру, дополняется сферой обмена, которая имеет тенденцию стать универсальной

функцией по регулированию общественного организма. «До тех пор пока универсальная система распределения доминировала, а обмен был частичным, подчиненным, в докапиталистическом обществе „основой развития является воспроизводство заранее данных... отношений одного человека" с заранее заданными социальными качествами — „наилучших граждан", или подданных,— а не богатство» [152, с. 72]. С появлением устойчивой сферы обмена цели воспроизводства меняются. «Абсолютная монархия которая уже сама есть продукт развития буржуазного богатства... нуждается... в материальном рычаге этой власти — во всеобщем эквиваленте, в богатстве в его постоянно готовой к бою форме, в которой оно совершенно не зависит от особых местных, натуральных, индивидуальных отношений» [8, с. 410]. Материальное богатство и новая социально-политическая структура начинают противостоять прежней социально-политической иерархии. В Таиланде это противостояние приняло форму противостояния товаризованного околостоличного района натурально-потребительской периферии. Но тайское общество сохраняло и более древние принципы расчленения и организации пространства. В соответствии с заимствованной из индуизма космологической схемой, воспроизводившей мировоззренческие представления древних общин, центром вселенной была столица — нагара. Правитель, находившийся в столице, т. е. в центре территории, воплощал связь мира космического с земным. Королевский двор был райской обителью, вне которой располагался в виде концентрических колец грешный мир; значение колец уменьшалось по мере удаления от столицы, от «центра» к «периферии» [139, с. 90—91]. Эта пространственная организация, носившая политико-административный и морально-религиозный характер, выполняла в средние века важные интеграционные функции, не потерявшие своего значения и позднее.

Внутри этой пространственной космологической схемы располагались различного типа поселения, которые обладали строго определенными признаками, отражавшими их роль и место в системе социально-религиозных связей и политической власти. Различалось несколько типов поселений: бан — деревня, чиенг или вьенг — укрепленный центр территориально-земляческой общности, накхон (нагара) — столица. В конфессионально-политическом и социальном плане бан подчинялись чиенгам и вьенгам, где жили представители господствующего класса и где особую группу жителей составляли ремесленники и торговцы. Чиенг и вьенг не всегда можно было назвать городом в собственном смысле слова. Даже в XIX в. в Таиланде сохранялись такие протогорода, концентрировавшие управленческие и торгово-ремесленные функции в рамках общинно-локальных объединений.

Названия городских укрепленных центров и подчиненных им территорий — мыангов совпадали, единой была и их администрация. Отдельного для города управления не существовало. Население крупнейших центров мыангов редко превышало 7—10 тыс. По своему социально-экономическому положению население таких

городских центров было земледельческим, подчиняясь земледельческому циклу окружавшей сельской округи. Поливное земледелие соединялось с подсечно-огневым и с промысловой деятельностью. Противопоставление таких традиционных городов деревне вытекало из особенностей социальной организации общества, из специфики разделения труда в рамках общины, а не из обмена и производства. В городах сосредоточивался военно-управленческий аппарат, знать. Земледельческий абсентеизм знати был важной причиной слабых экономических связей между городом и деревней и почти полной независимости деревни от города в сфере производства орудий труда. Потребности эксплуататорских слоев города в ремесленных изделиях удовлетворялись высокоразвитым городским ремеслом, в том числе и художественным. Через ремесло «обезличенная масса прибавочного продукта», поступавшая из деревень в городской центр мыангов в виде военной дани, ренты-налога и ренты, приобретала потребительскую форму, удовлетворяла нужды знати. Слабое развитие специализированных ремесел в земледельческой общине выливалось в презрение к ремесленному труду, во включение ряда ремесленных профессий в разряд низких.

Над центрами мыангов в социальной иерархии высоко поднимались столицы — нагара. В них были крупные буддийские монастыри — ваты — центры образованности и культуры. Большие монастыри Аютии привлекали законоведов и монахов из всех мыангов, составлявших государство, и из соседних стран. Из этих ватов выходили знатоки врачевания, астрологии, права, буддийской религиозной литературы [315, с. 18]. Число ремесленников было велико в столицах, особенно в самой Аютии. По традиционной схеме пространственной интеграции движение продукта в системе распределения через ренту-налог и дань имело одностороннее направление — от «периферии» в «центр»; обеспечивая «периферии» военно-политическую защиту, «центр» в то же время подрывал социально-экономическое развитие «периферии».

Эту структуру таиландского общества стали нарушать с XVII в. города, вызванные к жизни развитием мировой торговли, как, например, полиэтнические по составу населения богатые города-порты. Появились новые города благодаря специфике географического разделения труда в данном районе, включавшие в обмен продукцию промысловой и земледельческой деятельности общин. Развивавшийся мировой рынок через торговый капитал стремился подчинить себе докапиталистические общества и сферы производства. Оказавшись в сфере воздействия внешнего формационного «стадиально-системного» фактора [179, с. 189], тайское общество сумело приспособить к новым задачам ряд традиционных институтов. В сферу обмена с мировым рынком включилась часть местного господствующего класса. Сбывая массу натурального продукта, поступавшего как рентные платежи и дань, верхи общества не только могли удовлетворять свои потребности в более совершенных и разнообразных предметах потребления, но и давать

обществу более совершенные орудия производства, транспортные средства и оружие.

Сельское население в районах, связанных с мировым рынком, выращивая сорта риса, выдерживавшие длительные сроки хранения и транспортировки (в отличие от клейкого риса горных районов), включилось через посредников в торговую деятельность; в крестьянской среде источники XVII в. отмечают накопление ценностей. Более заметным влияние рынка было в сфере производства товарных культур на юге страны, где появляются социальные слои, не связанные с тайской социальной структурой,— китайские предприниматели, включившие в откупа — этот гибрид распределения и обмена — различные виды промысловой и предпринимательской (добыча олова) деятельности. На юге возникают зачатки наемного труда, заметнее проявляются действие закона стоимости, становление земельной собственности. Возникают новые социальные группы, интересы которых требовали преодоления традиционной буддийской системы ценностей, подчинения ее системе ценностей, принятой в развивавшейся капиталистической структуре.

Первая серьезная атака на традиционный образ жизни земледельческого тайского общества со стороны новых социальных групп, связанных с мировым рынком, совпала по времени с разрушением в ходе войн с Бирмой в 1767 г. средневековой столицы Аютии — космического центра государства. Интересы новых групп и той части господствующего класса, которая была связана с обменом и новыми формами собственности, потребовали переноса столицы к морю, к мировым торговым путям. Перенос правителем Таксином столицы в 1768 г. в Тонбури не был «исторической случайностью» [116, с. 153]: он отражал заинтересованность новых социальных сил в перестройке пространственной интеграции общества, их стремление вывести экономический центр государства из-под воздействия традиционной модели распределения. Борьба новых и традиционных сил в Таиланде XVIII в. (не в пример Японии XVII в.) закончилась компромиссом — свержением Таксина и приходом к власти династии Чакри. Столицей в 1782 г. становится Бангкок.

Развитие Бангкока началось с посада Тонбури, что было обусловлено ростом там торгово-ремесленного населения; этот рост регулировался местными властями, как и многих других провинциальных городов, в соответствии с принципами территориально-земляческих связей. Но в развитии Бангкока проявились черты современной урбанизации — появление новых видов деятельности: промышленности, сфер обслуживания и управления. В Бангкоке стал создаваться современный порт, шло строительство парусных, а затем и паровых судов. Начавшийся процесс современной урбанизации вносил в жизнь тайского общества новые принципы и формы социальных отношений, основанных на широких вещных связях. Современная форма урбанизации развивалась первоначально в тесной связи с китайской иммиграцией. Китайские иммигранты, заселяя пригород Бангкока Сампенг, вносили

в тайское общество элементы более современного производства, быта и культуры, иные нормы поведения, отличные от господствовавших в деревенской общине.

В Бангкоке, на Малаккском полуострове и о-ве Пукет — в районах оловодобычи и в крупнейшем сахаропроизводящем районе — провинции Накхончайси стал складываться на основе китайской и отчасти вьетнамской иммиграции особый тип наемного работника, связанного с мануфактурой. С конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. в Бангкоке возникли промышленные предприятия и наемные рабочие. Возросла численность городского населения: в его социальном составе появилась группа землевладельцев-абсентеистов. Усилился разрыв в уровне доходов городского и сельского населения. Увеличилось число работ, связанных не с безвозмездным трудом крестьян и ремесленников, а с оплаченным трудом наемного работника — китайского кули. В середине XIX в. в Бангкоке появились первые признаки секуляризации образования, отделения его от управления. За границу для получения образования в области технических наук (например, судовождения), для изучения европейских языков, счетоводства стали направлять детей из семей, которым оказывалось покровительство, и рабов [316, с. 130]. К середине XIX в. отчетливо стал выступать торгово-промышленный комплекс Бангкока — политического, экономического центра страны, население которого возросло до 500 тыс. к 60-м годам XIX в.

Городская жизнь постепенно распространилась на многие области государства. Крупные торгово-ремесленные центры возводились в ранг города, что заставляет предполагать существование юридического отличия нового города от архаичного чиенга или вьенга. Такие города располагались в центре крупных земледельческо-промысловых районов, на важных внутренних торговых путях. Доходы от деятельности их населения шли в казну. Рынки в таких городских центрах были постоянно функционирующими, при их посредстве совершался обмен местной ремесленной, промысловой и сельской продукции на привозные товары. Население в таких городах уже не было связано с местными земледельческими общинами. В рамках общественного разделения труда оно занималось различными ремеслами. Отличалось оно от сельских общин и своим этническим составом, в котором преобладали китайцы, вьетнамцы, бирманцы, хотя социально-общинные связи и личностные отношения, столь сильные в тайском обществе, возрождались и в городе в виде землячеств и тайных обществ. Такие этнические группы могли и не быть производственными объединениями, хотя они оказывали своим членам существенную материальную помощь, например ссужали деньги или товары, чтобы начать торговые операции [64, т. 2, с. 114—115].

Новыми процессами в системе международного разделения труда было вызвано создание городов на северо-востоке. Так, Убон стал экономическим центром области, где сложилась добыча соли. Соль добывалась крестьянами, соединявшими промысел с

земледелием: после окончания земледельческих работ и сбора урожая риса начиналась выпарка соли на тех же полях[1] [37, т. 1, с. 113]. В числе провинциальных центров северо-востока были и такие, жители которых не занимались земледелием. О городе северо востока Стунг Тренге Э. Эймонье в 80-х годах XIX в. сообщал, что его жители — торговцы и мало занимаются земледелием [37, т. 1, с. 20]. Стунг Тренг был крупным рынком работорговли. Сюда же стекалась продукция местных промыслов — воск, кожи, кость, кардамон, соль, ткани. Число жителей Стунг Тренга было невелико: по словам того же Эймонье, Стунг Тренг по размерам был вдвое меньше центра мыанга Кхонг, в котором насчитывалось всего 200—300 домов [37, т. 1, с. 37]. Крупным торговым центром северо-востока был город Накхонраджасима: сюда «из Убона, Бассака, Ясотона, лаосских деревень стекались товары, преимущественно шелк, впрочем, низкого качества» [64, т. 2, с. 113]. Шелковое производство было сельской домашней промышленностью, широко распространенной именно в деревнях северо-востока. Скупкой шелковых тканей, а также другой ремесленной и промысловой продукции были заняты торговцы Накхонраджасимы. В городе было также пять предприятий по производству сахара [65, т. 1, с. 80, 85].

Роль таких провинциальных городов в социальной структуре Таиланда выражалась в том, что они стимулировали развитие товарно-денежных отношений, усиливая связи земледелия и ремесла с рынком, превращение земледельческого и промыслового продукта в товар. В рыночные связи постепенно к концу XIX в. были втянуты те общины горных народов, которые не были частью социальной структуры Таиланда[2].

В первой половине XIX в. городской рынок был свободен от системы государственных монополий, все благоприятнее становились условия для развития товарно-денежных отношений. Однако система товарно-денежных отношений, подорвав социально-религиозную схему пространственной интеграции общества, не создала на ее месте «национального пространства» — систему внутреннего рынка. Базой общественного разделения труда оставался обмен, основанный на местных рынках, на географической и порайонной специализации труда; доминировало узколокальное хозяйственное разделение труда в форме обмена услугами и продуктами труда на базе деревенских общин. Неразвитость внутреннего рынка снизила сопротивляемость общества внешнему давлению: отдельные товары на локальных рынках не выдерживали конкуренции ввозных товаров; например, племена лава перестали производить металлические изделия для местного рынка, прекратили они и караванную торговлю [56, с. 450]. В новых городах не было местного «бюргерства», на которое государство могло бы опереться для защиты местного производства и рынка. Процесс разделения труда между городом и деревней не был стимулирован развитием производительных сил в последней. И по-прежнему, несмотря на развитие международной и межобластной торговли, в которую включались иноэтнинеские группы, монополизировав-

шие транспортировку и сбыт местной и привозной продукции, доминировала система внутреннего распределения, а не обмен через рынок.

Стекавшаяся в Бангкок в натуральной форме рента-налог в мастерских правителя и знати превращалась в предметы потребления. «Король говорил мне,— пишет англичанин Дж. Боуринг, посетивший Таиланд в 1851 г., — что в течение ряда месяцев он использовал труд не менее 600 ювелиров для украшения могилы своего умершего брата» [39, т. 1, с. 237]. Дорогие одежды для лиц высокого ранга изготовлялись в домах этих последних несвободными ремесленниками. С драгоценными тканями, которые изготовлялись в таких мастерских, не могли соперничать ткани из соседних азиатских стран [39, т. 1, с. 238—239]. Новые социальные слои, связанные с производством товаров для рынка,— «экономически господствующий класс» — действовали на стыке капиталистического рынка и местной социально-общественной структуры, сосуществуя с последней по принципу симбиоза.

С конца XVIII в. в таиландском обществе складывается такая структура общественного разделения труда, для которой характерно постепенное снижение уровня техники и общественной организации труда от «центра» к «периферии» и соответственно переход от сферы обмена через откупа к системе перераспределения прибавочного продукта. Деревня жила за счет объединения мелких производителей на основе взаимопомощи, разделение труда в такой системе существовало не столько между городом и деревней, сколько между земледельческими общинами «периферии» и товарно-денежной экономикой «центра». Своеобразные социальные и политические условия не создавали для общества в целом такого уровня развития производительности труда, который, совпадая стадиально с периодом позднего феодализма, обеспечивал бы жизнеспособность данного общества в условиях расширенного производства.

Социальная структура земледельческой общины

Вопрос о социальной структуре земледельческого населения, судьбах общины как социальной организации в последние годы выдвинулся на одно из первых мест в ряду проблем, связанных с изучением общественного строя стран Востока. Изучение истории общины — необходимое условие понимания путей эволюции восточных обществ, характера их государственного строя, роли обычного права в их жизни. Поэтому очень важно определить, оставалась ли община в Таиланде в XIX в. естественно сложившимся социальным институтом, регулировавшим систему социальных и поземельных отношений внутри деревенского коллектива, или же она носила преимущественно фискальный характер, была создана искусственно государственной властью. С проблемой сельской общины связан вопрос о структуре производительных сил тради-

ционных обществ, уровне развития общественного производства. Важно выяснить характер воздействия на социальную структуру земледельческого населения обмена, рынка, т. е. товарно-денежных отношений. Авторы работ по Таиланду либо вовсе игнорировали проблему традиционности таиландского общества, специфику социальной структуры сельского населения, либо допускали переоценку разрушающего воздействия на земледельческое общество привносимых капитализмом новых общественных отношений. Короче говоря, в этих работах недооценивалась устойчивость земледельческого общества и не вскрывались причины этого.

В работах по Таиланду 60-х годов проблемы социальной и экономической структуры таиландской деревни XIX в. не могли быть поставлены, поскольку исторические источники при всей их важности, как правило, не затрагивали таких вопросов, как наличие и функционирование внутри земледельческого общества различных социальных групп, образующихся на экономических, социальных, религиозных, профессиональных основаниях. А между тем все это крайне важно для изучения такого социального института, как община. Социологические обследования таиландских деревень, начатые в конце 40-х годов американскими и продолженные в 60—70-е годы таиландскими и японскими учеными, дали возможность поставить некоторые проблемы, связанные с существованием и функционированием традиционной социальной организации.

Социальная структура земледельческого населения Таиланда к концу XIX в. выглядела мозаично, что следует объяснять как особенностями традиционного общественного строя, так и усилившимся воздействием товарно-денежных отношений. К этому времени в Таиланде выделился околостоличный район, в котором сельское население с XVIII в. оказалось под воздействием товарной формы хозяйства. Земледелие торгового направления было связано не с производством риса, а с выращиванием сахарного тростника, овощей, фруктов, технических культур. В товарном земледельческом хозяйстве были заняты китайцы, создавшие на территории Таиланда свои земледельческие общины.

Можно предполагать распространение в китайских землячествах отношений эксплуатации на родственно-клановой основе. Юридически китайцы в Таиланде были свободным населением — подданными Цинской империи. По свидетельству Дж. Боуринга, относящемуся к середине XIX в., «много земли (вокруг Бангкока.— *Н. Р.*) занято китайцами и способ ведения земледелия похож на те, которые существуют в Срединной империи, откуда и прибывают поселенцы. Китай во всех провинциях представляет вследствие сильного дробления земельной собственности и избытка рабочих рук скорее множество садов, чем полей или лугов. Это скорее садоводство, чем полеводство — во всяком случае около больших городов» [39, т. 1, с. 201]. В другом месте он пишет: «Большие сады в районе Бангкока тянутся вдоль каналов и берегов реки непрерывной линией на два лье» [39, т. 1, с. 48].

В околостоличном районе сложилась значительная группа земледельческого населения, которую источники первой половины XIX в. относили к категории «арендаторов». Это были насильственно выведенные военнопленные-лао, жители южных районов — мусульмане, создававшие свои деревни [74, с. 39—49]. Было здесь и тайское население. Исследование «типичных деревень» околостоличного района начали в 1947 г. американские социологи.

Околостоличный район был молодым земледельческим районом, развивавшимся вместе с новой столицей: возраст деревень здесь не уходил в глубину веков. Деревня Банг Чан возникла в 40-х годах XIX в. Ее основали три брата — выходцы из столичного пригорода Сампенг, заселенного китайцами. Совместным трудом братьев и их семей от канала были проведены оросительные канавы, расчищен участок земли под рисовые поля. Хозяйство велось раздельно каждой семьей (изредка прибегали к родственной взаимопомощи или найму поденщиков) и носило потребительский характер; к рынку обращались редко: в наиболее урожайные годы продавали рис и приобретали одежду и ремесленные изделия. Связь между новыми формами хозяйства и семейным строем дала себя знать прежде всего во вновь создававшихся деревнях околостоличного района: структура естественно-социальных связей меняется и деревня выступает как союз патриархальных семей. Деревня Банг Чан не имела ни органов общинного управления, ни культового центра [74, с. 40—90].

Сосредоточив внимание на деревнях околостоличного района, американские социологи сделали вывод, что таиландская деревня не знала общинной организации. Дальнейшие исследования опровергли это мнение. Но и на настоящем этапе исследований еще невозможно провести научное распределение деревень Таиланда по типам их социальной организации. Поэтому предлагаемое ниже районирование применительно к концу XIX в. по ареалам распространения традиционных хозяйственных и социальных типов основывается на географическом делении страны: 1) Центральный Таиланд, 2) Северный Таиланд, 3) северные горные районы Таиланда, 4) северо-восток Таиланда[3].

Сложившаяся в средние века область экстенсивного поливного земледелия — рисосеяния — занимала среднее течение Менама, концентрируясь вокруг восстановленной в XIX в. Аютии: она простиралась на 200 км с востока на запад и на 400 км с севера на юг. Здесь не было построенных трудом человека ирригационных сооружений или дамб, орошение полей проводилось благодаря разливам реки: хозяйственная деятельность определялась по преимуществу возможностями природной среды. Земледелие сохраняло потребительский характер: рисосеяние обязательно дополнялось рыболовством, а также выращиванием технических (хлопок, табак) и огородных культур. Большое значение в земледельческом хозяйстве тайского крестьянина имели пальмы и бананы, различные плодоносящие деревья. Животноводство было развито слабо, птицеводство играло в хозяйстве бóльшую роль. Земледелие со-

единялось с домашним ремеслом. Самые старые жители в деревнях около Аютии и сейчас помнят те времена, когда в каждом хозяйстве производилась одежда домашним способом [226, с. 25]. Рис рушили в самом хозяйстве. Здесь же изготовлялся домашний инвентарь и рыболовные сети и приспособления. Такое комплексное хозяйство обеспечивало все потребности крестьянской семьи, но ограничивало возможность продвижения в новые районы, поскольку такое «многоотраслевое» хозяйство требовало сочетания целого ряда благоприятных природных факторов.

В процессе исторической эволюции в особых социальных условиях Центрального Таиланда тайская деревня не смогла оформиться в самоуправляющуюся деревенскую общину. Социологи, ведущие исследования деревень на центральной равнине, неизменно отмечали их «поразительно простую социальную структуру», характеризуя последнюю как «рыхлую» [121а; 132; 201]. «У таи,— писал американский социолог Г. Филлипс,— нет каст, возрастных групп, групп по видам занятий (помимо семьи), групп, отражающих деревенскую солидарность,— таких, как советы или органы управления, которые могли бы наложить на деревенских жителей обязанности или к нормам и функциям которых деревенским жителям приходилось бы приспосабливаться» [251, с. 22]. К этой характеристике следовало бы добавить, что в условиях трудоемкого земледельческого производства малая семья у таи не стала ведущей единицей в сфере экономики, не порвала связи естественно-социальной общности, домохозяйство не было (в противоположность околостоличному району) самостоятельным крестьянским двором. В деревнях на центральной равнине и в XIX в. сохранялись минимальные неразделенные семьи, которые состояли из родителей и их несовершеннолетних детей; после вступления в брак в семье обязательно оставалась одна из дочерей (как правило, младшая). Отселявшиеся от родительских семей молодые давали начало новым семьям.

Важным фактором для характеристики семьи является локальность брака, определяющая состав общины, характер семьи, тип домохозяйства. Для тайской семьи была характерна матрилокальность: линейность в семье совпадала с линейностью рода. Матрилинейность определяла порядок наследования родовой принадлежности и имени, передачи имущества, права собственности. При разделе имущества земледельческой семьи действовало обычное право: равновеликие доли имущества получали как сыновья, так и дочери умерших родителей. Земля вследствие давности владения ею также постепенно становится объектом наследования: но порядок наследования земли вступал в противоречие с необходимостью передачи ее в пределах рода, поскольку земля продолжала рассматриваться как естественное продолжение земледельческого коллектива. Поэтому правом распоряжения землей пользовалось не отдельное лицо, а обязательно семейная пара [54, с. 287]. Соответственно дом родительской семьи, сад, часть рисовых полей, духи матрилинии переходили от бабушки к матери, от нее к

младшей дочери, затем к внучке по прямой и непрерывной линии наследования. Семья наследницы продолжала семейную линию в родительском доме, остальные дети получали свои доли и материально становились независимыми от материнской семьи. Семья существовала в процессе естественного расширения и одновременно деления [68, с. 121—123]. Широко был развит обычай принятия в семью новых членов. В условиях незначительной численности населения в стране, частых стихийных бедствий и эпидемий этот обычай помогал поддерживать существование семьи.

Минимальные неразделенные семьи были не только основными хозяйственными и социальными ячейками в обществе, но в определенной мере и политическими. Власть в кругу семьи была у ее главы — им был муж женщины, продолжавшей материнскую линию. Муж дочери, она сама и ее дети были под властью главы расширенной семьи. Пришедший после брака в семью жены мужчина «выступает ее подчиненным членом до такой степени, что его отлучают от собственной семьи» [62, с. 178]. Глава семьи имел право выставить дочь, ее мужа и детей как свою замену в группу взаимопомощи, на выполнение государственных работ, а мужа дочери — и в войско. Зятья и родные дети главы семьи были тем «окружением», в котором действовала социальная и юридическая власть последнего. Главами деревенских общин были мужчины, представлявшие неразделенные семьи, или «домовые» группы. Но ими не могли быть лица, родившиеся в другой общине, поскольку они принадлежали к другой матрилинии или имели другого духа-покровителя.

Состоявшие из минимальных неразделенных семей деревенские общины на центральной равнине не были патриархальным союзом крестьян-домохозяев, имеющих свой сход. До XIX в. в них сохранялись группы молодежи — наклэнг, которым поручалась охрана деревни и имущества входивших в нее семей [269а, с. 90—100]. Деревенская община была замкнутым социальным коллективом, ведущим натуральное хозяйство: ее замкнутость нарушалась лишь государством. Последнее периодически усиливало давление на деревенскую общину. И тем не менее последняя в отличие, например, от вьетнамских общин не стала фискальной организацией, ответственной перед государством за уплату налога или выполнение государственных работ: вся ответственность за них возлагалась на главу семьи и «патрона» последней.

Жители тайской деревни на центральной равнине не были привязаны к определенному месту культом предков: если жизнь становилась трудной или опасной, они легко покидали обжитое место. Подвижности тайской деревни отвечал и обычай кремации усопших. Согласно верованиям таи, такие духи, как мать риса, мать земли, боги воды расселены повсюду, и это также не привязывало земледельцев к месту, облегчало миграции и смену покровителя. Описанный выше характер родственных групп, отсутствие почитания предков, связи покровительства как отношения подчиненности, а не лояльности не вызывали необходимости у тайских

земледельцев создавать союзы, чтобы противостоять другим родственным группам или соперникам в социально-политической сфере [318, с. 24].

От районов Аютии природными условиями отличался север с его речными бассейнами, долинами, ограниченными горами. Здесь рисоводческие районы вокруг таких средневековых городов, как Сукхотаи, Чиенгмай, Нан, существовали на базе ирригации. Высокая, прошедшая тысячелетний путь развития культура поливного риса требовала четкой работы ирригационных систем, а также крепкой общинной организации.

Собранные в последние годы в районе Чиенгмая данные [68, с. 81] показывают прямую зависимость социальной (общинно-клановой) структуры северных деревень от распределения воды в ирригационных системах. Создание в районе Чиенгмая ирригационной системы, описанной в 70-х годах Дж. Поттером, восходит к средним векам. Труд многих поколений был здесь вложен в систему каналов, отводных канав, плотин. На севере Таиланда до настоящего времени сохраняются сотни таких традиционных, сооруженных общинами ирригационных систем [68, с. 81, прим. 1]. Подобные сложные ирригационные сооружения требовали тщательного ухода, который проводился сообща членами общин, сплачивая крестьян. «Ежегодная расчистка каналов в деревне Чиенгмай,— пишет Дж. Поттер,— выступает как важная социальная функция... Процесс создания групп (для расчистки каналов и всей системы. — *Н. Р.*) и объединения их основан на том же принципе, что и общее происхождение по крови, распределяемой по поколениям, подобно распределению в ирригационной системе воды, идущей по ее ветвям и ответвлениям. Те крестьяне, которые делят между собой воду из маленьких каналов, в общем более тесно связаны узами родства или общего места жительства друг с другом, чем с теми, с кем они не делят непосредственно воду. Общие интересы по происхождению аналогичны общим интересам в ирригации: это два древнейших принципа человеческой ассоциации» [68, с. 96—97]. Сама сложность этих ирригационных систем, связанность с последними генеалогического принципа социальной организации деревень были в определенной мере причиной застойности жизни в северных мыангах. Там даже духи-покровители ирригационных каналов и сейчас те же, что во времена правителя Менграя (XIII в.) [68, с. 81].

Основной земледельческой культурой на севере был клейкий рис, не выдерживавший длительных сроков хранения, поэтому поливное земледелие обязательно дополнялось подсечно-огневым земледелием, рыболовством, охотой, собирательством [51, с. 61]. Как и в центральных районах, крестьяне на севере выращивали хлопок, табак, многие виды овощей, бананы, сажали около дома пальмы и плодовые деревья.

Деревни на севере были невелики по размерам, что было связано с местными природными условиями. По свидетельству английского инженера С. Холт-Халлета, проехавшего в 80-е годы XIX в.

через северные районы страны по пути из Бирмы в Юньнань, в деревнях лао было в среднем 26—40 домов [49, с. 36]. В деревне Чиенгмай даже в 1920 г. было лишь 60 домохозяйств, а в XIX в. из-за эпидемий, уносивших сотни жизней, их стало значительно меньше [68, с. 25]. Общинам севера была присуща эндогамность [68, с. 35, 155]. Обязательной принадлежностью общины был буддийский храм, который она содержала. Но в отличие от центральной равнины в духовном мире крестьян в северных мыангах сочетались буддизм и культ духов — пхибан. Именно духи объединяли крестьянский мир с природной средой, в которой и протекала вся жизнь местной общины. Общинная организация на севере в большей степени, чем на центральной равнине, регламентировала жизнь индивида, в социально-политическом отношении противопоставляя северный мир миру центральной рисоводческой равнины (вокруг Аютии и Бангкока).

На севере помимо обширных горных долин было освоено и обработано множество небольших, площадью 20—30 га долин [287, с. 192], где размещались рисовые поля, иногда в виде террас поднимавшиеся на некрутые горные склоны. Жители горной области селились большими деревнями, объединявшимися в патрилинейные линеджи. Здесь были сильны связи «по предкам» и подчиненность теократическим вождям. Родственные связи дополнялись данническими отношениями к правящей элите долин, обеспечивавшей военную защиту своих данников [56, с. 425]. К концу XIX в. это были очень стабильные гомогенные структуры, социальный облик которых определялся формами хозяйственной деятельности, базировавшимися на подсечно-огневом земледелии; у некоторых горных народов последнее соединялось с редко встречавшимися ремеслами (плавка руды) и караванной торговлей. Общины горных народов были прочно связаны с определенной территорией, которую они считали общинным владением. Наличие на севере на горных склонах больших массивов незанятых, пригодных для подсечно-огневого хозяйства земель укрепляло положение общины, обусловливало ее силу. Поддерживал ее и коллективный характер землевладения и труда. Важную роль в жизни этих общин играл ритуал, выполнявшийся всеми членами общин под предводительством вождей. Большие размеры деревень обеспечивали защиту от беспокойных соседей, в частности от кайя, создавших к западу от Салуина государство и совершавших набеги на горный район близ долины Мепинга [184, с. 363].

Деревни на северо-востоке создавались в XVII—XIX вв. при расширении границ государства — на местах поселений, пришедших в упадок в X в. Здесь восстанавливались древние водоемы, служившие основой орошения полей. Поселенцы на новых землях, образуя деревню, рано или поздно превращали территорию ее угодий в общинную. Ирригационные системы сооружались членами общин и были в общей собственности последних. Территориальный характер общины подчеркивался тем, что в нее подселялись и неродственные семьи. Пока шло формирование общины, она объединя-

лась вокруг общего духа — охранителя деревни, но завершалось формирование общины только с созданием собственного буддийского вата [68, с. 150, 205].

Община, локализованный род, большая или малая неразделенная семья во всех рассмотренных районах оставались важнейшими формами социальной организации. Общины были средоточием социальной, экономической, политической, религиозной жизни: член каждой из них жил, трудился, участвовал в ритуале, твердо зная свой социальный статус и свои обязанности в отношении коллектива и каждого из его членов. Общины выработали свой строй правовых отношений, который был связан в правосознании их членов с чувством справедливости и служил основой экономических отношений в общинах. Без участия государства, основываясь лишь на древнем обычае, общины регулировали порядок землепользования, выполнения работ на общину. Имущественные отношения в семьях определялись личностно-трудовым принципом распределения, личным участием каждого члена семьи в накоплении имущества, т. е. трудовым началом. При разделе имущества в семье действовал принцип, присущий патриархальному укладу: «Мужчина несет две корзины, женщина только одну». Однако тяга к накоплению богатства сочеталась с широко сохранявшимся почитанием «невещных» форм богатства, которые не могли быть отчуждены: знания экологической среды, социальных обычаев и предписаний, ритуалов и магии. Верховенство в общинах и семьях часто вытекало из владения таким «невещным» богатством. Коллективный труд сочетался с тягой к имущественному равенству. Возникавшее в отдельных семьях в деревнях богатство часто насильственно перераспределялось отрядами наклэнг, деятельность которых особенно активизировалась в XIX в. [269а, с. 90—100]. Становление патриархального уклада, с которым связан буддизм, возникновение самостоятельных крестьянских дворов как обособившихся хозяйственных организмов тормозились повсеместным господством отношений естественно-социальной общности, приспособленностью форм хозяйства к природной среде, особой структурой производительных сил в земледелии.

* * *

Следует еще раз подчеркнуть, что относительная индивидуализация крестьянского труда в общинах Таиланда происходила в ходе приспособления земледельческого хозяйства к природным условиям, а не была вызвана тем ходом социально-экономического развития, который приводит к появлению «парцеллярной крестьянской собственности», как было в странах Западной Европы на последнем этапе развития феодализма. Поэтому неправомерно переносить на таиландскую деревню представления, сложившиеся в иной социальной жизни, как делают некоторые авторы, прилагающие к таиландской деревне понятие «парцеллярная крестьянская собственность» [133, с. 100] и соответственно трактующие социальное пове-

дение тайского крестьянина как мелкого парцеллярного собственника. Собранные данные по тайским деревням показывают, что социальное поведение крестьянина определялось и по сей день определяется не стремлением к буржуазному накопительству, а особыми нормами, присущими земледельческой общине, как показывают и исследования по другим земледельческим регионам [168, с. 61—131]. Длительное функционирование общины в условиях трудоемкого рисоводческого хозяйства было связано с особыми материальными условиями труда и жизни масс. До сих пор у жителей тайской деревни и города проявляется соединение индивидуализма с общинной идентификацией [220, с. 219].

Особенностью земледельческой общины было наличие и функционирование вплоть до конца XIX в. взаимопомощи в труде: она обеспечивала рабочей силой цикл земледельческих работ. Потребность в рабочей силе носила неравномерный характер. Ряд работ — возделывание поля под рис и другие культуры, работы на приусадебном участке, выращивание рисовой рассады, починка рабочего инвентаря — не нуждались в кооперации и выполнялись трудом индивидуальной семьи. Но такие трудоемкие работы, к тому же проводимые обязательно в сжатые сроки, как посадка риса и его сбор, рушение риса, ведение подсечно-огневого хозяйства, требовали применения массовой рабочей силы, или простой кооперации труда. Недостающие трудовые ресурсы обеспечивались временными производственными объединениями, которые складывались на семейно-родственной или соседской основе. На севере для ремонта и очистки от паводкового ила ирригационных систем в такую кооперацию включалось несколько деревень, зависевших от данной оросительной системы. Такое кооперирование труда создавало примерно равные условия производства всех семей, принадлежавших к общине, совместный труд сплачивал крестьян. «Cuaj kan — взаимопомощь — лейтмотив социальных отношений в деревне, основа деревенской идеологии» [68, с. 42],— отмечает американский социолог Дж. Поттер.

Характерную черту аграрного строя на всей территории Таиланда составлял захват свободных земель [51, с. 36]. Расчистка поля и его обработка, размеры поля зависели почти исключительно от хозяйственных возможностей семьи [55, с. 53]. Переселение избыточного населения на неосвоенные земли поддерживало относительное равновесие между численностью трудоспособного населения, необходимыми размерами земельной площади и уровнем плодородия почвы.

Отношение к земле как к источнику благополучия и процветания сочеталось с социальной функцией присвоения земли. Приобретение земли повышало социальный статус индивида или семьи. Сохранялся принцип сакрализации земли, наполнение владения землей религиозно-мистическим содержанием, отношение к земле как к естественной субстанции, неотделимой от человека и коллектива.

Принцип взаимопомощи в рамках общины сочетался с обязательным трудом на тех, кто воплощал единство общины — на се-

вере это были теократические вожди лава-саманг, или главы земледельческих общин — чао мыангов. На центральной равнине най за помощь и защиту своих клиентов получали дары от прай. Такие отношения, основанные на неравенстве между низшим и высшим, становились эксплуататорскими.

Основу производительных сил в тайских общинах составляли люди. При господстве натурального хозяйства семейная ячейка — родители и дети — лишены возможности стать основной хозяйственной единицей. Предпосылкой воспроизводства индивида становилось увеличение чисто семейной ячейки до масштабов расширенной семьи как полноценного хозяйственного коллектива, а не парцеллярная собственность на землю и продажа рабочей силы (при господстве парцеллярного хозяйства). В традиционном представлении тайского крестьянина, быть богатым значило входить в многочисленную и крепкую семью: «Статус такой семьи свидетельствует об успехе в деревенском обществе и создает понятие благополучия» [68, с. 44],— пишет о северной деревне Чиенгмай Дж. Поттер.

Социальная жизнь в деревнях Таиланда к концу XIX в. отличалась плотной структурой: жители деревень включались в социальные слои, родственные группы, группы взаимопомощи, группы, чередующиеся по посылке риса и продовольствия в деревенский ват, и другие формы совместной деятельности, включая и объединения по орошению [68, с. 34]. В системе этих связей индивид уже не просто член рода, но в то же время и не освобожденная от естественных связей личность. Социальная полноценность человека, его общественный статус и престиж определялись тем, с каким количеством социальных ячеек он связан и насколько прочна эта связь. Общение между этими ячейками приобретало характер эквивалентного обмена трудом и услугами, что резко отличало эти отношения от тех, которые складываются при наличии собственности на землю и вещных отношений, из этой собственности вытекающих. Неразвитостью институтов частной собственности определялись основные особенности социального и политического строя страны, ее идеологии.

Деревенские общины Таиланда объединяли семейные группы различного имущественного положения, связанные общими хозяйственными интересами и совместно выполнявшими разнообразные социальные функции. Верхний слой деревни составляла деревенская администрация. Сактина глав деревенских коллективов, указывавшая на их положение в иерархии рангов, могла подниматься до 400, однако их землевладение не было привилегированным: они не освобождались от взноса налогов государству и выполнения государственных работ. Этот социальный слой, пользовавшийся большим влиянием и экономическим весом, выполнял в жизни деревни важные хозяйственные и организаторские функции. В деревнях дельты главой деревни мог быть не обязательно самый старший по возрасту, но самый состоятельный член деревенского коллектива. Так, деревня лао в окрестностях Банг Чан была основана вольноотпущенником, которому его бывший хозяин пожаловал буйвола и плуг: получив такое «богатство», основатель деревни

принял пять или шесть семей клиентов [74, с. 68]. Но, как правило, «богатство» глав деревень соединялось со старшинством и административным положением. «При Раме III,— пишет американский исследователь В. Велла,— жители деревни — мужчины и женщины — избирали из своей среды главу деревни. Этот глава, не входивший в официальную бюрократию, обычно был уважаемым, богатым и пожилым жителем деревни. При его посредстве деревня выполняла многие общинные обязанности, как, например, поставку рабочей силы для строительства или починки каналов, дорог и храмов. Жители деревни также оказывали помощь друг другу при посадке риса и сборе урожая» [304, с. 15]. По отношению к столичной и провинциальной бюрократии главы деревень были в патронажной зависимости. Подчас такие отношения возникали вне бюрократической структуры, просто с главами сильных отрядов наклэнг. На основе неформальной зависимости создавались различные системы, строившиеся по принципу сделки «ты — мне, я — тебе», обладавшие способностью к быстрой перестройке.

Главы деревенских общин на севере состояли, как правило, в действительном либо мнимом родстве с членами общин и знатью. Главу обследованной Дж. Поттером деревни Чиенгмай ее жители и теперь именуют «чао най». «Сомнительно,— пишет исследователь,— чтобы он был аристократического рода, но важно, что и жители и он сам считают, что это так» [68, с. 60].

В деревнях малайского юга светскими и духовными главами деревенских коллективов выступали имамы.

Главы деревенских общин были най, они пользовались большим уважением и престижем, разрешали споры и тяжбы между жителями, а также посредничали в их делах, являлись их представителями во внешнем мире, выступая как символ деревенского коллектива, его сплоченности [72, с. 6]. Их особенно уважали за образование и воспитание, которое они получали в деревенском вате. Семьи глав деревенских общин, их окружение из лиц, которым оказывалось покровительство, лиц, адоптированных в семью, были особенно многочисленны. У глав общин обрабатывалось много «полей»[4]. Однако верхи деревенских общин не стали организаторами сельскохозяйственного производства, хотя они и организовывали общественные работы в пользу общин, а в их хозяйствах скапливались значительные запасы риса, скота, земледельческого инвентаря. Воспроизводство земледельческого коллектива обеспечивала община, воплощавшая нерасчлененную структуру производительных сил. Имущественное неравенство не стало ведущим социальным отношением: накопление богатства не поощрялось морально-этическими установками буддизма, а накопленные богатства в силу религиозного долга подлежали перераспределению.

Положение высшего слоя деревенских общин в XIX в. было двойственным — крестьянским и в то же время эксплуататорским. Изменение на протяжении XVIII в. условий производства в центральном районе — повышение роли денег, сопровождавшееся ростом долговой кабалы, усилило эксплуататорский характер деревенской

верхушки на основе широко распространившейся продажи в кабалу младших членов крестьянских семей. «Рабы — основное богатство в домах,— отмечали европейцы, подразумевая под рабами попавших в долговую зависимость таи.— В некоторых домах от пяти до десяти, в других — от десяти до двадцати, в третьих — до сорока, пятидесяти и более» [65, т. 1, с. 234].

Долговые рабы составляли низший слой в тайских общинах, хотя они и пользовались государственной и семейной защитой: власть над ними хозяина — най —регулировалась многими постановлениями правителя [см. 160, с. 161]. Они имели право выкупа, но фактически, видимо, оставались в долговой кабале всю жизнь, продавая в кабалу и своих детей [39, т. 1, с. 192]. Если долговой раб брал у хозяина новую ссуду, а также в случае порчи инвентаря или какой-либо вещи, их стоимость прибавлялась к первоначальной сумме долга, и в ряде случаев последняя достигала 400 тикалей. На полученную в долг сумму начислялось 30% годовых [39, т. 1, с. 192, 195]. Хозяин обязан был содержать своих долговых рабов, предоставляя им в пищу рис и соленую рыбу, но одежду они добывали сами [39, т. 1, с. 192]. Хозяин мог использовать должника как замену, направив его выполнять государственные работы или в войско во время военных действий.

Стремительный в первой половине XIX в. рост долговой кабалы, наметившееся еще в XVIII в. ухудшение положения земледельцев в центральном рисоводческом районе следует ассоциировать с воздействием на последние капитала. На таиландское земледельческое общество воздействовали отсталые формы капитала. Тем не менее их влияние в XIX в. подрывало в центральном районе Таиланда концепции «разделенной бедности»: стало ощущаться перераспределение трудовых ресурсов деревни, но преимущественно в интересах традиционной, ведшей потребительское хозяйство деревенской верхушки, а также того привилегированного слоя господствующего класса, который стал обладателем денег и земли: патронажные связи вне деревни устанавливались по преимуществу с этим слоем.

Поземельные отношения

Социальная стратификация таиландского общества к концу XIX в. выступала как иерархическая. На севере сохранялось наследственное сословное деление. В околостоличном районе стали возникать буржуазные отношения. Но ни одна из социальных общностей не могла ни изменить социального порядка в свою пользу, ни установить свой полный контроль над другими, поскольку не располагала в системе собственности и власти доминирующими позициями. Неопределенность в положении социальных групп закреплялась неразвитостью поземельных отношений и методов и форм эксплуатации. Один тип поземельных отношений — «верховная собственность на землю государства» — отражал бо́льшую по сравнению с земледельческими общинами зрелость вещного права на

труд и средства производства, государство в виде централизованной ренты-налога присваивало прибавочный продукт и неоплаченный труд земледельческого населения; второй тип поземельных отношений отражал наличие широкой области феодально-кланового землевладения и частнособственнической ренты с земли; третий тип — присвоение земли частными собственниками-абсентеистами в целях ее хозяйственного использования ради получения прибыли.

Наличие частной земельной собственности у предпринимателей-китайцев — больших плантаций сахарного тростника, о которых пишет Дж. Боуринг [39, т. 1, с. 203], не было связано ни с дарениями земли государством, ни тем более с частным феодальным землевладением,— это как бы особый путь эволюции форм собственности[5]. Земледельческое производство в районе Бангкока отчасти было ориентировано на рынок. Изменениям целей производства соответствовал и характер земельной собственности: в районе Бангкок — Тонбури развивается, ограничивая земельный фонд государства, частная собственность на землю китайского торгового капитала.

Торговый капитал стал активнее проникать в производство, меняя свою общественную функцию. В центральном районе возникают мануфактурные предприятия по производству сахара. Именно здесь процесс социального расслоения деревни в первой половине XIX в. предстает перед нами в привычной форме торговца-мануфактуриста и его наемного работника (подробнее см. [156, с. 95—96, 120]). Социальное лицо их определялось взаимоотношениями друг с другом как капиталиста и рабочего. Но и богатый торговец-китаец искал защиты в ранге, включавшем его в бюрократическую иерархию. Положение богатого торговца-мануфактуриста из китайцев-иммигрантов в социальной структуре Таиланда первой половины XIX в. выражало основное противоречие эпохи: борьбу местных тенденций развития при наличии земледельческо-общинной системы ценностей и иерархичности социальной структуры против отношений равного партнерства, которые привносились капитализмом.

Внедрение торговца-мануфактуриста в земледельческое производство определялось задачами торговли, стремлением получить дополнительную прибыль. Путь все еще шел от торговли и ради нее к производству, а не наоборот, как у промышленного капитала. Купец, обладатель финансового капитала, занимал ведущее положение, которое укреплялось введенной в практику системой откупов. С введением откупов размер ренты-налога стал более точно соотноситься с рыночной конъюктурой. Земельная собственность, а также государственный долг в первой половине XIX в. стали важным источником роста торгово-ростовщического капитала, сохранявшего, однако, свою экономическую застойность как органическое свойство.

Новое и типологически отличное — социально-экономическое — содержание землевладения (приобретение земли как объекта хозяйственного использования в товарных целях, некоторая интенсификация земледелия) ограничивалось районом дельты Менама, где

стихийно действующий закон стоимости, а не общинное право начал воздействовать на распределение труда и средств производства. Но и этот район бюрократическая структура держала под своим контролем, рассматривая его как источник денежных поступлений, ограничивая там влияние новых отношений.

В старом земледельческом районе Аютия — Лопбури государство выступало распорядителем земельного фонда, обеспечивая землею сельское население, присваивая ренту-налог. Крестьянское землепользование в этом районе включало разный объем прав. Земля под домом, садом и огородом представляла наиболее прочное владение. Земля орошенная и освоенная закреплялась за тем, кто эти работы произвел. Пахотные земли, если они не возделывались в течение установленного срока, переходили к государству. Владельческие права крестьян на землю зависели от выполнения на государство принудительных работ и уплаты налогов. Запись в государственном кроме владельческих прав на участок повышала права на землю внесенного в реестр земледельца: эту землю у крестьянина никто не мог отнять, она находилась под защитой государства. Постепенно стирались различия в правах на землю исконных деревень и деревень выведенного и расселенного населения (практика вывода населения сохранялась до середины XIX в.). В земельном праве, складывавшемся с XV в. в условиях господства естественных условий производства, под влиянием товарно-денежных отношений с XVII в. получили ограниченное распространение продажа и заклад земли (несмотря на наложенный государством запрет на сделки с землей) [297а, с. 110].

Отдельные представители таиландской знати могли получать титул на владение землей как результат дара правителя. Но, как правило, такие участки были невелики по размерам. Вот пример отношения тайской знати к недвижимому имуществу: король Чулалонгкорн в 70-е годы XIX в. предложил знатному лицу высокого ранга прайя занять вне пределов столицы участок земли любой площади. Последний занял участок в 2 рая (1 рай = 0,16 га), мотивируя свою скромность тем, что ему нечего делать с землей, которая все равно зарастет лесом [257, с. 119]. Правда, из источников XVII в. известны факты наделения знатных лиц целинной землей на условиях ее заселения «несвободными» и хозяйственного освоения. Но возникавшее подобным путем крупное землевладение не было устойчиво и легко переходило к государству. Соответственно в движимом и недвижимом имуществе господствующего класса наиболее ценную часть вплоть до XIX в. составляли не земельные владения с «рабами», а денежные средства, изделия из драгоценных камней. Основным источником денежных богатств были не доходы от эксплуатации земельных владений, а выдачи казны[6], участие в торговле, в ряде случаев военная добыча.

Столь же неустойчивой формой крупного землевладения было и монастырское. Крупнейшие буддийские ваты получали землю в качестве дара от правителя и высших сановников государства: считалось, что дарение земли вату увеличивает религиозную заслугу

дарителя. Но и эта форма крупного землевладения оставалась традиционной, подчинявшейся религиозным нормам права, по существу, она оставалась государственной, могла она быть превращена также и в общинное владение. В районе бывшей Аютии королевские буддийские монастыри частью были разрушены, частью заброшены (на 2138 раях было 543 монастыря), а их земли в XIX в. освоены на скваттерских правах свободными земледельцами [263, с. 207]. Пожертвования земли с крестьянами монастырям продолжались при династии Чакри, но земли и население не получали льгот. Три месяца в году земледельцы обязаны были работать для нужд монастыря кроме обычной шестимесячной работы на государство.

В XIX в. появляется новая форма монастырского землевладения — дхарани сангха. Эти земли были свободны от налогов на фруктовые сады и огороды, они освобождались и от уплаты ренты монастырю, поскольку работа на монастырь по уборке территории рассматривалась как приносящая религиозную заслугу, что ставилось выше ренты. Государство стало поощрять использование земли дхарани сангха монастырями в целях получения денежных доходов [263, с. 204—206], назначать в ваты контролеров — маханаяка — из среды знати или торгового класса, часто китайцев, чтобы поднять доходы монастырей. Черты сеньориальных отношений не были присущи ни этой форме землевладения, ни описанной выше форме землевладения столичной знати: и та и другая были способом повышения дохода в рамках бюрократической иерархической структуры перераспределения доходов, отражая рост эксплуатации, а не развитие производства.

Таиландские и американские исследователи, работающие с местными хрониками и материалами полевых обследований, констатируют усиление с начала XIX в. внимания к земле со стороны той части правящей группы, которая была связана происхождением с торговыми интересами (семья Буннак). Изучение истории заселения района деревни Банг Чан по берегам канала к востоку от Бангкока помогло установить, что участок площадью в 2 тыс. раев был передан Рамой III знатному лицу (согласно предположению, из семьи Буннак) [74, с. 39]. На этом земельном участке его владелец выстроил дом, использовав труд военнопленных мусульман. Те же военнопленные, а также лао, выведенные из Вьентьяна, основали здесь деревни. Выделенные им крохотные участки рассматривались как полученные в аренду, но были обложены налогом в пользу государства. Поземельная зависимость земледельцев осложнялась кабальной зависимостью, возникшей в результате получения ссуд деньгами, семенами, орудиями труда, скотом [74, с. 58, 67—68].

В странах Юго-Восточной Азии представления о землевладельце-абсентеисте издревле связывались с осуществлением работ по искусственному орошению: таким собственником земли мог быть царь или храм, крупный клан или князь. В околостоличном районе в начале XIX в. работы по строительству оросительных каналов вело государство, следовательно, оно и было собственником земли по их берегам. Эти земли, очевидно, могла приобретать у государства

близкая к правителю столичная знать, положившая начало помещичьему абсентеистскому землевладению [7].

В XIXв. размер централизованной ренты-налога, взимавшейся с крестьян исконных земледельческих провинций и распределявшейся в пределах бюрократической иерархии под контролем государства, заметно возрос и стал поглощать значительную часть крестьянского урожая, создавая условия для участия чиновников и государства в прибыльной торговле рисом. По объему и стоимости рис выдвинулся на первое место в экспортной торговле страны [39, т. 1, с. 253].

Однако в условиях товарного производства архаичная система эксплуатации не обеспечивала извлечения из крестьянского хозяйства всего прибавочного продукта, который к тому же был по объему невелик. В той мере, в какой феодальные доходы реализовались как товар, стоимостное их выражение в XIX в. непрерывно сокращалось. С целью приостановить этот процесс принимались различные меры. Одной из них были войны (особенно при Раме III) за расширение границ государства, включение в эксплуатацию «центром» районов феодально-кланового землевладения.

К середине XIX в. население присоединенных районов почти вдвое превосходило население центральной равнины. После войны 1828 г. с Вьентьяном на северо-востоке (к востоку от г. Накхонраджасимы) под власть Бангкока попали хуамыанги Сисакет, Убон, Ясотон, Конкен, Суваннабхум и Каласим [312, с. 22].

По словам исследователя северо-востока Ч. Кейеса, хуамыанги представляли «небольшие княжества с одним важным центром и подчиненными ему деревнями или другими центрами» [230, с. 67]. Есть основания предполагать, что мыанги в Лаосе и на северо-востоке Таиланда имели монархическую организацию [230, с. 15]. Глава хуамыанга — чао обладал верховной властью над территорией, а младшие члены семьи получали небольшие «кормления» по его усмотрению. Глава хуамыанга собирал налоги и производил мобилизацию населения на общественные работы и в войско [55, с. 51]. По-видимому, плоскогорье Корат заселяли независимые землевладельческие общины, осваивавшие целинные земли, восстанавливавшие оросительные водоемы и лишь постепенно подпадавшие под власть глав крупных клановых союзов — чао мыангов, которые приобретали все больше пра́в на «кормления», становясь должностными лицами Бассака или Вьентьяна, а с XVIII в.— Бангкока.

На плоскогорье Корат мыанги были сильно разбросаны. Ясно обозначалась тенденция к собиранию родственных семей под властью крупных чао мыангов. Однако государственная власть в Бангкоке после поражения чао Вьентьяна в 1828 г., используя враждебные отношения чао мыангов между собой, поставила под строгий контроль землевладение клановых союзов северо-востока. Переселение чао с их народом в район Кората, а также вывод земледельческого населения из старых мыангов и основание новых могли совершаться только с согласия двора в Бангкоке, следившего за ростом населения и расселявшего разросшиеся мыанги [55, с. 49—51]. В первые десятилетия XIX в. заметно возросла численность населения в районах

Кората к востоку от Накхонраджасимы, что связано с колонизаторской политикой правителей Бангкока. Они не только поощряли заселение восточных районов Кората, но при благоприятных обстоятельствах понуждали общины лао к переселению на правобережье Меконга. В 1836 г. в процессе подавления восстания лаосских общин в провинции Кхаммыанг (в совр. Лаосе) военачальники из Бангкока переселили двух чао и их прай на территорию мыанга Каласим. Современный Кантаравичай ведет происхождение от этих общин лао, насчитывавших в год переселения 2859 человек [55, с. 48].

Американский исследователь Кейес, значительно углубивший свои изыскания в 70-е годы, тем не менее и в работах последних лет пытается характеризовать мыанги северо-востока как «домены», а чао мыангов именует «лордами», делая при этом важную оговорку: «Однако лорды не были собственниками земли в своих доменах, а управляли теми, кто жил на этой земле. Право собственности было связано с системой родства крестьянства» [55, с. 51]. Это означало, что землевладение таких чао мыангов было клановым: земля в десятках рядом лежавших деревень принадлежала членам одной патронимической группы.

Доходы крупных чао мыангов, например Бассака и Убона, не могли превышать установленной Бангкоком нормы, выражавшейся в определенном числе приписанных к ним крестьян с их земельными наделами. Крупнейшим мыангом, контролировавшим 12 мелких мыангов, становится к середине XIX в. Убон: землевладение чао мыанга здесь равнялось наделам 60 тыс. податных крестьян. Из них 40 тыс. было занесено во «внутренние» списки — ренту-налог с них чао мыанга обязан был ежегодно отправлять в Бангкок [187, с. 28]; рента состояла из натуральных (эквивалентных 20 тыс. тикалей, или 50 катти серебром) поставок редких продуктов или из денежных выплат, заменявших государственную барщину [37, т. 1, с. 108]. С крестьян, занесенных во «внешние» списки,— их число составляло 20 тыс.— рента шла непосредственно чао мыанга. Посредниками между податными общинами и верховными рентополучателями выступали мелкие чао, «кормившиеся» в своих общинах. Крупные чао, естественно, стремились поднять ренту; мелкие чао могли менять покровителя. Например, мыанг Чеам на северо-востоке подчинялся Бассаку, чао которого получал с чао мыанга Чеам ренту, равную 9 катти серебром. Этот последний, встав под покровительство чао Кхемарата, стал уплачивать ему ренту, равную 8 катти серебром, а затем перешел под покровительство чао Убона, которому платил ренту, эквивалентную всего лишь 7 катти серебром за 4 года [37, т. 1, с. 160]. Эта борьба за перераспределение доходов привела к усилению «центра» против «периферии».

Добавление к существовавшему в районе Аютии — Лопбури государственному землевладению кланового землевладения крупнейших чао мыангов северо-востока расширило районы государственного землевладения, создав возможности для более гибкого использования имевшихся в распоряжении господствующего класса ресурсов. Мыанги северо-востока стали для богатых людей и правящей

знати в Бангкоке важным источником рентных поступлений. Один только Бассак, расположенный на левобережье Меконга и после разгрома Вьентьяна превращенный в зависимый от Таиланда хуамыанг, ежегодно поставлял ценные продукты, по стоимости равные 100 катти серебром, а также выплачивал выкуп по государственной барщине —4 тикаля в год с каждого, занесенного в реестр [304, с. 87].

В XIX в. под властью Таиланда оказались также пять мыангов севера — Чиенгмай, Лампанг, Лампхун, Пре и Нан, на Малаккском полуострове — султанаты Кедах, Паттани, Келантан, Тренгану. В этих областях сохранялось феодально-клановое землевладение, слабо подчиненное Бангкоку, хотя он и пытался внести нужные ему изменения в традиционные аграрные отношения. Начавшиеся еще в XVII в. попытки изменить существовавшие здесь формы землевладения, включить их в государственную структуру наталкивались на устойчивость кланов. Чао на севере продолжали оставаться «господами над жизнью и смертью своих подданных» [62, с. 68], верховными владетелями земли — чао пен дин.

Еще МакДжильвари, впервые посетивший мыанг Чиенгмай в 1863 г., а затем проведший на севере 25 лет в качестве миссионера, испытывал затруднения в подыскании термина для обозначения реального статуса правителя Чиенгмая. Он остановился в своих поисках на западноевропейской терминологии, сославшись на словарь Murrey: «правитель княжества или небольшого государства» [62, с. 68]. В действительности, мыанги и в XIX в. не были княжествами, чао остались вождями, сохранилась их харизматическая роль. Чао мыангов, разрабатывая во второй половине XIX в. «рисовую стратегию» с целью увеличения доходов, смогли перейти к организации сравнительно крупного производства на своих землях — на луанг. Льготами к их расширению было привлечено земледельческое население. На остальной территории государства, кроме околостоличного района, государственная форма извлечения рентыналога не была результатом развития крупного феодального производства. Представитель бюрократической иерархии был скорее «рантье», обретший право на свою часть в централизованной ренте-налоге.

Формирование класса крестьянства

В таиландском обществе в XIX в. проблему формирования класса крестьянства следует рассматривать, как и в других странах Индокитая, с учетом модели пространственной организации общества, т. е. в плане противопоставления «центр» — «периферия», а также «свой» — «чужой», свободный — несвободный. Крестьянство — основной эксплуатируемый класс — состояло из социального слоя лично несвободных и лично свободных (прай бан) земледельцев, которых разделяла непроходимая пропасть. Слой лично несвободных разделялся на ряд категорий.

Как было показано выше, процесс общественной эволюции шел

из«центра» к «периферии» экстенсивным путем: под власть «центра» были поставлены не равномерно феодализировавшиеся области, поскольку таиландское средневековое общество не знало периода феодальной раздробленности, а разнохарактерные социальные организмы с присущими их структуре прочными, трудно расторжимыми родственными связями между непосредственным производителем и знатью и столь же трудно расторжимыми связями непосредственного производителя с землей.

Именно земледельческое и промыслово-охотничье иноэтническое население периферийных областей трансформировалось еще в период средневековья в один из наиболее ранних по времени возникновения слоев класса феодально-зависимых непосредственных производителей таиландского общества. Хотя само это население еще находилось в рамках архаичных производственных отношений, в таиландском обществе оно представляло слой непосредственных производителей, находившийся в зависимости от господствующего класса Аютии. Пережив к XIX в. значительную эволюцию в государстве Аютия, этот слой по своему социальному положению оставался значительно ниже других социальных групп земледельцев, что подчеркивалось и терминологически: слово «прай суэй» (барщинообязанный) имело презрительный смысл. В ряде районов государства, например на северо-востоке, этот слой обязан был давать столице страны Бангкоку значительную часть рентных платежей.

Была и еще одна категория земледельческого населения, именовавшаяся «рабы» — кха («чужие»). Это были кха пхра — монастырские рабы, т. е. военнопленные и похищенные члены горных племен, переданные буддийским ватам. К XIX в. они стали лек ват. Зависимость их от вата не носила частноправового характера, хотя они были освобождены от государственных работ и налогов и на них лежали повинности исключительно по отношению к вату и монахам. Тем не менее они оставались частью государственной барщинной системы. Такие лек ват имелись лишь в больших ватах, находившихся под патронатом правителя [229, с. 116; 263, с. 199]. Кха из военнопленных и из похищенных членов горных племен иногда селились государством на его земле, частично правитель передавал их представителям столичной знати для ее обслуживания [74, с. 39—40].

Социальные грани между категорией «кха», «прай суэй», с одной стороны, и «прай бан» — свободными земледельцами — с другой, ощущались и в праве, и в реальной жизни, и очень остро в сознании людей того времени. Разграничение сельского населения все еще шло по линии сохранения свободы — тхай или утраты ее — кха [74, с. 58].

Несвободные — кха, прай сом [8] и тхат — проданные за полную стоимость свободные — отличались от свободных объемом прав и обязанностей. Государство наделяло несвободных землей. Наделы составляли 1 рай земли на человека по сравнению с 3—5 раями, на которые имел право свободный [74, с. 67]. Хозяин мог продать несвободного или распорядиться им другим способом, мог наказывать его. Несвободные, если они сажались на землю, были прикреплены к ней и к месту обитания: права передвижения из мыанга в мы-

анг они не имели. В начале XIX в. несвободным из числа военнопленных было предоставлено право выкупа. Посаженные на землю знати несвободные обязаны были платить поземельный налог в сумме 4 батов в год, но обычно его вносил за них хозяин. Несвободные включались в иерархическую структуру общества — их сактина было пять, ниже их располагались лишь вьючные животные.

Свободные — тхай — с точки зрения их дееспособности были полноправными. В социальной иерархии свободное земледельческое население деревень — прай бан — занимало сравнительно высокое положение. Сактина неженатого земледельца было 15, имевшего семью —25. Прай бан имели право свободной заимки земли, которая подлежала регистрации в государственном кроме, где земледельцу выдавался документ — чанот с указанием размера подлежащего уплате налога — кха на. Кроме того, прай бан обязаны были выполнять работы на государство (та ратчакан) в виде трудовой и воинской повинности. Средневековое общество в период Аютии было организовано по военному принципу, и все взрослые мужчины в возрасте 21—60 лет включались в отряды — му. Последние строились «по крови»: первый, третий и т. д. ребенок мужского пола в крестьянской семье включался в му с материнской стороны, второй, четвертый — в му отца. Если отец был выходцем из другой деревни, один ребенок приписывался к му в деревне отца, другой — к му в деревне матери. За приписку к му ответственность возлагалась на глав му — чао му, глав подгрупп — муннай и писцов — самуха банчай.

Целью государственной политики и законодательства было закрепление обязанностей за группами земледельцев, деление свободных на неподатных (знать) и тяглых (крестьяне). Взимание поземельного налога и привлечение к трудовой повинности сельского населения были прерогативой правителя, условием существования государства. Правитель выступал как владетель земли, обязанный наделять ею всех жителей государства и заботиться о ее сохранности, как и о сохранности жизни земледельцев, их безопасности. В соответствии с законом о спорах по поводу земли (1360 г.), сохранявшим свою силу до XIX в., правитель «разрешал» подданным — кха пен дин — пользоваться землей. Пользование обусловливалось трудовым принципом: земля, не обрабатываемая в течение года, возвращалась государству (указ 1748 г.) [297а, с. 108].

Налоги и повинности тяжелым бременем ложились на земледельцев. Чтобы облегчить себе выполнение повинностей, земледельческое население стремилось заручиться покровительством должностных лиц, вступало в отношения патронажной зависимости. Процедура установления покровительства называлась «фак тыа» — «передача себя» [257, с. 94]. Такая форма зависимости не вела к утрате свободы и переходу в крепостное состояние. В отношения зависимости вступали переселявшиеся в Таиланд общины и семьи. Свободное население наряду с правом освоения целинной земли могло получить право на поселение на земле знатного лица или королевского вата [263, с. 203]. Через най — покровителя семьи — освоенная или по-

лученная земля регистрировалась в государственном кроме [257, с. 86].

На протяжении XVIII в. произошли важные изменения в налоговой политике государства: налоговый документ — чанот, который не был титулом на владение землей, постепенно приобретал его черты; в чанот стало заноситься место жительства лица, занявшего землю, определялось качество земли, время ее заимки, размеры и границы поля [297а, с. 114]. Подобной политикой государство стремилось учесть земельный фонд и поднять свои доходы, не желая, однако, укрепить права крестьян на землю. Тем не менее эта политика открыла возможности для становления частной земельной собственности в околостоличном районе, но, естественно, не могла подготовить развитие мелкой крестьянской собственности в масштабах государства.

Социально-экономические процессы, шедшие в таиландском обществе после падения в 1767 г. Аютии, не изменили системы присвоения государством неоплаченного труда земледельцев, восходившей к общинным повинностям. По мере развития товарно-денежных отношений на неоплаченный труд земледельческого населения стали претендовать различные группы господствующего класса. Должностные лица, ведавшие регистрацией земледельческого населения, под различными предлогами старались утаить от регистрации физически здоровых крестьян. При Пья Таксине было введено обязательное маркирование (сак лек) [9] всего трудоспособного населения. Однако быстрое сокращение числа занесенных в государственные реестры земледельческого населения продолжалось и в первой половине XIX в. Указом 1810 г. сроки работ были сокращены с шести до трех месяцев в году. На общественных работах вместо неоплаченного труда крестьян стали прибегать к использованию труда китайских кули. Стремясь вернуть крестьян, перешедших под покровительство крупных сановников, которые выдавали беглых крестьян за купленных, государство обещало не наказывать тех земледельцев, которые добровольно вернутся в свои му. Были обещаны награды лицам, которые укажут на беглого [297а, с. 116]. Эти меры, объявленные в указах первой половины XIX в., были нацелены на прикрепление земледельца к государственному тяглу. Попытки государства стабилизировать число прай луанг не были безуспешными. И дело, видимо, было не столько в курсе государства на прикрепление земледельцев к тяглу, сколько в облегчении последнего.

Централизованная рента-налог (дань с «периферии», государственные налоги и повинности) взималась с земледельцев при помощи внеэкономического принуждения и находилась под известным контролем центральной власти через систему сактина. Ввиду отсутствия в Таиланде домениально-вотчинного хозяйства и частновладельческих средств принуждения изъятие ренты-налога совершалось через государственные органы.

Помимо установленных государством форм и методов эксплуатации сохранялся патронажный способ распределения прибавочного труда и продукта в форме подарков, которые прай подносили своим

най. По замечанию Акин Рабибхадана, «знать жила на подарки своих прай» [258, с. 122]. Согласно наблюдениям католического миссионера Паллегуа, дарения были источником большого влияния най [65, т. 1, с. 296]. Последние получали подарки рисом, фруктами, овощами, рыбой, причем размеры их регулировались обычаем. Назначая должностное лицо, особенно высокого ранга, правитель в документ о назначении включал приказ «не угнетать прай». Но более действенной мерой, ограничивавшей произвол най, был традиционный порядок, уходивший корнями в обычное право и санкционированный Милиндапаньхой, по которому прай бан могли менять своих най, если последние обременяли их непосильными поборами [139, с. 79—81].

В первой половине XIX в. система традиционной эксплуатации, основанная на натуральных поборах, меняется: налог принимает денежную форму [10], поскольку это отвечало требованиям товарного производства. Но этот процесс дал выход на рынок не крестьянскому хозяйству, а столичной знати. Патронов земледельцы стали выбирать из крома, связанного с внешней торговлей. В центральных районах предпочтение оказывалось денежному выкупу государственных работ: он становится подушным обложением[11].

В первой половине XIX в. получает распространение такая форма изъятия у земледельческого населения налогов и податей, поступавших в денежной форме, как откупа. Откупщики вносили в казну установленную сумму налогов, которую затем старались возместить с избытком за счет эксплуатации народа [39, т. 1, с. 226—227]. «Трудно представить,— писал в своем дневнике Паллегуа,— сколько злоупотреблений, притеснений, несчастий влекут за собой откупа для бедных людей из-за неограниченной власти, которую правитель дает откупщикам» [65, т. 1, с. 305]. И хотя эта система подрывала экономику в самых развитых районах государства, она сохранялась до финансовых реформ 90-х годов XIX в. Откупщиками были китайские торговцы-предприниматели, устанавливавшие связи с государством. Система откупов стабилизировала государственные доходы и давала возможность продвинуть товарно-денежные отношения в отдаленные районы государства. Но это было показателем не социальных сдвигов, а укрепления и определенной модернизации традиционного механизма эксплуатации земледельческого населения. Единственным районом, где этот механизм действительно перестраивался на новый лад, был район дельты Менама.

В Таиланде с XVIII в. процесс выделения в крестьянстве различных имущественных групп вследствие дальнейшего общественного разделения труда, введения в сельскохозяйственное производство товарных культур происходил на базе китайской иммиграции. Развитие неземледельческих занятий крестьянства тормозилось обычной формой земельной ренты меньше, чем государственной барщиной, которую отбывали все земледельцы королевства. Из нее исключались лишь китайские иммигранты, платившие в казну поземельный налог и раз в три года подушную подать. Господствующий класс не сразу выработал способы ограничения самостоятельности этой

части крестьянства, и уже в начале XIX в. стало очевидным, что денежные платежи с земель, занятых под товарные культуры, намного превосходят денежные поступления с рисовых полей тайских крестьян [156, с. 116], что подчеркивало экономическую нецелесообразность государственной барщины. Последняя захватывала значительную часть необходимого времени крестьянина и препятствовала развитию неземледельческих занятий, игравших значительную роль в росте товарно-денежных отношений и улучшении материального положения крестьянства, в развитии производительных сил. Китайская иммиграция и связанный с нею подъем товарного сельскохозяйственного производства раздвинули границы товарно-денежных отношений. Земледельческие деревни и общины дельты Менама и центра постепенно приспосабливались к денежным отношениям. Прибавочный продукт у каждой из общин был незначителен и неустойчив, но при многочисленности деревень прибавочный продукт оказывался достаточным для поддержания довольно устойчивой торговли рисом с Китаем.

Активизация рисоторговли и распространение на центральный земледельческий район товарно-денежных отношений имело два важнейших следствия с точки зрения эволюции социальных отношений в XIX в.: трансформацию зависимости «най — прай» и быстрое возрастание к середине XIX в. категории крестьян-должников, взявших денежные ссуды у ростовщиков. По данным, содержащимся в записках Паллегуа, эта категория крестьянства в XIX в. составляла около четверти земледельческого населения [65, т. 1, с. 235].

Новые экономические и социальные явления, связанные с ростом международной торговли, притоком китайских эмигрантов, переводом ряда налогов в районе дельты и центра в денежную форму, нашли союзника в обычном праве, разрешавшем прай менять най. Государство не смогло спасти прежнюю структуру, препятствуя росту новых социальных отношений: должник становился зависимым от фактического кредитора, т. е. владельца денежного капитала и земли, а не от формального патрона — должностного лица государства.

Социально-экономический переворот, захвативший три первые четверти XIX в., принял форму конфликта внутри господствующего класса, но не сказался на государственной политике в целом в отношении земледельческого населения. В ходе составления в начале XIX в. свода законов[12] государство ясно показало заинтересованность в подданных, уплачивающих налоги государству и выполняющих свои обязанности перед ним. Другой стороной его политики было стремление воспрепятствовать развитию процесса становления частновладельческого крестьянства[13].

Прай луанг и в XIX в. были свободными людьми, резко отличающимися от несвободных. Четкая социальная грань проходила не столько между прай и господствующим классом, сколько между лишенными свободы и права на свободное занятие земли несвободными, изгоями и широким слоем земледельцев-общинников, сохранявших землю, свободу и целый ряд прав. Отношения патро-

нажной зависимости между прай и най легко расторгались. В ходе длительного преобразования социального строя таи складывались более четкие представления о недвижимости. И все же участок обрабатываемой земли — рисовое поле (на) — не превратился в свободно отчуждаемую индивидуально-семейную собственность. Земля не отчуждалась даже в районе Бангкока [74, с. 58]. Процесс складывания класса феодально-зависимого крестьянства в Таиланде не получил завершения.

Для таиландского земледельческого населения первой половины XIX в. оставались характерными архаичные группы сельского населения при незавершенности феодализации основного слоя — прай бан, а также преимущественно крестьянский характер общинного землевладения, своеобразные формы социального расслоения деревни. До XIX в. сохранился от раннего средневековья принцип, по которому члены одной и той же семьи имели различный социальный и правовой статус. Отношения родства, этническая общность оставались шире понятия «крестьянство». Не шел процесс «внутренней феодализации» общины, на основе которого только и возможно развитие феодальных отношений в деревне, не было вотчины как системообразующего элемента феодализма. Начавшийся в средневековье процесс становления в общинах промежуточных групп сельского населения — кун, входивших как эксплуататорские группы в состав низших слоев формировавшегося господствующего класса, не создал условий, при которых феодальные собственники только и могли укорениться в свободной деревне. На протяжении средневековья и нового времени этот эксплуататорский слой, который составляли главы общин и семей с сактина от 25 до 400, связанный с земледельческим производством, по своему положению в обществе оставался крестьянским, он не освобождался от маркирования, если только на этот счет не было особого разрешения правителя, а следовательно и от обязанности выполнять государственные работы. Расплывчатость этого слоя вызывала нечеткость социального деления, неясность грани между крестьянством и господствующим классом в социальной структуре общества. Неопределенной была и пронизывавшая все таиландское общество иерархия отношений «пху яй — пху ной» — «старший — младший», где «старшими» считались люди не только по возрасту, но и по положению в семье, в общине, представители политической и религиозной власти. Пху яй в деревне — это отцы и матери. Младшие — это лунг лээн — молодое поколение [68, с. 191]. Повсеместное господство общинной геронтократии соединялось с неизжитой этнической замкнутостью; сохранялась иерархичность этнополитического сознания земледельческих общин.

Сказывался на формировании класса крестьянства и демографический фактор. Медленные темпы роста населения, необходимость поддержания непрерывности существования земледельческой общины сдерживали процессы классообразования. Выводимое во время войн население, расселявшееся на территории государства как социально неполноправное, со временем включалось в состав де-

ревень и общин. Важным явлением было расширение в XIX в. заклада свободы. Несмотря на известную унификацию форм зависимости, в Таиланде и в XIX в. не было единого класса мелких держателей, находившихся в разной степени поземельной, личной и судебной зависимости от феодала, как было характерно для стран классического пути развития феодализма.

В литературе высказывались разные точки зрения по вопросу о том, где проходит линия раздела между феодалами и крестьянством в таиландском обществе. В предыдущей работе [160] мы провели такую линию через верхний слой общины, сознавая, что это весьма условно. По мнению американского исследователя Л. Хенкса, наиболее четкой социальной границей в тайском обществе была та, которая отделяла рабов от остального населения, т. е. лишенных земли несвободных от того слоя, который полноправно владел землей [213, с. 1250]. Я. В. Чеснов обратил внимание на то, что у крупных равнинных народов в период развития «классовых феодальных государств» усиливается эксплуатация горцев; «положение многих из них,— пишет он,— можно сравнить с положением крестьянства в феодально-крепостной зависимости» [177, с. 89]. По нашему мнению, эти точки зрения не исключают, а дополняют друг друга; нижними социальными слоями иерархии были: слой, лишенный личной свободы (рабы), горные народности, а также многочисленные общины и кланы «периферии». Социальные противоречия в рамках иерархической социальной структуры развивались между верхними и нижними слоями, при этом мелкая знать «периферии», связанная естественными узами со своими общинами и кланами, выступала как часть «нижних этажей» иерархии, а господствующими социальными слоями «центра» были как господствующий класс, так и земледельческое население, связанное с ним в рамках социальной категории «свободных».

В последние годы к проблеме критериев, с помощью которых возможно определение социальной общности крестьянства, наметился более широкий подход. Из-за невозможности определить крестьянство как класс-сословие по социально-экономическим и сословно-правовым характеристикам вводятся такие категории, как развитие семьи, укрепление кровнородственных связей в обществе, формирование деревенской общины, распространение мировых религий, появление иконографии и дидактической литературы, отвечавших мировоззрению крестьянства. Формирование класса крестьянства оказало влияние на форму политической власти — деспотия сменяется авторитарной формой правления, а незавершенность процесса формирования класса крестьянства, его аморфность как социальной общности сказались на структуре господствующего класса.

Менее расплывчато выглядело социальное деление на севере — в Чиенгмае. Как видно из данных социологических обследований, четкая сословная грань отделяла крестьян от знати и в то же время не было непроходимой пропасти между крестьянином и несвободным. «Военнопленные, с которыми обращались, как с рабами, укрепляли общины,— писал о северных землях английский инженер

С. Холт-Халлет, побывавший там в 80-е годы XIX в. — Потомки рабов вливались в состав крепостных» [49, с. 131]. Представление Холт-Халлета о крепостном состоянии крестьян северных мыангов основано на том, что на вопрос: «чей ты?» крестьянин отвечал: «я — человек такого-то чао». Фактически же и на севере не было прикрепления крестьянина к личности феодала. Брак на севере, как и повсюду на территории Таиланда, был матрилокален, следовательно, муж, переходя в деревню жены, автоматически менял чао. Отношения родства смягчали и поземельную зависимость: и в XIX в. сохранялась свободная заимка земли, родственные связи внутри всего земледельческого коллектива [44а, с. 105—106; 212а, с. 143]. И в то же время поземельные отношения были частью эксплуататорских производственных отношений, ставивших крестьян в зависимость от чао луанга и мелких чао. Все земледельцы мыанга выполняли барщину: трудились на строительстве ирригационных каналов и на полях чао луанга. Частные поля прай назывались «на кхын», но и с них чао шел налог. Порядок был такой: один урожай (август—декабрь) целиком шел земледельцу, другой урожай (апрель—август) делился. Одна треть его (налог) шла чао луангу, причем часть этого налога оставлял себе чао, имевший «кормление», т. е. управлявший данной деревней [187а, с. 83—84; 269а, с. 73—89]. Социальное верховенство и власть над территорией на севере подкреплялись поземельной зависимостью прай от чао, что и было основой более четкого социального деления феодализирующегося общества северных мыангов.

Изменение социального состава господствующего класса

Господствующий класс Таиланда, как совокупность эксплуататоров, включал весь социальный слой, обозначавшийся словом «най». Таким образом, современники давали широкое определение господствующему классу. Размытость нижней границы этого класса была следствием сохранения в социальной структуре в качестве основной производственной ячейки неразделенных семей. Каждый из их членов-мужчин мог рассчитывать со временем стать главой семьи, деревни, создать «окружение».

Исключительную роль в формировании господствующего класса сыграл правящий слой: этот класс складывался в ходе взаимодействия правящего слоя с различными эксплуататорскими слоями, не однородными с точки зрения отношений к средствам производства, места в производственном процессе и размеров присваиваемого общественного богатства. Правящий слой включал обширную семью правителя — замкнутый слой, исключавший социальную мобильность (его титулатура передавалась по наследству), и открытый слой — столичную знать, входившую в большую группу служилой знати — куннанг. Хотя титулатура и ранги последней не были наследственными, она выделялась из господствующего класса, но

не на основе сословно-правовых привилегий, а вследствие того, что выполняла особую роль — управленческо-административную.

С XVII в. можно отождествлять правящий слой с государственной службой, высоким социальным положением, приписываемыми ему исключительными моральными достоинствами. Он обеспечивался правовой защитой — сактина [187, с. 7]. Лицо, принадлежавшее к служилой знати — куннанг,— имело сактина выше 400, ранг, титул и почетное имя. Рангов было шесть: сомдет чао прайя (сактина — 30 тыс.), чао прайя (сактина 10 тыс.), прайя (сактина от 1 тыс. до 10 тыс.), пхра (сактина от 1 тыс. до 5 тыс.), луанг (сактина от 800 до 3 тыс.), кун (сактина от 200 до 1 тыс.) [257, с. 102—103]. Первые пять рангов могла иметь только знать [37, т. 1, с. 177]. Чтобы попасть в разряд знати, следовало прожить определенный срок в буддийском вате, получить там образование, после этого совершить обряд тхавайтыа — официального предложения себя правителю, выражавшегося в форме подношения цветов, свечей и ладана [257, с. 94—95].

Высший разряд знати составляли избранные столичные семьи — тракун, представители которых состояли в родстве с семьей правителя и занимали высшие должности в государстве. Семьи тракун были устойчивы, оставаясь в составе столичной знати с XVI до XVIII в. [257, с. 196— 206]. Но замыкание, консолидация, аристократизация правящего слоя в период поздней Аютии так и не получили завершения, хотя в официальной историографии — составлявшихся при дворе летописях «понгасавадан» — устанавливается с XVII в. интерес к династийной истории, к династийной законности в противовес буддийской мифологии: генеалогия правящей семьи стала возводиться ко временам Чиенгсена, т. е. к патриархальным тайским мыангам, а не к Будде и буддийским королям до Аютии [157, с. 97—99; 229, с. 55]. Только юноши из семей тракун имели право на поступление в махатлек при дворе правителя и принцев, где они обучались ведению государственных дел и откуда они направлялись на высшие столичные должности, а также на высокие посты в провинции, получая высшие титулы, ранги и сактина [257, с. 157]. Девушек посылали в гаремы правителя или принцев. Семьи меньшей степени знатности направляли сыновей работать в кромы или секретарями при дворах наместников, откуда они переходили на различные должности, получая низшие ранги и сактина [257, с. 157].

Традиция, а позднее и право закрепили устойчивые черты деятельности и поведения столичной знати. Эти нормы включали следующий обязательный эталон социального и культурного поведения членов семей тракун: а) хорошее знание военного дела и управления; б) сообразительность, образованность; в) высокие моральные качества; д) преданность правителю, усердие в деле, храбрость в бою, мудрость при разборе тяжб и в работе [257, с. 156].

Распределение социальных ролей закреплялось местом в иерархии, определявшим размер доходов и форму их получения, а также значением различных групп знати и духовенства в системе политической власти. Ниже знатных семей тракун стояли главы буддийской

общины. В отличие от знати они не пользовались правом на занятие должностей в системе управления; но высшие представители буддийской сангхи и брахманы входили в совещательный орган правителя как знатоки права и обычаев. Таким образом, из общей массы эксплуататоров — господствующего класса — выделялся узкий правящий слой, непосредственно связанный с отношениями господства и власти.

Остальная часть знати по мере ее подключения к государственной службе получала право на часть прибавочного продукта земледельца и осуществляла его через разнообразные каналы распределения, находившиеся под контролем государства. Социальное положение слоя служилой знати было определено законными привилегиями, рядом внешних атрибутов, системой феодального этикета, статусным языком. В число важнейших привилегий знати входило занятие должностей в управленческом аппарате. Только человек из знатной семьи имел право на управленческий пост и как должностное лицо мог пользоваться принудительным неоплаченным трудом земледельцев, который был главным образом государственной натуральной повинностью. Семьи куннанг не привлекались к выполнению государственных работ, они были освобождены от учета и маркирования. Эта привилегия распространялась и на потомков куннанг. Законы запрещали обращение потомков лиц, имевших сактина 400 и выше, в состояние прай. Только куннанг имели право присутствовать на аудиенциях правителя, а также выставлять вместо себя на судебном процессе своего зависимого [187, с. 9]. В соответствии с указом правителя 1810 г. куннанг имели право маркировать определенное число прай как своих секретарей. Знатное лицо всегда обязано было иметь при себе свои инсигнии, выезд без свиты был запрещен. Суровому наказанию подвергался тот, кто наносил оскорбление куннанг. В дом куннанг нельзя было войти в поисках укрывшихся беглых рабов. Важной привилегией, действовавшей до 1824 г., было освобождение рисовых полей, принадлежащих семьям куннанг, от налогов [257, с. 104].

Ведущим социальным отношением внутри правящего слоя и знати был патронаж, основанный на моральных обязательствах — бун кхун. Личная власть глав знатных семей распространялась на «окружение», которое у отдельных представителей столичных знатных кругов доходило до нескольких тысяч человек. Это были родственники — члены семейного клана, подчиненные должностные лица, прай луанг, которым оказывалось покровительство, торговые семьи, переселившиеся в Таиланд из других стран, несвободные, вставшие под покровительство данного знатного лица. Хотя основанные на бун кхун отношения связывали личностными связями покровительства лиц как различного, так и одного социального статуса, считалось, что знать находится в личной (клиентской) зависимости от одного лишь правителя. Прерогативой последнего было наказание или поощрение лица в звании куннанг. Если пху яй и пху ной оба были знатными, пху яй не имел права наказания или поощрения пху ной, состоящего под его покровительством [257, с. 95].

В таиландском обществе не было четкого разграничения функционального статуса знатных семей. Считалось, что правое, или южное, административное подразделение — кром калахом — имеет военные функции (поскольку правая рука в общественных представлениях соединялась с силой, мужеством, войной; правитель во дворце сидел лицом к востоку, поэтому правое подразделение оказалось южным). Гражданским считалось левое, или северное, административное подразделение — кром махаттай. Соответственно и знать, выполнявшая военно-управленческие функции по правому подразделению, считалась военной, по левому — гражданской. На практике, однако, эти функции знати имели смешанный характер с преобладанием военных функций[14].

Хотя доступ в состав знати регламентировался установленной правовой процедурой, а переход семей рангов кун, мун, пан в разряд куннанг совершался лишь в исключительных случаях [257, с. 156], ни господствующий класс в целом, ни составлявшие его социальные слои не были полностью закрытыми социальными категориями. Правда, социальная мобильность сдерживалась рядом правовых установлений, которые выработал правящий слой. «Предположение, что в традиционном Таиланде была высокая степень мобильности, по-видимому, действительно только для периода войн,— отмечал таиландский историк.— В мирное время мобильность по вертикали от положения прай до най была незначительной» [258, с. 107]. «Социальная мобильность.— отмечает американский исследователь Д. К. Вьятт,— фактически была исключением из правила, ограничиваясь узкими каналами личной верности и такими специальными институтами, как монашество, ремесла (имеются в виду высокопрестижные ремесла, например ювелирное.— *Н. Р.*), редкие профессии. Внутри каждого сегмента общества, особенно в правительственной службе и монашестве, мобильность могла быть и часто была совершенно поразительной» [315, с. 16]. К этим важным наблюдениям двух исследователей мы должны добавить, что в среде господствующего класса сохранялись принципы, присущие естественно-социальной общности: родственные связи — линеджи и расширенные семьи; оказание покровительства, а также усыновление малолетних из незнатных семей. Это открывало возможности для изменения социального состава правящего слоя за счет адопции им выходцев из торгово-ростовщических семей китайского происхождения. Будущий правитель Таиланда Пья Таксин (1767—1782) в детстве был принят в семью столичной знати, оказывавшую покровительство его семье китайского происхождения. Отбыв положенный срок в монастыре и пройдя церемонию представления правителю, он получил доступ в махатлек, что открыло ему путь к должности в провинциальном аппарате управления: он стал наместником в провинции Так [258, с. 10—15].

По мере развития денежного обращения в практику стала входить продажа государственных должностей, особенно в кроме пракланг, связанном с внешней торговлей и государственными финансами. К XVII в. штат крома пракланг занял особое место в составе

господствующего класса: богатство этого слоя состояло из денежных и имущественных накоплений.

Возникла новая форма и новое понятие богатства. Незнатные служилые лица, часто иноземцы, стали опорой правителей Аютии, искавших в тот сложный период путей к перестройке структуры господствующего класса и его ценностной ориентации. В столице Аютии в XVII в. появилось много образованных людей, специализировавшихся в той или иной отрасли управления. Правители Аютии, начиная с Нарая, ориентировались на этот новый слой, который, будучи предшественником бюрократии периода абсолютной монархии, уже в тот период в известной степени расширял ряды правящего слоя, диверсифицировал его. После «закрытия» страны для внешней торговли в XVIII в., в условиях усиления традиционно-бюрократических принципов организации господствующего класса, новый слой утрачивает свои позиции. Особенно драматичными были события 1733 г., связанные с борьбой за наследование власти, в ходе которых в столице Аютии были физически уничтожены лица из крома пракланг и связанные с ним семьи. Указ правителя Аютии 1740 г. узаконил замкнутость правящего слоя, введя порядок, по которому занимать должности в кромах и провинциях могли лишь потомки семей тракун, т. е. семей, представители которых в прошлом находились на важных государственных должностях. Покупка должности взяткой или иным путем стала рассматриваться как противозаконная [257, с. 155]. Но при Таксине слои, ориентировавшиеся не на совокупное распоряжение условиями производства, а на материальное богатство, возвращают себе свою роль, взяв на себя заботу о восстановлении независимости государства. По мере оживления внешней торговли вновь усиливается кром пракланг [285, с. 162—163]. Пья Таксин был ставленником слоев, связанных с торговлей и денежным богатством. Ценностная ориентация этих слоев была сродни национализму в противовес семейно-клановому сепаратизму и локальности; они выступали за политическую централизацию, против системы личностных связей, за накопительство, против расточительности, им были присущи буржуазно-меркантильные представления о богатстве, а не понятия о благополучии, покоящемся на буддийских представлениях.

Выступление в 1782 г. главы крома махаттай Прайя Чакри против Пья Таксина Д. К. Вьятт справедливо объясняет угрозой уничтожения последним традиционной элиты [314, с. 215], связывавшей свое господство с совокупным распоряжением условиями производства. Династия Чакри была как бы компромиссом между старыми и нарождающимися в составе господствующего класса социальными группами. Новая династия, хотя и возводила свое родство ко временам Аютии, отличалась от династии, правившей в старой столице. Сам основатель династии, как и Пья Таксин, не принадлежал к правящей семье Аютии. Ей, как и новой знати, не был присущ и доминировавший в период поздней Аютии в знатной среде принцип эндогамии. Новые знатные семьи охотно искали родства вне военно-бюрократической группы, они быстро породнились с торгово-пред-

принимательскими — преимущественно китайского происхождения — семьями. Мать основателя династии Чакри была из китайской семьи [307, с. 1—2]. Генерал Чакри (будущий Рама I) был связан брачными узами с семейным кланом Буннак, глава которого при нем стал праклангом. Основатель семьи Буннак, богатый арабский купец, прибыл в Аютию в 1602 г. При Раме II и Раме III выходцы из торгово-предпринимательских семей, связанных родством с династией Чакри, получили доступ к высшим государственным должностям вне крома пракланг. Даже кром калахом оказался в руках семьи Буннак [257, с. 167; 187, с. II]. По мнению западных и таиландских исследователей, «небольшая часть королевской семьи и знати, вроде Монгкута (Рама IV.— *Н. Р.*) и Буннак, нашла новый источник власти и силы — деньги и землю» [187, с. 130—131]. Деньги и земля этими исследователями противопоставляются «богатству, основанному на контроле над трудом земледельцев», которое быстро разъедалось экономическим развитием в XIX в. В итоге конкурентной борьбы со старым правящим слоем эта часть господствующего класса одержала к середине XIX в. верх, монополизировав к 1870 г. политическую власть в большинстве кромов [257, с. 147—154].

Развитие господствующего класса в XIX в. отражало рост в нем новых устремлений. Однако этот процесс не привел к перестройке бюрократической организации господствующего класса, к повышению у него интереса к хозяйственной деятельности. Можно сравнить развитие господствующего класса в Таиланде с развитием русского дворянства в условиях, близких к условиям Таиланда в первой половине XIX в. В среде русского дворянства в XVIII в. в связи с ростом товарно-денежных отношений и постепенным вызреванием буржуазных отношений усилился процесс консолидации класса феодалов в единое привилегированное сословие. Возросла роль дворянства в экономической и политической жизни. Оно добилось от абсолютной монархии юридического закрепления своих сословных привилегий, в частности освобождения от такой повинности, как обязательная государственная служба, которая мешала его хозяйственным устремлениям в новых условиях [173, с. 319].

В Японии, экономическое развитие которой было ускорено в период, предшествовавший революции Мэйдзи, благодаря тем же факторам, которые оказывали влияние и на Таиланд, правящие слои включились в организованную в широких масштабах торговую деятельность, которая сочеталась с искусно созданной кредитной системой. В земледелии в начале XIX в. отмечается применение более совершенной сельскохозяйственной техники, в мануфактурное производство — преимущественно шелковое — стали привлекаться западные технические новшества. Предпринимательская деятельность господствующего класса Японии была поддержана идеологически религиозно-этическими школами и течениями [180, с. 40—41].

В Таиланде отсутствие частнопредпринимательской деятельности не позволило правящему слою и высшим слоям провинциальной

знати окончательно оформиться в замкнутое сословие. Для изменившегося по социальному составу правящего слоя было характерно стремление приспособить таиландское земледельческое общество к новым потребностям, связанным с развитием мирового капиталистического рынка, а достижения западного буржуазного мира поставить на службу местному обществу [156, с. 138; 316, с. 128]. Он оказался более склонным к восприятию западных идей, что воплотилось в просветительских усилиях короля Монгкута (1851—1867). Правящий слой стал заниматься вопросами идеологии: создание секты тхаммаютникая отражало поиски новых ценностных ориентаций общественного сознания, создания благоприятных условий для развития буржуазных идей.

Изменение характера потребностей правящего слоя повлияло на структуру экономики преимущественно в районе вокруг Бангкока. Полученные от усилившейся эксплуатации населения денежные средства в условиях роста китайской иммиграции стали вкладываться в землю, покупку рабочей силы сезонных рабочих и китайских кули. Однако в процессе хозяйственного развития тайского общества правящий слой через государственную налогово-откупную систему продолжал присваивать неоплаченный труд земледельческих общин в новых условиях, созданных ростом буржуазных отношений, воспроизводя средневековую иерархическую структуру распределения доходов, стимулируя усиление ростовщического капитала, ограничивая рост местной промышленности, связывая инициативу горожан. Он был заинтересован в развитии экспортной торговли, и только. Политическая власть этого слоя укреплялась за счет родственного клана, как, например, у разросшейся к 70-м годам XIX в. семьи Буннак, т. е. опиралась не на деловые связи, а на родство, клан, на личностные и этнические связи. Этим объясняется слабость идей национализма в тайском обществе конца XIX — начала XX в., слабость классового сознания буржуазии [158, с. 190—192].

Изменение социального состава правящего слоя не сопровождалось разделением хозяйственных и политических функций между ним и бюрократией периода абсолютной монархии. Поддерживая как новые, так и традиционные формы разделения труда, правящий слой присвоил себе в новой структуре господствующего класса огромный объем социальных привилегий: для главы семьи Буннак королем Монгкутом был создан самый высокий в истории таиландского общества ранг — сомдет чао прайя и сактина 30 тыс. [314, с. 221]. В своей внутренней структуре правящий слой отразил бюрократическо-кланово-династийный принцип организации [212, с. 585]. Особые титулы в силу рождения имели принцы королевской крови. Вступая на какую-нибудь бюрократическую должность, они также получали ранги, служебные титулы и сактина. Но высшие ранги и сактина могли получать только ближайшие родственники правителя: его брат — уппарат, наследник трона (его сактина было 100 тыс.) и принцы чаофа (сактина 40—50 тыс.). Принцы чаофа пользовались особыми правами и привилегиями. Только они освобождались от

обязательной государственной службы и имели частные кромы (при Раме I их было одиннадцать) [257, с. 54—55]. Они могли быть судимы только кромом дворца — кромом ванг. Принцев чаофа нельзя было продать в рабство: должностные лица не имели права заверять документ о продаже в долговое рабство члена семьи правителя [257, с. 117]. Члены «дома» правителя продолжали сохранять наследственные титулы трех классов — чаофа, праонгчао, дети которых получали титул момчао [257, с. 113—114].

Связь «дома» правителя со столичной знатью обеспечивалась и в период Бангкока сохранением гарема и обычаем в среде элиты направлять дочерей в гаремы правителя и принцев[15]. Вокруг «дома» правителя сосредоточивалось ядро правящего слоя, которое составляли главы важнейших кромов, т. е. шесть чаопрайя, глава крома уппарата — «второго короля» и четыре должностных лица, возглавлявших кром махатлек. Сактина глав кромов пракланг и калахом, в которых утвердились члены семейного клана Буннак, было поднято до 25 тыс. [34, с. 427—428; 314, с. 211]. Борьба элитарных кланов за власть ограничивала самовластие правителей. Ситуация изменилась при Раме IV (Монгкуте), который был ставленником семейного клана Буннак, уничтожившего или оттеснившего соперничающие кланы.

В XIX в. обладание высшими должностями стало зависеть не столько от «аристократизма» клана, длительности его функционирования в составе столичной знати, сколько от богатства и размеров даров, которые подносились при назначении на должность. Например, родственник по боковой линии чаопрайи Пхонлатепа получил от Монгкута в 50-х годах XIX в. назначение на должность, за что обещал выплачивать в казну ежегодно 160 тыс. батов, сумму, которая была достаточной, чтобы избавить казну от дефицита [314, с. 221].

Правящий слой господствующего класса Таиланда и в XIX в. был связан со столицей, однако это был период, когда сама столица изменила свой социально-экономический облик (см. [156, с. 111]). Сказывается это и на ценностных ориентациях столичной знати, которая усваивает более рационалистический стиль мышления. Ощущается перенос центра тяжести с личных качеств, воплощавших социальный опыт индивида, на его материальный достаток. Соотнесение понятия «богатство» с социальным лидерством, образованностью, религиозными заслугами, участием в государственной службе, сведениями в области медицины, отношением к социальным изменениям [51, с. 69] подменяется соотнесением понятия «богатство» с материальным достатком.

Провинциальная знать составляла самую многочисленную часть господствующего класса. Высшим рангом для нее было прайя. В период поздней Аютии она не была связана родством с семьей правителя, ее социальный статус не считался высоким, не обладала она и значительным богатством. Ее роль в политической жизни страны после уничтожения в XVII в. кланов крупнейших чао мыангов не была заметной. При династии Чакри перестает соблюдаться

установленный в XVII в. порядок периодического перемещения наместников провинций. Разросшиеся семьи новой провинциальной знати, связанной с кромом праклангобщностью социально-экономических интересов, прочно оседают в подвластных им провинциях [187, с. 26]. Частью имен этих семей становится «на» и название провинциального центра. Основателями таких семей провинциальной знати в южных провинциях были китайцы — откупщики налогов. Так появились семьи На Пукет, На Ренонг, На Паталунг, На Након, На Сонгкла, На Бангчанг [305, с. 871]. Главная жена Рамы II была из последней семьи, главами ряда столичных кромов были ее представители. С семьей правителя были связаны семейные кланы мыангов Накхонситхаммарата (Лигора) и Накхонраджасимы (Кората) [314, с. 211].

По мере расширения границ государства в XIX в. местная знать севера и северо-востока включалась в общую иерархическую структуру господствующего класса. В ходе административной организации территории государства политика правящего класса была направлена неизменно на то, чтобы уменьшить власть чао мыангов и султанов. На протяжении XIX в. систематически урезывались права чао мыангов на северо-востоке, а территории их мыангов перекраивались [37, т. 1, с. 51]. Устойчивее были знатные семьи в северных мыангах, Накхонситхаммарате и в султанатах малайского юга. Здесь сохранялась знать, социальный статус которой определялся не сактина и положением в служебной иерархии, а историческими и мифическими генеалогиями [305, с. 879], соблюдалось наследование власти от отца к сыну [307, с. 27]. Но основная ее часть была уничтожена в XVII в. Аютией.

Численный состав господствующего класса, сохранявшего принципы организации социальноестественной общности, продолжал регулироваться естественным путем. Статус семей тракун передавался только по прямой линии наследования со стороны как отца, так и матери [257, с. 156]. Части знатных семей — их боковые потомки, а также дальние родственники «дома» правителя постепенно утрачивали права на знатность, а следовательно и права на часть в совокупном владении средствами производства. Паллегуа, наблюдавший в Бангкоке жизнь этого социального слоя, писал: «Они всячески притесняют народ, добывая деньги продажей в гарем украденных девушек» [65, т. 1, с. 289].

Как же соотносились в тайском обществе владение совокупными условиями производства и власть? Сохранялось установленное соотношение между величиной сактина, числом людей, находившихся под контролем знатного должностного лица, доходами и его властью. Право землевладения объединялось с функциями управления: господствующий класс сосредоточил в своих руках совокупную монополию на труд основных ячеек земледельческого производства, на административно-фискальные, судебные, военные, религиозно-идеологические функции. Должностные функции распределялись между его слоями. Высшая военная и судебная власть была у правящего слоя — столичной знати, он же продолжал распоряжаться

совокупностью условий производства через государственные кромы, конги, му.

Главы кромов были связаны отношениями покровительства и должностной субординации с наместниками провинций и сохранявшимися чао мыангов. На высшие провинциальные должности назначались военные предводители кланов и знатных семей, имевших широкие патронажные связи. Такие семьи превращались в местных правителей: их приближенные или младшие члены занимали управленческие посты в подчиненных главе провинции административных единицах. Должность не обязательно переходила от отца к сыну, но сохранялась в семейном клане. В XIX в. стал приниматься во внимание и финансовый статус семей, представители которых назначались на высшие административные посты. Но подчас правители провинций сами попадали в зависимость от местных сильных кланов, а иногда и от отрядов наклэнг, власть которых они вынуждены были узаконивать [187, с. 23]. Наместники были представителями центральной власти на местах: только они производили набор в войско, взимали налоги, назначали жителей деревень на государственную барщину. В ходе административной организации мыангов северо-востока их правители — чао — были лишены права начинать военные действия по собственному почину, а также назначать высших должностных лиц в своих мыангах. Эти решения принимались правителем либо наместником последнего в Корате. Шире были права на власть у чао мыангов на севере и султанов на малайском юге: раз в три года они подносили двору в Бангкоке золотые и серебряные деревца как знаки зависимости и выступали со вспомогательным войском в случае войны [312, с. 22].

В XIX в. в Таиланде существовало три категории феодальных податей и поборов в виде государственных работ и налогов. Одна шла в пользу государства и была невелика. Другая распределялась в пользу отдельных представителей господствующего класса. Третью представляли «кормления» местной знати, а также поборы с общинников в пользу общинной верхушки. В государственную податную систему постепенно включались мыанги северо-востока.

Распределение феодальных доходов и поборов между различными прослойками господствующего класса совершалось в соответствии с системой сактина, рангом и должностью. Высокие доходы от централизованной ренты-налога, денежные вознаграждения, подарки правителя, высокие прибыли от торгово-предпринимательской деятельности, обеспечивая политическую силу столичной знати, выделяли ее из общего состава бюрократии. В орбите ее политического влияния оказались торгово-предпринимательские круги, отдельные представители которых пополняли состав элиты: торговая деятельность включалась в круг забот государственной власти, была частью деятельности государственного аппарата.

В государственно-бюрократической структуре Таиланда XIX в. численно стал выделяться широкий слой должностных лиц — выходцев из провинциальной знати [187, с. 95]. Через эту прослойку правящий слой и реализовал в XIX в. свои социальные и политиче-

ские права в отношении податного населения. Этот слой именовался «кроммакан» и делился на три класса[16].

Проводя типологические сравнения с западноевропейским феодальным обществом, западные исследователи обычно отмечают, что в Таиланде не было энергичной феодальной знати [259, с. 306]; все, кто выделялся своими способностями, включался в бюрократическую структуру. Действительно, отсутствие вотчинного землевладения было причиной социально-экономической слабости слоя кроммакан, почему он и не мог соперничать в социально-политической жизни с элитой. Но следует подчеркнуть его значение в социально-политической структуре таиландского традиционного общества. Благодаря относительной автономии слоя кроммакан было обеспечено существование государства в условиях слабых внутриэкономических связей, редкой заселенности территории, недостаточности коммуникаций. Правящий слой обеспечивал существование кроммакан, гарантировал его привилегии, а также право на долю в доходах — «кормления». Доходы местной знати, не включавшейся в сактина, были, как отмечали европейцы, невелики. Они сводились к «кормлениям» в своих общинах, а также к доле в патронажном распределении труда и традиционным подаркам [257, с. 73].

Не включалась в должностную иерархию и верхушка деревенских общин. Но она, как правило, состояла в мнимом или действительном родстве с нижним слоем кроммакан, сообщая устойчивость всему господствующему классу, соединяя его с нижними звеньями земледельческого производства. Представляя интересы общин и деревень перед государством, этот непривилегированный слой господствующего класса выступал как объединяющее звено между простонародьем и знатью.

Особый социальный слой составляло буддийское монашество, которое не было связано ни с государственными должностями, ни с физическим трудом. Буддийская община материально зависела от светской власти, ее отдельные представители иногда получали от правителя придворные титулы. Но возможность захвата буддийской общиной светской власти или соперничества с последней за власть сводилась на нет подчиненностью ее в социально-политической сфере светскому господствующему классу, незначительностью ее сословных привилегий.

Процесс развития новой системы социальных отношений в XIX в. захватил преимущественно столичный слой господствующего класса, в котором становится заметной сословная сплоченность, стремление порвать с системой совокупного владения средствами производства, соединенной с функциями управления. Появление этой тенденции отразило развитие в обществе частной формы присвоения условий производства. Этому слою господствующего класса было присуще и более передовое представление о власти и управлении как особой отрасли общественного разделения труда, т. е. взгляды, свойственные господствующему классу периода абсолютной монархии. Но такая групповая сплоченность захватила лишь верхний слой и не распространилась на весь господствующий класс.

* * *

Таиландское общество к 70-м годам XIX в. сохраняло характеристики традиционного общества: в нем были сравнительно слабо развиты экономические связи. В условиях повсеместного господства отношений естественно-социальной общности крупная частная феодальная собственность на землю в периферийных (север, северо-восток) районах не оформилась в социально-экономический уклад, противостоящий государственно-бюрократическому центру. Это объясняет слабость противостояния «периферии» общинно-государственному укладу, с которым она вступала в компромисс, что не создавало условий для оформления развитых феодальных производственных отношений. На экономическую и социальную жизнь общества влияли по преимуществу традиционно-общинные и религиозно-моральные нормы права как важный фактор, который давал государству возможность ограничивать рост крупного землевладения.

Не было четких классовых границ, не был закреплен сословно-правовой статус различных слоев населения, большую роль играли связи покровительства, социальная иерархия — все это придавало специфический характер общественному строю. Замкнутость социальных групп закреплялась на основе родственных связей и вида конкретного труда. Внутри господствующего класса преобладали связи по родству, что открывало путь к власти представителям неземледельческих кругов, для которых было характерно участие в городской экономической жизни. Новые общественные отношения, основой которых было экономическое подчинение непосредственного производителя, стали вырисовываться в околостоличном районе. Их становление и укрепление активизировались после превращения Таиланда в полуколонию в ходе заключения в 50—60-е годы XIX в. неравноправных договоров с капиталистическими державами. Однако полуколониальное положение не ликвидировало экономическую отсталость таиландского общества, а лишь закрепило ее.

Глава II

ГОСУДАРСТВО

Владение средствами производства и управление совмещались: для их выражения в тайском языке существовал один термин — «кын мыанг» («поедать мыанг»). Государство сохраняло в своей структуре в качестве функционирующих элементов формы политической организации, восходившие к более ранним эпохам. Так, оно оставалось государством-общиной, в нем были заметны черты древнего «сегментного» государства — государства-организатора общественных работ. В XIV—XVI вв. в государстве Аютия столица стала военной ставкой господствующего класса, подчинившего социально и политически местные общины. Государство «ранней Аютии» было деспотическим государством. С XV в. государство Аютия выступает как авторитарно-бюрократическое: оно начало проводить политику подчинения тайскому центру «чужой» периферии. Но концепции авторитарно-бюрократической власти, идеи «священного употребления насилия» уживались с патримониальными представлениями о политической власти как «справедливом» правлении для «всеобщего блага». Оставалась общиной и организация буддийского монашества: ее оформление в церковную организацию не получило завершения и в XIX в.

Государство и в XIX в. было теократическим. Экономическая деятельность не рассматривалась обособленно от религиозно-этических воззрений. Центральная власть распоряжалась неоплаченным трудом и прибавочным продуктом земледельца как компенсацией за свои услуги. В периоды стихийных бедствий она оказывала в порядке религиозной благотворительности помощь пострадавшим земледельцам. Она же гарантировала общинам безопасность. Осуществление важнейших ритуалов оставалось делом правителя.

Государство и буддийская община — широкая социальная общность, надстроившаяся над земледельческими общинами,— выступали интегрирующей силой, опиравшейся на этносоциальную общность таи. Этносоциальные отношения оставались ведущими в Таиланде и в XIX в. Поэтому проблему государства закономерно начать рассматривать с выяснения этнического состава населения.

Этнический состав и территория государства

В XIX в. страна не имела территориальных границ. По примерным данным, численность населения определялась в 5—6 млн. [65, т. 1, с. 7—8] при крайне незначительной плотности населения (на северо-востоке, например, меньше 12 человек на 1 кв. км [55, с. 46]) По данным, приводимым в работе Паллегуа, таи было 1,9 млн., малайцев — 1 млн., лао — 1 млн., кхмеров — 500 тыс., монов — 50 тыс., каренов, чонг, лава — 500 тыс. [65, т. 1, с. 7—8, 21—30, 35—59]. Численное преобладание нетайского населения бы-

ло результатом политики правящего класса. Но сказывались также миграционные процессы — передвижение народностей и усиливавшаяся в первые десятилетия XIX в. китайская иммиграция в страны Юго-Восточной Азии.

Таиланд в XIX в. выступал как сложный этнографический и политический ареал, в границах которого еще не было единой государственной и религиозной власти, а населявшие его этнически разнородные массы находились на разных уровнях социально-экономического и культурного развития. В период Бангкока этнополитические процессы протекали в форме сложного взаимодействия «центра», т. е. тайской (сиамской) народности, с различными этническими группами. Это взаимодействие проявлялось в шедших одновременно с разной интенсивностью в разных районах двух противоположных процессах — ассимиляции и этнической консолидации отдельных народностей. Исследование этой трудной проблемы ведется советскими этнографами. Е. В. Иванова показала исторические особенности формирования этносоциального организма таи, его устойчивость и однородность [130; 131]. В ходе многовекового социального и культурного развития тайской этнической общности была выработана единая система социокультурных ценностей, которые стали осознаваться как идеал, эталон социального и культурного поведения. Этносоциальные нормы таи в XIX в. отражали развитие общественных отношений, своеобразие личностных связей в этой структуре, динамичность социальной роли индивида. Последний не имел постоянно закрепленного наследственного общественного статуса; строго регламентировался переход из одной социальной группы в другую, но не сама наследственная принадлежность к группе. Прочная идентификация индивида с определенной социально-профессиональной ролью сочеталась с возможностями личной мобильности, продвижения вверх по иерархической лестнице социальных статусов, что накладывало печать на всю систему социокультурных ценностей. Слабое обособление социально-профессиональных и родственных групп было результатом относительной неразвитости, недифференцированности тайского общества. Нечеткость классовой структуры компенсировалась исключительно сильной приверженностью социальных групп таи к более широкому единству — государству и его символам: монархии и буддизму [186, с. 183—187; 229, с. 1—2]. Таким образом, этносоциальная общность осознавалась таи через религиозно-этические и политические представления.

Этносоциальная общность осознавалась таи и как этнокультурное единство. Для обозначения народа как этнокультурной общности и общества как гомогенной этносоциальной общности использовалось слово «таи». Оно воспринималось как выражение социальных связей, накладывающее на членов этносоциальной общности определенные обязательства по отношению друг к другу. В этой общности в XIX в. сохранялись этнографические группы с элементами земляческого сознания, восходившего к мыангам. Но внутриэтнические различия стирались в процессе этнической консолидации таи, в частности создания литературного языка и единой формы буддиз-

ма. В то же время переходный характер этносоциального организма таи усиливался под влиянием межэтнических связей: ассимиляции мелких народностей, адопции, смешанных браков, в частности с китайскими иммигрантами. К межэтническим отношениям относится и этнорегиональное разделение труда, объединявшее таи с другими этносоциальными общностями в сфере ремесла, промыслов, торговли.

Постоянные жители одной местности — деревни, города, области — образовывали однородную территориально-земляческую общность — мыанг. Они входили в политическую общность, именовавшуюся «Мыанг таи» («Земля таи»). Мыанги, представлявшие общинно-локальные связи, строились на основе территориальных контактов, однородности природно-хозяйственной, социально-политической и этнической среды. Территориальная дробность проявлялась в обособленности их экономических интересов, особенностях производства, быта, культуры. Сохранение вплоть до середины XIX в. этнической, земляческой дробности обусловило важность взаимосвязи между военно-бюрократической структурой господствующего класса и этносоциальной общностью таи в целом. Высшее звено иерархии — монархия и буддийская община — выступали как объединяющее начало местного общества, живое воплощение устойчивости и единства этносоциального организма в целом.

Носителем этносоциальных ценностей была элита, ее составляли представители ведущего этноса, хотя она постепенно и принимала в свой состав представителей других этнических и даже религиозных групп — персов-мусульман, китайцев-конфуцианцев, кхмеров-брахманов, но при условии принятия ими буддизма и системы социальных ценностей таи.

Длительный процесс ассимиляции таи других этнических групп (часто насильственной, как, например, на юге с его малайским иноязычным населением) занял многие столетия и к концу XIX в. его еще нельзя было считать завершившимся. На юге было ассимилировано население о-ва Пукет и Лигора (Накхонситхаммарата) (возникшее национальное меньшинство известно в настоящее время под наименованием «тхай-пак-тай») [131, с. 257]. Государство часто практиковало переселение деревень с иноэтническим населением в центральные районы страны. Цели таких переселений были политическими и военными, и далеко не всегда такие переселения заканчивались ассимиляцией: до наших дней в районе дельты сохраняются деревни со смешанным этническим составом населения из малайцев-мусульман и таи [46, с. 28; 53, с. 18]. Наиболее развито было представление об этнической общности у жителей мыангов, концентрировавшихся вокруг Аютии. По мере удаления от старой столицы это представление ослабевало.

Процессы ассимиляции на северо-востоке имели свои особенности: появившееся здесь тайское население жило обособленными этническими общностями — таи корат и таи кланг; к тому же оно никогда не было преобладающим. На этнические процессы, на культурную и политическую ассимиляцию местного населения большое влияние оказали особенности исторического развития этого райо-

на. В период существования Ангкорской империи северо-восток — плоскогорье Корат — был районом ее преимущественного влияния. Население говорило на кхмерском языке, исповедовало индуизм — культ Вишну. После распада империи этот район пришел в запустение и стал пограничной зоной, разделявшей государство Аютию и лаосские политические образования по Меконгу. С середины XVII в. сюда мигрировали общины лао, которые ассимилировали оставшееся население, говорившее на кхмерском языке. Но часть изолированных общин кхмеров сохранялась в южных районах плоскогорья Корат. Автономные общины лао и кхмеров не имели политического центра, здесь складывались многочисленные локальные этнические и культурные общности, заметно отличавшиеся от лаосских этнических групп по левобережью Меконга. Лишь лаосские общины в современных таиландских провинциях Лоей, Нонгкай, Накхонпаном в политическом отношении были частью феодального лаосского государства Вьентьян, а областью политического влияния другого лаосского королевства — Чампассак были земли по рекам Мун и Чи, ныне входящие в состав таиландских провинций Убон и Ройет [230, с. 9]. В ходе восстановления независимого таиландского королевства со столицей в Тонбури Пья Таксин начал проводить в отношении Чампассака и Вьентьяна политику их политического подчинения. Несмотря на союзный договор, заключенный с правителем Вьентьяна против Бирмы, и взаимную военную помощь, военачальники Пья Таксина в 1777/78 г. нанесли удар по Вьентьяну. «Изумрудный Будда» — хранитель династии Вьентьяна — был вывезен в Тонбури, туда же были переправлены оставшиеся в живых члены правящей семьи. Часть населения Вьентьяна была переселена в центральный район Таиланда и получила право на земли в районе Сарабури к северо-востоку от Аютии [312, с. 20]. Аналогичная судьба постигла Чампассак: в 1777 г. он был захвачен военачальником Пья Таксина — Чакри, а его наследственный правитель отправлен в Тонбури.

В дальнейшем до 1827 г. во Вьентьяне и Чампассаке правили представители местных династий, но получали они назначение из столицы Таиланда. Подобная политика, лишавшая этнические группы лао на северо-востоке их самостоятельных политических центров, вела к этнической дезинтеграции местного населения. Этническая разобщенность мыангов северо-востока, отсутствие этнополитических связей проявили себя в ходе военных действий против Бангкока, открытых Чао Ану и его сыном в 1827/28 г. Чао Ану, поставленный Бангкоком управлять Вьентьяном, был из числа потомков свергнутой Пья Таксином династии лаосских правителей. Его сын был правителем Чампассака. В ходе военных действий против Бангкока Чао Ану занял почти весь северо-восток, подошел к Сарабури, где жили выведенные в Таиланд лаосские семьи. Однако поддержки общин лао и их глав он не получил, хотя весьма вероятно, что какая-то часть общин лао и помогала ему продовольствием и людьми для войска и оборонительных работ [230, с. 10—11, 66, примеч. 12; 312, с. 28—30]. В итоге этих военных кампаний Вьентьян был пол-

ностью разрушен, население выведено на центральную равнину Менама. Территории Вьентьяна и Чампассака были превращены во внешние провинции Таиланда. Судьбу северо-востока решило преобладание клановых связей, слабость более широких социально-политических контактов. Сложившаяся у таи центральной равнины Менама однородная этносоциальная общность легко удерживала под своим контролем локальные этнические общности северо-востока.

На севере Лампанг и Лампухун — монские государства, ассимилированные таи, соседствовали с обширной гористой областью, занятой тайскими мыангами, объединившимися под названием «Ланнатай». Считалось, что в начале XIX в. было 57 мыангов, из них крупнейшие Чиенгмай, Чиенграй, Чиенгсен. Проходившая на севере с конца XIII в. этническая и политическая консолидация под гегемонией Чиенгмая была прервана внутренними смутами в середине XVI в. Прекратила существование линия независимых правителей Чиенгмая, ведших происхождение от Менграя. Предпринимавшиеся в XVI в. знатью Чиенгмая попытки восстановить местную династию не увенчались успехом [60, с. 24—25]. Но сами эти попытки следует рассматривать как результат укрепления на севере этнического самосознания знати, а последнее нельзя отрывать от этнических процессов. Однако развитие этих процессов было нарушено обезлюдением северных мыангов из-за бесконечных военных действий, которые вела Бирма на севере в XVII—XVIII вв., из-за гибели населения, увода жителей в плен, эпидемий. Со второй половины XVIII в. на севере возвышается аристократическая семья из Лампанга, провинциально-земляческая в своей основе, привязанная к «родовому гнезду». Из этой семьи вышли видные военачальники, а ее слава и по сей день жива на севере: с ее деятельностью связывают не только освобождение к 1763 г. северных земель от власти Бирмы, но и восстановление мыанга Чиенгмай, возрождение земледелия и заселение плодородных долин. Правитель Кавила собрал сохранившееся население — это были разрозненные этнические группы тайюань, карен, лава западных склонов, лу, юнг севера [184, с. 363; 60, с. 30—35]. Этническая разнородность сказывалась в Чиенгмае до конца XIX в.: «Город Чиенгмай,— писал Холт-Халлет,— поделен на множество кварталов, населенных самыми различными народностями; и большинство деревень провинции — это колонии нашедших здесь убежище или выведенных пленных» [49, с. 389].

Возведение Кавилы в сан правителя Лампанга было торжественно совершено в восстановленном храме Ват Лампанг Луанг в соответствии с местными традициями. Но назначение Кавилы и его братьев правителями в Лампанг и другие мыанги совершалось под наблюдением и с согласия Тонбури [60, с. 32—35]. Возможно, политическое давление со стороны столицы То нбури, а позднее Бангкока было весьма умеренным и осторожным: в XIX в. в северных мыангах оживают исторические традиции, память об историческом прошлом. Несколько ускоряется процесс этнической и политической консолидации. В соответствии с этой линией в северных столицах стали составляться летописи на базе сохранившихся в мо-

настырях записей событий. На их основе возникли летописи Чиенгмая, Чиенгсена, Нана, восстановившие историю северных мыангов с XIII в. [157, с. 102—103].

Тенденции к этнополитической интеграции, оказавшие влияние на этнические процессы на севере, не получили здесь завершения: северные мыанги в конце XIX в. были включены в состав таиландского государства. Тем не менее здесь продолжались этносоциальные процессы, приведшие в XX в. к выделению там национального меньшинства. Жители северных мыангов называют себя кхон-мыанг, говорят на северотайском языке каммыанг, в котором по сравнению с тайским меньше слов, заимствованных из пали и санскрита. Они отличаются от жителей центральной равнины одеждой, особенностями постройки свайных жилищ и буддийских ватов, употребляют другие сорта риса [60, с. 87—88; 184, с. 368].

Этносоциальные нормы севера отражали преобладание клановых связей. Чао северных мыангов сохранили свою харизматическую роль: они были эталоном общественного поведения, которое регулировалось местными обычаями, морально-культурными принципами, отличными от центральнотайских. Наряду с каноническим буддизмом на севере были сильны анимистические верования, вера в духов, а также хилиастические мессианские учения, составлявшие основу неканонического буддизма. В противоположность каноническому буддизму с его циклической хронологией неканонический буддизм изображал время в виде конечных отрезков. Народ ожидал прихода мессии, а с ним и царства Будды Ария Майтрея, царства всеобщего благоденствия [278, с. 15—16].

Мир северных мыангов находился в тесных экономических, социальных, культурных контактах с этническими меньшинствами, заселявшими горные склоны. Несмотря на огромные опустошения, причиненные войнами с Бирмой в XVIII в., в горных областях удерживалось автохтонное население: общины горных монов — лава. Последние на протяжении веков подвергались ассимиляции — их языком стал язык северных таи, а религией буддизм. Но по ряду этнокультурных и этносоциальных норм они отличались от таи севера: селились в маргинальных зонах, включавших долины и склоны гор высотой 500—1 тыс. м. над уровнем моря, занимались они подсечно-огневым земледелием с культурой риса, сочетавшимся с ремеслами (добыча и плавка руды, изготовление примитивных металлоизделий) и караванной торговлей. Власть каждой общины лава распространялась, как правило, на небольшую долину и прилегавшие к ней склоны гор. Возглавляли земледельческие общины лава теократические вожди — саман, сочетавшие управленческие и жреческие функции. Деревни лава отличались большими размерами: сселение деревень обеспечивало защиту от кайя, создавших к западу от Салуина государство и совершавших набеги на незащищенный горный район к западу от долины Мепинга. Эти набеги, сопровождавшиеся уводом населения, которое продавалось в рабство, и опустошениями, продолжались до 1880 г. [184, с. 363].

С начала XIX в. наблюдалась миграция каренов на земли, заня-

тые лава. Расселяясь по гористому району небольшими деревнями — по 10—20 домов, карены ставили себя под защиту лава, которым платили дань — 10% урожая риса [184, с. 361]. Часто карены ставили себя под покровительством шанов и монов. «У каренов,— отмечают исследователи,— нет землевладельцев, нет никакого имущества, которое можно было бы присвоить, что послужило бы основой иерархической социальной стратификации» [179а, с. 313].

Так возникал особый этнокультурный район, «настоящая страна», которая тянется по холмам и горным склонам на запад от бассейна Мепинга, не захватывая лишь долин Мечема и Меюана, где поселения каренов и лава соседствуют с деревнями кхон-мыанг и шанов [184, с. 364]. У лава и вставших под их покровительство каренов народные традиции соединялись с традициями, полученными от местной элиты северных мыангов, что вело к включению лава и каренов в более широкую политическую и культурную среду.

С конца XIX в. на севере Таиланда стал создаваться третий этнокультурный «этаж»: поселения горцев тибето-бирманской языковой семьи — мео. В отличие от каренов и лава, укоренившихся и привязанных к земле рисоводов, хозяйственная специализация мео на культуре опиумного мака определяла нестабильность их поселений. Их деревни редко оставались на одном месте более 10—20 лет, а иногда возникали и исчезали в течение одного года. Миграции мео происходили в рамках широкого социального единства — объединения многих деревень, связанных довольно тесными родственными узами [184, с. 367]. Элита мео не была политически связана с элитой речных долин, как местная элита лава. Культурный круг мео был ограничен, что сформировало их этническое своеобразие и создало трудности для их этнополитической интеграции.

Проводившийся династией Чакри курс этнополитической интеграции и ассимиляции столкнулся с наибольшими трудностями на юге, где располагались зависимые от Таиланда малайские султанаты. Население юга составляло политически активную мусульманскую этноконфессиональную общность. Каждый малаец принадлежал к определенной религиозной общине, которую возглавлял имам ближайшей мечети. Огромное влияние на умонастроения верующих оказывало малайское мусульманское духовенство. Именно религиозный фанатизм в большей степени, чем язык, способствовал сплочению малайской этнической общности, с трудом поддававшейся включению в иноконфессиональную общность [131, с. 276—277]. Малайские султаны с начала XIX в. стали получать от двора в Бангкоке таиландские ранги и знаки власти. Правда, некоторое отличие их инсигний (платья, паланкина, зонтов) от таиландских сохранялось. Султаны получали высокий ранг «прайя», а султан Кедаха в 1810 г. за особые заслуги в борьбе с бирманцами получил от бангкокского правительства даже элитарный ранг «чаопрайя» [304, с. 60].

Особым местом в этносоциальной структуре страны, образом жизни, языком, внешним обликом (ношение косы мужчинами, одежда) выделялись из общей массы населения Таиланда китайцы. По рас-

четам Скиннера, к 60-м годам XIX в. в Таиланде проживало более 300 тыс. китайцев — иммигрантов и родившихся в Таиланде, не ассимилировавшихся с местным населением [275, с. 79]. Свыше 95% китайцев, эмигрировавших в Таиланд, прибывало из южных провинций Китая — Гуандун и Фудзянь, а также с о-ва Хайнань. Как на родине, в Китае, так и в Таиланде они представляли разнородные этнические группы, которые Скиннер по диалектным отличиям подразделил на пять групп: кантонцев, хэцзяньцев, чаочжоуцев, хакка и хайнаньцев [275, с. 35, 46]. Первыми из этих групп в XVIII в. появились в Таиланде чаочжоуцы. На родине их семейные кланы были связаны с производством сахара на экспорт, и эти навыки ведения плантационного хозяйства они перенесли в южные районы Таиланда, создав здесь плантации сахарного тростника, перца, табака.

В Таиланд в первой половине XIX в. въезжали только китайцы-мужчины. Нередко они приспосабливались к тайским обычаям и образу жизни, женились на местных женщинах. Выходцы из китайских торговых семей уходили часто на установленный срок в буддийский монастырь, где получали образование; это открывало им путь в состав знати таи. Будучи приняты в знатные семьи, они получали должности на провинциальном и даже на столичном уровне. Второе-третье поколение таких китайских поселенцев смешивалось с тайской знатью, заключая браки в знатных семьях. Остальная масса оставалась этническим меньшинством, разбитым на землячества — баны, пользовавшиеся определенными правами. Члены китайских банов имели право свободно передвигаться по стране, приобретать землю и жилища, выращивать сахарный тростник и производить сахар, культивировать рис или любую другую культуру, свободно торговать, строить собственные торговые суда, производить для продажи определенные товары [61, с. 35]. С китайских иммигрантов брался въездной налог и раз в три года подушный сбор.

В первой половине XIX в. группы китайцев, прибывшие в Таиланд морем и получившие местное наименование «чек», расселялись преимущественно по побережью Сиамского залива (от г. Трат на юго-востоке до г. Сайбури на крайнем юге). Китайское население Бангкока в этот период возросло с 25 тыс. до 70 тыс. [275, с. 82]. Преобладали в китайском населении столицы и ее окрестностей группы чаочжоуцев и хэцзяньцев — 50 тыс. Китайское население Таиланда — за исключением хайнаньцев — не селилось севернее Аютии (здесь были построены храмы хэцзяньцами). Главным занятием китайцев были плантационное хозяйство, оптовая и розничная торговля, ремесла (особенно у кантонцев), морские и речные перевозки. Лишь хайнаньцы, более устойчивые к малярии и другим тропическим болезням, рисковали проникать в девственные районы страны по небольшим рекам или протокам Менама, где скупали земледельческую продукцию. Они первыми появились на севере, в районе тиковых лесоразработок [275, с. 84—86].

От китайцев, прибывавших в Таиланд морем, отличались китайцы, прибывшие в Таиланд с севера из Юньнани, так называемые

хо [60, с. 71]. Они исповедовали ислам, имели свой язык, отличались образом жизни: селились в горах, где занимались скупкой опиумного мака, караванной торговлей.

Китайское меньшинство в Таиланде с точки зрения его социально-политического положения нельзя рассматривать как единую этническую общину. В тайское общество включалось сравнительно небольшое число принятых в тайские семьи китайцев. В северных районах Малаккского полуострова богатые китайские «раджи», покупавшие должности наместников в Бангкоке, переносили в эти области обычаи своей родины: здесь были их храмы и усыпальницы, а весь строй жизни напоминал семейно-клановую обстановку Китая. Быстро возраставшая на протяжении XIX в. масса китайского населения, лишенная семейно-кланового покровительства, объединялась в тайные общества — мужские союзы, которые функционировали как организации защиты, заменяя родственные группы. Тайные общества строились по диалектному принципу, старались объединяться вокруг храмов своих этнических групп; их строго иерархическая организация сочеталась с системой круговой поруки и взаимопомощи. Проникая во все поры местного китайского общества, они цементировали его [143, с. 195], обеспечивая жизнедеятельность в иноэтнической среде.

Таиландское государство к 70-м годам XIX в. представляло собой довольно рыхлую «ассоциацию», бюрократическую общность объединившихся под военно-политической властью Бангкока разнообразных этносоциальных организмов. В ходе этнической эволюции сложилась тайская народность, оформилось ее самосознание как господствующей этнической общности. Доминировала тенденция насильственной ассимиляции тайской народностью других этнических групп, что сопровождалось значительными изменениями этнических свойств ассимилируемых групп населения. Процессы ассимиляции на периферии были далеки от завершения: местные этносоциальные общности сохраняли свою культуру, язык, особенности быта. Не были оторваны от конфессиональной мусульманской общности малайцы юга. Процессы этнической консолидации с XIX в. стали осложняться иммиграцией китайцев.

Политическая власть

Политическая власть в Таиланде XIX в. оставалась «*суверенитетом эмпирической воли* как таковой» [1, с. 348]. Она по-прежнему имела неограниченное право распоряжаться как имуществом, так и социальным статусом подданных. Но заметным становится воздействие частной собственности на центральную власть, которая стремится взять под защиту частнособственнические интересы.

Средоточием воли и власти был правитель — единственный источник правопорядка и контроля за его соблюдением. Считалось, что его воля не могла быть ограничена ничем, кроме справедливости, заключенной в десяти моральных заповедях буддизма — тхам-

масат. Правитель был не законодателем, а лишь исполнителем законов, дарованных людям их прародителем Ману. Согласно господствовавшим в тайском обществе социально-политическим представлениям, между справедливостью и законом не могло быть противоречия. Если же оно возникало, правитель обязан был разрешить его, исходя из справедливости. Человеческий мир считался частью космоса, в который включались также низший мир животных, мир вещей и высший мир небесных существ. Сам же космос был как бы продолжением общественных нравственных норм. Все элементы космоса были связаны друг с другом силой, которая воплощалась в нравственных ценностях. Истинную природу вещей и их расположение во вселенной определяли нравственные ценности, т. е. степень добра, свойственная элементу космоса. Степень добра рассматривалась как результат волевого акта. Таким образом, вселенной, согласно сложившейся буддийской этической доктрине, управляла воля. Положение существа — человеческого в том числе — во вселенной определялось тем, в какой степени он был подчинен воле и власти других, или силой его воли и власти над другими. Соединенные в индуистской релятивистской этике магическое и космическое начала были основой этой концепции, в которой право и сила были синонимами [160, с. 123—126], что было необходимо для поддержания единого правопорядка. В соответствии с доктриной единства воли и власти правитель воплощал справедливость, а также неделимость верховной власти, целостность социально-политической структуры, носившей религиозный характер. Поэтому в области государственного строительства речь шла не о централизации, а о единообразии в сфере идеологии, религии, права, управления. В условиях экономической, хозяйственной, этнической разобщенности единство государства понималось как единство религиозно-этической доктрины — тхаммы, воплощавшейся в правителе, которому подчинялись все подданные [139, с. 82—83].

Ввиду особых общественных задач, выполнявшихся буддизмом тхеравады, сменившим индуизм и буддизм махаяны в XIV в., главное внимание он сосредоточивал на воздаянии, т. е. на социальной, а не на метафизической стороне индуистско-буддийской традиции, оставляя неразвитым аспект учения Будды, направленный на достижение нирваны [141а, с. 28]. Большое значение в мировоззрении таи имела магия, соединенная с представлениями о вселенной как нравственном континууме (продолжении) общины. Псевдонауки — астрология, хиромантия, вера в магическую силу цифр — составляли еще один теоретический базис для представлений о мире. Якобы давая объяснения миру, как и истинные науки, они в то же время претендовали на то, что, отделяя истинное от ложного, могут отделить и добро от зла. Эта мнимая способность индивида магическим путем определять, что есть добро и зло, влияла на поведение массы народа [45, с. 57]. Древние анимистические представления, согласно которым вселенная населена духами, сохранялись и в XIX в. Духи обладали даром прорицания и предсказания, они могли вмешиваться в ход событий. Важный аспект веры в духов

состоял в том, что с ними можно вступать в сделку, чтобы улучшить положение лица, умилостивляющего духов. Тем самым нижестоящий мог как бы управлять вышестоящим лицом и достичь желаемого результата.

В ходе социального развития в Таиланде сложился тот тип идеального нравственного поведения, который, согласно господствовавшим в обществе представлениям, приносил данному лицу «заслугу» и улучшал его социальный статус. Этот тип общественного поведения основывался на щедрости, сострадании, свободе от желаний, непричинении зла другому [308, с. 71—78]. В обобщенном виде иерархия стала воплощаться в социальном поведении таи в форме выражения уважения и подношениях. На этой основе даже выработался особый язык: в нем все формы выражения, а также местоимения имеют статусную нагрузку, так что в настоящее время таи, желающий, например, обратиться к кому-нибудь в эгалитарных терминах, вынужден прибегать к помощи английского или китайского языков [308, с. 79].

В противовес монотеистической иудейской, христианской, исламской традиции у таи не было четкого разделения между естественным и сверхъестественным. Особа правителя рассматривалась и как божественное, сакральное, и в то же время как земное существо. В соответствии с буддийскими представлениями, правителя считали чакравартином — в социальном смысле «отцом народа», а в нравственном — воплощением тхаммы. После смерти правитель становился бодхисатвой, олицетворяя идею мессианства. Синтез чакравартина и бодхисатвы «идеализировал политическое господство в настоящем и одновременно предвосхищал переход в счастливое будущее» [278, с. 18—19]. Выведенное из мифа о первоначальном народном избрании правителя на основе естественного права, политическое господство воплощало движение к совершенному обществу будущего. Эта концепция политического господства доминировала и в период Бангкока, но она утратила махаянистскую точку зрения на правителя как девараджу — олицетворение Шивы, Вишну и других индуистских божеств, как объект культа брахманов. «Понимание брахманских церемоний как связи правителя с Вишну, Шивой и Брахмой,— пишет таиландский автор,— еще ясное в XV в., в период поздней Аютии постепенно утрачивается. В период Бангкока оно было утеряно почти полностью, что вытекает из указа правителя Рамы I 1782 г., призвавшего уничтожить линги как объект поклонения» [229, с. 100]. Правители Бангкока в новой системе социальных связей отказались от этики индуизма и обожествления правителя, «освободив тайский институционный порядок от магических подпорок, открыв путь для различных социальных нововведений» [231, с. 19]. И в XIX в. правители оставались «буддами» — «просветленными», верховная власть рассматривалась как носитель религиозно-нравственного начала, фактически она все еще не имела границ, очерченных законом. Правитель выступал как «хозяин земли» — чао пен дин, дарующий блага подданным, делегирующий власть должностным лицам, а право на землю и ее продукт — своим

подданным. Привилегии высших должностных лиц признавались в терминах этого делегирования как «держания».

Правитель возвышался над пирамидой должностных лиц как глава светской, духовной и военной власти. Это не означало, что он принимал большое участие в управлении страной — его участие в делах управления было минимальным. Правитель сохранял огромный авторитет как объединительный символ [299, с. 49]. Все свободные подданные формально были равны перед правителем, а следовательно и перед законами, олицетворявшими справедливость и тхамму. Хотя в законы постепенно включались ограничения, носившие социальный характер (см. [160, с. 177—178]), эти ограничения не были показателем сословности суда. Закон был выше людей и не зависел от их воли, его осуществлял бог в человеческом облике, т. е. правитель [45, с. 4—5].

Право и в XIX в. сохраняло казуальный характер. Указы правителя, объединенные в свод в 1805 г., составлялись в соответствии с тхаммой и должны были служить практическим руководством при отправлении правосудия. Предполагалось, что все судьи имели копии указов правителя и что сам правитель читает кодекс частями ежедневно. «Законы страны,— писал Боуринг,— являются одним из наиболее ярких практических свидетельств цивилизации и прогресса, и в общем сиамцы должны считать себя в этом отношении выше китайцев» [39, т. 1, с. 173]. Государственная регламентация через указы правителя имела всеохватывающий характер. В качестве примера можно сослаться на многочисленные указы Монгкута, включавшие как повседневный контроль над жизнью столицы, так и важнейшие вопросы внутренней и внешней политики — отмену государственных монополий, введение налогов, установление размеров доходов должностных лиц. Нарушение законоположений правителя каралось вплоть до смертной казни [257, с. 77].

Государство оформляло социальные связи, формировало общественные идеалы, вкусы и отношения, выступая как «универсальное государство» — воплощение высших божественных принципов. Однако концепции политической власти с XVII в. менялись в сторону ослабления связи с религиозным началом. Опорой государственной власти становилась бюрократия, отличавшаяся лояльностью и выступавшая сторонницей сильной государственной власти, примата государства над духовенством. Из этой среды и вышли первые реформаторы-прагматики, поддержавшие Монгкута и его реформу буддизма. Однако бюрократия, будучи многочисленной и обладая большим весом в политической жизни, в новых условиях вследствие своей коррумпированности и неэффективности стала выступать как консервативная сила, парализуя попытки новых социальных сил изменить направление политики. Интегрируя политические и социальные отношения, бюрократия подчинила себе общество, распределяя личности и группы по разработанной иерархической системе. В этой среде большое значение имело умение быстро приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, создавать путем браков и покровительства сильное и действенное «окружение» [229, с. 89]. Власть должност-

ного лица базировалась не только на силе, в том числе военной, но и на расчете, разумном компромиссе, определявшемся данной политической обстановкой. В государственной структуре Таиланда политическая обстановка постоянно менялась: борьба за влияние была чрезвычайно сложной, в ней участвовало много групп, соотношение сил которых менялось часто на протяжении жизни одного поколения. Быстро перестраивались и «окружения», участвуя в политической борьбе внутри правящего слоя.

Центральная власть балансировала между столичными группировками с их «окружением» и сохранялась благодаря постоянной борьбе между ними. Смерть одного правителя и восшествие на престол другого всегда приводили к острой политической борьбе, хотя и сохранялось правило, по которому предпочтительным правом выдвижения кандидата на трон пользовался семейный клан матери умершего правителя — ратчаникун [314, с. 217]. Исторические события, зафиксированные в хрониках, указывают, что форму постоянного принял конфликт между «окружением» правителя и «окружением» уппарата — «второго короля». Последний назначался при жизни правителей из их ближайших родственников (обычно им был сын или брат правителя), имел значительное влияние и разветвленный должностной аппарат. Правитель относился к уппарату и его приближенным с недоверием и подозрительностью, опасаясь, что «окружение» уппарата поднимет мятеж против правителя [257, с. 63—64].

Правитель и бюрократия дополняли друг друга, создавая особое равновесие с правящим слоем. Если для западноевропейской феодальной знати идея представительства была включена в само понятие «сословия», то для таиландской бюрократии идея представительства, делегирования власти и ответственности перед сословиями не была политической нормой [308, с. 58].

В XIX в. сложная политическая борьба в стране указывает на развитие новых социально-политических условий. Приход к власти династии Чакри был итогом острого социального конфликта в рядах господствующего класса. В политическом аспекте это выразилось в восстановлении при первых правителях новой династии Чакри институтов Аютии, призванных ограничить частный патронаж и укрепить бюрократическую структуру. Однако политические начинания Монгкута более напоминают монархические приемы правления, восходящие к тайским мыангам,— недаром в это время пробуждается интерес ко всему тайскому и отвергается модель Аютии как индианизированная [229, с. 14]. При Монгкуте была изменена процедура с водой клятвы: вода собиралась в различных реках Таиланда, и должностные лица должны были ее пить как символ единства должностных лиц, правителя и государства. Теперь воду клятвы на верность стране, государству, правящему классу пил сам правитель Монгкут. При этом подразумевалось, что в случае злоупотребления властью он будет отстранен от государственных дел [229, с. 116, примеч. 22].

Но несмотря на наметившиеся изменения, сохранялся разветвлен-

ный военно-управленческий аппарат как консервативная сила, направленная на утверждение раз и навсегда установленных имущественных, социальных и политических отношений. Раздача постов в аппарате управления была делом правителя. Должности не были наследственными, но от отца к сыну переходило право на занятие должности в административном аппарате. Сын земледельца наследовал профессию отца и становился земледельцем, сын должностного лица наследовал работу отца в управлении — он становился должностным лицом в административно-фискальном аппарате.

Исследователи специфики государственного строя Таиланда обычно обращают внимание на такую «поразительную черту традиционной тайской системы», как «постоянные попытки обезличить должностных лиц в бюрократической структуре». «Бюрократия,— пишет Д. Уилсон,— состояла из должностей, установленных законом и повторявших некоторые черты космоса. Подобно трону, но только в меньшей степени, эти должности преобразовывали должностных лиц. Каждый пост имел сактина, титулы, регалии и другие аксессуары, включая и особое имя для каждого должностного лица» [308, с. 93]. Такая функционализация личности выводила должностное лицо за рамки родственного коллектива, клана, на него распространялась совокупная воля, воплощенная в правителе. За фасадом этих обезличенных официальных отношений развивались личностные отношения покровительства, подменяя первые. Между начальниками и подчиненными неофициальные отношения личной верности, взаимной негласной выручки, определенной корпоративности играли важную роль на любом уровне должностной иерархии. В среде бюрократии царили протекция, своекорыстие, укоренилось стремление к личному обогащению [266, с. 97].

Не следует, однако, думать, что в бюрократическом аппарате не было способных, преданных своему делу людей. На высокие деловые качества и компетентность ряда должностных лиц в служебной иерархии указывают источники XVII в. По свидетельству посла губернатора Британской Индии Кроуфёрда, приехавшего для переговоров в Бангкок в 1822 г., принц в ранге кромчат, ведавший кром праклангом, продемонстрировал в ходе переговоров огромные познания и опыт [43, т. 1, с. 138]. Другой англичанин — Дж. Боуринг, описывая сиамские суды, замечает, что «судьи исключительно умные люди» [39, т. 1, с. 171].

В XVIII в. включение в государственную территорию внешних провинций, где сохранялись местные правители — чао мыангов, окруженные своими пху ной, привело к увеличению числа должностных лиц из местной знати. Это обстоятельство отразилось на функционировании государственного аппарата, снизив его эффективность. В аппарате численно стал преобладать круг людей, составлявший «окружение» знатных лиц, занимавших административные посты в провинции. Для должностного аппарата оставалась характерной нерасчлененность функций: компетенция по одному и тому же делу, полномочия в одном и том же мыанге принадлежали одновременно представителям разных ведомств, частных кромов,

дворцовых служб. Не было разделения функций между исполнительной и судебной властью, существовала путаница в отправлении правосудия [257, с. 134].

В строительстве аппарата власти тайская знать, естественно, исходила из местных условий, демонстрируя склонность к традиции, а не к новшествам, которые начиная с Монгкута стала вводить центральная власть.

Буддийская община — сангха

Церемонию венчания правителя на царство совершали придворные брахманы, буддийская сангха не имела отношения к узаконению королевской власти. Основной задачей сангхи было обеспечение интеграции тайского общества, объединение прай и най в однородную социально-политическую структуру средствами морально-этического и религиозного воздействия. Соблюдение морально-этических норм находилось и находится в центре системы общественных ценностей таи, системы, концентрирующей внимание отдельного лица на воздаянии — «получении заслуги» и будущем перевоплощении [139, с. 22]. Перевоплощение — естественное следствие кармы. Чтобы улучшить карму и воздействовать на будущее перевоплощение, каждый таи стремится накопить как можно больше «заслуг», с тем чтобы возродиться в более высоком статусе. «Многие области деятельности таи,— пишет Айал,— от колыбели до могилы тесно связаны с получением заслуги» [180, с. 46]. Высшей формой получения «заслуг» было финансирование или участие в постройке монастыря, а также пожизненное монашество, отказ от всего земного. Пожизненно монахами становились чаще всего сыновья из знатных семей, не получившие светской должности в аппарате управления. На время — на трехмесячный период мусонных дождей — монахами стремились стать все мужчины. Через послушничество и монашество обеспечивалась морально-этическая устойчивость как отдельных социальных единиц (семей), так и их совокупности в пределах социально-политической иерархической общности.

Сангха занимала промежуточное положение между политической властью и народом: в глазах народа сангха не отождествлялась с королевской властью, хотя и была тесно с ней связана. Престиж сангхи проистекал из ее собственного морального авторитета, что обеспечивало ей относительную самостоятельность от властей. Поэтому она выступала в роли арбитра и советника в отношении как короля, так и народа. Связь буддийского монашества, с одной стороны, с земледельческим населением, а с другой — с политической властью придавала ему огромный общественный вес, престиж и влияние. Рекомендация или совет буддийского монаха имели силу моральной санкции.

Социальное значение сангхи и монашества возрастало в соответствии с повышением ценности «заслуги» в крестьянском сознании [121, с. 168], а ват с ходом исторического развития становил-

ся символом единства деревенской общины, мыанга, нации. Буддийские правила Винайи ограничивали имущественные права монахов, сами же ваты полностью зависели в своем материальном благополучии от светского общества. Правитель даровал монахам храмы, пагоды, статуи, земли, амбары для хранения риса, деньги, платье, пищу, необходимые в быту вещи. Если в Западной Европе через дарения земли монастырям центральная власть контролировала духовенство, то в Таиланде дарение материальных объектов монастырям рассматривалось как обмен их на духовные ценности — тхамму, эти дарения отражали величину «заслуги» дарителя и его социальный статус [183, с. 128]. Заботу о материальном существовании деревенских монахов брали на себя крестьяне, обеспечивая ежедневно тхеру, послушников и временных монахов продовольствием. Для этого создавались и сейчас создаются территориальные объединения, включающие 20—40 домохозяйств и находящиеся под главенством женщины из доминирующей матрилинии. В этих объединениях пища для монахов готовилась в порядке очередности [68, с. 40].

Большие дарения буддийским ватам представителями всех социальных слоев населения делались в религиозные праздники. Дарения монахам, буддийским храмам и святилищам, участие в церемониях, работы в ватах, помощь родственникам в посвящении в монахи, кремации и т. п. рассматривались как важные способы получения религиозной «заслуги», которая считалась тождественной социальной [68, с. 36]. Государство гарантировало политическую и юридическую защиту буддийской сангхе и монахам, которые, в свою очередь, обеспечивали государству и господствующему классу «прирученных и умиротворенных» крестьян. Приобщение к буддийскому культу было условием для продвижения вверх по лестнице социальных статусов и рангов. Тем не менее буддийские монахи могли снять желтую рясу и занять высокие посты в должностной иерархии только с разрешения правителя, ибо буддийская община была подчинена политической власти. Правитель назначал главами самых больших буддийских ватов лиц королевской крови [286, с. 31]. До 1941 г. в Таиланде сохранялись королевские ваты с особой группой монахов, имевших право на участие в важнейших церемониях. Экзамены монахов, проводившиеся при занятии высших духовных должностей, проходили в присутствии правителя. При назначении сангхарата (главы сангхи) требовалось одобрение правителя.

Изменения в социальном строе в первой половине XIX в. сказались и на буддийской общине, бывшей важнейшей частью социально-политического порядка. Сын Рамы II принц Монгкут, ушедший в буддийский ват, поскольку на трон был посажен знатью его дядя Рама III, возглавил движение за реформу буддизма. В королевском монастыре в противовес маханикае Монгкутом была создана секта тхаммаютникая. Эта секта стремилась очистить буддизм от анимистических верований, приспособить его к требованиям современного развития. Став в 1851 г. правителем, Монгкут упразднил

ряд брахманских церемоний, что должно было подчеркнуть роль правителя как буддийского монарха, морально подчиненного сангхе. Но сакральный характер верховной власти, а также связь последней с буддийской сангхой сохранялись: монархия и буддизм выступали традиционными коллективными представителями тайского народа [286, с. 30].

Движение за реформацию буддизма показало возможность его модернизации. Монгкут положил начало социально-экономическим реформам, а реформированная секта буддийской общины поддержала их [255, с. 14]. Сангха в целом как институт не могла оказать противодействия реформаторским усилиям правящей элиты, поскольку политическая власть в Таиланде не нуждалась в обосновании своего господства, а своих действий — в санкции сангхи и буддизма. Работы западных авторов 70-х годов и их оценки буддизма тхеравады как системы ценностной ориентации общественного сознания более объективны по сравнению с их же работами 60-х годов. Авторы последних были склонны объяснять, например, социально-экономические успехи Японии в начале XIX в., исходя лишь из того, что господствовавшая в этой стране система ценностной ориентации генерировала и санкционировала склонность к деловой активности, в то время как система тайского буддизма порождала лишь пассивность и индивидуализм [180, с. 38]. Проведенные в последние годы многочисленные полевые исследования тайской деревни показывают, что за многовековое существование в тайском обществе сложилась система религиозных взглядов и институтов, которые исключают однозначный ответ на вопрос о значении буддизма в экономическом развитии вообще [121, с. 175].

Функционирование государственного аппарата

Управление. Государственный аппарат управления основывался на индуистской космологической схеме, а действовал по принципу военной организации. Сосредоточенные в столице центральные кромы, из которых самыми влиятельными были три — махаттай, калахом, пракланг,— ведали делами управления на всей территории государства и подчинялись непосредственно правителю. Провинциальный аппарат строился на принципе единообразия и повторял столичную администрацию: сохранялись столицы больших провинций — накхон, им подчинялись более мелкие провинции. Так иерархическая структура общества находила повторение и в административной системе. Вне центрального района находились внешние провинции, а за ними располагались государства-данники.

Заполнялись должности аппарата управления в порядке старшинства: младший по возрасту не мог обойти старшего и подняться выше его по должностной лестнице. До половины служебного времени у должностных лиц уходило на выполнение публичных функций и традиционных церемоний. Эти должностные лица не были бюрократией периода абсолютной монархии, поскольку

специализация, ограничивавшаяся судебно-административной деятельностью, еще не вела к специализации в той или иной отрасли управления. К тому же «специальные функции кромов как звеньев государственной машины,— по справедливому замечанию таиландского автора,— были второстепенными» [257, с. 59]: их главной задачей был учет земледельческого населения и его мобилизация на государственные работы и в войско. Правитель давал команду — чакр — главе столичного крома, тот давал команду главам конгов, а последние — муннай (сотским).

Нерасчлененность аппарата управления, судопроизводства и аппарата по извлечению централизованной ренты-налога создавала в среде должностных лиц определенную социальную психологию — они стремились получить любой ценой должность ради приобретения престижа и богатства. Должностные лица рассматривали назначение на должность как предоставление им источника «кормлений» для них и их семейных кланов. Руководствуясь в своих действиях как указами правителей, так и обычаем и обстоятельствами, должностные лица забирали больше того, что им было положено по должности. В их среде устанавливались обычаи, которые часто значили столько же, сколько указы правителя.

Поскольку в Таиланде не было крупной частной феодальной земельной собственности, то не была развита сфера частноправовых отношений; господствовали публично-правовые отношения. Как прай не мог противостоять най, так и податное лицо не могло противостоять должностному лицу. Принципы морали — тхаммы, которые на ранних этапах развития политической власти ограничивали ее всевластие в лице правителя и должностных лиц, стали разрушаться под напором денег. Превышение должностных полномочий лицами, связанными с откупами, злоупотребления, нарушения правопорядка уже не пресекались высшей властью, а сами возводились в принцип государственной политики, проводившейся в интересах того слоя господствующего класса, который был связан с торговлей и деньгами.

Смешение управленческих задач отрицательно влияло на функционирование государственного аппарата. Сказывались на его деятельности и те новые процессы, которые захватили центральный район с XVIII в.: рост частного патронажа и разбазаривание тем самым трудовых ресурсов по отдельным кромам. Списки податного населения, когда-то сосредоточивавшиеся в кроме регистрации (сатсади), оседали в важнейших кромах [257, с. 68]. Даже строительство новой столицы с 1782 г. велось не за счет трудовых сил земледельческого населения центра, а трудом лао Вьентьяна и кхмеров [307, с. 18—20]. В связи с усилением в начале XIX в. на основе частного патронажа власти отдельных кромов центральное правительство утратило возможность назначения должностных лиц в провинции — их назначали главы столичных кромов.

Административная власть государства замыкалась на администрации округов — тамбонов, не доходя до деревень и общин. Должностные лица округов в своем наименовании сохраняли и в

XIX в. память о происхождении от тайских административно-военных единиц сотенной организации: камнан — тысяцкий, мыанг кхвэн — десять тысяч [187, с. 23].

Согласно космологической схеме, власть центрального правительства убывала по мере удаления от центра: окружавшие центр государства-данники сохраняли независимость в финансовых вопросах, а в военных действиях их правители выступали с отдельным вспомогательным войском. Вопросы наследования регулировались там обычаем. Сохранялась автономная судебная система; системы откупов в этих государствах не было [187, с. 33—34].

Чтобы воспрепятствовать развитию центробежных тенденций, усилившихся в XIX в., в провинции из центра для контроля над деятельностью должностных лиц направлялись уполномоченные — кха луанг. Они проверяли учет податного населения, рисовых полей, фруктовых деревьев, с которых в казну должны были поступать налоги. Обязаны они были и «обследовать условия жизни подданных» [187, с. 104]. Но несмотря на такие меры, центробежные тенденции продолжали развиваться, подрывая самые принципы существования бюрократической структуры, обеспечивавшей существование и функционирование тайского земледельческого общества. Государство утрачивало способность быть патроном для государств-данников, наметился разрыв в отношениях между правительством в Бангкоке и провинциальной администрацией, что нарушало принцип сделки, на котором строились эти отношения[1] [257, с. 99]. Снижалась способность государства защищать своих «подданных» от внешней опасности, которая особенно усилилась в связи с военно-политической экспансией западных держав в Индокитае. Фактически к 70-м годам XIX в. функции центральной власти сводились к решению споров между важнейшими кромами и представителями господствующего класса по поводу распределения централизованной ренты-налога — «кормлений».

Суд. Традиционное тайское правосудие корнями уходило в религиозную космологию, в основании которой лежала индуистская модель. Правонарушение не было нарушением законов, созданных человеком, но рассматривалось как нарушение космического порядка. Правосудие использовало космические термины, его вершил бог в человеческом облике. В соответствии со взглядом на человеческую личность, сложившимся на основе буддизма, брахманизма и анимизма, концепция возмещения за оскорбление предусматривала плату духам домохозяйства, воздаяние «заслуги погибшему». Возмещение ущерба рассматривалось как возвращение души погибшего в его телесную субстанцию либо умилостивление духов, оберегавших социальную общность, к которой принадлежал пострадавший. Но в XIX в. в судебном процессе наметился отход от традиционных взглядов на возмещение, было узаконено понятие о возмещении как «плата за ущерб» [45, с. 63]. Рассмотрение тяжбы шло без официального суда, через каналы традиционной социальной иерархии, создававшей основу для неформального разрешения конфликта на всех уровнях тайского общества. Таиланд был и остает-

ся обществом, избегающим судебных тяжб, предпочтение отдается посредничеству. Посредниками могли быть заклинатели духов, уважаемые главы деревень и старейшины, настоятели деревенских ватов, а из должностных лиц — представители администрации тамбонов, иначе говоря, пху яй. Посредничество более отвечает имеющим глубокие корни понятиям справедливости и идеализированного поведения, порицающим агрессивность, поощряющим стремление избежать открытого конфликта и т. п.

Формальный судебный процесс был почти недоступен прай: суд вершила знать, простолюдина в нем представлял его най. Но сохранялись древние представления об общности происхождения всех таи, поэтому все «свободные» были равны перед законом; свидетелями не могли быть только рабы и лица, утратившие часть своей свободы, а также лица определенных профессий. Особым весом пользовались свидетельские показания буддийских монахов и отшельников, сведущих в законе людей, лиц высокого ранга, светских лиц, ушедших на время в буддийский монастырь [39, т. 1 с. 177—178]. Сактина оберегала честь лиц высокого ранга и судей: в случае оскорбления знатным лицом другого знатного лица того же ранга, но с более высокой степенью сактина, считалось, что оскорбление нанесено вышестоящему, за что полагалось наказание. Судьи при ранге всего лишь луанг имели сактина 10 тыс., как высшие должностные лица государства в ранге прайя, и это защищало их от оскорблений [39, т. 1, с. 173]. Суровому наказанию подвергался в соответствии с указами правителей тот, кто оскорблял лиц с сактина выше 400. Суд над знатным лицом не мог состояться без специального решения правителя. Принцев судили особым судом в кроме ванг, знать была подсудна высшим должностным лицам своих кромов [257, с. 104, 117].

По свидетельствам европейцев, проживавших в Таиланде в XIX в., высшим судебным органом был сала лук кун, суды имелись и у принцев и наместников провинций. Судебное дело прежде всего поступало в сан луанг («здание короля»), где 12 брахманов решали, куда направить его [187, с. 6]. Дело в письменном виде принимали особые должностные лица — Кун Ли Тамарат и Кун Ча Сан, которые сменяли друг друга через 15 дней. Далее оно направлялось в сала лук кун, где заседали четыре должностных лица в ранге «луанг» и восемь их помощников. Изучив дело, они передавали его должностному лицу в ранге «Пхра Рачаничай», который решал, к какому крому оно относится. Суды при кромах — кхун сан — проводили разбирательство. После рассмотрения дело возвращалось в сала лук кун, где и выносился приговор, который вступал в силу после утверждения правителем. Суды при наместниках провинций собирались ежедневно.

Важнейшими делами считались обвинения в предательстве, убийстве, грабеже, пиратстве, отравлении — за них полагалась смертная казнь. За изготовление фальшивых монет (а это было распространенным явлением) отрубали правую руку. Разбирались и долговые иски: должников бросали в долговую яму или заковы-

вали в цепи [39, т. 1, с. 170—177]. Все эти дела решал сала лук кун. Суды при кромах разбирали иски о воровстве, не направляя их в сала лук кун; такие процессы велись без следствия либо сами же судьи были и следователями; важнейшей задачей считалось избавление от воров и грабителей [257, с. 134].

Суд (несмотря на сложность процедуры контроля и надзора) вершился в пользу лиц, обладавших властью и богатством, в ущерб простым истцам и ответчикам. Должностные лица высокого ранга бесцеремонно вмешивались в судебный процесс, если он велся против лиц, находившихся под их покровительством [39, т. 1, с. 170]. Высший суд — сала лук кун — к XIX в. превратился для рядовых подданных в недоступный, «сословный». Попытки центральной власти контролировать действия судей и должностных лиц становились все менее и менее эффективными.

Налоговая система и доходы казны. В соответствии с общинными традициями, государство и в XIX в. сохраняло за собой право регулирования пользования личной собственностью вплоть до ее конфискации, право обложения налогом всех видов собственности право на неоплаченный труд земледельцев. Налог с земли, по традиции, уплачивался рисом в размере 1/10 собранного урожая. Но трудовая повинность и патронажные вознаграждения не были нормированы и особенно тяжелым бременем ложились на земледельцев. Неясность норм обложения создавала широкие возможности для злоупотреблений, поскольку единственным ограничением для аппетитов должностных лиц была формула, согласно которой они не должны «угнетать народ». «Из законов, указов и судебных разбирательств,— пишет Акин Рабибхадана,— вытекает, что наместники и их должностные лица считались совершившими преступление, если угнетение становилось невыносимым для народа и население уходило из мыанга» [257, с. 73]. Подобные злоупотребления создавали постоянную напряженность в деревне, разрешавшуюся бегством жителей и сменой ими своего най. Создавала она трудности и в функционировании самой фискальной системы, особенно ввиду большого объема работ, выполнявшихся безвозмездно, в качестве трудовой повинности, крестьянами. Рост населения и территории государства вызывал стремление к упорядочению сбора налогов и унификации системы государственных повинностей.

Первая половина XIX в.— это победа денег как основы государственного бюджета: рентные отношения между подданными и государством выражаются теперь в денежной форме. Натуральные поставки, повинности и откуп от повинностей стали окончательно основываться на денежных расчетах. Возрастает роль налогов как категории суверенного государства, в чем отразилось стремление господствующего класса, а вернее, той его части, которая была втянута в городскую жизнь и мировую торговлю, к упорядочению финансовой системы.

Первые сведения о доходах государственной казны Таиланда собрали во второй половине XVII в. европейцы [57, т. 1, с. 95]. Сравнение этих данных с данными первой половины XIX в. провел

английский губернатор Гонконга, одновременно аккредитованный как посол при дворах Японии, Таиланда, Кохинхины и Кореи, сэр Джон Боуринг [61, с. 24]. Несмотря на то что европейцы, посещавшие Таиланд в XVII—XIX вв., проявляли большой интерес к государственным доходам, составленные ими оценки доходов таиландской казны справедливо вызывают сомнения современных исследователей [221, с. 30]. По оценке Дж. Боуринга, дань с зависимых от Бангкока земель стояла на первом месте в общей массе государственных доходов. На втором были поступления в виде налогов с полей, садов и плантаций. Третье место в доходах казны занимали откупа и государственные монополии, на четвертом были таможенные сборы, затем шли штрафы и конфискации. Установить соотношение между натуральными и денежными поступлениями в казну для XIX в. трудно, но, по-видимому, в 20-е годы XIX в. они относились как два к одному, и значительно изменилось это соотношение в пользу денег лишь к середине XIX в. [221, с. 30; 39, т. 1, с. 262].

Налог[2] с возделанной земли, который в период Аютии (XVII в.) взимался довольно нерегулярно, в период Бангкока был сведен к денежному исчислению в сумме 0,375 бата с 1 рая [39, т. 1, с. 262; 221, с. 30]. В первой половине XIX в. срок государственных работ был сокращен с шести до трех месяцев в году, а откуп от этих работ возрос с 12 до 16 батов. Подушное обложение китайцев с 1,5 бата в годы правления Рамы II возросло до 4,25 бата в четвертое правление династии Чакри (1851—1868). Налог брался с различных видов продукции и таких видов деятельности, как производство арековой водки, рыболовство, содержание игорных домов. Эти виды налогов первыми были сданы на откуп при Раме III. Тогда же было введено много новых налогов, которые сдавались на откуп местным китайцам. Поступления от налогов в казну стали возрастать, оттесняя на второй план доходы от королевской торговли. Важную часть поступлений в казну составляли таможенные сборы и транзитные пошлины, взимавшиеся со стоимости товара. Иностранные суда платили различные пошлины. Казну пополняли все еще очень существенные доходы от внешней торговли, поскольку сохранялись правительственные монополии на ряд товаров в импортной и экспортной торговле [221, с. 30—31].

Анализ государственных доходов показывает, что сохранялись широкие возможности получения прибавочного продукта за счет дани с покоряемых в ходе военной экспансии народностей. Поскольку доходы казны от внешней торговли все еще были внушительны и вместе с тем возросла часть поступлений за счет налогообложения, создалась возможность перераспределения доходов в пользу казны, а не кромов. Налоги в денежной форме с полей, фруктовых садов и плантаций взимались казной непосредственно через кром пракланг.

От периода средневековья сохранялась еще архаичная система сбора налогов рисом: эти налоги взимались кромами махаттай и калахом в подчиненных им провинциях и служили материальной основой для вознаграждения должностных лиц[3]. Для сбора налогов с

рисовых полей кром махаттай назначал специальных сборщиков — кха на. Взимался налог при уборке урожая и часто — в произвольных размерах [39, т. 1, с. 264]. Расширение территории государства, включение в нее труднодоступных в транспортном отношении районов (даже во второй половине XIX в. путешествие из Бангкока на север, в Чиенгмай, занимало до трех месяцев, столь же трудными были связи с северо-востоком) заставляло господствующий класс предпочитать выкуп в деньгах взносу налога натурой. Все это в условиях очень слабого развития товарно-денежных отношений вело к проникновению в деревню торгово-ростовщического капитала, росту долговой кабалы.

Денежные и продуктовые государственные налоги, составляя важную долю обязательств сельского населения перед казной, не исчерпывали их всех. Существенное место продолжали занимать натуральные и отработочные повинности, а также всякого рода сверхординарные сборы и принудительные отработки, связанные с передвижением войск, доставкой для них грузов, уходом за слонами и поставкой для них корма, строительством укреплений и т. п.

Помимо обычных отработок, касавшихся большинства населения, деревень и провинциальных городов, сохранялись другие, которые выполняли определенные категории крестьян и население ряда районов. Так, в лесных районах и там, где имелись заросли мангровой растительности, население выжигало древесный уголь и поставляло его казне. В оловоносных районах население привлекалось к олово- и золотодобыче, на западе в гористых областях — к разработкам сапановых лесов, а также поставкам отловленных слонов [71, с. 1016, 1032], в районе Чантабуна — к заготовкам леса для строительства судов. На лесоразработках сапанового дерева, считавшихся королевской монополией, в качестве рабочей силы использовали монов. Им вручались лицензии, по которым они могли получать провизию в деревнях, расположенных в районе разработок.

Представление о стоимостном выражении отработочных повинностей дают оценки, сделанные западными исследователями, и хотя их нельзя считать вполне точными, все же они показывают, что натуральные и отработочные повинности и в XIX в. были преобладающими [221, с. 30].

Проводимая государством политика приписки населения к кромам и представлявшим их должностным лицам в провинции, сопровождавшаяся маркированием населения, ставила прикрепленных лиц в формальную зависимость. Получатель налога, контролировавший также выполнение отработочных повинностей и взнос натуральных платежей, мог извлекать доход с территории, которая была под его контролем.

Поступления в кромы были фиксированными и должны были притекать к ним регулярно в установленные сроки и столь же регулярно передаваться в казну — кром пракланг. Но, как показано выше, было много способов у глав кромов и подчиненных им должностных лиц, наместников провинций и провинциального штата должностных лиц для присвоения в свою пользу принудительного неопла-

ченного труда земледельческого населения, что являлось нарушением существовавших правовых норм.

Создание государственного централизованного управления и упорядочение эксплуатации крестьянства возможно при условии введения более единообразного земельного налога. А последнее требовало предварительного объединения всех видов налогов и повинностей, лежавших на крестьянах, с переводом их в денежную форму с учетом рыночных цен. Введенная в практику система сдачи на откуп сборов налогов с разных видов предпринимательской и земледельческой деятельности была рассчитана на дальнейшую централизацию финансов, хотя и она не спасала от злоупотреблений. Из 5—6 млн. ф. ст., по оценке финансовых советников таиландского правительства, собираемых откупщиками, до казны доходило 1—2 млн. Стоит ли удивляться заявлению короля Чулалонгкорна, что в год его вступления на трон казна была почти пуста [257, с. 67]. В новых условиях, созданных быстрым развитием денежного хозяйства, старая система сбора государственных доходов привела к расстройству государственных финансов, что показало неэффективность централизации на тех принципах, которые лежали в основе социально-политической системы Таиланда в начале XIX в.

Войско. Вытекала ли воинская повинность в Таиланде XIX в. из государственного суверенитета, как и налоговая? Следует иметь в виду, что развитие института воинской повинности крестьянства — прай бан, начавшись в период ранней Аютии, заняло большой период времени — с XV по XVIII в., когда окончательно утратило силу деление населения на правых — военных и левых — гражданских лиц [306, с. 152]. Усиление с XVII в. власти денег сказалось и на воинской организации: тайское земледельческое население стало откупаться от воинской повинности; поэтому государство начало прибегать к такой мере, как наделение землей в счет военной службы в пользу государства монов-иммигрантов, насильственно переселяемых в Таиланд лао и малайцев. Появились особые кромы — легион вьетнамцев и легион из лао, которые числились в особых списках. С первой половины XIX в. можно говорить о выделении слоя военнообязанного сельского населения. В источниках ясно улавливается противопоставление «солдата» «земледельцу». «Девушка-сиамка ни за что не будет разговаривать с солдатом. Он же чувствует себя в стране парией» [76, т. 1, с. 28],— писал англичанин Х. В. Смит в 90-е годы XIX в. Часть сельского населения, обязанная военной службой, в социальном отношении выделялась из общей земледельческой среды. На это указывает и Дж. Боуринг [39, т. 1, с. 191].

Расширившиеся денежные поступления в казну, знакомство с военной техникой и достижениями европейцев в области кораблестроения вызывали у государства стремление перестроить средневековую военную организацию. Это обещало выход из военно-политических трудностей, расширение власти и богатства господствующего класса. Средства на военные нужды, на приобретение западноевропейского вооружения для войска давали денежные налоги. В 30-е годы XIX в. постоянная часть таиландской армии насчиты-

вала 10 тыс. солдат, получавших уже денежное вознаграждение и прошедших военную подготовку на европейский манер у офицеров из английских колоний [65, т. 1, с. 313]. Но даже в несколько реорганизованном виде таиландская армия середины XIX в. сохраняла средневековый облик, ее боевые качества были ограничены недостатком огнестрельного оружия, а также плохим литьем пушек. Хотя и в редких случаях, но правительство еще прибегало к мобилизации войска из земледельческого населения провинций; тогда его численность возрастала до 60—100 тыс. Главную силу в этом войске все еще составлял слоновый корпус. Использовались эти войска для отражения военных нападений ближайших соседей и подавления мятежей в подчиненных мыангах и провинциях[4].

Поселения военнообязанного населения — монов, малайцев, вьетнамцев, лао — были вкраплены в общие сельские территории. Подобная структура сельского населения вела к постепенному облегчению положения военнообязанных: по закону 1805 г. они получили право выкупа и освобождения от воинской службы [199, с. 35]. Мобилизация в войско тех, кто не откупился, проводилась с соблюдением принципов землячества и этнической принадлежности. Созданное за счет возросших денежных средств постоянное войско было сравнительно прочной опорой правителей Рамы IV и Рамы V.

Ликвидация еще в XVII в. «феодальных сеньоров» — чао мыангов и их «дружин», завершившаяся в XIX в. перестройкой войсковой организации, уничтожила элементы вассальных частноправовых связей, которые так и не стали вассальной системой. В Таиланде не сложилось наследственное служилое дворянство. Государство продолжало существовать в форме однородных частей, связанных не иерархией вассальных связей, а системой личностных отношений должностных лиц, прячущихся за фасадом официально-служебной иерархии.

Воинские земельные участки XIX в. можно определить как зародышевую форму «условной собственности». Однако отсутствие привилегий и узаконение принципа откупа от воинской службы помешали превращению этих участков в подлинно служилые держания. На поставленный выше вопрос, из чего вытекала воинская служба, можно ответить, что она вытекала из суверенитета государства и была мало связана с владением условной земельной собственностью.

В Таиланде XIX в. полицейские функции, выполнявшиеся в более развитых странах органами центрального правительства, оставались в ведении местных общин [303, с. 301].

* * *

Таиландское государство в XIX в. нельзя считать сильным централизованным государством. Отношения между правительством и населением были неясными и мало определенными. Фактически центральное правительство было очень слабо: его теоретически абсолютная власть не была ничем реально подкреплена. Население было во многих отношениях свободно по отношению к правительству и не-

подконтрольно ему. Подобного рода отношения между правительством и населением приводили к незнанию друг друга, к взаимному отсутствию интереса.

Стержнем объединившихся в таиландское государство социально-политических систем — семей, кланов, земледельческих общин — в XIX в. выступала идея вождя и отца — чакравартина. Политическая система базировалась на равновесии сил слагавших ее сегментов. В ней все еще значительную роль играли родственные отношения, влиявшие на принятие решений в местнических интересах, что характерно для обществ сравнительно низкого уровня социально-политического развития.

Важной частью политической системы и в XIX в. оставалась религия и магические ритуалы. Отмена части магических ритуалов, связанных с отождествлением столицы с космическим центром, вокруг которого располагались земледельческие общины, приходится на начало XIX в. Развитие в XIX в. процесса секуляризации политической власти было ускорено как столкновением местного общества с западным, так и процессами внутреннего развития, описанными выше.

Подобная государственная система сложилась раньше, чем возникла крупная частная феодальная собственность на основное средство производства — землю. Будучи орудием классового господства, она в то же время служила источником возникновения функциональных и правящих групп. Таиландское государство было авторитарно-бюрократическим государством, естественную основу для него составляли интересы локальных изолированных общин.

Особенности социальных движений

Сохранение многих архаичных общественных форм в условиях типологического своеобразия развития феодализма, а также появление связанного с мировым рынком торгового капитала и наметившееся с его стороны стремление овладеть производством (хотя это стремление и диктовалось интересами торговли, а не развития производства) определили и особенности социально-политической борьбы в Таиланде со второй половины XVIII в. Определяющая роль сохранялась за факторами локального характера, но все более динамичный характер социальному и политическому развитию придавало становление мирового капиталистического рынка и развитие капитализма. Воздействие торгового капитала в социальной и политической сфере, проявлявшееся неоднократно на протяжении XVIII в. (см. [160, с. 245, 249—250]), с особой интенсивностью сказалось на событиях, связанных с гибелью Аютии (1767 г.) в войне с Бирмой, восстановлением государства с центром в Тонбури, а с 1782 г.— в Бангкоке.

События 1767—1782 гг. привлекали внимание как исследователей национальной таиландской школы, так и западных ученых [285; 307]. В их работах использованы все немногочисленные источники,

которые сохранились после гибели Аютии или были восстановлены в период правления Пья Таксина. В советской историографии эти события были освещены в очерках по истории Таиланда. Советские авторы несколько разошлись в их оценке. В наших «Очерках новой истории Таиланда» они характеризуются как «широкое патриотическое движение народа», в котором участвовали социальные слои, представлявшие торговый капитал и включившиеся в освободительную борьбу [156, с. 24—25]. В «Истории Таиланда (краткий очерк)» Э. О. Берзина указанные события поставлены в связь с «кризисом сиамского феодализма» и рассматриваются как «мощная крестьянская война, в которой народно-освободительные цели смыкались с антифеодальными» [116, с. 143].

События 1767—1768 гг. были широким крестьянским движением за восстановление порядка и изгнание бирманцев. Крестьянские массы, которыми руководило буддийское монашество, поднялись на борьбу за «справедливое государство». Типологически это выступление можно отнести к движениям, которые, подобно крестьянскому восстанию 1930—1932 гг. в Бирме, стремились к идеальному будущему, где должны были гармонически слиться космологическое и социальное устройство в правлении чакравартина. Для достижения этого идеала использовались также заклинания ритуально-магического характера.

Цели представителей торгового капитала, участвовавших в движении за восстановление независимости государства, были противоположны крестьянским: используя крестьянское движение, восстановить независимость Таиланда от Бирмы, но не в рамках религиозно-авторитарной структуры, а более рациональной, которая покоилась бы не на одинаковых, а на общих интересах в соответствии с задачами буржуазного развития. Освободительный характер борьбы и выдвинул в качестве вождя представителя интересов торгового капитала Пья Таксина. И хотя участие торговцев придало прогрессивное направление событиям 60—70-х годов XVIII в., сам по себе торговый капитал не был формационным «стадиально-системным фактором» [179]. Отсутствие «мощной крестьянской войны» и локальные особенности развития таиландского общества не создали условий для его быстрой буржуазной трансформации, обусловив медленную эволюцию через реформы 70—90-х годов и революцию 1932 г. Не будучи крестьянской войной, порожденной кризисом местной феодальной системы, события 60—70-х годов подводили тем не менее в определенной мере итог всей предыдущей истории, открывая возможность для буржуазного развития таиландского общества.

Поступательный ход общественно-экономического развития сдерживался господством земледельческой общины и связанного с ней социально-политического комплекса, системой, при которой функции совокупного владения и распоряжения условиями производства соединялись с политическими функциями и функциями управления. Наталкиваясь на эту преграду, процесс развития буржуазных отношений приобретал нечеткий, а иногда и деформированный ха-

рактер. В социально-политическую борьбу включалось множество социальных групп и прослоек, она разбивалась на массу направлений: здесь были и противоречия между торговым капиталом и традиционной знатью, проявления неповиновения властям на различных уровнях, острая вражда крестьянства по отношению к ростовщикам, борьба между «трудом и капиталом» — восстания в сахаропроизводящих районах, острые этнические противоречия между земледельческим населением центра и окраин, внутри господствующего класса — между государством как представителем централизованной эксплуатации и отдельными сильными представителями его, борьба за власть между «патронами» с их многочисленными «окружениями».

Формой протеста крестьянства против возраставшего в XIX в. гнета торгово-ростовщического капитала, выражавшегося в долговой кабале, и усилившихся тягот государственных повинностей было бегство. Беглые крестьяне стремились уйти на север, где на склонах гор создавали новые поселения. Основной культурой там был не рис, а местный сорт чайного куста: создание этой своеобразной крестьянской экономики восходит, судя по археологическим данным, к XVIII—XIX вв. [73, с. 86].

Но надо еще раз подчеркнуть, что в это время намечались процессы образования классов буржуазного общества, направление интересов которых стало влиять на социально-политическую борьбу.

Часть II

ТАИЛАНД В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД». МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Глава III

ПЕРИОД АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

В Таиланде абсолютная монархия шла на смену не сословной монархии, а авторитарно-бюрократическому механизму власти с его примитивностью и совмещением обязанностей, полифункциональностью военного аппарата. Одной из предпосылок модернизации были социально-экономические перемены, проходившие с возраставшей скоростью. Но осуществляли модернизацию правители и правящая элита, выступавшие «актерами на модернизированных ролях» [286, с. XV]. Хотя сам факт проведения модернизации говорил о наличии в таиландском обществе социальной группировки, которая достигла значительной силы и влияния, реформаторская деятельность монархии выражала волю прежде всего политически сильных, традиционных, но уже обуржуазившихся слоев общества, а они не стремились к изменению природы государственного строя, реформами «сверху» лишь видоизменяя архаичные институты.

Абсолютная монархия и ее социальная политика

Со второй половины XIX в. таиландское общество оказалось в условиях, отличавшихся от предшествующего этапа мирового развития: капитализм вступил во вторую, фабричную стадию, во всемирном масштабе встал вопрос о динамике и формах капиталистического развития. Вышедшая на мировую арену победоносная буржуазия под страхом гибели заставляла все нации принять буржуазный способ производства. В подобных условиях возрастала регулирующая роль государства, абсолютных монархий и в Азии, как ранее в Европе [113, с. 79].

В отличие от стран классического пути развития, где феодальные производственные отношения подготовили условия для становления капитализма в национальном масштабе, в Таиланде, как и в других слаборазвитых странах, развитие капитализма проходило в двух формах — надэтнической и локально-земляческой. Надэтническая форма капитализма развивалась на основе международного капита-

лизма, локально-земляческая — на подчинении мелкого производства торгово-ростовщическому капиталу, выступавшему посредником между докапиталистическими укладами и мировым капиталистическим рынком. Процесс развития капитализма оказался подчиненным не национальным интресам, а интересам колониальных держав. Системой неравноправных договоров (50—60-е годы XIX в.) Таиланд был превращен в полуколонию, а его экономика включена в систему мирового капиталистического хозяйства. Колониальные державы грабили страну через каналы внешней торговли, поэтому и развитие капитализма проявлялось не столько в области материального производства, сколько в сфере обращения.

В социально-политической и экономической сфере на передний план выдвигаются представители денежного богатства, торгового капитала. В генезисе торгового капитала в Таиланде важную роль сыграли особенности поземельных отношений, отмеченные выше, слабость земельной аристократии, неспособность государства посредством централизованной ренты-налога извлечь из прибавочного продукта крестьянского труда то, что из него мог извлечь торгово-ростовщический капитал, связанный со сферой капиталистического обращения. Торгово-ростовщические методы эксплуатации крестьянства использовал и правящий слой господствующего класса, хотя принцы крови и столичная знать не без содействия королевской власти стали крупнейшими собственниками земли. Эксплуатация земледельца уже не была теперь монополией знати: к ней приобщились представители крупного торгово-ростовщического капитала. Но это была не семья Буннак — «продукт более ранней эпохи» [316, с. 129], а узкая прослойка китайских торговцев-оптовиков, которая контролировала через систему ростовщического кредита огромный многоступенчатый аппарат торговых посредников китайского происхождения [275, с. 56]. Через этот торговый аппарат, полностью отделившийся от государственного, приспособлялся к рынку и таиландский правящий слой. В этом процессе нашла отражение тенденция к становлению экономически господствующего класса из китайского меньшинства и поляризация групп в самом господствующем классе: выделилась не порвавшая с государством группа крупных земельных собственников, бывших и акционерами иностранных и местных компаний. Это были король и принцы крови, столичная знать: они получали ренту со своих земель, часть совокупного дохода через государство и часть прибылей от предпринимательства.

По данным на середину 90-х годов XIX в., огромные доходы король получал от собственных земельных владений, расположенных в черте Бангкока, по цивильному листу как чаофа, как главнокомандующий армией[2]. Кроме того, король был одним из главных акционеров компании по сооружению первой в Таиланде железной дороги, ему принадлежало 50% акций [156, с. 189—190]. Принцы, быстро обогащавшиеся за счет рисоторговли, «охотно делали вложения в рисорушки Бангкока и Петриу»,— сообщал в 90-е годы английский автор [59, с. 652]. В созданной в 1913 г. Сиамской цементной компании с капиталом в 1 млн. батов половина акций была приобретена

королем Вачировудом на его личные средства [221, с. 135]. Крупные землевладельцы покупали акции и облигации иностранных акционерных компаний, но особенно охотно вкладывали деньги в иностранные банки, становясь нефункционирующими капиталистами.

Экономические интересы принцев начали переплетаться с интересами современной буржуазии колониального типа. В среде правящих слоев преобладали связи с «допотопными формами» капитала, эти слои и в городе не участвовали в крупном производстве. Вкладывая денежные средства в местные предприятия, принадлежавшие китайскому капиталу, представители правящего слоя не имели доступа к контролю над ними, получая лишь проценты на вложенные деньги. Даже повышение в 20-х годах XX в. тарифов на импортные товары, бывшее результатом борьбы за отмену неравноправных договоров, диктовалось не политикой протекционизма в отношении местного предпринимательства, а желанием получить более высокие доходы от внешней торговли [221, с. 138]. Почти все члены королевского дома и связанная со столицей знать превратились в рантье, живущих на проценты со своих капиталов, вложенных в банки, и ценных бумаг.

Материальная основа существования традиционного господствующего класса после заключения неравноправных договоров стала особенно активно размываться товарно-денежными отношениями. С конца XIX в. центральная власть начала вводить титулы на земельную собственность: правитель не мог более требовать «ренту-налог со всей земли». В ходе социальных реформ конца XIX — начала XX в. архаичные формы поземельных отношений, которые были связаны с отношениями господства и подчинения, несмотря на сопротивление некоторых наместников провинций и чао мыангов, были преобразованы в частную собственность, а связанные с мыангами и провинциями социальные группы рентополучателей феодальной эпохи — в сравнительно крупных земельных собственников: за ними были закреплены земли, фактически находившиеся в их собственности. На наличие таких земель, которые стали использоваться под товарные культуры, указал в своих путевых записках Э. Эймонье[3].

Система традиционных производительных сил стала модифицироваться: ее развитие в новых условиях оказалось связанным с выделением торгового капитала. Соответственно модифицировалось и положение местной знати, втянутой в торговлю через локальные рынки. Ее доходы все более связывались с землевладением, торговлей, откупами и рынком. Например, чао мыанга Чиенгмай после реформы местных финансов и системы управления получил право взимать в свою пользу налоги с производства рисовой водки и убоя свиней (по-видимому, тем и другим занимались проживавшие в мыанге китайцы) [187, с. 65]. Это значительно увеличило его доходы и сделало сторонником новой административной системы государства. Тем не менее часть старой знати в мыангах Чиенгмай, Пре, Нан сохранила права на «кормления», почетные титулы и даже политические прерогативы. Пост и титул правителя Чиенгмая были ликвидированы только в 1938 г. До 40-х годов еще сохранялись знатные

семьи в Каласиме, Махасаракаме, Ройете (на северо-востоке) [305, с. 876].

Аналогичной была судьба устаревших форм аграрных отношений и соответствующих социальных групп в южных районах страны. Но и здесь после административных реформ 1892 г. осталась система «кормлений», местная знать сохранила часть политических прерогатив и титулатуру (раджи юга пользовались некоторыми политическими правами вплоть до 1940 г.). Хотя чао мыангов и султанам было назначено ежегодное содержание, за ними сохранялось право на часть налогов в рисе в обмен на признание власти центральной администрации на ранее подвластную им территорию [46, с. 28—29]. Некоторая часть провинциальной знати была компенсирована за потерю престижа и власти тем, что была принята на государственную службу.

Большей части господствующего класса, у которой стали устанавливаться опосредованные связи со средствами производства, городскими отраслями хозяйства, банками, с международным и локальными рынками через торгово-ростовщический капитал, оказался противопоставленным многочисленный слой знати, еще тяготевший к политической власти на местах и традиционному порядку перераспределения прибавочного продукта и труда непосредственного производителя. Много лет ведущий исследовательскую работу на севере Таиланда, в районе, заселенном в основном лава, этнограф П. Кунштадтер пишет об изменении положения глав общин лава — саманг: «Когда правительство Бангкока утвердило свою административную власть над севером, карены, платившие общинам лава налог за пользование общинной землей, прекратили платежи. Это ослабило позицию самангов в отношении жителей деревень, поскольку они лишились важных источников дохода» [56, с. 457]. Утратили в ходе реформ свое традиционное значение и вожди каренов [269а, с. 27—28].

По-видимому, значительной была часть господствующего класса, которая так и не смогла приспособиться к новым условиям, найти формы хозяйственной деятельности, соответствовавшие новым экономическим отношениям. «Насколько это было возможно,— замечает Грэхем, находившийся на посту советника в министерстве земледелия Таиланда в 10-е годы XX в.,— старые чиновники приспосабливались к вновь создававшимся государственным учреждениям, но многие из старшего поколения, не будучи в силах сделать это, оставляли государственную службу, сохранив лишь свои звания и титулы» [47, т. 1, с. 308]. Служебное положение и в период абсолютной монархии оставалось в Таиланде главным критерием для включения в господствующий класс, хотя распределение социальных слоев по профессиональному признаку стало сочетаться с группировкой по принципу материального богатства. Система сактина — это важнейшее слагаемое средневековой общественной структуры, официально отмененная в 1928 г., не исчезла полностью: вплоть до революции 1932 г. принцы крови и знать высоких рангов фактически сохраняли монопольные привилегии на замещение руководящих постов в государственном аппарате[4]. Важные позиции в господствующем классе,

сохранившем бюрократическую структуру, по-прежнему принадлежали правящему слою. Как и в традиционном обществе, новый правящий слой считался обладателем высоких моральных качеств, честности и религиозных заслуг. Экономической базой нового господствующего класса оставались налоги — трансформированная централизованная рента-налог. Сохранялся патронаж как важное социально-экономическое отношение. Частнособственнический «экономически господствующий» класс из китайского иммигрантского меньшинства в этой структуре оказался «аутсайдером» — ему отводилась роль связующего звена с мировым рынком, и только.

Типологическое сходство в развитии господствующего класса в период абсолютной монархии в Таиланде с классическими образцами выражалось в возникновении функционального чиновничества. Новая социальная общность складывалась из представителей зажиточной общинной верхушки, выходцев из семей класса кроммакан (куннанг — по социальному статусу) и сыновей китайцев, проживавших в столице[5]. Королевский декрет 1890 г., приводимый в работе Д. К. Вьятта, интересен именно тем, что он отмечал пополнение новой социальной общности — чиновничества большим числом незнатных людей, поступивших на государственную службу на мелкие должности. По словам Вьятта, «китайская торговая колония столицы и мелкие чиновнические семьи до 1900 г. быстрее реагировали на возможность получить современное образование, чем старое дворянство» [316, с. 140]. Интересны и такие оценки состава таиландской бюрократии «по крови»: в канун буржуазной революции 1932 г. у 60—70% чиновников «в венах текла частично и китайская кровь» [204, с. 130].

Социальное положение этой общественной группы стало определяться законами абсолютной монархии. С первых десятилетий XX в. отменялись привилегии, которыми пользовались семьи кроммакан, а новый закон о подушном обложении (1919 г.) распространил это обложение и на чиновничество [20, с. 4]. Этот городской слой, состоявший преимущественно из детей смешанных тайско-китайских браков (лук чин), отличался от старого чиновничества и своими ценностными ориентациями. Он не проходил службу, как в старину, при дворах принцев и правителя, был свободен от личных обязательств в отношении знати. Не проявлял он склонности и к овладению буддийскими ценностями, что ранее достигалось обязательным обучением в буддийском вате и послушничеством. Этот слой получал образование в светских школах столицы. Проводимая при Чулалонгкорне и его преемниках политика поощрения образования — основание школ, колледжей, а в 1917 г. университета имени Чулалонгкорна [20, с. 63] — дала свои плоды: государство получило достаточное число образованных людей.

Получая образование в светских школах Бангкока, а иногда и за границей, бюрократический слой из лук чин в быту сохранил семейно-клановую обстановку, к тому же часто более китайскую, чем тайскую [236, с. 256]. Высший слой чиновничества, более аристократический, получавший образование на английский манер в местных

школах и колледжах, в университетах Кембриджа и Оксфорда, также не был свободен от клановых представлений и традиций. К тому же аппарат управления все еще формировался не столько путем конкурсных экзаменов, сколько за счет клиентелы. Сохранялись отношения зависимости стоящих ниже на бюрократической лестнице от нерегулярных милостей вышестоящих. В глазах народа любое лицо, занимавшее пост в аппарате управления, оставалось най, пху яй, к нему следовало относиться с уважением, управление, господство и власть все еще оставались синонимами. Это открывало путь для широкого использования чиновниками пережиточных форм отмененной системы «кормлений» — коррупции, взяточничества, подарков, натуральных отработок, которые давали ему возможность сохранять высокий социальный статус. Новые государственные учреждения использовались в целях личного обогащения [250, с. 480]. Все это ставило препоны на пути развития общих обязанностей бюрократии по отношению к абсолютной монархии, делило ее на фракции, функциональные группы — армия, полиция, гражданские служащие, которые стали выступать как самостоятельные силы, претендующие по своей функциональной роли в государственном аппарате на высокое социальное положение и богатство.

В Таиланде с конца XIX в. в инфраструктуре начал складываться государственный сектор. Он включал систему ирригации и железные дороги, электро- и водоснабжение Бангкока. Государство на деньги казны в годы первой мировой войны начало сооружение писчебумажной фабрики. В 1923—1924 гг. высокая стоимость импортной бумаги побудила правительство расширить предприятие. Эта фабрика принадлежала департаменту, связанному с обслуживанием армии [221, с. 139]. В 1929 г. департамент акцизов купил у китайского предпринимателя спирто-водочный завод, к которому позднее было добавлено еще несколько предприятий. Существование государственного сектора в экономике еще в предкризисные годы открыло возможности для обогащения чиновников, связанных с управлением его предприятиями.

В условиях слабого развития товарно-денежных отношений в деревне до буржуазной революции 1932 г. сохранялись традиционные производственные отношения, преобразовать которые в 20-е годы товарное хозяйство было не в состоянии. Так, модифицированная в подушную подать барщина продолжала сохраняться во многих районах страны в натуральной форме отработок в хозяйствах местных помещиков и знати. Подушная подать в денежной форме уплачивалась непосредственно в казну лишь в окрестностях Бангкока [221, с. 59—60].

В особых социально-экономических условиях Таиланда, созданных ростом товарно-денежных отношений, при своеобразии развития феодализма на предыдущем этапе общественной эволюции, в период абсолютизма не наблюдалось размежевания помещичьего землевладения, торгового и капиталистического предпринимательства, что характерно для завершающей стадии развития феодализма в Европе (позднего феодализма). Господствующий класс не смог со-

здать внутри страны развитой экономической базы на основе землевладения помещиков-абсентеистов и государственного сектора в инфраструктуре. Это не создавало условий, в которых политически господствующий класс выступил бы от лица нации, слившись с экономически «господствующим классом» из китайского этносоциального меньшинства. Взаимоотношение правящего слоя с последним становится «источником спора, проблемой для Таиланда» [308, с. 10; 275, с. 164—165]. Абсолютистский характер придавало правящему слою включение страны в мировую капиталистическую систему, а не ее историческое развитие.

К 1910 г. правящий слой, распространив на китайское меньшинство и горные народы подушное обложение, завершил превращение населения в единообразную массу налогоплательщиков — подданных. Сохранявшееся привилегированное положение правящего слоя не уничтожило значение личностных отношений. Решающую роль играло по-прежнему социально-политическое положение, которое обеспечивало распределение благ, престижа и власти. Экономическая деятельность в городе, хотя и обособилась от буддизма (китайцы были конфуцианцами), оказалась в сфере государственно-бюрократического регулирования. Не вышла из-под влияния теократической власти аграрная сфера. Господствующий класс сохранял высокий социальный статус и контроль над трудовыми ресурсами деревни. Несмотря на отмену в 1928 г. системы сактина, он продолжал через систему министерств и ведомств контролировать производительные силы страны.

Сохранялась социальная психология, присущая обществу со сравнительно слабой классовой дифференциацией. Расчлененность социально-экономических и социально-политических отношений в таиландской модели абсолютной монархии сильно отличалась от классических образцов абсолютизма. В подобных условиях роль модернизатора в государственно-политической сфере взял на себя правящий слой, оказавшийся на стыке современной и традиционной общественных сфер и подготовленный к этой роли предшествующей социальной эволюцией общества. К модернизации его подталкивала нависшая над страной угроза потери политической самостоятельности.

* * *

Разница в типах и уровнях социально-экономического развития, в потенциалах местной общественной структуры и пришедшей во взаимодействие с ней капиталистической системы поставила господствующий класс Таиланда перед необходимостью не только изменить свою социальную природу, но и саму политическую надстройку привести в соответствие с необходимостью решения «сверху» задач буржуазной трансформации общества.

Эта деятельность монархии прекрасно разобрана в монографии Б. Н. Мельниченко [147]. Но хотелось бы отметить некоторые моменты, имеющие значение для анализа политического развития

Таиланда в новейшее время. Превращение денег, по выражению Петра I, в «артерию войны» (см. [135, с. 230]), а следовательно, и политики выдвинуло задачу сосредоточения всех денежных доходов в руках государства. Эта задача была сформулирована королем Чулалонгкорном в речи перед членами только что созданного в 1874 г. государственного совета: «До сих пор лишь половина — три четверти доходов поступало в правительственную казну. Необходимо собирать всю сумму без потерь» (цит. по [303, с. 339]). Такая финансовая политика вела к укреплению позиций центральной власти, расширению ее доли доходов от собственности и налогов в ущерб интересам остальной массы частных собственников. «Абсолютная монархия,— отмечал К. Маркс,— нуждается в богатстве в форме денег... Только деньги способны превращаться непосредственно в любую особую потребительную стоимость. Поэтому абсолютная монархия активно содействует превращению денег во всеобщее средство платежа... Превращение всех налогов в денежные налоги — для абсолютной монархии вопрос жизни» [8, с. 410].

Финансовые реформы, необходимость сбора налогов в деньгах на всей территории государства обусловили необходимость реорганизации административного аппарата, создания специализированных центральных органов с правами, распространявшимися на территорию всей страны, а также проведения таких мероприятий, как замена государственных работ подушным обложением в денежной форме. Реорганизация финансов была завершена к 1899 г.: фискальной независимости провинций был положен конец. Первая попытка создать единое для страны финансовое ведомство была сделана в 1875 г., но полностью система центральных учреждений была образована в 1892 г., когда указом правителя были назначены 12 министров. На эти посты в нарушение традиционного принципа занятия должности старшими в клане или линедже были назначены принцы крови молодого возраста (например, принц Дамронг, глава министерства внутренних дел, был моложе тех, кому он давал указания) [187, с. 88]. На базе созданного еще в 1888 г. временного кабинета возник кабинет министров — орган исполнительной власти, которого не было раньше.

После образования министерства внутренних дел началась работа по созданию провинциальной системы управления, основанной на территориальном принципе. Страна была разделена в 1897 г. на 18 округов — монтонов, которые, в свою очередь, делились на провинции и дистрикты (тамбоны) и общины. Северный район был включен в два округа — Пайао и Махарат, в 20-е годы они образовали один округ с населением 1350 тыс. [60, с. 85]. Северо-восток был объединен в три округа — Накхонраджасима, Убон и Удон. Бывшие южные провинции вошли в состав округов Накхонситхаммарат и Паттани. Доходы с округов стали более регулярно поступать в казну. Административные преобразования впервые в истории таиландского государства затронули и деревни: были созданы административные общины и их органы управления во главе со старостами — пху яй бан и камнан [147, с. 63]. Старосты выполняли поли-

цейские функции, оказывали помощь и содействие чиновникам округов и дистриктов в отправлении ими административных и финансовых функций. Им было установлено вознаграждение в размере 3 батов в год, они также удерживали в свою пользу штрафы и взносы за выдачу документа на владение землей [187, с. 110].

С созданием центральной и провинциальной административной системы, введением подушного и поземельного обложения в денежной форме шел процесс политической унификации государства. Реорганизованные или вновь созданные с учетом новых задач политические институты, включая чиновничество, позволили абсолютной монархии в Таиланде выполнить ее главную историческую миссию, заключавшуюся в дальнейшем объединении страны. Важное значение для централизации имело включение расширенной при Чулалонгкорне секты тхаммаютникая, пользовавшейся поддержкой королевских монастырей, в сеть бюрократических учреждений абсолютизма. Глава тхаммаютникаи при Чулалонгкорне принц Вачирайан в 1919 г. в ходе укрепления абсолютистского аппарата управления становится главой объединенной буддийской церкви, включившей и маханикаю [278, с. 114]. Тхаммаютникая, а затем объединенная буддийская организация поддержали реформаторскую деятельность правительства и оказали ему большое содействие в распространении светского образования через созданные при монастырях школы начального обучения [147, с. 54—55; 278, с. 48; 315, с. 221]. Буддийское монашество в тот период широко использовалось государством для создания социально-психологической атмосферы, которая должна была благоприятствовать проведению реформ. Была возрождена и широко пропагандировалась сангхой индуистская концепция божественности власти короля, ее неограниченности. Древнее представление о мире как замкнутом круге, в центре которого находился обожествленный правитель, было использовано в процессе модернизации, поскольку оно ставило правителя над обществом. Индуистская концепция власти была приспособлена в новых условиях к обоснованию тезиса, согласно которому государство является надклассовой силой, творцом прогресса, им руководит лишь забота об общем благе [278, с. 93], т. е. это были принципы абсолютной монархии. В ходе реформ конца XIX — начала XX в. таиландское государство все более принимало форму абсолютной монархии, но в глазах крестьянских масс оно оставалось традиционной теократией.

Проведение административных реформ и совершенствование аппарата управления [21, с. 42—46] позволили более четко разграничить функции различных учреждений, более квалифицированно вести дела в учреждениях. Были выделены новые отрасли управления: образование, здравоохранение, санитария, промышленность [147, с. 54].

Разбирая процесс становления в Таиланде абсолютной монархии, мы должны подчеркнуть следующее: реформы конца XIX — начала XX в. не изменили политической структуры государства. Сохранились нетронутыми представления, в силу которых политическое гос-

подство узаконивалось не демократическим делегированием власти, а благодаря выдающимся добродетелям правителя, обладающего хорошей кармой [266, с. 111]. Сохранение подобных традиционных политических воззрений исключает принцип выборности, поскольку большинство не может быть правым, правыми могут быть лишь «наилучшие» — элита, обладающая высокой религиозной заслугой.

Работавшие в Таиланде американские социологи обратили внимание на своеобразие деятельности государственного аппарата: до сих пор он не во всех звеньях выполняет чисто функциональные задачи. В то время как часть учреждений, особенно созданных в послереформенное время, действует в рамках предписанных им функциональных задач, ряд правительственных организаций и министерств остаются самостоятельными организациями, часто со смешанными функциями, призванными охранять какую-либо «монополию, которая нуждается в защите». «Созданная в начале XX в. с помощью иностранных советников полиция,— отмечает Хенкс,— вскоре стала действовать как круг лиц со своими особыми интересами», которые она стремилась сохранить и защитить [215, с. 211].

Образованное на базе крома махаттай министерство внутренних дел сохранило ряд архаичных функций, связанных с мобилизацией населения. Многие министерства и департаменты оставили за собой особые источники дохода: например, таможенные чиновники помимо установленной платы получали дополнительные доходы от продажи лицензий [215, с. 212], чиновники ведомства по делам иммигрантов не отчисляли в казну, а включали в доходы своих отделов плату за разрешение на въезд в страну [275, с. 75]. Государственный аппарат не носил чисто территориального характера: судебные функции оставались у глав тайных обществ китайцев, у вождей горных монов, у старшин мео, лису, лаху. Сохранялись шариатские суды у малайского населения юга. Такое же положение существовало и в области образования: свои школы сохраняли китайцы [261, с. 10]; в малайских районах юга население получало мусульманское образование в мечетях.

Посты в аппарате управления по-прежнему занимались пожизненно, а многие министры рассматривали свои должности как синекуру, редко посещали вверенные им министерства, службе предпочитая традиционные церемонии. Главы министерств продолжали нанимать в штат своих клиентов и зависимых от них лиц. При смене министра менялся и весь штат министерства. В силу старых привычек и слабости нового министерства финансов денежные поступления лишь частично доходили до казны. Кабинет министров был малоэффективным учреждением, почти ничем не отличаясь от древних совещательных лук кун сала.

Основное внимание в ходе реорганизации центрального правительственного аппарата было обращено на министерства внутренних дел, финансов и военное. Остальные — а всего было образовано десять министерств — влачили жалкое существование, имели ограниченные бюджеты. Зато цивильный лист короля в 1892—1900 гг. поглощал 29% государственного бюджета. В последующие два деся-

тилетия расходы по цивильному листу были сведены к 12% [221, с. 192].

Новые учреждения создавались единообразными по структуре, правам и обязанностям. Бюрократический принцип их организации игнорировал этнические особенности населения севера, северо-востока и юга, сложившиеся у них этносоциальные и этнокультурные связи. На этих территориях стали создаваться такие же провинциальные учреждения, как и в центральных областях, с делопроизводством на тайском языке [45, с. 36]. Чиновники в новых административных органах севера, северо-востока, а отчасти и юга были преимущественно выходцами из центральных районов [230, с. 17, 68—69]. Бывшие хуаммыанги северо-востока, как и государства севера, были лишены политической власти, которая перешла к Бангкоку. На обширных окраинах это было воспринято как переход политических прерогатив к таи, что стало источником несогласий между управляющим слоем и управляемым населением. Сопротивление на северо-востоке, как и выступления на севере, постепенно приняли этническую окраску [230, с. 18; 278, с. 97].

Подобная же политика проводилась и на юге. Но в отличие от севера и северо-востока центральная власть пыталась использовать местных султанов и раджей в административном аппарате. Неповиновение выказал лишь раджа Паттани, попытавшийся поднять против центральной власти местное население. Силы были неравны: сам раджа бежал в султанат Келантан, находившийся под властью англичан. В 1901 г. власть центральной администрации была распространена и на Паттани: управленческие посты здесь стали занимать чиновники из Бангкока [46, с. 28, 93].

Как и система центральных учреждений, реорганизованная провинциальная администрация отразила сохраненные традиции и новую политическую реальность. Например, сохранилась традиционная иерархия периферийных зависимых государств. Высокие титулы «накхон» имели северные города Лампанг, Лампхун, Нан, Чиенгмай, а у двух последних остались и зависевшие от них вассальные мыанги.

Быстрота осуществления реформ в конце XIX в. была обусловлена потребностями военного времени, той обстановкой агрессии и политического нажима, которую создали Англия и Франция в странах Индокитая. Этими обстоятельствами, а также волнениями внутри страны (на севере и северо-востоке [156, с. 257—261]) объяснялось особое внимание монархии к реорганизации армии. В 1898 г. был создан генеральный штаб армии и проведено коренное изменение системы военной службы. Указом 1905 г. прежняя система набора в армию ликвидировалась, объявлялась всеобщая воинская повинность. Солдаты и офицеры стали получать денежные оклады. Армия содержалась за счет средств государственного бюджета, которыми бесконтрольно распоряжался монарх. Реорганизация армии усилила внешнеполитические позиции Таиланда, укрепила его государственную самостоятельность [147, с. 68—75]. Расширилось использование армии в гражданском управлении как полицейской силы. Так, посылка государственных эмиссаров в лаосские земли в 90-е годы XIX в.

сопровождалась снаряжением специального отряда для понуждения сохранявшейся там местной администрации к безусловному выполнению приказов центрального правительства [147, с. 58]. Использовалась армия и для подавления выступлений, организованных китайскими тайными обществами, восстаний отрядов китайских «боксеров», которые нашли убежище в северо-восточном Таиланде [193, с. 224]. На использование армии во внутриполитической борьбе для защиты интересов господствующего класса как доминирующей цели указывают европейцы — современники этих событий — А. Картер, У. А. Грэхем [41, с. 73; 47, т. 1, с. 314]. Неудивительно, что комплектованию высшего офицерского состава армии стало уделяться особое внимание. На руководящие посты в вооруженных силах назначались исключительно принцы крови и родственники королевской семьи, многие из них получили специальное военное образование в западноевропейских — преимущественно английских и немецких — высших учебных заведениях [147, с. 72—73]. Высший командный состав сохранял верность монарху.

Определенным духом корпоративной сплоченности с начала XX в. стал выделяться средний офицерский состав армии и военно-морского флота, связанный с мелкобуржуазными слоями города, по происхождению из лук чин. Хотя в Таиланде, как и в других странах Востока, не оказалось социальной среды (типа европейского дворянства) для формирования офицерского корпуса, сплоченного духом сословного и национального единства [126, с. 248], именно в вооруженных силах назрел первый социально-политический конфликт: средние офицерские чины армии в период буржуазных революций в Азии первыми выступили в составе политической заговорщической организации против абсолютной монархии Таиланда (события 1912 г.) (см. [156, с. 266—267]. Эта была первая попытка использования армии как общенационального института в целях изменения политического устройства.

Реорганизация армии продолжалась и при Вачиравуде, коронование которого совпало с событиями 1912 г. К 1916 г. воинская повинность была введена во всех провинциях страны. Через созданную Вачиравудом в Бангкоке и провинциальных городах организацию «Дикие тигры» (с присягой и кодексом доблести) пропагандировалась мысль о службе в армии как «служении родине» [308, с. 110—111]. И одновременно распространялись идеи, согласно которым парламентский режим не подходит для Таиланда [272, с. 332]. Это должно было, по мысли короля, парализовать действие сил, стремившихся использовать армию для изменения политического устройства страны. К началу мирового экономического кризиса армия превратилась в сравнительно развитой институт, который мог выступить от «лица нации». Но следует отметить и двойственность этого института — он же служил опорой авторитарных сил, будучи традиционной военной организацией господствующего класса.

Однако структурой власти и социальным составом чиновничества и армии характеристика политического и социального облика таиландской монархии в канун событий 1932 г не исчерпывается.

Необходимо учесть и направленность политики правительства. По заключению Б. Н. Мельниченко, абсолютная монархия в этой стране стала «оружием господства феодально-помещичьего класса» [147, с. 103], что несомненно наложило печать на функции государственного аппарата, но полностью последние все же этим не определялись. В действиях абсолютной монархии в Таиланде находило отражение соотношение сил основных социальных слоев. Связи правящего слоя с модернизированной городской социальной средой отразились на его взглядах, однако полной перемены сознания элиты не произошло. В ряде своих политических действий правящий слой все еще руководствовался верой в то, что принятием современного кодекса законов, принятием конституции можно достичь модернизации всей социальной структуры. Отсюда планы короля Прачатипока (1925—1935) — дать стране конституцию. В 1896—1934 гг. иностранными экспертами были составлены новые кодексы законов. Однако, как показала практика, таиландское земледельческое общество с трудом поддавалось модернизации: обычай подавлял, а иногда и разрушал новый закон. Город не имел поддержки в деревне. Традиционная деревня давала возможность монархии, буржуазно-элитарной по структуре учреждений и составу бюрократии, проводить политику преимущественно в интересах элиты, игнорируя более широкие буржуазные слои.

Часть правительственной деятельности, именуемая «буржуазной», удовлетворяла интересы правящего слоя, который трансформировался в конце XIX в. в помещиков-абсентеистов и был связан с предпринимательством и торговым капиталом [156, с. 236—238; 147, с. 102]. Но это не было, как отмечалось выше, свидетельством совпадения интересов политически господствовавших в пореформенном Таиланде социальных групп и экономически господствующего класса. Трения между правящим слоем и капиталом во всех его формах по вопросам правительственной политики были обусловлены тем, что обуржуазившиеся представители элиты отстаивали те порядки и нормы, которые были выгодны им как носителям привилегированного, но примитивного, отсталого предпринимательства.

Социальное содержание правительственной политики было сложным и указывало прежде всего на стремление приспособиться к товарно-денежным отношениям. Это направление политики проявилось особенно в создании инфраструктуры, а также в финансовой сфере. Большое значение имели реформы судебной системы, распространявшейся на всех подданных, составление новых кодексов законов, предусматривавших материальное возмещение убытков и потерь. Были отменены различия в одежде, китайцы перестали носить косу.

Морально-этический кодекс, диктовавший поведение пху ной в отношении пху яй, правящий слой постарался заменить для чиновничества добросовестным исполнением обязанностей [278, с. 58]. При короле Вачиравуде на посты руководителей министерств впервые были допущены представители среднего чиновничества (по прежнему социальному статусу — куннанг): 8 из 12 министерских постов

было занято выходцами из этого слоя, что расширило социальную базу власти [234, с. 21].

При короле Прачатипоке элита постаралась придать ценностным ориентациям юношей из знатных семей «буржуазное» направление: поощрялось получение образования не только ради государственной карьеры, но и в целях активной деловой деятельности. Как отмечал английский автор, в 20-е годы «деловая карьера, которой образованная молодежь ранее пренебрегала, выбирая государственную службу, теперь рассматривается как выгодная» [70, с. 3; 303, с. 357].

К «буржуазному» направлению правительственной политики, несмотря на стремление к сохранению традиционного крестьянского землепользования — опоры монархии [79, с. 124], следует отнести королевский указ 1905 г., который ввел в практику регистрацию земельной собственности [221, с. 77]. Но в то же время сохранялось традиционное элитарное начало, коренившееся в системе сактина. Так, на основе закона о земельном налоге, принятого в 1905 г., впервые был введен порядок, когда ставки налога стали варьироваться в зависимости от качества земли, а также от того, была ли земля обработана или только находилась в собственности владельца. С обработанной земли первого класса ставка земельного налога составляла 1,2 бата с 1 рая, с занятой, но еще не обрабатывающейся земли — 0,12 бата [221, с. 77]. Такой порядок налогообложения ставил в привилегированное положение членов королевской семьи, бывших крупными земельными собственниками еще до установления налога на необработанные земли, что препятствовало росту крупного землевладения вне привилегированного слоя.

Государство и на новом этапе социально-политического развития общества сохранило за собой традиционное право регулирования поземельных отношений, а также поддерживало в интересах крупных землевладельцев систему внеэкономического принуждения [221, с. 60], стремясь обеспечить рабочими руками в первую очередь помещиков-абсентеистов, а не городскую промышленность. Цена рабочей силы в Бангкоке в 20-е годы была выше, чем в соседних странах Индокитая, что в значительной степени объяснялось политикой правительства.

Ярко проявилось элитарное начало правительственной политики в организации образования, открывавшего доступ к государственным должностям. Принцы первыми стали получать светское образование в созданной во дворце в 1881 г. школе гражданских служащих с учителями-иностранцами — Суанкулап, а позднее в европейских высших учебных заведениях. В учрежденный в 1898 г. Королевский колледж принимались лица из привилегированного круга. «Эти две школы,— отмечает Вьятт,— были созданы прежде всего для того, чтобы дать возможность традиционной элите получить светское образование и поддержать свое социальное положение в стране, которая за несколько десятилетий во многом сильно изменилась» [316, с. 144]. Такая монополия на светское образование открыла перед элитой возможности к занятию высших государственных постов. В созданном при Чулалонгкорне в 1873 г. Государст-

венном совете с законодательными функциями все советники были из принцев и высшей столичной знати [303, с. 337]. В первом составе Совета министров 1892 г. 10 из 12 его членов были принцами и другими родственниками короля. В 1903 г. из 10 министров 8 были принцами, они занимали самые важные посты — министров внутренних и иностранных дел, военного, юстиции, финансов и т. д. [147, с. 27—30].

* *

Ограниченность проведенных в Таиланде в конце XIX — начале XX в. реформ объяснялась отсутствием для них широкой социальной базы, возраставшей зависимостью экономики страны от иностранного капитала, сопротивлением преобразованиям со стороны многочисленных представителей старой социальной структуры. Интересен и сам состав реформаторов — правящего слоя, связанного с торговым капиталом, т. е. с наиболее архаичной и консервативной формой капитала. По-видимому, этим союзом следует объяснять и ориентацию правящего слоя не на более развитые страны, хотя их опыт (например, России) изучался в монастырях секты тхаммаютникая, а на опыт колониального управления. Король Чулалонгкорн и принц Дамронг изучали организацию управления и социальные мероприятия, которые английские колонизаторы осуществили в покоренных Бирме и Малайе [278, с. 47].

В итоге реформ таиландская абсолютная монархия имела резко выраженную двойственную структуру: одной стороной она была обращена к денежным отношениям и интеграции страны в систему мирового капиталистического хозяйства. На это ориентировался вставший над обществом правящий слой, наделенный властью принимать решения. На местное буржуазное развитие ориентировалось новое чиновничество, связанное с китайским населением столицы и общинной верхушкой центра страны. Ему отводилась роль исполнителя решений правящей элиты. Другая сторона абсолютной монархии — традиционная была обращена в сторону широких крестьянских масс, в глазах которых монархия и после реформ оставалась воплощением общинной этики, а правитель — харизматическим вождем [278, с. 100].

Роль государства в эволюции аграрных отношений

Начало новому этапу в развитии аграрных отношений было положено насильственным вторжением в страны Юго-Восточной Азии западного капитала, навязавшего Таиланду неравноправные договоры, открывшего его рынок для западных товаров, превратившего хозяйство крестьянина в поставщика сельскохозяйственной продукции на мировой рынок.

Включение таиландской экономики в мировое капиталистическое разделение труда оказало глубокое воздействие на местное

земледельческое хозяйство, в котором было занято в начале XX в. 90%, а к началу мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. 88,5% самодеятельного населения. Международное разделение труда потребовало от зависимых аграрных стран увеличения выхода товарной продукции, а в тех зонах, где это было возможно, повышения удельного веса интенсивных отраслей земледелия — огородничества, садоводства, возделывания технических культур. Таиланд стал по преимуществу поставщиком на мировой рынок риса и скота. Огородничество и садоводство в сравнительно небольших размерах существовали лишь в центральном районе. Плантации сахарного тростника в южных провинциях Таиланда в 70-е годы XIX в. были уничтожены наводнением и не восстановлены из-за конкуренции на мировом рынке более дешевого филиппинского сахара. После первой мировой войны в провинциях на Малаккском полуострове возникают каучуковые плантации, на юго-востоке — плантации перца. Важное значение в связи с бумом на международном рынке приобрело производство стиклака, который собирался с особой породы дерева. Плантации последнего в 20-е годы были заложены как на севере, так и на северо-востоке[6]. Расширялись плантации местного чайного куста — мианг и особенно посевы опиумного мака в северных горных районах.

Доходы господствующего класса стала определять производительность рисоводческого хозяйства. Налоговая политика правительства со второй половины XIX в. становится основным средством давления на крестьянство с целью расширения площади обрабатываемых земель. Поощрялось освоение целины под земледельческие культуры предоставлением сначала годичных, а с 1874 г. трехгодичных льгот на вновь осваиваемые земли. По истечении льготного срока, когда земля обживалась, крестьяне-переселенцы уравнивались со старожилами в уплате поземельного налога. Закон 1874 г. ввел твердые ставки налога с 1 рая суходольного поля (на куко) в 0,25 бата, с 1 рая орошаемых полей (на фанг лой) — 0,375 бата [74, с. 77; 221, с. 77]. В этот период поземельное обложение сохраняло прежние черты — оно производилось пропорционально площади земли, в чем отразились черты докапиталистической ренты-налога. В ходе борьбы против неравноправных договоров, затрагивавших свободу таиландского правительства в области внутреннего налогообложения, ему удалось ценой территориальных уступок Великобритании добиться изменения ряда условий. Так, Англия согласилась внести в текст договора 1855 г. поправку, согласно которой земли английских подданных в Таиланде могли быть обложены налогом, но его ставка не должна была превышать ставку, установленную для подобных земель в Нижней Бирме. Это подготовило основу для полного пересмотра порядка поземельного налогообложения в Таиланде, проведенного в 1905/06 г. Главным критерием стала не площадь обрабатываемой земли, а урожайность (все земли по урожайности были разделены на пять классов при сохранении деления на суходольные и орошаемые) [221, с. 77].

В сферу действия новой земельно-налоговой политики были включены в первую очередь провинции центра, а с 1882 г. и весь северный район. Провинции северо-востока вплоть до мирового экономического кризиса выпадали из налогового регулирования. В 1927 г. советник по финансовым вопросам при правительстве Таиланда направил меморандум министру финансов, в котором отметил, что весь северо-восток фактически исключен из уплаты поземельного налога [221, с. 78].

Новые формы земельного налогообложения укрепляли государственные финансы, они стали первым шагом к проведению земельного кадастра. Перенос внимания в формах эксплуатации крестьянства с государственной барщины (в 1899 г. переведенной для всех категорий населения в подушное обложение) на поземельное налогообложение указывал на рост рыночного спроса на такой важнейший продукт земледелия, как рис.

С начала XX в. наблюдалось обесценение серебра, бывшего основой денежного обращения в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Это ударило по земельному налогу, вызвав снижение его фактической величины. Ведущая роль в государственных доходах перешла к косвенным налогам. Но и оба прямых налога не утратили своего значения: в 1910—1927 гг. они давали 20—25% всех государственных доходов [221, с. 178]. Некоторое ограничение правительственных налоговых требований, совпавшее по времени с упадком значения государственных работ, привело к тому, что доля отдельного домохозяйства в землевладении деревни стала приобретать определенную ценность. Спрос на землю и ее стоимость начали возрастать. Господствовавшие формы аграрных отношений пришли в столкновение с понятиями буржуазной собственности, из чего рождалась местная форма земельной собственности — камситх [74, с. 78]. Натуральное хозяйство трансформировалось в монокультурное.

Из-за низкой производительности труда, примитивности орудий, трудоемкости сельскохозяйственных работ, особенно при расчистке новых земель, низкой урожайности крестьянское хозяйство в Таиланде со второй половины XIX в. не могло существовать без значительного расширения применения чужого труда, не опускаясь на грань разорения. Быстрое включение земледельческого хозяйства в систему уже сложившегося международного разделения труда потребовало монокультурной специализации сельского хозяйства. В феодальном Таиланде крестьянское хозяйство существовало на площади из расчета 20—25 раев обработанной земли на семью: бо́льшая часть земли была под рисом, остальная — под другими культурами [74, с. 76, примеч. 2]. Земледелие соединялось с домашней промышленностью. По расчетам голландского экономиста ван дер Хайде, работавшего в Таиланде в начале XX в., участок земли в 20 раев давал возможность земледельцу сохранить свое хозяйство в условиях монокультуры при занятии всей земли под рис [48, с. 93]. Другим условием была интенсификация труда крестьянской семьи, необходимость использования в земледелии того рабо-

чего времени, которое ранее отводилось домашней промышленности, полный переход к возделыванию риса. Такой переход совершался наиболее последовательно в центральном районе Таиланда, где домашняя промышленность, особенно хлопчатобумажное ткачество, к началу XX в. были полностью уничтожены конкуренцией импортных тканей. На севере после проведения в 1921 г. железной дороги до Чиенгмая домашняя промышленность и ткачество кое-где сохранились до периода мирового экономического кризиса 30-х годов. И лишь на северо-востоке домашняя текстильная промышленность (преимущественно шелкоткачество) не была уничтожена и существовала и в 30-е годы [221, с. 113—118].

Приведенные выше данные о гибели домашней промышленности по разным районам — показатель неравномерного развития монокультурного земледельческого производства в стране. Для ускорения этого процесса необходимы были ирригационные системы, а также расширение транспортной сети. Последняя стала создаваться с 90-х годов XIX в. К началу мирового экономического кризиса северный и северо-восточный районы были связаны железными дорогами со столицей. Проведение железных дорог, особенно дорог на север, изменило направление караванных путей. 20-е годы — время упадка караванной торговли северных мыангов с Бирмой и увеличения грузопотоков на север от Чиенгмая и на юг в сторону Бангкока. Возросла караванная торговля с южными Шанскими государствами; постоянный поток караванов пошел из Кенгтунга на юг. Достигали эти караваны и Юньнани, что делало Бангкок морским портом Южного Китая [60, с. 101].

Важнейшее значение для победы свободных договорных отношений над различными формами социальной неполноправности крестьянства имели реформы конца XIX — начала XX в. [147; 156, с. 199—204]. Крестьянам присваивались гражданские права — право заниматься иной, чем земледелие, отраслью экономической деятельности, поступать в учебные заведения и на государственную службу.

Общественные права крестьян были установлены на основании закона 1897 г. о новой административной организации страны. Община становилась административно-территориальной единицей, в нее входило десять деревень. Деревенский сход выбирал старосту, а старосты выбирали главу общины, которого утверждал наместник провинции [52, с. 85—86]. Старосты и главы общин не были правительственными чиновниками, хотя и получали небольшое вознаграждение. Вместе со сходом крестьян они были полномочны решать местные хозяйственные вопросы; они же были ответственны за уплату налогов. Эта мера ограничивала традиционную власть глав деревень и общин, усиливала гражданские права крестьянства, хотя и после реформ крестьянин не превратился в полного собственника земли. Это был период компромисса между общинным, государственным и только нарождавшимся частным крестьянским землевладением. Соответственно и путь для развития процесса первоначального накопления капитала, без чего не мог утвердиться капиталистический строй, не был освобожден упомянутыми ре-

формами. Промышленное развитие в городе под воздействием мирового капиталистического рынка в конце XIX — начале XX в. шло вперед, подрывая основы традиционных отношений и в деревне, но сопровождалось неравномерными сдвигами в ее хозяйственной жизни.

Проведение земельного кадастра, выдача документов на землю, становившуюся реальной собственностью, начались в конце 1900 г. Первый документ был выдан в 1901 г. и сопровождался следующим разъяснением со стороны министерства сельского хозяйства: «Земельный титул, выдаваемый собственнику, передает ему право собственности — камситх. Однако оно не освобождает от ответственности и необходимости соблюдать законы, платить налоги и повиноваться приказу о выполнении общественных работ» [74, с. 78]. Земельным кадастром была охвачена примерно половина провинций к началу мирового экономического кризиса. Остальные провинции жили на основе архаичных прав захватного землевладения [60, с. 98]. В таких провинциях широко сохранялись «кормленщики». По закону 1899 г. они, а не старосты общин собирали и вносили в казну налоги, присваивая 5% собранной суммы. По закону за ними оставалось право «просить» крестьян работать в их хозяйстве в порядке «личной услуги» [199, с. 53—54].

Формы зависимости всех категорий крестьянства, включая и долговую кабалу, законодательно были полностью уничтожены к 1905 г. Однако средневековая система сактина, поддерживавшая социально-политическую иерархию общества, была отменена лишь в 1928 г. [308, с. 52].

Утверждение прав парцеллярной собственности на землю, проводившееся бюрократическим путем правящими кругами, далеко не везде встречало поддержку со стороны жителей деревень.

К началу мирового экономического кризиса участок в 20—25 раев на семью оставался типичным для хозяйств старого земледельческого района Аютия — Лопбури, но верхней границей семейного надела стало 80—100 раев [74, с. 76, примеч. 2]: обрабатывал их крестьянин силами своей семьи, с помощью родственников и соседей. «В те времена,— пишет о 70-х годах XIX в. исследователь тайской деревни на равнине Х. К. Кауфман,— больше, чем теперь, требовался совместный труд всех членов семьи. Рано начинали трудиться дети. Родственники из других деревень часто приходили на помощь во время сбора урожая за плату рисом или в обмен на труд — ауренг» [53, с. 16].

В этот период быстрого развития рисоводческого хозяйства основной формой привлечения дополнительного труда в деревнях становится хозяйственный союз родственных семей. Его, как правило, составляли зажиточная родительская семья и семьи замужних дочерей (сохранялась матрилокальная форма послебрачного расселения). В хозяйственную деятельность богатых семей втягивались родственники мужей, проживавшие обычно в соседних селениях, а также семьи, которым оказывалось покровительство. Продолжал бытовать обычай усыновления детей умерших родите-

лей. Основные семьи — ядро хозяйственного союза — владели землей раздельно, обмениваясь скотом и орудиями труда в период сельскохозяйственных работ. Во время посадки риса и сбора урожая, когда требовалось привлечение особенно большого числа рабочих рук, прибегали к своеобразной кооперации труда — лонгкаек [67, с. 19—20]. Разница в затратах труда при такой системе была в пользу общинников, имевших бо́льшие земельные площади; владевшие небольшими участками общинники при такой системе фактически работали на зажиточных даром либо за харчи.

Подобное соединение земли, скота, орудий труда и рабочих рук создавало рентабельное в условиях товарно-денежных отношений мелкокрестьянское рисоводческое производство. При таком способе ведения хозяйства эффективнее использовался скот, орудия труда и затрачивалось меньше времени на проведение основных сельскохозяйственных работ, т. е. в известной мере реализовались преимущества, которых было лишено крупное производство, требовавшее больших затрат живого труда на единицу площади.

По расчетам упоминавшегося выше голландского экономиста и инженера ван дер Хайде, условия для капиталистического накопления в земледелии Таиланда создавались в хозяйствах, ведущихся на 40—60 раях (6,4—9,6 га) земли при повышении урожайности риса [48, с. 93]. Такие хозяйства в околостоличном районе в начале XX в. стали применять наемный труд сельскохозяйственных рабочих «вместо нерегулярной помощи соседей» [78, с. 182]. Наемный труд стал выражением социальной дифференциации деревни. Но чаще всего это были высокотоварные овощеводческие хозяйства местных китайцев.

По наблюдениям того же ван дер Хайде, Таиланд по темпам экономического роста в начале XX в. обгонял Японию. Но если экономический подъем Японии был фактором развития капитализма, то экономический рост в Таиланде объяснялся как развитием капитализма в земледельческом хозяйстве, так и тем, что переход на монокультуру риса открыл возможность для продвижения земледелия в те районы, которые ранее не осваивались, поскольку не были пригодны для поликультурного самообеспечивающегося хозяйства.

Площадь земель под рисом за 1850—1905 гг. по всей стране возросла на 3,4 млн. раев, т. е. на 50%, и в центральном районе Таиланда стала равна 6,8 млн. раев. В остальных районах под рисом было занято 2,4 млн. раев (не считая полей, освоенных подсечно-огневым способом, учет площади которых не велся) [221, с. 43—44]. Более половины новых площадей под рисом, освоенных в 1850—1905 гг., было обработано в 1902—1905 гг.— примерно 1,9 млн. раев [29]. Прирост посевных площадей на 1905 г. (4,8%) превзошел темпы прироста населения (1,5%), которое в этом году составило 7657 тыс. [124, с. 84]. В 1870—1910 гг. активизировалось освоение крестьянами земель дельты Менама. В 80-е годы большие площади под рисовые поля на севере были расчищены и подготовлены трудом поденщиков-шанов [184, с. 374]. На протяжении 1905—1919 гг. посевные площади по всей стране продолжали расти в 3 раза быст-

рее, чем население. Этот рост был свидетельством приспособления потребительского хозяйства к денежным отношениям.

Качественные перемены в аграрном строе наметились в связи с деятельностью компаний по строительству ирригационных сооружений: земли вдоль сооружавшихся ирригационных каналов становились собственностью этих компаний. Пайщиками были наместники провинций и знать низких рангов, местные сборщики налогов, китайские торговцы, принцы и другие родственники короля [226, с. 34]. Создание компаний по орошению и освоению земель показывало стремление различных по социальному положению лиц использовать свои денежные накопления, помещая их в землю. Однако это стремление было пресечено монархией. Король Чулалонгкорн, пишет японский исследователь, узнав, что в спекуляциях с землей принимают участие должностные лица, издал Указ о каналах, который положил конец спекуляциям и открыл возможности для расселения на вновь освоенных землях мелких земледельцев [288, с. 191—222]. К 1890 г. в район Рангсита, на новые земли, которые компании стали распродавать, пришло около 100 тыс. переселенцев. К 1902 г. население этого района возросло и правительство создало здесь две новые провинции. Основной земельный фонд в освоенных районах оказался во владении сравнительно мелких земельных собственников, имевших участки земли от 30 до 200 раев [226, с. 35—37].

Районом, где концентрировалось крупное землевладение помещиков-абсентеистов, стала дельта Менама. Преобладало там землевладение принцев: в округе Бангпаин земельный кадастр закрепил за ними земли в частную собственность площадью 75 тыс. раев [156, с. 237]. Крупные земельные собственники были в основном на землях в районе канала Рангсит: наместник Аютии купил здесь 720 раев земли. Большой участок, размеры которого не приводятся, находился в собственности дальнего родственника королевской семьи. До 30% общей площади частновладельческих земель, сданных в аренду в центральном районе, принадлежало помещикам-абсентеистам, проживавшим в Бангкоке [204, с. 76]. Это был паразитический социальный слой, изымавший по обычаю до половины крестьянского урожая, получавший через традиционную систему раздела урожая, аренду «добровольные дары», повышенный доход от земледелия. Такой землевладелец не был предпринимателем, а оставался рентополучателем.

Для хозяйственного освоения земель крупные земельные собственники-абсентеисты использовали труд своих должников, крестьян, которым оказывалось покровительство, а иногда и наемных рабочих. Освоенная земля часто продавалась в спекулятивных целях с прибылью 300—400%: спекулянтами были «люди из Бангкока» [226, с. 37]. В первых десятилетиях XX в. левобережье и дельта Менама стали районами распространения кабальной аренды. В арендаторов были превращены ранее посаженные на землю столичной знати несвободные из военнопленных: по указу 1874 г. они получили право свободного передвижения по стране,

но остались на своих местах, поскольку владельцы обещали им освобождение от налога с земли [74, с. 70]. На левобережье Менама не было, как в старых земледельческих районах, родственных союзов, способных оказать помощь, поэтому крестьянин оказался в зависимости от ростовщиков, которые давали ссуды из 15% годовых [226, с. 36], что превратило освобожденных «рабов» в кабальных арендаторов. Но подавляющее число арендаторов проживали в районе Рангсита временно: после завершения земледельческих работ — сева риса, а затем его уборки — они возвращались в свои родные деревни. Чиновник министерства земледелия, прибывший в этот район в 1895 г. с целью выдачи документов на владение землей, не смог обнаружить здесь ни землевладельцев, ни арендаторов.

Иной была в этом районе и форма расселения земледельческого населения. Здесь не было деревень: дома стояли особняком среди обработанных участков, они походили скорее на шалаш из соломы или бамбука, чем на постоянное жилище. Крестьяне-арендаторы прибывали на левобережье Менама из района Бангкока и правобережного центрального Таиланда. Это было своеобразной формой перераспределения трудовых ресурсов между старыми и новыми земледельческими районами. Такое перераспределение стало возможным благодаря изменению структуры рабочего времени сельского населения в центре, уничтожения долговой кабалы, использования освободившихся трудовых ресурсов в монокультурном земледелии.

С начала XX в. отмечается все возрастающая зависимость левобережного района Менама от использования рабочей силы сезонных рабочих из северо-восточных провинций. Это была высшая форма отношений найма в деревне. За сезон рабочий-сезонник мог заработать в районе Рангсита 120 батов, в районе Аютии — 40 батов. Владельцы больших земельных массивов, нанимавшие по 20 сезонных рабочих и более, направляли на северо-восток специальных вербовщиков. Группы рабочих-сезонников работали под началом старшего — най рой. Со временем най рой стали оседать в центральных провинциях, выступая в роли постоянных вербовщиков рабочих-сезонников. В 1901 г., по сообщению официального лица провинции, в которую входил Рангсит, в сельском хозяйстве было занято 1094 сезонных рабочих, в 1904 г.— более 5 тыс. [226, с. 42]. Но даже в этом районе наибольшей товарности рисоводческого хозяйства наемный труд в земледелии играл вспомогательную роль, а его общий удельный вес на фоне применения семейно-общинного кооперированного труда и труда на основе внеэкономического принуждения был невелик.

Рост частного землевладения за счет освоения целинных земель продолжался и в 20-е годы, однако увеличение посевных площадей по стране в целом и прирост населения шли примерно одинаковыми темпами. Частное землевладение подрывало систему семейно-общинного землевладения в центральном районе, но на севере, северо-востоке и юге оно сохранилось. Поэтому трудно с точ-

ностью установить, какой процент обрабатываемых земель к началу мирового экономического кризиса перешел в частную собственность. Очевидно лишь, что этот процент был выше в околостоличном районе. Концентрация земельного фонда, сельскохозяйственных угодий за счет роста помещичье-абсентеистского землевладения также ограничивалась центральным районом; в процентном отношении этот фонд был невелик.

Экономические отношения между государством, верховным собственником части земель, и индивидуальными земельными собственниками должен был определить новый Закон о налогообложении 1908 г., установивший общие принципы землевладения. Закон ввел налог и на необработанные земли, что должно было ограничить рост крупного непривилегированного землевладения. В письме финансовому советнику, датированном 12 сентября 1929 г., принц Виваданачай объяснял эту меру желанием правительства не поощрять крупное землевладение (кроме абсентеистского землевладения принцев), а также занятие земли «в спекулятивных целях» [221, с. 79].

Ставка господствующего класса на сохранение традиционного крестьянского землепользования была анахронизмом с точки зрения современного капиталистического производства. Государство же рассматривало такие формы как наиболее приемлемые с точки зрения обеспечения интересов господствующего класса. Охраняя свои интересы, этот класс старался удержать земледельцев в уже освоенных районах, воспрепятствовать их переходу на новые земли.

С конца XIX в. происходит заметное изменение традиционной системы землепользования в старом земледельческом районе Аютия — Лопбури: после проведения кадастра окраинные зоны, за счет которых шел рост общинного землевладения в процессе сегментации земледельческих семей и деревенских общин, оказались в собственности государства. Владения общин были сведены к обработанным площадям. В старых земледельческих районах к концу первой четверти XX в. основной земельный фонд был расчищен для хозяйственного использования и возделан. «Время, когда незанятую землю можно было обнаружить в нескольких милях от густонаселенных районов, безвозвратно миновало» [67, с. 16]. Создание новых ирригационных систем открыло бы для освоения новые районы. Однако их развитие тормозилось, ибо переход земледельцев из обжитых в новые, незаселенные районы «нарушил бы существовавшие взаимоотношения лендлордов и арендаторов в районе Рангсита и других местах» [221, с. 84]. Такое стеснение свободы крестьянского расселения на новых землях было своего рода внеэкономическим принуждением, которым государство пользовалось в интересах новых крупных земельных собственников.

Государство и господствующий класс политикой в аграрном вопросе сдерживали развитие в среде крестьянства классовой дифференциации, выделение экономически сильного слоя как потенциального земельного собственника. Правда, введение денежного государственного обложения земли, будучи приспособлено

к извлечению возросших масс производимого земледельцем продукта, действовало в направлении подрыва замкнутости крестьянского хозяйства, привязывало его к рынку. Однако монокультурная специализация земледелия, локальные особенности производства и сбыта при необходимости вывоза значительной части производимого риса на внешние рынки, господство в качестве посредника между крестьянским хозяйством и рынком скупщика как монополиста в заготовках и скупке риса создавали систему монопольных цен, отрывали крестьянина от широкого рынка сбыта, ставили препятствия появлению «торгующих крестьян». Доходы казны от поземельного и подушного обложения за 1892—1927 гг. возросли соответственно с 1,03 млн. до 12,83 млн. батов и с 0,45 млн. до 10,05 млн. батов, однако большую долю стоимости, производившейся в рисоводческом хозяйстве, через эту монопольную систему присваивали правящая элита и скупщики риса, что препятствовало процессу разложения крестьянства, дальнейшему росту зажиточной верхушки. Принципиальные сдвиги в развитии производства в деревне — подрыв натурального хозяйства, включение продукции земледелия в рыночный оборот — были достигнуты главным образом за счет резкого усиления эксплуатации, ухудшения материального положения, обнищания основной массы крестьянства. В результате, по заключению очевидцев, «в 1926 г., когда торговля рисом достигла высшей точки и рис составлял 80% экспорта, положение крестьянина было ненамного лучше положения раба» [294, с. 378].

Земля, закрепленная государственным документом за крестьянскими семьями, составляла владение последних и могла бы быть выделена в частную собственность. Однако узы родства и соседства, общинные традиции не только оставались очень прочными, но в ходе изменения традиционных отношений в связи с модернизацией стали возрождаться и укрепляться, определяя социальное и экономическое развитие крестьянства. Общий стиль жизни, семейные, соседские, патронажные связи противостояли деятельности крестьянина как товаропроизводителя, делая его поведение, по определению западных социологов, «иррациональным» [242, с. 170]. По подсчетам экономистов, в 30-е годы расходы сельского населения на содержание ватов и монашества в денежном выражении находились на одном уровне с расходами на выплату налогов [80, с. 54, 113, 128]. Старшинство внутри деревенского коллектива все еще определялось не собственностью на средства производства, а традиционными представлениями о социальном статусе. Продажа в кабалу, запрещенная законом, стала широко заменяться отношениями покровительства: желание состоятельных семей сохранить верховенство в деревне явилось стимулом оказания покровительства малоземельным и безземельным семьям. Такие состоятельные семьи, собравшие больший урожай риса, оказывали покровительство менее удачливым родственникам и соседям, которые по принципу бун кхун одаривали благодетелей услугами и трудовыми затратами. Клиенты оказывали помощь семье-патрону по хозяйству повседневно. Они питались вместе с семьей хозяина. У него они могли получить

заем без процентов или под очень низкие проценты. От патрона они получали подарок деньгами или рисом, брали у него буйвола и плуг, чтобы вспахать участок общинной земли, право на который за ними сохранялось [67, с. 19]. Подобные отношения, хотя и существовали между неродственниками, все еще ясно напоминали об отношениях родства, строились в духе понятия «разделенной бедности».

Традиционные формы деятельности крестьянина, общинные и семейные формы землевладения использовались господствующим классом для сохранения системы полуфеодальной эксплуатации крестьянства. В 30-е годы известный советский китаевед А. Ивин, интересовавшийся аграрным вопросом в Таиланде, писал об «экспроприации огромной массы мелких собственников представителями ростовщического капитала» [132а, с. 88—89]. Однако данные, собранные исследователями Таиланда в последние годы, показывают ограниченность вторжения торгово-ростовщической буржуазии в сферу крестьянского землепользования и землевладения. Но А. Ивин справедливо обратил внимание на ту напряженную ситуацию, «чреватую великими революционными возможностями», которая сложилась в таиландских деревнях центрального района к концу 20-х годов. К началу мирового экономического кризиса социальная эволюция деревни приняла неожиданную и опасную для господствующего класса форму — сократилось число налогоплательщиков. Государственное регулирование аграрных отношений, препятствуя формированию земледельческого капитала, способствовало образованию безземельного слоя крестьянства. Как показывают данные обследования положения крестьянских хозяйств в центральных рисоводческих районах Таиланда в 1930 г., деревни оказались переполненными безземельными семьями [80, с. 25—28; 124, с. 92—93]. «К 1925 г. произошло драматическое расширение обработанного земельного фонда на центральной равнине и соответственно сократились возможности для крестьян использования незанятой, ничейной земли. Население в деревнях резко возросло, увеличилось число безземельных» [66, с. 308],— пишет американский социолог С. Пайкер. По утверждению того же исследователя, стремление безземельных крестьян прожить за счет аренды, сохранив свое место в деревне, оказалось малоэффективным, поскольку аренда была под силу только зажиточным семьям [66, с. 310].

Многие арендаторы возвращались в свои деревни, уповая на родственные и соседские связи. Появление безземельных крестьян в центральных рисоводческих провинциях в канун мирового экономического кризиса не означало, что в деревне начался процесс классового расслоения. У большинства безземельных крестьян — преимущественно это были отделившиеся молодые семьи — родители владели землей. И тем не менее новые явления указывали на начавшееся изменение исторически сложившейся структуры землепользования, на давление товарно-денежных отношений, под влиянием которых и возникало в таиландской деревне относитель-

ное аграрное перенаселение. По справедливому замечанию С. Пайкера, «в традиционном тайском обществе каждое поколение производило определенный круг безземельных деревенских жителей, но число их никогда не достигало такого уровня, как в XX веке» [67, с. 22]. Аграрное перенаселение было новым явлением в таиландской деревне; его нельзя объяснить чрезмерным ростом населения, которое в 1929 г. составляло всего 11,5 млн. [170, с. 17].

В центральном районе труд безземельных семей использовался по преимуществу в докапиталистических формах патронажных отработок. В ряде районов распространилось отходничество и поденный труд в земледелии. Но нет уверенности, что отходниками были члены безземельных семей; скорее, ими были молодые люди из деревенской верхушки, стремившиеся заработать деньги для покупки земли и расширения хозяйства.

Несмотря на наметившиеся к началу 30-х годов сдвиги в деревне, отсталые формы собственности и рента продолжали выступать главным регулятором товарности хозяйства. В центральном районе под видом продажи земли чаще всего обнаруживалась уступка лишь ограниченных прав пользования ею. Применение наемного труда широко соединялось с элементами внеэкономического принуждения и как в городе, так и в деревне не сопровождалось освобождением самих нанимателей от личного труда, не обеспечивало расширенного воспроизводства. Обращавшиеся на рынке в очень малых размерах средства производства и рабочая сила не обладали качествами даже простых товарных категорий, что сковывало действие закона стоимости, деформировало процессы ценообразования, исключало «возможность капиталистического богатства» [6, с. 729].

К началу мирового экономического кризиса трудовое крестьянство оставалось основной преобладающей массой в деревне Таиланда. Однако сельскохозяйственное производство остановилось на уровне, который не приблизился даже к мануфактурной стадии, технический базис сельскохозяйственного производства не вышел за средневековые рамки ручного труда и примитивных орудий производства. Для обработки земли применяли деревянный плуг, иногда просто прогоняли по полю скот. Для снятия урожая риса использовали ножи. Ирригация стала делом государства и, несмотря на привлечение иностранных экспертов для составления ирригационных проектов, развивалась слабо [221, с. 79—84].

Переход земледельческого хозяйства в центральном районе на монокультуру риса активизировал кооперирование между сельским хозяйством и другими секторами местной экономики, однако в рамках по преимуществу традиционного уклада. «Сочетание земледельческих и ремесленных деревень, их сложившиеся взаимосвязи (в том числе и по линии товарно-денежных отношений) определяли облик традиционного уклада» [138, с. 126],— отмечает в своем исследовании А. П. Колонтаев. Нетрадиционными, но построенными на грабительском неэквивалентном обмене были товарно-денежные отношения деревни с развитой капиталистической

экономикой, подчинившей внутренний рынок текстиля и ряда промышленных изделий. В условиях значительного развития товарно-денежных отношений крестьянское хозяйство, нуждавшееся в разнообразных видах промышленных изделий, в центральных районах оказалось во власти торгово-ростовщического капитала.

На севере и северо-востоке Таиланда на протяжении 20-х годов формирование монокультурного земледелия происходило в отличных от центрального района социально-экономических условиях. На севере земледелие сосредоточивалось в четырех крупных долинах рек Нан, Йом, Пинг, Ванг. Вследствие особых природных условий (гористый характер местности) крестьянские поля на севере были меньших (до 10 раев), чем на центральной равнине, размеров. Выращивали здесь клейкий рис, табак, опиум, на террасированных полях — чай, собирали в лесах воск. Все эти виды земледельческой и промысловой продукции составляли основу местной торговли. По мере роста экспорта риса из Таиланда местные его сорта стали вытесняться другими, которые пользовались спросом на внутреннем рынке. Торговля, особенно рисом, обеспечивала хозяйствам устойчивый доход и, как замечает исследователь северного Таиланда М. Моэрмен, «велась со значительной прибылью, которая часто давала молодым людям капитал для вложения в дело» [242, с. 167]. На базе товарных отношений в особых условиях севера и северо-востока при отсутствии давления на крестьянство со стороны бюрократической структуры и торгово-ростовщического капитала стал заметен процесс появления мелкотоварного типа собственности. На это указывают, в частности, произведенные учеными подсчеты роста населения и посевных площадей под рисом по районам страны за 1905—1919 гг.: на севере увеличение посевных площадей опередило прирост населения [124, с. 87]. Еще разительнее был рост площадей на северо-востоке [221, с. 50]. По данным, приводимым американским экономистом Дж. Ингрэмом, вывоз риса из провинций севера в 1925 г. составлял 650 тыс. пикулей, а с северо-востока — 1700 тыс. пикулей [221, с. 47].

На севере и северо-востоке стал складываться слой «торгующих крестьян». Если в центральных провинциях торгово-ростовщический капитал в своем яростном противодействии росту крестьянской торговли нашел союзника в лице господствующего класса, то на севере и северо-востоке «торгующие крестьяне» в 20-е годы оказались более стойкими в конкурентной борьбе. Они участвовали в производстве товара и его сбыте [242, с. 163—167]. Таким образом, экономически сильные крестьянские хозяйства были связаны с рынком непосредственно, доход от продажи риса оседал в деревне, способствуя ее социальной дифференциации [242, с. 157—159, 167]. Рождение и развитие тенденции товарного направления в эволюции крестьянского хозяйства, сопровождавшееся ростом самостоятельности экономически сильных хозяйств, само было свидетельством усиления связей с рынком, а также с мелкой городской обрабатывающей промышленностью.

В 1925 г. 10% поступавшего с северо-востока риса составлял обрушенный рис. К началу мирового экономического кризиса объем обрушенного риса из периферийных районов страны возрос: он стал поступать и с севера [38, с. 25; 221, с. 47]. Мелкий предприниматель в городе — владелец рисорушки — на политической арене стал выступать представителем интересов крестьянина — товаропроизводителя риса.

Участие в торговле без посредника было одной стороной социально-экономической деятельности «торгующих крестьян» северных долин. Ее другой стороной было широкое использование социальных связей, отношений клиентской зависимости горных народов, скупка и транспортировка на рынки их продукции. Клиентские отношения широко использовались земледельческими общинами долин для расширения рисопроизводящего хозяйства. В период дождей, когда все долины были заняты рисовыми полями, жители долинных деревень перепоручали свой скот шанам и лава, населявшим горы и находившимся в клиентской зависимости от них. За заботы о стаде те получали право на половину приплода [184, с. 383, 385].

В южных районах в 20-е годы складывается специализация на культуре каучука. Пионерами здесь были китайцы [221, с. 103]. За неимением данных мы можем лишь предполагать, что товарная культура каучука стала проникать в 20-е годы и в крестьянские хозяйства, соединяясь с рисоводством.

* * *

Период абсолютной монархии был для таиландского крестьянства эпохой важных перемен. Исчезли категории средневекового крестьянства — «прай бан», «прай суэй», «прай сом». Ликвидирована была долговая кабала, а также формы примитивной крепостной зависимости. Шел процесс превращения крестьянства в сравнительно однородную массу сельских жителей, земледельцев, владеющих землей на основе уплаты государству поземельного налога и подушной подати. Подорвана была в этот период и община как форма социальной организации сельского населения, обеспечивавшая землей своих членов. В деревне появился и численно возрос к началу мирового экономического кризиса слой безземельных крестьян. Заметным стал слой «торгующих крестьян», вышедших непосредственно из сельской среды и сильно отличавшихся от старого купечества: «торгующие крестьяне» были предприимчивее, энергичнее, они не опирались на монополии, дарованные «сверху», лучше разбирались в меняющихся рыночных отношениях. Но все эти новые явления были лишь предвестниками процесса трансформации крестьянства в класс мелких товаропроизводителей. Основная масса крестьян была государственными крестьянами, ведущими самостоятельное трудовое хозяйство на основе родственной взаимопомощи. Крестьян, вынужденных сократить свое хозяйство, было немного, хотя с конца XIX в. источники указывают на развитие аренды в центральных провинциях.

Век внеэкономического принуждения шел к концу, но живы были его многочисленные пережитки, сохранялись исторические традиции. Крестьянин, в массе своей лишенный экономической инициативы, по-прежнему чувствовал себя во власти землевладельца, чиновника, торговца-ростовщика, искал себе для защиты покровителей из крупного чиновничества.

Особенности развития местного капитализма

Внешняя торговля и развитие товарно-денежных отношений. За 1850—1929 гг. внешнеторговый оборот Таиланда возрос с 10 млн. до 470 млн. батов (201 млн.— импорт и 269 млн. батов — экспорт). Ремесленные изделия в экспорте не превышали 1,5% (3,5 млн. батов в стоимостном выражении). Основное место в экспорте занимал рис — 201 млн. батов [204, с. 62]. Большая доля риса на экспорт шла с центральной равнины. После проведения железных дорог на север и северо-восток (1900 г.) рис стал поступать на экспорт и из этих районов. Большое значение имело для севера лесное хозяйство: производство тика и другой ценной древесины. В 1925—1929 гг. экспорт древесины тика составил 9,2 млн., других пород — 2,6 млн. батов [221, с. 96]. Северо-восток к началу мирового экономического кризиса по сравнению с севером в большей мере сохранял потребительский характер хозяйства. Но и здесь рисоводство приняло коммерческое направление в тех районах, через которые прошла железная дорога, так же как и животноводство: экспорт скота в 1931 г. составил 5 млн. батов [204, с. 62]. В южном районе в экспортной продукции преобладало промышленное и техническое сырье: в 1925—1929 гг. олово дало 22,1 млн. батов, каучук — 5,6 млн., копра — 5 млн. батов [221, с. 95].

Доминирующими экономическими районами Таиланда были центральные: новый район, сложившийся вокруг Бангкока, и старый рисоводческий вокруг Аютии — Лопбури. В канун мирового экономического кризиса на центральный район приходилось более половины всех площадей под рисом — 10,9 млн. раев из 18,1 млн. [221, с. 44]. По численности населения центральные районы уступали остальным — в 1929 г. здесь проживало 4582 тыс., в других районах — 6924 тыс. человек. По темпам прироста населения и посевных площадей центральный район в 1919—1929 гг. опережал другие районы.

С конца XIX в. не только район Бангкока, но и весь центральный район, включая старый рисоводческий район Аютии-Лопбури и новый по левобережью Менама, заняли ведущее место в развитии товарно-денежной экономики. Это подтверждают данные о денежных доходах домохозяйств: в среднем на земледельческое хозяйство в центре в канун мирового экономического кризиса они составляли 60% всех доходов, на севере — 13, менее 20 на северо-востоке и 11% на юге [80, с. 25—28]. Согласно этим цифрам, взятым из отчета К. Циммермана, проводившего в 1930—1931 гг. обследование земле-

дельческих хозяйств в основных экономико-географических районах страны, доля продукции, поступавшей в торговый оборот, была наивысшей в центре, в остальных районах значительной была доля товарной продукции в хозяйствах, производивших такие культуры, как стиклак, чай, опиум — на севере, перец, фрукты — в округе Та Май на юго-востоке, каучук — в северных районах Малаккского полуострова [36, с. 10—11; 60, с. 98]. «В зонах, где имелись два типа почв и два типа товарных культур, как, например, в Та Май,— отмечает Циммерман,— половина деревни производила для продажи фрукты, а другая половина — перец» [80, с. 165]. Но и в зонах сравнительно высокой товарности производство товарных культур попрежнему было соединено с потребительским земледелием, рыболовством, сбором лесных продуктов, охотой.

Эксплуатация природных богатств государством, проходившая ранее на основе товаризованных охоты и промыслов, сменяется эксплуатацией их на товарно-денежной и промышленной основе. Начинается разработка тиковых лесов на севере страны иностранными компаниями-концессионерами. К началу мирового экономического кризиса распределение производительных сил страны через посредство товарно-денежных отношений стало ведущей тенденцией во всех основных районах, создавая в них локальные рынки, включенные в мировое капиталистическое хозяйство, но слабо связанные с общегосударственной экономикой. Возросшая часть продукции, создававшейся в земледельческих хозяйствах, участвовала в незначительной мере во внутреннем товарном обмене. Это были преимущественно клейкий рис, чай, табак, бетель, фрукты, продукты животноводства, рыба. Основная масса изымавшейся из крестьянского хозяйства продукции шла на внешний рынок.

В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» писал: «Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, причем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной, стороне» [11, с. 120]. Именно такой процесс приспособления земледельческого хозяйства к «денежной стороне» происходил в Таиланде после заключения неравноправных договоров и включения страны в структуру мирового капиталистического рынка.

Важно обратить внимание на то, что рост сельскохозяйственной продукции в товарообороте не сопровождался усилением в сельском хозяйстве Таиланда капиталистического предпринимательства. Увеличение производительности крестьянского хозяйства мало изменило его потребительский характер, создав двойственную —потребительскую и товарную — структуру мелкого крестьянского производства [204, с. 75; 80, с. 165]. Натуральное хозяйство оставалось основой производства продуктов питания крестьянской семьи, выход же товарной продукции стал главным источником денежных доходов. Эта структура особенно ясно проявляла себя в

центральном районе, где к 1930 г. денежные доходы в среднем на хозяйство были в 4 раза выше, чем, например, на северо-востоке. Главным источником денежных поступлений в хозяйствах «центра» была рисоторговля. На севере, северо-востоке и юге денежные поступления шли от продажи клейкого риса, табака, изделий домашней промышленности и продуктов, собранных в тропических лесах. На северо-востоке важную роль в крестьянском хозяйстве наряду с рисом играло животноводство и реализация его продукции на рынке. В горных районах севера денежные доходы крестьянских хозяйств складывались из продажи чая и опиума, а также от отхожих промыслов. На юге и юго-востоке источником денежных доходов было выращивание фруктов, перца, производство каучука, рыболовство, отходничество. Активное вовлечение мелких производителей в сферу товарно-денежного обращения вызывалось, в частности в центральном районе, высокой арендной платой. Перед мировым экономическим кризисом площадь земли, сданной в аренду в центральном районе, составляла 28,84% всей обрабатываемой площади (17,25% — на юге, 11 — на севере, 4,76% — на северо-востоке). Важным показателем развития товарно-денежных отношений выступает денежная аренда земли: в центральном районе из 600 изученных Циммерманом домохозяйств 133 арендовали землю за деньги и лишь 40 за половину урожая. В то же время на северо-востоке аренда земли вовсе не была известна. На севере появилась аренда земли — 55 домохозяйств из 500 обследованных платили арендную плату за землю в рисе, но денежная аренда здесь не была известна. Напротив, на юге преобладала денежная аренда — 13% против 4,25% издольная аренда. В целом центральный район, где проживало 35% сельского населения, получал 60% денежных доходов всех деревень страны. На северо-восток, почти равный по населению центральному району, приходилось лишь 16,6% денежных доходов, север — 13,1, юг — 11,3% [80, с. 29—32].

Сочетание товарного и потребительского хозяйства в одной земледельческой структуре при крайней ограниченности внутреннего рынка и абсолютном господстве аграрной экономики отражало экстенсивную форму развития земледелия. Включение земледельческого хозяйства страны в мировое капиталистическое разделение труда, различные формы кооперации труда внутри земледельческих общин и между ними увеличили объем прибавочного продукта, который присваивали торговцы-посредники и господствующий класс как совокупность эксплуататоров, не создавая соответствующих условий для производства прибавочной стоимости. Товаризация земледельческого прибавочного продукта — это еще не товаризация производства, подрывающая замкнутость феодальной экономики посредством разделения труда между городом и деревней [152, с. 72]. Земледелие по-прежнему оставалось способом существования населения, его превращение в отрасль экономики страны только намечалось. Земледельческую основу не утратили ни ремесленно-промысловые деревни, ни местные городки, жители которых полностью обеспечивали себя рисом с принадлежавших им окружающих полей[7].

Развитие товарно-денежных отношений в условиях Таиланда вело к тому, что процессы внутренней дезинтеграции перевешивали процессы интеграции. Последние выражались через отходничество и обслуживание зон производства экспортной продукции такими потребительскими товарами, как чай, соль, табак, бетель, рыба, ремесленные изделия и т. д., производимыми в периферийных районах. Дезинтеграция проявлялась в отсутствии межотраслевых связей, слабом взаимодействии отраслей хозяйства, обслуживавших внутреннее потребление. Сохранение общины создавало особую, полупатриархальную разновидность мелкотоварного уклада, специализировавшегося на производстве риса. Традиционные уклады на периферии приобретали новые функции. Так складывалась сложная система интеграции при посредстве ряда промежуточных звеньев: торговых, административно-фискальных, миграционных. Преобладание косвенных форм интеграции над прямыми должно было отразиться на типе разложения докапиталистического производства. В условиях прямой формы интеграции, преобладавшей в Западной Европе в период генезиса капитализма, последний образовался в результате спонтанного развития товарных отношений, товаризации производства. Товарные отношения, возникающие под влиянием уже сложившейся в других странах капиталистической системы хозяйства, вызывали преобладание косвенных форм интеграции. А это сказывалось на динамике и типе развития мелкотоварного хозяйства, выражалось в особенностях относительного перенаселения, формировании армии наемного труда, урбанизации. В Таиланде развитие товарно-денежных отношений вызывало становление локально-земляческой (этнической) формы капитализма. Крупное капиталистическое производство развивалось на международной основе и было связано с китайской иммиграцией.

Китайская иммиграция. Надэтнические «этажи» в социальной структуре таиландского общества в условиях косвенной интеграции достраивались за счет китайской иммиграции. Именно на этой основе с конца XIX в. пошло развитие системы наемного труда, а также средних слоев — местной торгово-предпринимательской буржуазии.

В Таиланд с 70-х годов XIX в. началась массовая миграция крестьян из южных районов Китая, где тогда сложился особый тип города. Порты Южного Китая были связаны с внешней торговлей, подавляющая масса населения в них была рабочими торговых объединений, доков и портов, ремесленниками, счетоводами, служащими торговых фирм. Со второй половины XIX в. темпы роста китайского населения[8] в Таиланде стали превосходить темпы роста населения в целом. Этот рост сохранялся до 1910 г., когда было увеличено подушное обложение китайского населения. С этого времени темпы миграции падают, но растет часть китайского населения за счет родившихся в Таиланде: обычно отцом был китаец, матерью — таи.

Общее число китайцев в Таиланде, по оценке Дж. У. Скиннера, к началу мирового экономического кризиса возросло с 300 тыс.

в 1860 г. до 1,5 млн., т. е. составило 12% населения. Китайское население сосредоточивалось по преимуществу в околостоличном районе, на юге и юго-востоке страны. Все возраставшее число китайских иммигрантов вбирал Бангкок, хотя со второй половины XIX в. население столицы быстро росло и за счет тайского населения. По мере сооружения железных дорог китайцы продвигались в основные экономико-географические районы страны. Крупные города, включая столицу и центры монтонов, монополизировали чаочжоуцы. Никогда не покидали морские порты хэцзяньцы — по роду занятий преимущественно торговцы и матросы. В связи с развитием ремесел и промышленности важную часть китайского населения городов Таиланда стали составлять кантонцы — в основном ремесленники и рабочие мастерских. И лишь хайнаньцы, вытесненные из центрального района вышеназванными группами китайцев, передвинулись на север в Пакнампо, долины рек Йом и Нан. На северо-востоке они расселились в многочисленных городках, построив здесь храмы, посвященные своим божествам; появились и на крайнем севере в районе тиковых лесоразработок. Хайнаньцы создали местные рынки, организовали скупку местных продуктов в самых труднодоступных местах. Они же построили мелкие судоверфи, ввели в обиход деньги там, где они еще редко употреблялись при обмене и торговле, развили такую отрасль животноводства, как свиноводство [275, с. 83—84].

Владельцы плантаций сахарного тростника и рисорушек в Таиланде имели специальных агентов в южных портах Китая, которые вербовали людей и доставляли их в Бангкок. К концу XIX в. вербовка стала очень агрессивной: людей похищали, обманывали. Вербовка и переброска людей в порты стран ЮВА стали выгодным занятием, обогащавшим агентов компрадорских фирм.

Китайский торговец, предприниматель, агенты торговых фирм внесли в таиландское общество элементы бизнеса, создали социально-психологическую атмосферу, присущую обществу, основанному на принципах частной собственности. Именно китайцы впервые в Таиланде основали свои больницы, школы, создали тайные общества, защищавшие их интересы. Распространенные в китайской эмигрантской среде земляческие, родственные, профессиональные объединения — баны, а также тайные общества были использованы местной китайской буржуазией для расширения торгово-предпринимательской деятельности.

Китайское меньшинство в странах ЮВА пользовалось своей юрисдикцией и особыми правами гражданства: в соответствии с постановлением императорского двора в Пекине 1909 г. ребенок, родившийся вне пределов Китая, но имеющий отцом китайца, считался китайцем [275, с. 155—171].

После победы Синьхайской революции в Китае в среде китайских иммигрантов усилились националистические чувства: китайцы различных языковых групп стали ориентироваться на единый Китай. Национализм оказался препятствием для ассимиляции китайцев, их включению в тайское общество. Большему обособлению

китайцев как этносоциальной общности в послереволюционный период способствовал возросший процент женщин-китаянок, прибывавших в Таиланд: к концу 30-х годов он составлял 30—33% общего числа иммигрантов [276, 238—244].

Китайское этносоциальное меньшинство, существовавшее на основе симбиоза с местным обществом, создало базу для формирования современных классов — промышленной буржуазии и пролетариата.

Местная буржуазия. Процесс капиталистического развития Таиланда из-за подчиненности его интересам колониальных держав, грабивших страну через каналы внешней торговли, проявлялся не столько в области материального производства, сколько в сфере обращения. На связанное с внешним рынком товарно-потребительское земледельческое производство опиралась китайская компрадорская буржуазия. Представители ее часто были агентами западных торговых фирм: в 1890 г., например, 94% экспорта было обеспечено в транспортном отношении западными пароходными компаниями, но лишь 26% торгового оборота Бангкока было в руках торговых английских фирм, 8% — индийских, зато на китайские приходилось 62% товарооборота [204, с. 66]. Монополией китайского капитала была скупка экспортных продуктов. Западные торговые фирмы выбирали богатый китайский торговый дом, знакомый с европейскими методами ведения торговли и занимающий определенное положение в китайской колонии, для выполнения компрадорских операций[9]. Вокруг таких домов создавались местными китайцами торговые объединения — конгси, в которые входило пять—шесть торговых домов, владевших собственными пароходными линиями, множеством лавок и складов [155, с. 23]. Благодаря такой организации коммерческой деятельности налаживалась разветвленная и в то же время единая распределительно-торговая сеть. Ею были охвачены коробейники, лоточники, владельцы торговых джонок, мелкие и средние лавочники. Для каждого звена этой цепи была обеспечена прибыль и быстрая оборачиваемость капитала. Финансировали торговлю китайские банки, а также торговая палата, концентрировавшая и направлявшая деятельность всей торгово-предпринимательской китайской системы в Таиланде [156, с. 243—244]. К концу правления короля Чулалонгкорна китайские агенты самых больших европейских фирм вместе с владельцами крупнейших рисорушек были лидерами китайской буржуазии в Бангкоке [275, с. 102—103].

Компрадорский капитал в социально-экономической структуре Таиланда не играл самостоятельной роли, поскольку он лишь превращал докапиталистические формы прибавочного продукта в капиталистические [171, с. 79]. Но наметилась тенденция к переливу денежных ресурсов китайской буржуазии в отдельные отрасли материального производства, связанные с экспортными потребностями страны. Складывалась обрабатывающая отрасль капиталистической промышленности. Местный китайский капитал, возникший на торгово-ростовщических и откупных операциях, поддер-

жанный капиталами таиландской элиты [275, с. 105], занял доминирующие позиции в рисообрабатывающей промышленности страны. В 1919 г. 56 больших рисорушек Бангкока (не считая десяти, которыми управляли также китайцы) были в собственности местной китайской буржуазии [275, с. 214]. За 1919—1929 гг. число рисорушек в Бангкоке увеличилось с 56 до 71, а в провинции — до 593. 80% их принадлежало местной китайской буржуазии. По оценке японских источников, в 1930 г. капиталы местной китайской буржуазии в рисовой промышленности Таиланда составляли 50 млн. батов [275, с. 214]. Местный китайский капитал был вложен и в лесопилки: с ним с 1888 г. конкурировали капиталисты Англии, Дании, Франции. Тем не менее в 20-х годах 45—50% срубленного тика обрабатывалось на трех современных лесопилках в Бангкоке и множестве мелких на севере и в столице, принадлежавших китайцам [275, с. 137]. Эти предприятия возникли не на основе мануфактурного производства. Единственной отраслью, где можно проследить генетические связи местного капиталистического производства с предшествующей ей мануфактурой, была оловоплавильная промышленность. Еще в 1907 г. около половины добытой оловянной руды плавилось на примитивных оловоплавильнях местной китайской буржуазии, но через 15 лет их уже не было и в помине.

Западный капитал очень активно вытеснял китайских предпринимателей из оловодобывающей отрасли промышленности: в 1930 г. действовало или находилось в процессе монтажа 38 драг, принадлежавших по преимуществу английским компаниям. Но и китайские предприниматели сохранили частично свои позиции: в 1916/17 г. 99 тыс. пикулей олова было выплавлено из руды, добытой артелями китайских старателей, и лишь 48 тыс. пикулей из руды, добытой драгами. В 1926/27 г. цифры составляли соответственно 85 тыс. и 38 тыс. пикулей [30, с. 488].

На юге в 20-е годы начал складываться район каучуковых плантаций, принадлежавших мелким китайским предпринимателям из группы хакка. Представители той же языковой группы были скупщиками сырого каучука, который поставляли помимо плантаций также крестьянские хозяйства. Плантации китайцев были небольшими по размерам — по 2—3 тыс. деревьев. В 1929 г. они занимали площадь около 60 тыс. га, из которых лишь 25% были заняты деревьями, дающими латекс [221, с. 102].

Китайский капитал был вложен в сотни строительных компаний и фирм: они вели работы в Бангкоке по прокладке улиц, клали трамвайные линии и сооружали новые здания, вели строительные работы в порту. Здесь преобладала кантонская группа китайцев [275, с. 115]. Китайский капитал доминировал в каботажных перевозках грузов от устья Менама, куда подходили морские суда, до порта Бангкока.

90-е годы XIX в.— начало XX в. были в Таиланде своего рода периодом грюндерства: высокая деловая конъюнктура поддерживалась высокими ценами на продукцию и низкой оплатой труда. Сближение цен и оплаты труда наблюдалось в крупных торгово-

промышленных центрах, что вызвало массовую миграцию в Бангкок и его окрестности китайцев из южных горнодобывающих районов. Но и здесь действовал фактор найма рабочих по контракту, через землячества, что вело к разрыву цен и оплаты труда. Наименьшим сближение цен и оплаты труда было в слаборазвитых экономических областях — в районах оловодобычи и лесоразработок, на железнодорожном строительстве на севере, где на строительные работы нанимались не китайские кули, а поденщики-лао. «Китайские кули,— писал Р. Ле Мей,— обошлись бы вдвое дороже. Лао же получали один тикаль за день работы» [60, с. 149].

Инфляционная конъюнктура вела к сосредоточению капиталов в сфере торговли, особенно внешней, создавая наибольшие выгоды не для промышленного или сельскохозяйственного предпринимательства, а для деятельности торгово-ростовщического капитала, т. е. являлась конъюнктурой в основном непроизводительной.

Местный китайский капитал, связанный с внешним рынком, представляла торгово-промышленная буржуазия. Ее представители в XIX в. включались в состав знати — они получали ранги и соответственно место в социальной структуре, которое, как правило, было довольно высоким. На последнее указывает, например, титул «пья», который получил основатель китайской компании «Ли Хэгун», владевший крупнейшими в Бангкоке рисорушками. Владельцем широко известной в Таиланде и за его пределами китайской компании «Гуа Лети», занимавшейся обработкой и экспортом риса, был Пья Чудук Рачасети. Титулы имели и его наследники, а некоторые из них занимали видные посты в министерстве иностранных дел [79, с. 155, 157]. «Успех тайской политики (ассимиляции.— *Н. Р.*) — констатирует Скиннер,— был поразительным. Потомки китайцев, облагороженных Рамой V, и сейчас находятся в числе главнейших таиландских семей» [276, с. 242].

Проходившее в городе во все больших масштабах накопление материальных ценностей лишь по мере включения в систему социально-личностных связей становилось подлинным богатством, так как вело к установлению власти и господства над населением. Наличие ранга помогало установлению неформальных связей покровительства по всей стране, подчинению и вовлечению в торговую и посредническую сеть не только китайских торговцев, но и верхушечного слоя в деревне. Местная торгово-посредническая сеть выступала не как представитель капиталистических предпринимателей рассеянной мануфактуры, а как агент торгового капитала, правящей элиты и государства, открывавших доступ к контролю над местным рынком. Эта структура была буржуазной. Однако ее нельзя квалифицировать как структуру, возникшую на основе национального капиталистического производства, поскольку она появилась под воздействием внешних факторов.

Предложенная выше характеристика слоев местной буржуазии заставляет отказаться от той, которая была дана в наших «Очерках новейшей истории Таиланда» (1960 г.); в последних в состав национальной буржуазии, «слабой в экономическом отношении», автором

были включены местные китайские представители торгового капитала наряду с «местной буржуазией, связанной с внутренним рынком» [155, с. 28—32]. В действительности же на пути формирования национальной буржуазии стоял своеобразный патриархально-товарный уклад, который не в состоянии был обеспечить высокие темпы развития местной экономики, что необходимо для появления национального капитализма. Слой капиталистов-предпринимателей, численно возросший к началу мирового экономического кризиса, состоял лишь из китайцев-компрадоров. Часть этих капиталистов включалась в состав таиландской элиты, у другой устанавливались с ней отношения покровительства. К началу XX в. восходит установление связей покровительства королевской семьи по отношению к виднейшим китайским семьям Бангкока, что обеспечивало им экономические и отчасти политические преимущества. Но в целом китайская буржуазия не имела доступа к политической власти: она лишь сосуществовала с местным обществом. Подобное сосуществование открывало перед политически господствующим классом возможности перераспределения доходов через бюрократическую структуру, но не стимулировало у элиты интереса к национальному предпринимательству. Так что последнее в канун мирового экономического кризиса было представлено по преимуществу мелкими предприятиями обрабатывающей промышленности.

Роль государства в развитии товарно-денежной экономики. Неравноправные договоры разрушили сложившуюся систему государственных доходов. Со второй половины XIX в. главными источниками поступлений в государственный бюджет стали прямые и косвенные налоги, подушное обложение. С 90-х годов XIX в. 40—50% государственных доходов составляли косвенные налоги, взимавшиеся преимущественно с китайских иммигрантов (опиумная монополия, монополия на игорные дома и лотерею) [134, с. 174—175; 275, с. 118—125]. Реформа поземельного налогообложения, введение подушного налога в размере 4—6 батов в год и распространение его на китайское население с января 1910 г. увеличили государственный доход. В 1910—1927 гг. 20—25% государственных доходов составляли прямые налоги, возросшие в абсолютном выражении вдвое по сравнению с 1890 г. [134, с. 174; 221, с. 178].

Постепенный пересмотр неравноправных договоров в 20-е годы привел к росту доходов от внешней торговли с 7,16 млн. батов в 1926/27 г. до 16,03 млн. в 1927/28 г., т. е. с 7 до 13,7% государственных доходов, а в 1930/31 г. экспорт дал 14,5% всех доходов государства [221, с. 183, 185].

В 1892 г. началось сооружение железных дорог, которое финансировалось государством — частично за счет иностранных займов. В 1920/21 г. государство приступило к ирригационному строительству, требовавшему значительных капиталов. Основные капиталовложения были сделаны в строительство железных дорог, а также в ряд предприятий местной промышленности, о чем говорилось выше. Доходы от государственных предприятий в канун мирового экономического кризиса не превышали 13% государственного бюджета

[27]. До 65% поступлений в государственный бюджет шли от налогообложения (преимущественно косвенного), перераспределявшего часть доходов трудящихся масс в пользу государства и эксплуататорских групп.

В общей массе государственных доходов (96 млн. батов) чрезвычайные расходы на капитальное строительство в 1925/26 г. составили 7,9 млн., т. е. менее 10%. В то же время расходы по цивильному листу короля в канун первой мировой войны составляли 20% государственных расходов, снизившись в 1923/24 г. до 14 и в 1924/25 — до 12% [26]. Значительную часть бюджетных расходов стал поглощать административный аппарат, в котором в 20-е годы было занято 81 тыс. служащих, или 1,72% мужского населения страны [261, с. 62], а также офицерский состав вооруженных сил и военно-морского флота [204, с. 96—97]. В определенных пределах это рождало регулярный рыночный спрос. Например, на севере горный народ яо продавал местному гарнизону в г. Нан рис, на вырученные деньги закупая керосин, спички и другие товары [60, с. 172—173].

Пролетариат. В условиях преобладания косвенных форм капиталистической интеграции формирование в Таиланде армии наемного труда шло главным образом за счет китайской и индийской иммиграции. Крупнокапиталистическими промышленными анклавами с конца XIX в. становятся Бангкок и районы оловодобычи на о-ве Пукет и Малаккском полуострове. В них были представлены как иностранные предприятия (особенно в горнодобывающей и лесопильной промышленности), так и предприятия местной китайской буржуазии. В отличие от соседних колониальных стран Индокитая в Таиланде не сложился развитой иностранный сектор сельского хозяйства.

Первое механизированное промышленное предприятие возникло в Бангкоке в 1858 г.— это была крупная паровая рисорушка, принадлежавшая американской торговой компании [40, с. 186], в 1864 г. паровых рисорушек в Бангкоке стало три, а в 1867 г.— пять, и все они принадлежали европейским компаниям. Но с 70-х годов XIX в. картина резко меняется: рисорушки стали создаваться местными китайскими скупщиками риса, выступавшими агентами тех же европейских фирм. Инициаторами были кантонцы, они же служили инженерами на этих рисорушках. В 1890 г., по сообщению английского консула, в Бангкоке было уже 25 рисорушек, оснащенных современным оборудованием, закупленным в Англии [25, с. 20]. Из них 20 были в собственности местной китайской буржуазии [59, с. 651]. На крупнейших рисорушках трудилось по 200—400 рабочих [79, с. 152]. В начале XX в. в Бангкоке возникло множество предприятий обрабатывающей промышленности — это были не только рисорушки, число которых к 1912 г. дошло до 50, но и лесопилки, оловоплавильни: 7 лесопилок принадлежало европейским компаниям, 4 — китайцам — хайнаньцам, хакка и кантонцам [275, с. 105]. Строились доки, электростанция, городской трамвай, различные здания, велась прокладка улиц. Это был период складывания как фабричной промышленности, так и постоянного рынка рабочей силы.

Проблемам формирования в Таиланде рабочего класса посвящена монография В. А. Дольниковой [124]. Автор в числе условий формирования пролетариата до второй мировой войны выделила полуколониальное положение страны, аграрно-сырьевой характер ее экономики, а также чрезмерное разбухание отраслей, не связанных со сферой материального производства. Используя данные переписи 1929 г., она приводит число занятых в промышленности и на транспорте — 164,6 тыс. [124, с. 74—75]. Главным источником формирования пролетариата В. А. Дольникова считает китайскую иммиграцию. Следует еще раз подчеркнуть, что конец XIX — начало XX в. были временем складывания и развития именно миграционной системы наемного труда: в составе рабочего класса преобладали рабочие китайской национальности. Ввозились законтрактованные рабочие также из Индии и Бирмы. Рабочие на предприятиях подбирались по земляческому принципу. По оценочным данным, в начале XX в. на рисорушках и лесопилках Бангкока трудилось около 10 тыс. рабочих-китайцев [41, с. 264]. За неимением данных трудно сказать, какую часть общего числа рабочей силы составляли эти рабочие, поскольку несколько тысяч китайцев были заняты на строительстве в Бангкоке, работали в доках, грузчиками в портах и матросами. На квалифицированных работах это были преимущественно кантонцы, на неквалифицированных — чаочжоуцы [275, с. 115].

Когда в 1892 г. началось железнодорожное строительство, то непосредственно из Сватоу были доставлены законтрактованные кули — чаочжоуцы и хакка. Квалифицированные работы выполнялись рабочими-кантонцами [275, с. 114]. Всего там было занято 2 тыс. рабочих. С расширением работ по сооружению железных дорог число рабочих-строителей возросло до десятков тысяч. «К 1909 г. железные дороги лучами разошлись от Бангкока по всем направлениям — на север, северо-восток, юго-восток и юго-запад Сиама благодаря не только дальновидности Чулалонгкорна и мастерству западных инженеров, но также благодаря китайским кули, которые выполняли земляные работы, строили мосты и укладывали рельсы»,— пишет Скиннер [275, с. 115].

В оловодобывающей промышленности на рудниках о-ва Пукет китайское население (преимущественно рудокопы-фудзянцы) возросло с 20 тыс. в 1870 г. до 40 тыс. в 1894 г., но в конце 90-х годов сократилось до 12 тыс. Сказался отъезд из этого района китайских рабочих в столичный район, где условия найма были лучше [76, т. 1, с. 317—319, т. 2, с. 66, 133]. Сильно сократилась занятость на оловоразработках на юго-западе Таиланда, в незначительных масштабах работы велись в южных районах. Число рабочих-китайцев в оловодобыче стало резко возрастать с начала XX в., когда ее повели западноевропейские компании. В 1928 г. была учреждена «Сайем чембер оф майнс», в которую вошли 28 западных компаний [294, с. 460], но действовали и многочисленные китайские оловодобывающие предприятия. Рабочими на тех и на других были китайцы.

Отсутствие статистических сведений не дает возможности выявить точное соотношение национальных групп в составе рабочего класса

Таиланда, но косвенные данные указывают на рост группы рабочих-таи. В Бангкоке, население которого превысило к 1929 г. 900 тыс., примерно половину составляли мигранты из деревень. Английские консулы сообщали об участившихся стычках между «сиамскими и китайскими кули на лесопилках и рисорушках» [24, с. 18]. Возросла доля рабочих-таи в квалифицированном труде. Квалифицированные рабочие в железнодорожных мастерских и на электростанции Бангкока были местного происхождения. Но самое большое значение труд таи имел на рынке наемного труда в сельских районах, где от случая к случаю крестьяне прибегали к отходничеству и работе по найму, в том числе в железнодорожном строительстве.

Ряды пролетариата в сельских районах с конца XIX в. пополнялись за счет бирманцев и шанов, мигрировавших из Бирмы, представителей местных этнических групп мон-кхмерского происхождения, каренов, лава. Лава подряжались на разработки тиковых лесов со своими слонами, которых содержало в деревне несколько семей [184, с. 383]. Большими знатоками леса были представители народности кхму (мон-кхмеры). Иностранные компании буквально покупали мужчин — погонщиков слонов у местных старост или вождей [60, с. 86]. В начале XX в. здесь появились тысячи бирманцев и шанов — подданных Англии из ее колоний, работавших на лесоразработках как отходники и сезонные рабочие. Постепенно сюда стали проникать и китайские кули из хайнаньцев. К 1910 г. как на севере, так и в Бангкоке появились небольшие лесопильные предприятия, основанные на ручном труде, которые принадлежалли хайнаньцам и привлекали рабочую силу из той же китайской группы мигрантов [74, с. 137].

Развитие товарного направления в сельском хозяйстве наиболее заметно было в густонаселенном районе, окружавшем Бангкок. Оно сложилось в огородничестве, садоводстве и свиноводстве в хозяйствах, собственниками которых были китайцы. В этих хозяйствах были заняты тысячи рабочих-китайцев [41, с. 167]. В товарном земледелии на севере (на плантациях чая) работали сотни отходников — таи, шаны, кхон-мыанг. Емким рынком наемного труда становились каучуковые плантации на юге: владельцы плантаций из группы хакка нанимали рабочих из той же группы китайских мигрантов. Большая часть наемных рабочих трудилась на мелких и мельчайших производствах, например солеварнях, ликеро-водочных полукустарных предприятиях, шелкоткацких мастерских севера и северо-востока, имевших от 2 до 14 станков [124, с. 98].

В Таиланде под влиянием как косвенной, так и прямой интеграции экономики в капиталистическую систему создались очаги постоянного спроса на наемный труд. Главными нанимателями в 20-х годах были государственные предприятия, из них первое место занимали железные дороги. Второе и третье места по занятости делили предприятия иностранного и местного китайского капитала. Среди иностранных нанимателей выделялись английские компании «Бомбей — Бирма трейдинг корпорейшн», «Сайем форест компани». Последняя имела большие лесные концессии и лесопилки, на которых

были заняты тысячи рабочих, капиталовложения в рубиновых и сапфировых копях в восточных районах страны, занималась экспортно-импортными операциями [79, с. 172]. Спрос этих компаний на наемный труд удовлетворялся за счет временных рабочих — иммигрантов из Китая, Индии, Бирмы, а также местных рабочих, как постоянных, так и отходников.

Рабочие-иммигранты приезжали лишь на заработки и стремились либо вернуться на родину, либо заняться прибыльной торговлей. По имеющимся данным, многие из китайских кули, трудившихся на строительстве железных дорог, по окончании строительства занялись торговлей и посредническими операциями, влившись в состав местной буржуазии. Очень велика была смертность среди китайских рабочих, прибывших для работы на оловянные рудники и в районы железнодорожного строительства, ибо все это были слабо освоенные районы джунглей. Местные рабочие-сезонники — таи, лао, шаны, карены, лава — также интересовались лишь временными заработками; скопленные денежные средства они стремились вложить в покупку земли, чтобы улучшить социальный статус семьи или внести выкуп за невесту [184, с. 383].

Непостоянность, текучесть состава рабочего класса оставались характерными его чертами вплоть до мирового экономического кризиса, несмотря на спад китайской иммиграции к концу 20-х годов. Отраслевая структура пролетариата — преобладание рабочих обрабатывающей промышленности и транспортных рабочих — указывала на специфически колониальное промышленное развитие Таиланда в этот период с преобладанием даже в этих наиболее развитых отраслях временной рабочей силы. Принцип землячества был основой организации промышленных предприятий вплоть до мирового экономического кризиса, обеспечивая в определенной мере рабочим-китайцам социальную защиту в чужой стране. Для китайского предпринимателя землячество представало как наилучшее решение проблемы организации производства, давая довольно широкие возможности для отбора квалифицированных кадров, обеспечивая контроль над рабочими через личные отношения. Тем самым в городе традиционные средства использовались во имя современных целей — развития капиталистического предпринимательства. Традиционные институты оказались экономически выгодными: они обеспечили промышленность рабочими руками, сделали ее способной конкурировать с английскими предприятиями, поставили под контроль предпринимателей поведение рабочих, направив энергию их на борьбу за буржуазные цели [156, с. 262—263].

Китайский рабочий в Таиланде подвергался не только прямой капиталистической эксплуатации, но и косвенной эксплуатации со стороны капиталистов и государства. Подсчитано, что в 90-е годы XIX в. через налоги и монополии государство присваивало до 40% заработной платы рабочих-рудокопов на о-ве Пукет [76, т. 1, с. 319, 328]. И в канун мирового экономического кризиса, согласно обследованию, проведенному Лигой наций в южном районе Таиланда, «китайский рабочий, занятый в горнодобывающей промышлен-

ности, тратил половину своей заработной платы на опиум и, как правило, навсегда оставался на прииске, будучи в неоплатном долгу у предпринимателя» [295, с. 234]. Можно привести и другие факты, показывающие, что в условиях экономического преобладания торгового капитала рабочий класс в Таиланде не мог перерасти рамки предпролетариата.

На наш взгляд, нуждается в корректировке мнение, что ряды пролетариата пополняли члены общин, утратившие землю. Открывшиеся возможности покупки земли без общинной взаимопомощи при ее освоении стимулировали активность верхушечного слоя деревень, побуждая его использовать для этого сезонные и поденные заработки как источник накопления денег. На заработки, как правило, шли молодые мужчины из сравнительно благополучных и зажиточных семей, а безземельные оставались в общинах.

Развитие рынка рабочей силы и процесс первоначального накопления капитала не выступали как тождество. Появление денежной заработной платы само по себе не говорило о зарождении капиталистических отношений. Принципиальное значение имел характер найма: независимость работника (по существу, а не формальная) от кабальных форм эксплуатации.

Формы социально-политической борьбы

К началу мирового экономического кризиса развивавшиеся в основном на базе китайского меньшинства новые социальные силы — местная буржуазия и пролетариат вступили в диалектическое взаимодействие со структурой земледельческого общества. Большое число социальных компонентов, незавершенность формирования классов буржуазии и пролетариата оказывали влияние на формы и направления социальной и политической борьбы.

Проводившееся «сверху» изменение традиционных отношений на периферии, насильственная трансформация связанной с общинами местной знати, не учитывавшая традиционных концепций землевладения и землепользования[10], нарушили преданность местной знати по отношению к центру и активизировали стихийный религиозный по форме, но социальный по существу протест местного населения. С конца XIX — начала XX в. на севере и северо-востоке стали возникать очаги милленаристских движений, на базе которых развился регионализм северо-востока и партизанское движение 60—70-х годов XX в., превратившее этот район в очаг сопротивления центральному правительству. На милленаристский характер крестьянских движений на периферии Таиланда мы обратили внимание в «Очерках новой истории Таиланда», использовав для их описания материалы русских архивов [156, с. 257—261]. За истекшее время материалы, рисующие эти движения, пополнились документами Национального архива Таиланда, изученными В. Скробанеком (ФРГ) [278, с. 78—93].

В 80-е годы XIX в. северные и отдаленные северо-восточные районы Таиланда — Луангпрабанг, Хуаконг, Сипсонгчутай, Хуа-

фанс были захвачены отрядами повстанцев, получивших названия по цвету флагов, под которыми они выступали — «черные флаги», «желтые флаги». Местные жители называли участников отрядов «хо», подчеркивая их китайское происхождение, хотя, по имеющимся данным, в них участвовали чжуан, мео и другие малые горные народности. Эти отряды появились в ходе подавления в Китае в 1864 г. восстания тайпинов, превзошедшего по масштабам контролируемой территории, на которой они пытались создать новое общество, интенсивности их идеологической атаки на цинское государство и общество все до этого бывшие движения. Движение тайпинов вдохновлялось древнекитайскими социальными утопиями [132б, с. 48], подобно тому как в Таиланде милленаристские движения в периферийных районах вдохновлялись мечтой о рае на земле и приходе мессии.

Милленаристские движения в Таиланде охватывали неустойчивые в политическом и разобщенные в этническом отношении районы севера и северо-востока. Здесь была распространена наряду с канонической формой буддизма и неканоническая. В местной буддийской литературе предсказания постепенного упадка нравственности приняли в умах населения форму ожидания катастрофы. Народные мессианские чаяния концентрировались на справедливом правлении пху ми бун. Одно из милленаристских восстаний произошло в 1889 г. в районе Чиенгмая и по форме было протестом против попытки правительства Бангкока распространить на север практику взимания налогов в денежной форме, а также ввести здесь откупа налогов. Это восстание было реакцией земледельческого населения на резкое вторжение в натурально-потребительскую экономику деревни денег как всеобщего эквивалента, угрозы уничтожения привычных форм личностных отношений. Оно отразило ослабление веры в традиционные авторитеты, падение престижа местных чао, которые не смогли противостоять наступлению ни администрации Бангкока, ни компаний западных держав, устремившихся в 80-е годы к тиковым лесам севера [60, с. 62].

К этим восстаниям примыкает движение шанов 1902 г. в провинции Пре, принявшее форму локального выступления этнической общности, направленного против центральной администрации. Восставшими был схвачен жандармский офицер-датчанин и казнен [60, с. 251]. Для этих движений характерна антиправительственная идеология: в противовес официальному каноническому буддизму восставшие выдвигали милленаристские идеи социальной буддийской утопии [278, с. 11—17, 93—99].

Наиболее значимым по охвату территории и числу участвовавших, по ярости было мессианское движение пху ми бун, начавшееся в 1902 г. на северо-востоке [18; 223, с. 121—126; 260]. Утопические чаяния земледельческого населения поддерживались здесь, с одной стороны, частыми стихийными бедствиями (засухи, наводнения), а с другой — наступлением товарно-денежной экономики. Движение вдохновлялось ожиданием космической катастрофы, после которой должно было, по традиционным представ-

лениям, наступить вечное царство счастья. В ожидании катастрофы население проявляло нравственную стойкость, прекратило трудовую деятельность, уничтожило рабочий скот (в ряде местностей были уничтожены даже шелковичные черви из страха, что они превратятся в пожирающих человека змей) [278, с. 101].

Земледельческое население северо-востока не признавало харизматической роли правительства Бангкока. Мессианские ожидания более совершенного общества стали связываться с пху висет, обладателями магической силы: ими могли быть монахи, предсказатели, чародеи, бродячие певцы. Считалось, что их магическая сила — результат накопления хорошей кармы в прошлом и настоящем. Если пху висет в глазах народа приобретал качества пху ми бун — «человека, обладающего благодатью», вера в него вытесняла харизму правителя. В числе 43 пху висет, руководивших движением 1902 г., было 3 кхмера, 1 кха, 9 суэй и 30 лао. В докладе центральному правительству верховный комиссар монтона Иссан писал, что «некоторые из пху ми бун были местными должностными лицами низших рангов, желающими получать свое довольствие прежним путем» (цит. по [223, с. 124]). В движении уже на том этапе можно проследить зарождение самосознания лао: один из пху висет выдавал себя за потомка погибшего правителя Вьентьяна Чао Ану, другой строил планы воссоединения провинций северо-востока с центром в Убоне [278, с. 88—89]. В движении соединились насильственные и ненасильственные методы борьбы.

Народные движения конца XIX — начала XX в. потребовали от правительства большого напряжения сил и были подавлены с помощью армии.

В 20—30-е годы под влиянием быстро развивающейся товарно-денежной экономики милленаристские движения частично утратили силу. Но и в 20—30-е годы их отзвуки еще были слышны на севере в районе Чиенгмая: здесь был очень популярен монах Пхра Си Вичай, на которого были перенесены представления о пху ми бун — традиционном лидере, якобы способном изменить социальные отношения, смягчить жизненные страдания [278, с. 75]. «Подобного рода милленаристские движения,— замечает Скробанек,— обладают способностью «уходить в подполье», т. е. пребывать в состоянии психологической готовности к мятежу» [278, с. 93].

Значение милленаристских движений типа пху ми бун состояло в том, что они были признаком нарушения социального мира, пошатнувшейся веры в традиционные авторитеты, хотя их участники и рассматривали свои проблемы в мифологическо-утопической перспективе. Для господствующего политического порядка они превращаются в реальную угрозу лишь в том случае, если соединяются с современным политическим движением, а утопические мечты оказываются связанными с прогрессивной идеологией, с появлением интеллектуальных лидеров, которые не только готовы опереться на крестьянские массы, но могут облечь современные социально-критические и революционные теории в понятия традиционной социальной философии.

С эпохи пробуждения Азии в Таиланде развертывается буржуазно-демократическое движение, лидеры которого предлагали реальные пути освобождения от колониального гнета, опираясь на современные организации и методы борьбы. Проводником новых форм идеологии и новых форм общественной борьбы, революционного опыта пробуждающихся азиатских стран, «очагом всех патриотических революционных брожений» (см. [156, с. 263]) было местное китайское меньшинство. Китайские землячества Бангкока поддерживали Сунь Ятсена и созданный им Объединенный союз — Тунмэнхуэй, имевший отделения и в Таиланде. Местная китайская буржуазия оказывала финансовую поддержку китайским революционерам, ведшим подготовку Синьхайской революции. Победа Синьхайской революции была с ликованием встречена в Таиланде не только в кругах китайского меньшинства: за ее ходом и успехами следила к тому времени значительная по численности таизированная прослойка китайцев—лук чин, мелкобуржуазная по социальной ориентации. Будущий основатель Народной партии Приди Паномионг, родившийся в 1901 г. в провинции Аютия в семье торговца из группы чаочжоуцев, был таким лук чин [204, с. 106]. По его словам, он «в детстве внимательно следил за событиями Синьхайской революции 1911—1912 гг., возглавляемой доктором Сунь Ятсеном, и особенно за сражениями между императорской и республиканской армиями» [69, 24. XI. 1974].

В мелкобуржуазной среде лук чин зародилась первая на таиландской почве революционная организация, попытавшаяся в 1912 г. путем военного переворота свергнуть короля. Она, насколько можно судить по имеющимся данным, состояла из лук чин, находившихся на службе в армии и флоте. Целью переворота было установление республиканской формы правления [156, с. 266—269]. Заговор обнаружил наличие в таиландском обществе социального слоя, стремившегося мыслить категориями буржуазного мира. Монархия не отвечала политическим и социальным устремлениям нового, по сути дела буржуазного, городского слоя. Можно согласиться с мнением Скробанека, что события 1912 г. отражали конфликт интересов китайского меньшинства с таиландским обществом, конфликт образованного по западным стандартам чиновничества с принцами, правившими с позиций автократии [278, с. 50]. Та система ценностей, которая была выработана правящей элитой и буддийской сангхой в ходе исторического развития таиландского общества, не удовлетворяла новые городские слои. И после 1912 г. их продолжали волновать политические события, происходившие за пределами страны. Бурно откликнулись бангкокские газеты на свержение самодержавия в 1917 г. в России, на создание Турецкой Республики в 1923 г. [146, с. 185]. Поднялась волна критики монархии; даже члены королевской семьи заговорили о необходимости демократизации режима [278, с. 53]. Идеи переустройства общества не только через реформы «сверху», но и революционным путем все более занимали умы горожан. Эти идеи рождались из социальной реальности таиландского обществен

ного строя первых десятилетий XX в. и в определенной мере были результатом контактов с революционным и национально-освободительным движением стран Востока. Связи поддерживались местными китайскими националистическими лидерами с группой вьетнамских революционеров, нашедших убежище в Таиланде. В 1908 г. сюда эмигрировал вьетнамский революционер Фан Бой Тяу, установивший отношения с местным отделением Тунмэнхуэя [142, с. 97; 150, с. 504—514].

В годы первой мировой войны в Таиланде, Малайе, Бирме в среде проживавшего здесь индийского меньшинства действовали отделения националистической организации «Гхадр» [118, с. 53 — 54; 151, с. 648—649]. В Таиланде отделение «Гхадр» опиралось на индуистское духовенство в Бангкоке и Чиенгмае и проявляло особенно большую активность [156, с. 293—294]. В начале 1915 г. в северо-западных областях Таиланда собрались тысячи эмигрантов из Индии. Из их среды «Гхадр» набирал солдат для повстанческой армии, готовившейся вторгнуться в Бирму, а оттуда в Индию для ниспровержения английского господства. Эти националистические и революционные организации ограничивали свою деятельность рамками определенных этносоциальных общностей.

После победы Великой Октябрьской революции в России в Таиланде началось распространение коммунистических идей: шло оно также через китайскую общину, претерпевая в умах местных революционных лидеров определенное преломление: на первый план ими выдвигались цели не столько социальной, сколько националистической борьбы. Объяснялось это и тем, что возникшие в 20-е годы коммунистические ячейки действовали в рамках этносоциальных меньшинств.

В 1923 г. возникла первая коммунистическая ячейка в среде китайских рабочих Бангкока. Раскол между Коммунистической партией Китая и гоминьданом в 1927 г. имел отзвук и в Таиланде, где от националистических прогоминьдановских организаций отделились ячейки местных коммунистов. Их состав пополнялся китайскими студентами, мигрировавшими из Китая в Бангкок; с марксизмом они знакомились не по первоисточникам, а по лекциям либеральной профессуры в Китае. В Таиланде эти партийные активисты помогали организовать коммунистическое движение: была создана «Коммунистическая организация молодежи Сиама», распространявшая в среде местной китайской молодежи идеи марксизма-ленинизма. Благодаря ее агитации возросло число членов в коммунистических ячейках. Китайская марксистская интеллигенция не порывала связей с родиной: в помощь КПК, боровшейся против гоминьдана, в среде китайского меньшинства был организован сбор средств [233, с. 78].

В 20-е годы в Таиланде появилось компактно проживавшее в провинциальных городах северо-востока вьетнамское меньшинство. Созданное в 1925 г. в Гуаньчжоу Товарищество вьетнамской революционной молодежи направило в этот район своих членов, которые повели работу во вьетнамских общинах. В 1928—1930 гг.

Хо Ши Мин, тогда член КП Франции, вел работу среди вьетнамцев в Убоне и Саконнакхоне: им были созданы коммунистические ячейки в среде молодежи и основаны школы для детей. По воспоминаниям очевидцев, Хо Ши Мин в своей пропаганде исходил из общности целей национально-освободительной борьбы для Таиланда и Вьетнама, поскольку обе страны подвергались колониальной экспансии со стороны Франции [230, с. 23].

Эмигрантская вьетнамская и китайская среда активно воспринимала идеи о создании особого типа организации — рабочей партии. В 1931 г. была создана Китайская коммунистическая партия Таиланда [189, с. 199—200]. По составу это была партия преимущественно китайских рабочих. Лидеры партии, еще мало знакомые с местной обстановкой, поспешили перенести на местную почву практику и опыт политической борьбы в Китае, использовать в Таиланде методы китайской революции. Свою главную задачу они видели в борьбе с феодальными порядками и феодальной монархией, но вести эту борьбу предполагали собственными силами, без массового участия таиландского пролетариата и крестьянства, вне союза с местными оппозиционными монархии силами в лице радикальных националистов.

В таиландской мелкобуржуазной среде марксистские идеи не нашли большого числа сторонников. Лишь в эмигрантской среде — у тайских студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях Франции,— приобрел значительную популярность таиландский эмигрант Пхра Сарасат, пытавшийся перекинуть мост от такого рационализированного учения, как марксизм, к религии — буддизму. Сохранившиеся в Национальном архиве Бангкока листовки, написанные Пхра Сарасатом, позволяют говорить о наличии в идеологических исканиях этого таиландского демократа зачатков критического отношения к религии и тайской самобытности[11]. Но выступая против предопределенности исторического развития, Пхра Сарасат ограничивался туманными призывами, не имея определенной программы преобразования общественного строя.

К 20-м годам восходит создание в тайской эмигрантской националистически настроенной среде политической организации — Народной партии [146, с. 182—192]. Ее создатели попытались взглянуть на таиландское общество с позиций передовой социологической мысли Запада, сопоставить традиционные представления о роли государства и правящей элиты с передовыми европейскими идеями развития общества, в том числе социалистическими. Процесс восприятия европейских идей, знакомство с «азиатским народничеством», в первую очередь с учением Сунь Ятсена, оказали воздействие на идейные искания основателей Народной партии. Уже в тот период определились у ее участников две мировоззренческие платформы, два разных взгляда на законы исторического развития, две программы обновления страны. Одна исходила из интересов народа, преимущественно крестьянских масс: ее представлял будущий видный политический и государственный деятель, в то время докторант Сорбонны, Приди Паномионг. Социаль-

ный идеал его находился в явной связи с традиционными представлениями крестьянства о взаимопомощи, с концепциями «разделенной бедности». Кроме традиционных представлений в народническую идеологию Приди вошли современные социалистические теории. Все же, согласно взглядам Приди, общественное развитие определялось не классовой борьбой, а взаимопомощью людей, реализацией в социальной практике религиозной морали — тхаммы. Приди и его последователям и сторонникам пришлось преодолевать в себе буддийский стереотип мышления. Другую платформу представляли молодые офицеры армии, также мечтавшие о превращении страны в передовое государство, видевшие пути к этому через буржуазное развитие при сохранении авторитарных методов правления.

Критику авторитарно-бюрократической формы правления, поиски путей социального и политического преобразования общества, превращения Таиланда в сильное государство западного образца исследователи видят в так называемой «дискуссии о мире и согласии» по проблеме основ «идеального государства». Эта дискуссия, истоки которой восходят к XVIII в., приняла активные формы в печати с конца XIX в., когда усилилось давление западных держав и возникла угроза национальной независимости Таиланда. В ходе этой дискуссии выявилось стремление найти основу для сплочения общества на новых — гуманистических, а не морально-этических принципах. «Истинное единство» на базе патриархальной семьи противопоставлялось единству, которое достигалось через воздействие на общество стоящей над ним авторитарной власти. Это преодоление элитарных представлений, замена их буржуазно-эгалитарной идеей «единодушия» были как бы зародышем демократической тенденции в таиландском обществе, связанной со становлением предбуржуазного городского слоя, оформлением его самосознания, которое тем не менее находилось под сильным влиянием буддизма, его этических норм, а также «национального чувства». Возникающая новая идеология «бюргерских» слоев, хотя и проявляла себя как оппозиционная к идеологии господствующей полуфеодальной бюрократии, сама выступала как синкретическая: призыв «любить короля, страну, нацию и буддизм» они рассматривали как основу национального самосознания и патриотизма, признавая тем не менее светское образование и «самовозникающее богатство» (накопление капитала) [266, с. 106—107]. С феодальным национализмом эти идеологические воззрения — их представлял публицист Тхиен Ван (1842—1915) — роднило отрицание неизбежности насильственных действий со стороны народа с целью изменения существующего политического строя: этой цели он предлагал добиться, допустив народ к участию в политической жизни. Выступления Тхиен Вана знаменовали появление в Таиланде идеологического течения, подготовившего условия для переноса на местную почву националистических идей, разработанных лидерами Народной партии.

Растущему буржуазному национализму правящая элита противопоставила «таиландский национализм», принципы которого, сфор-

мулированные королем Вачиравудом, легли в основу официальной идеологии. Они включали три понятия: нация — религия — король. Понятие «нация» выработалось в ходе патриотического движения против колонизаторов еще при Чулалонгкорне; для передачи понятия «нация» стали употреблять слово «чат», т. е. палийское слово «джати» — земляки, народ [278, с. 55]. Такое толкование понятия «нация» призвано было преодолеть разрыв между традиционным мировоззрением крестьянства и нарождавшейся новой буржуазной культурой города. Этому преодолению способствовала также буддийская община, которая широко использовалась правящей элитой для распространения идей защиты независимости и единства всех таи. В монастырях тхаммаютникаи на протяжении XIX в. в ходе диспутов буддийских монахов и христианских миссионеров возникло понятие «национальная самобытность». Идеализируя местные духовные традиции, ученые-монахи тхаммаютникаи доказывали превосходство этики буддизма над христианской моралью Запада, хотя и признавали приоритет последнего в области техники. В начале XX в. идея единства нации широко пропагандировалась через монастыри по всей стране, включая и бывшие мыанги севера. «Буддийское духовенство...— писал журнал «Ази франсез»,- изображает правительство Бангкока вождем тайского народа, призванным руководить им в его борьбе против европейцев» [88а, март 1904, с. 131].

Если истоками этого национализма на раннем этапе его становления была борьба с наступающими на страну европейскими колониальными державами, то при Вачиравуде «таиландский национализм» питался не столько идеями борьбы за национальную независимость, сколько идеями целостности и самобытности. Ставя вопрос об аутентичности западных и восточных политических понятий и представлений, Вачиравуд, получивший образование в Оксфорде, создал свой национализм — сплав английских буржуазно-монархических идей и местных националистических лозунгов защиты родины. Обращаясь к военизированным отрядам молодежи «Дикие тигры», созданным им в 1911 г., Вачиравуд изложил три основных принципа доктрины «таиландского национализма»: 1) преданность народа правителям в соответствии с обычаями; 2) любовь к нации и уважение религии; 3) единство на основе взаимного согласия. «Эти три идеи — постоянные принципы, которые обеспечат нам свободу и не дадут оторвать от нас ни клочка территории, на которой наши предки создали нашу нацию на основе тайской народности... Наша нация не покорена. Она будет расти и процветать» (цит. по [308, с. 110]). Вачиравуд видел угрозу государству не только извне, но и изнутри, наблюдая рост националистических настроений у местных китайцев, малайцев, лао. Но это не был еще буржуазный национализм: основным для него была религиозная принадлежность подданных. Журнал французской колониальной администрации в Индокитае откликнулся на эту прокламацию так: «Нам остается надеяться, что пробуждение национального сознания не будет агрессивным» [88а, ноябрь 1911, с. 512—513].

По справедливому замечанию американского социолога Д. А. Уилсона, Вачиравуд «был одним из выдающихся азиатских националистов раннего периода. Его идеологический вклад в развитие государства прошел незамеченным вне страны в силу спокойного характера политических событий в годы его царствования. Но его идеи до сих пор важны для Таиланда. Лозунги и символы, которые он предложил,— правитель, религия, нация; позиция, согласно которой таи должны право нации на существование оправдывать прогрессом и усвоением западных стандартов; опасения перед ролью китайцев в стране — все это остается и сегодня входит в круг актуальных идей. Это была странная и противоречивая фигура, но его влияние на современный Таиланд неоспоримо» [308, с. 112].

Развивая идеологию «таиландского национализма», Вачиравуд стремился к ассимиляции беспокойного китайского меньшинства, которое вдохновлялось революционными идеями. В своих статьях, написанных по-английски, Вачиравуд обращался к тем, кто находился под сильным влиянием конституционных и республиканских идей, доказывая, что ни китайцы, ни таи не имеют понятия о республике и демократии [272, с. 331]. Этим идеям он противопоставлял верность монархии и духовные ценности религии, которые он объявлял существенными чертами «таиландского национализма». Религия и религиозная этика были им отделены от светской сферы, а критические идеи, восходившие к буддийской социальной утопии земного рая, осуждены как опасные для существующего порядка [278, с. 58]. Буддизм, который он рассматривал как символ объединения нации, заслон от «развращающего» влияния Запада, при нем утрачивает свое значение в культурных преобразованиях. Указ 1921 г. о всеобщем начальном светском обучении ввел в качестве обязательного предмета в начальных школах тайский язык, который стал превращаться в общегосударственный язык, обязательный для китайцев, лао, малайцев и горных народностей севера. Это было немаловажно для создания единой нации.

В «Очерках новой истории Таиланда» выработанная Вачиравудом форма идеологии была охарактеризована как «монархический», т. е. «феодальный национализм» [156, с. 277]. Проведенное советскими исследователями глубокое и многоплановое изучение идеологии национализма, его новая классификация [114, с. 78] требуют внести некоторые поправки в данную в «Очерках» характеристику идеологии «таиландского национализма», основанной на триаде «нация—религия—король». Действительно, с «феодальным национализмом» эту форму идеологии сближал упор на религию, идеализация феодального прошлого, осуждение идеи революции. Но в то же время для нее было характерно особое внимание к опыту Японии, в частности в области государственного строительства, что свойственно буржуазному национализму [114, с. 85] «Таиландский национализм», в основе которого была идея короля-вождя, становится массовой идеологией населения города и деревни «центра» вытесняя милленаристские концепции

окраин и социальные утопии буддийского мессианства. В идеях Вачиравуда стремление к укреплению нации, подвергавшейся угрозе со стороны Запада, переплеталось с идеями сохранения «внутреннего мира», сплочения «народа» вокруг монарха — опоры нации. Выработанный Вачиравудом национализм включал в себя и консервативные элементы, стремился к решению задач буржуазной модернизации путем реформ. Противостоящая ему часть таиландского общества не смогла найти пути к реализации своих планов и идей, ибо народ, от имени которого она выступала, особенно крестьянство, не принимал активного участия в политической жизни страны, не знавшей национально-освободительного движения.

Глава IV

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Реформы конца XIX — начала XX в. укрепили государственный аппарат, создали бюрократический слой из городских семей низкого социального статуса, из метизированных китайцев, не связанных с местной традиционной структурой. Эти слои чиновничества восприняли идеи национализма: в условиях роста агрессивности империализма они способствовали распространению доктрин национализма, направленных как на возрождение ряда традиционных ценностей, так и на разрушение традиционной подчиненности правителю, на утверждение более широкой преданности «национальному государству». Под последним понималась авторитарно-бюрократическая структура, способная противостоять угрозе со стороны внешних сил, а также внутренним неурядицам. В подобных условиях и произошла политизация бюрократии, особенно военной; слабая связь этой последней с экономическими интересами и непосредственная зависимость от государства заставляли ее жертвовать традиционными порядками, чтобы «революционными» методами спасти его.

Революция 1932 г. и ее идеологи

Развитие капитализма в Таиланде проходило постепенно под воздействием мирового капиталистического рынка. Однако это вовсе не исключало социально-политической борьбы. Трудящимся массам, новым социальным слоям было не безразлично, как, в каком темпе и в каких формах пойдет дальнейшее, в том числе буржуазное, развитие, кому придется нести главную его тяжесть. После Октябрьской революции в России, положившей начало социалистическому строительству в одной стране, встала проблема некапиталистического развития, возможности выбора такого пути, на котором можно было бы избежать тягот капитализма.

В условиях начинавшегося мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. стало очевидно, что, накопляя богатство в форме денег, абсолютная монархия в Таиланде не смогла освободиться от особых, основанных на натуральных формах хозяйства отношений.

К тому же возникавшие под влиянием рынка прогрессивные экономические категории производства и обмена носили локальный характер вследствие сохранявшихся традиционных социально-экономических отношений. Практиковавшиеся внеэкономические методы «регулирования» уровня ренты, цен, размеров заработной платы еще более деформировали развитие и в условиях резкого снижения деловой конъюнктуры в период мирового экономического кризиса породили широкое недовольство городских слоев, низшего чиновни-

чества и верхушки крестьянства центральных районов, что и вызвало революционный взрыв 24 июня 1932 г.

События 1932 г. привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. В советской историографии им была посвящена диссертация Л. В. Ларионовой, статьи и разделы в общих работах по истории Таиланда [145; 128; 116; 156].

Исследователи, отстаивающие мнение, что события 1932 г. следует считать революцией, а не государственным переворотом, исходят из анализа предшествующего этапа, когда произошел переход от авторитарно-бюрократического правления к полуфеодальному абсолютизму, решавшему ряд промежуточных задач буржуазного преобразования политической надстройки. Но в отличие от классического абсолютизма как завершающей стадии феодализма в Таиланде на этом этапе не были подготовлены условия для последовательного буржуазного развития. Эти результаты были более ограниченными по сравнению даже с азиатскими странами — Японией, Турцией, Ираном [112, с. 67—79; 113, с. 68—77]. Л. В. Ларионова в своей диссертации, изучая типологию событий 1932 г., отнесла их к революциям эпохи пробуждения Азии [145, с. 2]. Западные и таиландские авторы ряда монографий рассматривают события 24 июня 1932 г. как государственный переворот, «поставивший на место олигархии принцев более широкую ненаследственную олигархию, состоящую из группы высших офицеров армии и кадровой администрации, к которой примыкали некоторые молодые и особенно динамичные элементы» [204, с. 137]. Эти авторы игнорируют то, что насильственный захват аппарата центральной власти непривилегированными социальными группами разрушал экономическое и политическое могущество господствовавшей социальной группы старого режима, буржуазность интересов которого обусловливалась влиянием мирового рынка, а социально-политическое господство тормозило становление национального капитализма. Ее отстранение от власти, бывшее результатом революции 1932 г., в определенной мере открывало путь для буржуазной перестройки общества. Усложнение задач буржуазного развития в новых условиях потребовало революционного подкрепления реформистского в основном пути решения проблем общественного прогресса.

Революция 1932 г. по форме напоминала государственный переворот. После захвата власти Народной партией при опоре на армию была введена конституция и Таиланд превратился в конституционную монархию. У власти стало правительство Прайя Манопакона[1] (июнь 1932-го — июнь 1933 г.). Характерной чертой революции 1932 г. было быстрое развитие сферы идеологии, несколько опередившее социальные изменения. Произошли важные сдвиги в социальной психологии не только городских, но и сельских жителей, различных слоев светской и духовной элиты. Монашество потребовало демократизации управления буддийской сангхой [278, с. 105—106], наблюдалась политизация последней.

Были выдвинуты идеи переустройства общества в интересах широких крестьянских масс — радикальную форму приняли идеи

«азиатского народничества», открывавшие возможности для общественного прогресса в стране, где преобладал докапиталистический способ производства. Объединившиеся в коалиции в лице Народной партии социальные силы искали пути к созданию сильного государства, но с учетом национальных особенностей страны.

С идеями о радикальном социальном переустройстве существующего порядка выступили сторонники Приди Паномионга, которые нищету, неграмотность, глубокое социальное и экономическое неравенство связали с монархической политической системой (см. Прокламацию Народной партии, распространенную 24 июня 1932 г. [116, с. 222—224]).

Принципиальные основы программы Народной партии были изложены Приди в виде шести тезисов, обнародованных 24 июня 1932 г. в Прокламации Народной партии. В них были изложены представления о новой общественной и государственной структуре, которые, по мысли автора, были применимы лишь к условиям его страны. Приди всегда подчеркивал, что он создал особое учение, отличное от учения, например, Сунь Ятсена. Он отмежевывался от коммунизма, хотя и вдохновлялся социалистическим идеалом [204, с. 147]. Картину будущего общества Приди рисовал в соответствии с идеалами «земного рая» как «справедливую и совершенную», властвовать в нем будет народ, а экономической основой станет общественная собственность на средства производства, которыми от лица народа должно было распоряжаться государство [145, с. 17]. План экономических преобразований (опубликован в [234, прил. III]), разработанный Приди и предложенный в марте 1933 г. на обсуждение Ассамблеи народных представителей, был первой в истории «азиатского народничества» попыткой «рассматривать проблемы развития во всей их широте, т. е. как аграрные, так и индустриальные» [206, с. 14]. Но основная цель плана Приди заключалась в том, чтобы направить развитие страны по некапиталистическому пути. Свой экономический план он связывал с утверждением национальной самостоятельности страны, исходил из задач повышения благосостояния земледельческого населения и борьбы с бедностью: «Наш долг вести народ не назад, а в страну счастья и процветания» [234, с. 326]. Справедливо отмечая нестабильность сложившейся экономической системы, ее неспособность создать «устойчивое богатство», план предлагал организацию системы «социального обеспечения» всех граждан за счет государства. Вера в государство в вопросах обеспечения благосостояния населения была отражением местных политических традиций, связывавших с понятием государства идеи о всеобщем благе: социальное обеспечение населения государством рассматривалось как более соответствующее задачам повышения народного благосостояния, чем «накопление богатства, подверженного случайностям». Источником благосостояния выступало только государство: оно в состоянии поднять производительность труда народа, с которого сможет собирать косвенные налоги, «столь незначительные из расчета на каждый день, что население даже не заметит их тяжести». Осуществление программы «социального обеспече-

ния» должно было начаться с принятия закона, вменяющего правительству в обязанность распределение денежных знаков в массе народа в количествах, достаточных для приобретения предметов первой необходимости.

Приди заявлял, что он заимствовал различные элементы плана из тех философских систем, которые он посчитал наиболее пригодными для условий Таиланда, соединив их с местными традиционными представлениями. В числе таких элементов была идея о выплате ежемесячной заработной платы, «поскольку тайский народ стремится работать на государство и получать от него на основе взаимности регулярную плату». В этой мысли нашли отражение присущие крестьянскому обществу идеи взаимности, ценности фактора согласия, столь существенного для аграрного общества, базирующегося на интенсивном труде и взаимопомощи. Концепциями «разделенной бедности», крестьянскими представлениями о религиозном долге, в силу которого богатый должен помогать бедному, было обусловлено отношение в плане к богатству, которое не экспроприировалось, а включалось в кооперированную собственность. Кооперативы — одна из основ плана экономического развития, важнейшая его часть: они призваны были ограничить циркуляцию денег и в то же время обеспечить народ землей и денежными средствами. Тем самым подчеркивалась необходимость приспособления не к нормам капиталистического рынка и частной инициативы, а к некапиталистическому пути развития, поскольку «при господствующей системе частного предпринимательства 99% народа не имеют земли и капиталов, достаточных для поддержания жизни на соответствующем уровне».

Приди выступал против парцеллярного крестьянского хозяйства, за составление государственного плана, дающего возможность полнее использовать время земледельцев в интересах общества, для развития экономики: «При индивидуальной системе нет возможности в полной мере использовать производительную силу народа». Ставилась проблема ручного и машинного труда: «Таи не так сильны физически, как китайцы или иностранцы. Если мы в наших начинаниях будем полагаться на ручной труд, мы не сможем выдержать конкуренцию с китайцами и иностранцами». Только применение машин могло сделать таи конкурентоспособными, помочь правильно распределить наличную рабочую силу по предприятиям и отраслям экономики. Государство обязано было создать рациональную систему ирригации и технически оснащенное земледелие в национальном масштабе. Автор плана выступал против экспроприации земли у помещиков-абсентеистов, предлагая выкуп ее государством у владельцев путем выпуска займов.

В плане был поставлен вопрос о политической позиции крестьянства в зависимости от обладания землей. Приди выступил против взглядов, согласно которым любовь к земле исчезает у крестьянина, если собственность на землю от отдельного лица передается государству. По мнению Приди, «собственный интерес» не может лежать в основе социального прогресса: базой последнего выступает альтруизм. В этом утверждении нашла отражение социальная направ-

ленность его плана экономических преобразований, адресованного крестьянству, учитывающего психологию последнего. Любовь к своему народу для Приди не была связана с проблемой собственности на землю, прогресс он не выводил из капитализма: наслаиваясь на традиционные формы общественного бытия, глубоко крестьянского, идеи научного социализма создавали у Приди своеобразный идеологический синкретизм — «национальный социализм», при котором в обществе без классов и классовых конфликтов «сам народ будет владеть всем, что принадлежит нации».

Если социально-экономические идеалы Приди Паномионга были изложены в разработанном им плане экономических преобразований, то политические идеалы воплотились в принятой и обнародованной 27 июня 1932 г. временной конституции [77, с. 113—121]. В ст. 1 конституции провозглашалось: «Суверенная власть в стране принадлежит всему народу». От лица народа, согласно ст. 2, власть осуществляли: монарх, Ассамблея народных представителей, Комитет Народной партии, судебные органы. В отличие, например, от конституции Индонезии 1945 г., выработанной при активном участии Сукарно, который отвергал европейскую буржуазную демократию, временная конституция Таиланда, составленная при участии Приди, признавала буржуазный принцип разделения власти, выдвигая идеи народного суверенитета. Для разъяснения народу смысла происшедших в стране в ноябре 1932 г. изменений в четырнадцати провинциях были созданы отделения Ассоциации народа (так стала называться Народная партия).

Исходившая из «народнических» принципов управления, временная конституция Таиланда содержала ряд элементов, которые учитывали специфику политического развития страны в прошлом. Так, устанавливалась своего рода система экзаменов на политическую зрелость для лиц, которые могли быть избранными в Ассамблею народных представителей (ст. 11, § 1). Только лица тайской национальности по закону могли быть избранными (ст. 11, § 5). Система всеобщих выборов депутатов Ассамблеи должна была вступить в силу лишь после того, как не менее половины населения страны сдаст экзамены за начальную школу (ст. 10). Последнее условие отражало традиционную установку: лишь грамотность, образованность открывала путь к управленческому труду[2].

Анализ документов, отражающих деятельность Приди Паномионга и его сторонников в 30-е годы, позволяет отнести разрабатывавшиеся ими теории политической и общественной организации к идейным течениям «народнического» типа, получившим широкое распространение в Азии в первую половину XX в. [175, с. 9; 114, с. 242]. С такими течениями, как суньятсенизм, гандизм, мархаэнизм, идеи Приди роднили обращение к традиционной психологии крестьянства, к понятной ему системе идеалов и ценностей; тяготение к индустриализации, ликвидации экономической отсталости; поиски путей некапиталистического развития; неясность общественного идеала и средств его достижения; тезис о суверенитете народа; особый упор на роль образованной элиты в деле переустройства общества; под-

черкивание роли государства в социально-экономическом развитии; установление контроля партии над органами государственной власти.

Идеологии Приди были присущи как прогрессивные, так и реакционные черты. С одной стороны, в ней были ярко выражены элементы буржуазной демократии и просветительства; призыв к «свободе и равенству всех граждан», сформулированный в п. 1 Программы Народной партии, отражал влияние Октябрьской революции в России [19]. Его план экономических преобразований содержал в себе рациональные идеи о необходимости использования производственных достижений, в нем указывалось на необходимость интенсификации труда, с отсутствием последней связывалась экономическая отсталость страны[3]. В обосновании особого пути развития таиландского общества Приди опирался на национальные традиции, исходил из социально-культурных особенностей своей страны. Отсюда подчеркивание им роли государства и власти в осуществлении плана экономических преобразований.

Особое место в идеологических исканиях Приди занимала мораль — тхамма, которую он рассматривал как обязательный элемент своей системы, как стимул социальной активности трудовых слоев деревни. Идеологии группы Приди, как и идеологии ряда других азиатских стран (Индонезии, Индии, Китая), были присущи патриотизм, идея равенства наций. В годы второй мировой войны Приди резко выступил против шовинизма военного крыла Народной партии, возглавил антифашистское движение «Свободное Таи» [69, 24.XI.1974, с. 13—14].

В наших «Очерках новейшей истории» план экономических преобразований Приди был охарактеризован как «программа мелкобуржуазных демократов». В работе Н. А. Симония Приди выступает представителем «революционно-демократических сил» [166, с. 21]. Э. О. Берзин назвал план Приди «гигантской феодально-социалистической утопией» [116, с. 228]. Как представляется автору в настоящее время, для идеологии Приди более всего подходят термины «национальная демократия», «азиатское народничество» [161, с. 201], под чем подразумевается своеобразный сплав традиционных и современных идей, выразителями которых выступили местные демократы.

Сторонники «национальной демократии» в Таиланде 30-х годов не смогли стать в авангарде движения, оказавшись слабее сторонников либерально-буржуазного парламентаризма. На либерально-буржуазной идейной основе объединились представители как обуржуазившейся знати, так и нарождавшейся столичной интеллектуальной элиты. Для них было характерно сравнение таиландского общественного и политического строя с западным буржуазным. Это была реакция местных буржуазных слоев на категории современного им капиталистического мира, отражавшая стремление приспособиться к понятиям, выработанным в иной социальной действительности.

Либерально-буржуазное идейное течение видело свою задачу в восприятии высших достижений капитализма как в экономической («экономический национализм»), так и в политической (выработка

постоянной конституции) сфере. Как и идеологии «народничества» этой форме общественного сознания было присуще колебание между давлением прошлого и неясным будущим, которое, хотя и рисовалось как буржуазное, содержало особые черты. Этот феномен «двойной идеологизации», столь характерный для идеологии развивающихся стран, с особой отчетливостью проявился при выработке основ официальной идеологии, которые были заложены в постоянную конституцию Таиланда, подготовленную Комитетом Народной партии. В него помимо Приди и других лиц вошли три высокопоставленных — с рангом «пья» — представителя столичного чиновничества.

В 30-е годы видными выразителями идей местного буржуазного либерализма были написаны и защищены в высших учебных заведениях Франции диссертации, в которых проводилось сравнение политического строя Таиланда с западным. В них подчеркивалось, что новая государственность их страны формировалась под воздействием современных, в первую очередь европейских, идей. Так, Прайя Канчанадул обращал внимание на то, что либералы черпали идеи государственной организации у Монтескье, предложившего формально-рационалистическую связь между деспотическим и «цивилизованным» приемами правления, что создало ему большую популярность в среде реформаторов азиатских стран [126, с. 282]. «Принцип разделения властей в том виде, как он был сформулирован Монтескье в его знаменитом «Духе законов», был положен в основу конституции, принятой 10 декабря 1932 г.» [52, с. 8], — писал Канчанадул в своей работе. Либеральную профессуру, связанную с бангкокской школой права, где преподавал и молодой Приди Паномионг, представляли Тонгплев Иолабхум, Сери Шрикасибхандха и др. Это был круг сторонников буржуазных политических свобод и буржуазной демократии. К нему примыкал молодой журналист Кулаб Сайпрадит, выступивший в журнале «Шри-Крунг» со статьей «Человечество», где он изложил свои мысли о свободе [50, с. 26]. Но была и сильная консервативная группа интеллектуалов, черпавшая идеи в Англии [236, с. 252], и именно она составляла большинство в Комитете Народной партии, подготовившем конституцию.

«Хотя форма правления во многом была заимствована у ряда современных конституций, она в не меньшей степени несла отпечаток своеобразия, связанного с прошлой историей страны» [77, с. 7] — отмечал Сери Шрикасибхандха. Сам процесс выработки конституции и утверждения ее монархом был отражением древнего мифа о первоначальном избрании правителя народом и взаимном договоре между ними. «Это был своего рода компромисс,— писал Тонгплев Иолабхум,— или, точнее, соглашение между народом и правителем, взявшими на себя обязательство трудиться ради общей цели: достижения благосостояния и счастья страны» [50, с. 38].

В идейном течении буржуазного национализма была и еще одна струя, восходившая к «таиландскому национализму» Вачиравуда: ее представители мечтали о превращении страны в такую же мощную капиталистическую державу, какой стала Япония.

В Таиланде хранителем национального суверенитета выступила военная бюрократия, а ее представители — идеологами «таиландского национализма». «Отцом» этой формы национализма был гражданский представитель военной группы, основавшей Народную партию, Луанг Вичит Ватакан[4]. С бюргерско-этических позиций он выступил против социальной утопии «земного рая» — «царства Ария Майтрея», против применения насилия в отношении лиц, нравственность которых упала. Это была идеология городских буржуазных слоев, осудившая буддийскую этику, героическую романтику прошлого [278, с. 68]. Но, выступая против утопического социализма Приди, идеологи «таиландского национализма» вынуждены были учитывать «народническую» программу и пойти на ряд мер в аграрном вопросе, провести ряд демократических мероприятий. Физические и моральные силы народа они рассчитывали мобилизовать на достижение буржуазно-националистических целей через пантаизм.

30-е годы были временем появления новых идеологических течений, которые существовали самостоятельно, а не в виде единой концепции. Их объединяла идея национализма, суверенитета и защиты национальной частной собственности от иностранной (в нее включалась и собственность местной китайской буржуазии). Их общей платформой был не только антиколониализм, но и антикоммунизм. Под этим последним понималась борьба против «системы, или экономической теории, которая покоится на полной или частичной отмене собственности, передающей право собственности обществу в целом или государству», против «коммунистической доктрины», «содержащей призывы к национализации земли, промышленности, капитала, труда» (ст. 1 и 2 Антикоммунистического закона, вступившего в силу 2 апреля 1933 г. [234, с. 308]).

В апреле 1933 г. Приди Паномионг, обвиненный в пропаганде «коммунизма», покинул родину. Но эмиграция на этот раз продолжалась недолго — в начале 1934 г. он возвратился в Таиланд. Сказались на его судьбе не только неоднократные заявления для печати о том, что он «не причастен к коммунизму» или что он «радикал со стремлением к социалистическому идеалу» [204, с. 147, примеч. 26] но и близость его идейных позиций к идейным позициям сторонников как либерально-буржуазного парламентаризма, так и авторитарной власти. Двойственность, противоречивость и расплывчатость, характерные для «народничества», справедливо подчеркивались советским автором [176, с. 12].

Группа Приди была важна для военно-бюрократических кругов своей ориентацией на земледельца: она давала необходимое обоснование новым политическим концепциям, облекала их в доступную мировосприятию верующих форму, предлагала религиозное истолкование новой политической системы. Конституцию Приди толковал с позиций тхаммы: «Конституция, являясь высшим законом, есть также высшая форма тхаммы. Поддержка конституции от чистого сердца даст хороший результат,— говорил он в речи по случаю Дня конституции в 1934 г.,— как в мирских делах, так и в тхамме» (цит. по [278, с. 162]). Конституция и тхамма, по мысли Приди, ис-

ключали классовые столкновения и обеспечивали возможность достижения быстрого прогресса без внутренних социальных конфликтов. Идея соединения политических целей с буддийской моралью была заключена и в созданном в 1937 г. по его почину университете Тхаммасат (моральных и политических наук). Приди, как и Сукарно, склонялся к компромиссу с либерально-буржуазной и военно-бюрократической группами.

Формирование новой государственности

Процесс формирования новой государственности в Таиланде после революции 1932 г. определялся социальной структурой общества, формами национализма и направлением социально-экономического развития. Идеи «народнической» группировки Приди Паномионга воплотились во временной конституции, принятой 27 июня 1932 г. и установившей политический контроль над органами государственной власти Народной партии, имевшей комитеты по всей стране. Конституция ввела принцип суверенитета народа, а королевскую власть свела к нулю. По ст. 7 конституции ни один указ монарха не имел законной силы, если он не был одобрен и подписан одним или несколькими членами Комитета Народной партии. Конституция воплощала «народническую» идею контроля партии над органами государственной власти, что дало повод современникам сравнивать политический режим июня—декабря 1932 г. в Таиланде с гоминьдановским режимом в Китае [236, с. 256]. Но за шесть месяцев второй половины 1932 г. «народническое» крыло Народной партии, не имевшее широкой поддержки, уступило лидерство в политической борьбе буржуазно-помещичьему крылу.

В комитете, подготовившем постоянную конституцию, принятую 10 декабря 1932 г., лишь Приди представлял «народнические» идеалы. Остальные члены были сторонниками буржуазных идей. Они ориентировались на английские государственные порядки: большинство из них получило высшее образование в Оксфорде и Кембридже и им больше импонировал буржуазно-консервативный строй [236, с. 251]. Постоянная конституция (ее текст см. [77, с. 123—136]) была синтезом «народнических», буржуазных и авторитарных идей в области государственного строительства. «Народническая» идея контроля партии над государственной властью уступила в ней место буржуазным принципам, исчезло упоминание о Народной партии. Однако связь таиландской конституции с западными буржуазными конституциями была в значительной степени формальной. Несмотря на утверждение западных авторов о плюрализме таиландского общества в послереволюционный период [204, с. 181], в нем не было предпосылок для установления государственного строя, родственного буржуазной форме демократии или конституционной монархии типа английской. В постоянной конституции нашли отражение скорее традиционные черты государственной организации и перенос на местную почву некоторых черт буржуазных конституционных мо-

нархий, что было подготовлено теми идеями «таиландского национализма», которые были выработаны королем Вачиравудом.

Абсолютный космический закон как источник власти был заменен конституционной монархией — это было то новое, что было внесено в теорию власти революцией 1932 г. Лишь ст. 4 постоянной конституции сохранила память о древней теократии: король должен был обязательно исповедовать буддизм и поддерживать его.

По форме правления Таиланд стал конституционной монархией. Монархия была частью триады — «нация, король, буддизм», объединявшей народ Таиланда. Отныне действия короля определялись и ограничивались конституцией. В глазах крестьян ряда районов королевская власть еще оставалась харизматической, но в целом, как показали попытка Прайя Манопакона восстановить традиционную монархию в октябре 1932 г., а также неудачный промонархический мятеж, поднятый в районе г. Накхонраджасима в октябре 1933 г. родственным кланом королевы во главе с бывшим военным министром принцем Боварде, монархия в ее теократической форме переставала быть важным политическим фактором в Таиланде [303, с. 370][5]. Король Прачатипок после подавления монархического мятежа выехал в Англию под предлогом лечения глаз и более в страну не возвращался, а в 1935 г. отрекся от престола. Несовершеннолетний наследник Ананда Махидон жил в Швейцарии. В стране функции короля выполнял регент. Лишь в 1946 г. молодой король прибыл на родину, но вскоре при таинственных, до сих пор не раскрытых обстоятельствах был убит в своем дворце. Королем был провозглашен принц Пумипон Адульядет, также до 1952 г. остававшийся в Швейцарии. Фактическое отсутствие короля в стране создавало политическую обстановку, в которой определились основные противоборствующие силы, выступавшие со своим пониманием целей и задач новой формы государственной организации. В начале 30-х годов все они сошлись на необходимости изменения архаичной формы государственной структуры и выработки конституции, которая бы ввела принципы народного суверенитета и разделения властей [77, с. 68].

Составители временной конституции на место абсолютной воли монарха поставили суверенную власть народа. В постоянной же конституции на первый план была выдвинута идея «целостности и неделимости» королевства Таиланд. Статья 1, содержавшая тезис «Королевство Таиланд едино и неделимо», заняла прочное место во всех последующих конституциях Таиланда. Она отразила идеи национализма, стремившегося к обоснованию принципа сильного государства «тайского народа», включавшего «всех, независимо от национальности и вероисповедания». Это понятие единства носило политический характер, поскольку отождествлялось с конституцией, в то время как в ранние периоды истории единство отождествлялось с деспотической властью. В меморандуме, возвестившем о принятии постоянной конституции, понятие «суверенной власти» составители толковали в соответствии с принципами мифологического мышления, исходили из буддийской религиозной традиции, из древнего мифа об избрании первого монарха народом разовым правовым актом,

как то и было описано в священном тексте «Трайпхумикхата». «В древних трактатах о титулатуре монарха и ритуале коронации,— говорилось в меморандуме,— можно обнаружить слова «избранный народом», которые вошли в титулатуру Церемония венчания на царство брахманами и высшими сановниками подчеркивала, что монарх принимает трон по народному волеизъявлению, а не по божественной воле, как в других странах. Это значит, что суверенная власть исходит от нации» [77, с. 69]. Однако в тайской исторической традиции не было представлений о народовластии — демократии, а избрание правителя на царство было лишь символическим признанием его добродетелей, его тхаммы, его кармы. Благодаря хорошей карме, а не потому, что он подчинялся воле большинства, правитель мог править справедливо. Не меньшинство должно подчиняться большинству, как при демократии, а большинство меньшинству, наделенному высокой кармой. Составители конституции представляли себе народ как большую семью, семейный клан во главе с монархом-патриархом, наделенным высокой кармой. Особа последнего по конституции оставалась священной и неприкосновенной. Это определение потребовало особого уточнения, которое и было дано Ассамблеей народных представителей: король не мог привлекаться к ответу за свои поступки ни по суду, ни перед Ассамблеей [77, с. 106]. В постоянной конституции было зафиксировано, что король воплощает суверенитет нации (ст. 2).

Впервые в истории таиландского общества в государственном законе были определены права и обязанности граждан. Постоянная конституция исходила из принципа равенства граждан перед законом: рождение в знатной семье и назначение на должность не рассматривались более как источник привилегий. Конституция уничтожила привилегии принцев и исключила их из политической жизни (ст. 11). «Титулатура, полученная в силу рождения, по наследству или другим путем,— сказано в ст. 12,— не дает никаких преимуществ» Но, вводя буржуазный принцип равенства граждан перед законом, составители конституции остались верны традиционному делению общества на пху яй и пху ной, иерархичности его структуры. Последнее сказалось в ст. 15, которая трактовала об обязанностях граждан. Если буржуазные конституции исходили из принципа равенства граждан по отношению к налогам, военной службе, общественным обязанностям, то постоянная конституция Таиланда 1932 г. делала упор на различия в обязанностях граждан по отношению к государству в деле уважения закона, защиты страны, выплаты налогов и в других отношениях.

Принцип разделения властей, по словам таиландского исследователя Шрикасибхандха, лишь в зародыше присутствовал во временной конституции, оговаривавшей в ст. 2, что от лица народа суверенную власть осуществляют следующие лица и учреждения: 1) монарх; 2) Народная ассамблея; 3) Комитет Народной партии; 4) судебные органы. В постоянной конституции разделение властей исчезло: в ст. 6, 7 и 8 сказано, что сам монарх осуществляет законодательную власть, лишь советуясь с Ассамблеей народных представ-

вителей, а исполнительную власть — через Совет министров и судебную — через судебные органы.

По конституции в стране учреждалась однопалатная форма парламента — Ассамблея народных представителей, одна половина членов которой избиралась народом, а другая назначалась королем (такой порядок вводился конституцией на десятилетний переходный период). Временная конституция предоставила право голоса женщинам. Хотя это правило не было повторено ни в избирательных законах 1933—1937 гг., ни в постоянной конституции, оно осталось в силе [77, с. 84]. Законы, устанавливавшие порядок выборов в Ассамблею, не лишали права голоса лиц, находившихся на действительной военной службе. Но фактически последние не осуществляли своего права голоса, поскольку в армии не полагалось проявлять свои политические взгляды [50, с. 105]. Увольнение с военной службы возвращало право на участие в выборах.

В соответствии с положениями постоянной конституции (ст. 36) Ассамблея народных представителей была главным законодательным органом. Одновременно она получила полномочия контролировать государственные дела. По ст. 40 конституции, «любой депутат Ассамблеи имел право на запрос министру по всем вопросам, входящим в компетенцию последнего». Но хотя на Ассамблею народных представителей возлагались огромные полномочия, на практике она так и не смогла осуществить эту свою потенциальную власть, а ее юридически независимый статус постоянно вступал в конфликт с неопределенностью ее действительного положения. Бюрократические традиции в государственном руководстве неизбежно порождали подозрительность в отношении нового органа власти, в который к тому же входили лица, имевшие свои особые источники власти вне Ассамблеи. Неизбежно сталкивались две идеи, два представления о том, чем должна стать Ассамблея — органом ли мудрых, но мягких советников или стражем общественных интересов, воплощением воли нации, которая стоит выше правительства. Последняя идея не находила обоснований ни в местной традиции строительства государства и его органов, ни в социальной структуре общества.

Ассамблея состояла из назначенных и избранных путем всеобщего тайного голосования членов. Такой порядок с самого начала указывал на неверие в его представительный характер и компетентность его членов, в их способность править страной. Используя огромный авторитет монархической формы правления, бюрократическую структуру, которую к тому же поддерживала армия, исполнительная власть оказалась в состоянии навязывать свою волю Ассамблее народных представителей. Правительство широко прибегало к коррупции, патронажным связям, подчиняло своей власти назначаемых членов, запугивало избранных членов Ассамблеи, игнорируя или уничтожая оппозицию. Трения, возникавшие в силу разности подходов к роли Ассамблеи, к ее способности осуществлять реальную власть, проявились уже в 30-е годы.

Часть членов Ассамблеи народных представителей была назначена военным губернатором столицы на следующий день после про-

возглашения временной конституции. В числе 70 ее членов были представители Народной партии, чиновники старого режима, несколько журналистов и торговцев [50, с. 31]. По мысли лидеров Народной партии, в таком виде она могла выражать интересы единого народа. На деле в ней сталкивались идеи радикальные и консервативные, новые и старые. Так, депутат Ассамблеи Луанг Нарубет Манит внес на обсуждение проект закона, отменявший титулы, чего, по его мнению, требовал революционный идеал. Однако Ассамблея не пошла на столь радикальную меру: пожалованная титулатура сохранялась, но с 1932 г. присвоение ее упразднялось [50, с. 75].

В июне 1933 г. консервативное правительство Прайя Манопакона попыталось было покончить с Ассамблеей, объявив о ее роспуске. Место распущенной Ассамблеи заняло правительство, получившее право законодательства путем издания указов. Однако революционные полковники[6] выступили против роспуска Ассамблеи. В декабре 1933 г. состоялись первые выборы в Ассамблею, проводившиеся на основе избирательного закона от 10 августа 1933 г. Было избрано 78 депутатов, в том числе 18 мелких чиновников, 15 адвокатов, 5 журналистов, 2 преподавателя, 8 чиновников прошлого режима; 3 депутата были участниками неудавшегося переворота 1912 г. В числе назначенных депутатов преобладали представители военной бюрократии. Попытки Ассамблеи первого созыва встать над исполнительной властью пресекались, и тем не менее ее деятельность протекала сравнительно гладко: дважды — в 1934 и 1937 гг.— она даже выражала вотум недоверия правительству, вынуждая его выйти в отставку [155, с. 61—63].

Ассамблея второго созыва была избрана в ноябре 1937 г. В 1938 г. в дебатах по проекту государственного бюджета она потребовала разъяснить некоторые его статьи и была распущена. Новая Ассамблея собралась уже в период, когда у власти стало правительство Пибунсонграма. Отсутствие политического опыта и поддержки буржуазии ставило Ассамблею в зависимость от бюрократических групп, все более склонявшихся к авторитаризму, к единоличному решению основных вопросов. Такие настроения находили поддержку и оправдание в массовой социальной психологии, в представлениях крестьянских масс. Отсюда рождалась вера в свою правоту у популярных лидеров как гражданской, так и военной бюрократии, склонность к диктатуре. По словам таиландского политического деятеля Юанга Ямсила, познакомившегося с Приди еще в 1945 г., стремление к единовластию «было характерно для всех участников переворота (имеется в виду революция 1932 г.— *Н. Р.*). Они все были склонны к диктатуре» (цит. по [308, с. 223]). В 1938—1944 гг., когда усиливается группировка военной бюрократии с ее лидером Пибунсонграмом, увеличивается и ее давление на Ассамблею. Для этого используются патронажные связи и угроза применения силы, а также активная поддержка Пибунсонграма со стороны военных — назначенных депутатов парламента. Ассамблея временно становится послушным орудием военной бюрократии — до 1944 г., когда она возвращает себе свою законотворческую роль.

Несмотря на все свои злоключения, Ассамблея прочно вошла в жизнь государства, она сохранялась даже в периоды усиления авторитарных тенденций. Дело в том, что она стала выполнять роль форума для представителей провинциальной знати, поднимая их престиж до столичного уровня. Связывая «центр» с «периферией», она ослабляла традиционную пространственную дезинтеграцию, повышая политическую роль «периферии», до известной степени устраняя опасность развития регионализма.

Временная конституция не уничтожила института сенабоди — министров, которые назначались королем и сосредоточивали в своих руках исполнительную власть. Они остались главами министерств и представителями короля в административном аппарате. Но контролировал их деятельность Комитет Народной партии. Из постоянной конституции сенабоди исчезли и появился совет министров — кхана ратамонтри [77, с. 90—91]. Одного из членов Комитета Народной партии, депутата Ассамблеи, назначали ее председателем, члены же кабинета министров не обязательно назначались из депутатов Ассамблеи. Отход от радикальных «народнических» концепцией исполнительной власти — уничтожение Комитета Народной партии — отражал общую победу традиционной политики компромиссов, которую стали проводить руководители революции и консервативные элементы. Последние стремились сохранить влияние короля на формирование кабинета. Однако события пошли в ином направлении: это влияние было фактически уничтожено. Ст. 11 постоянной конституции специально оговаривала, что члены королевской семьи — принцы с титулом момчао и выше — не могут участвовать в политической жизни. Место трона заняли правящая элита и кабинет. Однако кабинет унаследовал престиж королевских сенабоди, став в глазах чиновничества и Ассамблеи средоточием политической и исполнительной власти.

Исследования, проведенные американскими социологами, показывают, что министерства в Таиланде и после революции 1932 г. не имели четко определенных законом административных функций. Наследники древних кромов — министерства обладали своими источниками доходов, которые не подлежали контролю государства. Характерной чертой Ассамблеи была ограниченность ее контроля над государственными финансами. «В принципе,— отмечает таиландский автор,— парламент может контролировать расходы каждого министерства; но это не предусмотрено в конституции Таиланда: Ассамблея контролирует лишь бюджет. Она не может проверять все расходы правительства» [50, с. 144].

Кабинет министров был не только органом исполнительной власти, но в значительной мере союзом людей, контролирующих источники обогащения, он не столько управлял, сколько существовал для обмена мнениями между министрами [215, с. 215]. Возникавшие между министерствами конфликты из-за государственных фондов разрешались путем компромиссов. В 30-е годы такой компромисс был достигнут между военной и гражданской бюрократией: 11 из 21 места в кабинете принадлежало военным.

В новой государственной системе премьер-министр получал власть не в избирательных округах через посредство политических партий, а от бюрократической клиентелы. Именно премьер-министр выступал связующим элементом между правящей группой и правительством. В силу сложившейся в Таиланде политической модели премьер-министр не может быть первым среди равных членов кабинета, он — глава наиболее мощной из политических группировок. Представители ее стали получать доступ в кабинет министров и в Ассамблею народных представителей. Так, через кабинет министров правящая группа могла контролировать административную машину правительства.

С июня 1932 г. по апрель 1948 г. в Таиланде сменилось девять премьер-министров: из них наиболее устойчивыми были кабинеты, которые возглавлялись лидерами военно-бюрократической группировки; кабинет Пья Пахона был у власти пять с половиной лет (1933—1938), Пибунсонграма — шесть лет (1938—1944). Наименее устойчивыми были кабинеты гражданской бюрократии. Лишь Кхуанг Апхайвонг, как представитель либеральных помещиков-абсентеистов, не имел опоры ни в военной группировке, ни в полиции, ни среди гражданских чиновников. Его кабинет пришел к власти в июле 1944 г. обычным для парламентской системы путем — через вотум недоверия правительству Пибунсонграма. Другие кабинеты приходили к власти с помощью государственных переворотов.

Посты в кабинете[7] рассматривались как форма политического патронажа — награда за услуги или будущую лояльность по отношению к главе группы. Однако лояльность членов кабинета обязательно должна была соединяться с компетентностью. В этом следует видеть объяснение того, что подавляющее большинство членов кабинета, как правило, составляли гражданские лица. Но при этом лидер переворота занимал также важнейшие посты в кабинете — министра обороны и внутренних дел в кабинете Пья Пахона (июнь 1933 — декабрь 1938 г.) и своем (в 1938—1944 гг. Пибунсонграм совмещал эти три поста).

На важную роль премьер-министра обратили внимание первые таиландские исследователи новой политической структуры: «В действительности лишь от премьер-министра зависит все — политика, управление и экономика. По желанию премьер-министра можно увеличивать значимость и эффективность правительства,— писал Тонгплев Иолабхум.— Показательна в этом отношении разница между нынешним премьер-министром генералом Луанг Пибуном и его предшественником, полковником Пья Пахоном. Последний, уже не молодой, скромный от природы, озабоченный тем, чтобы ладить со всеми, не проявлял достаточной решительности, при нем развитие страны с точки зрения политической и административной замедлилось. При генерале Луанг Пибуне, проявившем инициативу в подборе соратников среди молодых, Таиланд вступил в новую эру, эру юности и процветания, благодаря энергичным мерам, предпринятым его правительством. Это заметно и по все воз-

растающему доверию, которое проявляют в отношении Таиланда иностранные государства: доказательство тому — торговые договоры, которые он продолжает заключать с этими странами» [50, с. 200].

Политическая система Таиланда основывалась на принципе равновесия сил административных и политических институтов, ни один из которых не мог действовать самостоятельно даже в той ограниченной сфере, которая была подведомственна ему номинально. В подобном виде политическая надстройка не стала настоящим аппаратом государственного управления. Население после введения конституции не превратилось автоматически в равноправных граждан, а оставалось подданными правительства. Отношения между правительством и массой жителей характеризовались отсутствием демократической процедуры, односторонним движением законов «сверху вниз» и малой их эффективностью. Причиной была и расплывчатая структура государственного аппарата, нечеткость разделения функций между его звеньями, а также стремление должностных лиц, лишенных голоса при разработке решений, саботировать их выполнение, если эти решения не соответствовали их личным, семейным или групповым интересам. В среде государственных служащих сохранялась традиционная круговая порука, система подбора и воспитания кадров, при которой личные знакомства и политическое чутье играют большую роль, чем деловые качества. Поэтому для населения каждый государственный служащий оставался чао най — вышестоящий, хозяин, наделенный властью издавать приказы, собирать налоги, штрафы, берущий взятки и ничего не дающий взамен [286, с. 18].

После революции была окончательно перестроена система местного управления: на основе закона от 9 декабря 1933 г. было введено новое административное деление. Принцип наследственности власти был уничтожен как в центре, так и на местах. Сохранявшиеся еще в северных и северо-восточных районах чао мыангов были ликвидированы, а страна разделена на 70 чангватов — провинций. Принятый 31 марта 1934 г. закон о провинциальном управлении исходил из следующего принципа: должно не управлять населением, а вводить самоуправление. В соответствии с новым принципом на местах была создана система самоуправления — исполнительные органы в виде провинциальных комитетов и совещательный орган — провинциальная ассамблея. 31 марта 1939 г. был принят указ, определивший круг деятельности провинциальных ассамблей [52, с. 93]. Административные органы дистриктов, общин, деревень также стали строиться на принципе выборности, а их деятельность регулироваться государственными законами, а не обычным правом.

Законы о городском управлении — от 31 марта 1934 г., 12 декабря 1936 г. и 29 марта 1939 г., отражая политику децентрализации управления, ввели деление населенных пунктов на провинциальный центр и крупный город. Общины были низовой административной ячейкой, на их базе создавались провинциальные го-

рода — административные центры. Население этих городов должно было составлять не менее 3 тыс. (по закону 1939 г.— 5 тыс.) при плотности не менее 1 тыс. человек на 1 кв. км. Крупные города должны были иметь не менее 30 тыс. жителей при плотности населения не менее 1 тыс. человек на 1 кв. км. Таких городов в стране в 30-е годы было три — Бангкок, Тонбури и Чиенгмай [52, с. 135].

Городские органы самоуправления занимались решением местных дел. Обсуждение ими вопросов государственной политики было категорически запрещено [52, с. 143]. «Административная децентрализация,— констатирует таиландский автор, современник событий,— казалась опасной абсолютистскому режиму. После его ниспровержения этот страх стал неуместным, децентрализация не рассматривается теперь как вредная для политического строя, напротив, она считается неизбежным следствием демократизации» [52, с. 117]. В действительности новая система охватила лишь десятую часть территории страны, остальная не была включена в децентрализованную административную систему и не получила никаких административных привилегий [52, с. 30—31, с. 88—90]. Если министерство внутренних дел из каждой провинции создало самоуправляющуюся единицу, то министерство финансов тотчас же объявило, что бюджет для этих единиц будет ограничен, поскольку они еще не готовы взять на себя предписанные им функции, а правительство не совсем готово передать их [303, с. 380].

Перестройка аппарата государственного управления на принципах децентрализации наталкивалась на многочисленные препятствия в самой социально-политической структуре общества. Проводившие политику децентрализации лидеры революции 1932 г. не имели для опоры никакой организации в виде, например, общенациональной партии. Силы, выступавшие против децентрализации, напротив, могли опираться на бюрократические тенденции, сохранявшиеся от прошлого.

В ходе перестройки государственного аппарата большое внимание было уделено военной реформе. «С точки зрения военного оснащения,— констатирует Иолабхум,— таиландская армия стояла на нуле. Кроме того, она насчитывала много генералов и адмиралов, но слишком мало солдат. Большая часть казарм в провинциях была ликвидирована. После революции полковники Пья Сонг Сурадет, получивший военное образование в Германии, и Луанг Пибунсонграм, закончивший артиллерийскую академию во Франции, начали реорганизацию армии» [50, с. 77].

С октября 1933 г., когда был подавлен монархический мятеж на северо-востоке страны и разбиты региональные, оппозиционные центру вооруженные силы, стремительно стало возрастать влияние таицентристской группировки, которая, как и в прошлом, опиралась на вооруженные силы «центра» [200, с. 79].

Возросла популярность в военных кругах полковника Луанг Пибунсонграма, возглавлявшего вооруженные силы, которые подавили мятеж. К концу 30-х годов стало ясно, что эта группировка

военных не только оказалась сильнее провинциальных военачальников, но уверенно двинулась к власти.

С 1932 по 1941 г. расходы на вооруженные силы по государственному бюджету увеличились с 15 до 26% [31, с. 388—389], возрос их людской и технический потенциал. Заново был создан военно-морской флот. Однако профессионализация армии, усилившаяся в 30-е годы, вступила в противоборство с тенденцией к ее политизации. В период, когда у власти стояло правительство Пибунсонграма, был восстановлен отмененный после революции генеральский и адмиральский чин и 30 офицеров получили это воинское звание. В 1941 г. 8 тыс. военных получили ордена [191, с. 295, 316]. Националистические лозунги военной группировки стали перерастать в шовинизм. Была сильно политизирована и полиция: в январе 1939 г., т. е. вскоре после прихода к власти правительства Пибунсонграма, возглавлявший полицию офицер Луанг Адун Дечарат объявил о раскрытии промонархического заговора. Были арестованы ряд принцев, а также Пья Сонг Сурадет, один из военных руководителей, участвовавших в революции 1932 г. Из арестованных 18 самых молодых были казнены [191, с. 303; 194, с. 11].

В годы второй мировой войны сторонники национальной демократии с северо-востока создали самостоятельные вооруженные силы, насчитывавшие 10 тыс. человек. Эти силы прошли военную подготовку в специальных лагерях и получили вооружение от командования войсками союзников на Дальнем Востоке. Однако создание таких региональных вооруженных сил нарушало принципы государственной организации: высокая профессиональная подготовленность и материальное обеспечение ставили эти вооруженные силы на один уровень с центральными вооруженными силами, а возможно и выше. Несмотря на высокий уровень профессиональной подготовленности, региональные вооруженные силы не могли стать и не стали основой для дальнейшего развития современной общенациональной армии.

Правительству Приди Паномионга, ставшему у власти в марте 1946 г., в ходе борьбы за влияние в вооруженных силах удалось провести ряд мероприятий социально-политического характера с целью уменьшения влияния военной бюрократии на политику. 10 мая 1946 г. была принята разработанная с участием Приди новая конституция государства, направленная на ограничение власти как военной, так и гражданской бюрократии. Упразднялась категория назначаемых членов Ассамблеи народных представителей: ее низшая палата, целиком избираемая на основе всеобщих выборов, сама назначала членов сената. Из текста конституции исчезла статья, исключавшая принцев из политической жизни, но зато по ст. 66 лицам, находящимся на постоянной государственной службе, запрещалось заниматься политической деятельностью. Эта статья была включена и во временную конституцию 1947 г.

Национализм своей экономической стороной направлен на развитие местного предпринимательства. Он стимулирует потребление местных товаров, ведет к образованию внутреннего рынка. Таиланд, хотя и сохранил формально политическую независимость, находился на положении полуколонии. Инвестиции иностранного и местного китайского капитала шли, во-первых, в отрасли, обслуживавшие иностранные внешнеторговые и страховые компании, валютные банки, транспортные предприятия; во-вторых, в отрасли местной экономики, работавшие на экспорт и дававшие ту часть продукта, которым страна расплачивалась за импортируемые товары. Как и для экономики колониальных стран, для Таиланда 30-х годов характерным было чрезмерное разбухание непроизводственных отраслей. «По данным переписи 1937 г.,— пишет В. А. Дольникова,— численность самодеятельного населения, занятого в торговле и сфере обслуживания, была вдвое больше, чем в промышленности, строительстве и транспорте» [124, с. 74—75]. Непосредственное участие основанных как иностранным, так и местным китайским капиталом предприятий в материальном воспроизводстве национального продукта, потреблявшегося внутри страны, и их роль в создании национальной экономики были незначительными.

В период абсолютной монархии государство в Таиланде было не в состоянии проводить политику протекционизма, поэтому цены на рынке и другие условия торговли определял иностранный капитал.

Превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный препятствовал не только иностранный капитал, но и социальный строй таиландского общества. При отсутствии устойчивого спроса и внутреннего рынка крестьянское хозяйство оставалось потребительским. Широко сохранявшиеся натуральные, личностные связи уменьшали опасность воздействия кризиса в товарно-денежной сфере на благосостояние элиты, но и не могли стимулировать промышленное развитие. Система распределения доходов не по наличному капиталу, а по близости к политической власти выступала в числе внутренних факторов, препятствовавших формированию местного промышленного капитала.

С целью расширения возможностей контроля над источниками капиталонакопления первые правительства, сформированные после революции 1932 г., взяли курс на национализацию важнейших ресурсов, создание основ национальной промышленности, централизованное планирование, в чем отразилось определенное влияние экономического плана Приди. Важнейшие природные ресурсы страны — тиковые леса, оловянные рудники, каучуковые плантации — стали постепенно выводиться из-под контроля иностранного капитала. Постепенно были сокращены сроки концессий на лесоразработки и добычу олова [155, с. 72—74]. В 1934 г. правительство добилось увеличения квоты на вывоз каучука из страны[8].

«За последние два года,— сообщал в конце 1934 г. английский консул из Бангкока,— заметно возрос интерес к развитию местной промышленности и ремесел» [38, с. 19]. До революции 1932 г. из предприятий, работавших на внутренний рынок, имелся лишь один цементный завод. В 30-е годы новые националистические правительства подняли импортные тарифы, что заставило иностранных, а также местных предпринимателей вкладывать капиталы в предприятия местной промышленности. Так, в 1934 г. возник пивоваренный завод, начавший выпускать продукцию для внутреннего рынка и на экспорт. «Это — сиамское предприятие, хотя машины и технический персонал, обслуживающий завод, прибыли из-за границы» [38, с. 20],— сообщал тот же консул. Затруднения, которые испытывал пивоваренный завод, заставили правительство взять на себя заботы о его финансировании. Правительство вложило капиталы также в текстильное предприятие, начавшее выпускать сукно для нужд армии. Была создана Сиамская компания с целью строительства бумажной фабрики в Канчанабури на р. Меклонг (сырьем служил бамбук). 80% капиталов в сооружение фабрики было вложено правительством. С финансовой поддержкой правительства был построен сахарорафинадный завод в Чолбури. Местное производство сахара, а также текстиля должно было возродить культуру сахарного тростника и хлопка, которая в конце XIX в. пришла в упадок. Постепенно в Бангкоке было налажено производство мыла, спичек и в меньших размерах — сигарет. «Все эти промышленные начинания,— писал английский консул,— получили большую прессу и вызвали сильные споры. Есть основания полагать, что, если эти первые начинания увенчаются успехом и будет больше денег, капитал охотнее пойдет в промышленность в широких масштабах» [38, с. 21]. С целью получения необходимой валюты для закупки за границей оборудования и оплаты специалистов правительством были приняты меры к расширению таких экспортных отраслей, как производство перца и рыболовство. «Таким образом,— отмечал Иолабхум,— стала создаваться промышленность — основа экономического развития Таиланда» [50, с. 76—77].

Правительство Прайя Манопакона отменило обременительный для народа налог на соль, налоги на плантации, на недвижимость, на заработную плату и др. Чтобы сбалансировать государственный бюджет, были введены налоги на страховые фонды банков. Было создано Бюро государственных закупок с целью подорвать посредническую сеть, способствовать экономическому развитию.

Первые правительства занялись составлением экономических планов. Смысл их сводился к тому, чтобы без кардинальных изменений существующего социального порядка изыскать меры для улучшения положения сельского населения, ограничив сферу деятельности торгово-ростовщического капитала. Первый план был разработан и обнародован в марте 1933 г. правительством Прайя Манопакона: он сосредоточивал внимание на развитии кооперативного кредита [234, с. 74].

В апреле 1933 г. созданный Совет по экономическим вопросам одобрил политику правительства, направленную на стимулирование экономического развития: она включала уважение к частной собственности, к свободе предпринимательства и к соблюдению соглашений с иностранными государствами. Конкретная программа предусматривала создание национального экономического совета и государственных предприятий в некоторых отраслях, кадастр незанятых земель, предоставление земли безземельным крестьянам «под контролем и с помощью правительства», меры по защите рабочих и городских бедняков. За государством сохранялись функции благотворительности и традиционного перераспределения доходов в пользу столичной бюрократии. Программа не была поддержана «народнической» группой, хотя финансовые меры — выпуск 15 мая 1933 г. первого внутреннего займа развития на сумму 10 млн. батов — указывали на новые веяния в области экономического развития [204, с. 142, 148].

В августе 1933 г. правительство Пья Пахона создало Национальный экономический совет, разработавший новый экономический план. В отличие от предыдущего он исходил из идей, заложенных в плане экономических преобразований Приди Паномионга, о необходимости преобразования всей экономики, а не только сельского хозяйства. Предусматривалось развитие средств транспорта, создание промышленного сектора с участием государства и частного капитала, улучшение условий внутренней торговли, изыскание за границей рынков для таиландских товаров, более рациональное использование рабочей силы. Новый план исходил из необходимости поощрять производственные накопления. В определенном смысле эта программа отражала стремление правительства Пья Пахона стимулировать участие местного населения в экономической жизни страны в качестве как предпринимателей, так и рабочих [204, с. 150—151].

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. нанес смертельный удар местным аграрным порядкам, подорвал основы законности старого строя в глазах крестьян. Постепенное ухудшение положения крестьянства, которое отмечалось в деревне в 20-е годы, усугубилось ростом задолженности. По сообщению английского консула из Бангкока, крестьянский долг по закладным за 1915—1933 гг. составил 84,4 млн. батов, или в среднем 1450 батов на одну закладную (35,2 бата с 1 рая). «Однако,— писал консул,— эти цифры не дают ясной картины нынешнего положения; его легче понять, наблюдая огромные трудности, с которыми сталкиваются землевладельцы при сборе даже небольшой ренты с крестьян» [38, с. 19].

План экономического развития 1933 г. уделил большое внимание сельскому хозяйству как основе экономики. В «Очерках новейшей истории Таиланда» при анализе плана мы отмечали, что он не ставил вопроса о проведении аграрной реформы: речь шла просто о количественном расширении уже существующего земледельческого сектора с товарной направленностью [155, с. 68]. В плане предус-

матривалось расширение ирригационной сети и поощрение разведения новых сельскохозяйственных культур, особенно хлопка. Однако попытки диверсификации сельского хозяйства за счет хлопка и ряда других культур не дали результатов [155, с. 70; 38, с. 20], а ирригационные работы, начатые в 1939 г. в очень ограниченных размерах — на площади 130 тыс. га, были закончены лишь в 1950 г. [38, с. 303]. Учитывая задолженность земледельцев, план поставил целью усовершенствовать кредит за счет развития системы сельскохозяйственных кредитных кооперативов. В 1932/33 г. было создано 41, а в 1933/34 — 135 новых кооперативов; на 31 марта 1934 г. всего имелось 326 кооперативов с числом членов 4847 [38, с. 19]. В 1937 г. число кооперативов достигло 770 [92, 7.VII.1937, с. 162]. Создание кооперативного сектора отражало намерение государства взять в свои руки товарообмен между городом и деревней, вытеснить из сферы товарного обращения китайских ростовщиков и посредников, расширить емкость внутреннего рынка, ускорить процесс централизации капитала в сельской местности и его использование для нужд промышленного развития.

«Экономический национализм» в 30-е годы был направлен не только против иностранного, но и против местного китайского капитала — важного фактора в общественно-экономической структуре страны. Китайские капиталовложения в Таиланде в конце 30-х годов составляли 120 млн. долл. и равнялись общей сумме частного иностранного капитала в этой стране. Китайская буржуазия контролировала до 90% местной экономики [164, с. 52; 188, с. 70], почти не принимая участия в национальном воспроизводстве. Правительство Пья Пахона в 1933/34 г. усилило меры по ассимиляции местных китайцев: была ограничена иммиграция китайцев, введена высокая плата за получение вида на жительство, проживавших в стране китайцев стали понуждать посылать своих детей в тайские школы, большинство китайских школ было закрыто [276, с. 244]. К 1936 г. курс на ассимиляцию китайцев был несколько ослаблен, но зато повышено подоходное обложение китайских предпринимателей [106, 1936, т. 6, с. 191—200].

Жесткие формы «экономический национализм» принял при Пибунсонграме. Направление политики было тем же: вытеснение иностранных компаний из экономики страны, ассимиляция или вытеснение китайской буржуазии, развитие национального предпринимательства. В этот период иностранный капитал был полностью вытеснен из сферы судоходства, обработки и продажи нефтепродуктов, разработки тиковых лесов. Сильно была ограничена деятельность иностранного капитала в сфере оловодобычи [106, 1941, т. 12, с. 471]; приняты ограничительные меры в отношении местной китайской буржуазии. Ряд указов (с декабря 1938 г. по май 1939 г.) закрыл для китайцев десять важных видов деятельности в торговле и промышленности. В июне 1942 г. правительство зарезервировало за тайскими гражданами 27 профессий, в которых ранее были заняты преимущественно китайцы. В 1941—1943 гг. 10 провинций из 70 и 4 небольших городских района были объявлены закрытыми

для иностранных граждан, и китайцы вынуждены были их покинуть. Указ 1943 г. запретил лицам китайской национальности покупать землю в стране. В канун второй мировой войны в китайских школах в Таиланде насчитывалось всего лишь 17 тыс. учащихся — очень незначительная цифра, если сравнить ее с числом учащихся-китайцев в других странах ЮВА [276, с. 244—246]. Из китайских газет выжила только одна.

«Экономический национализм» при Пибунсонграме принимал различные формы: призывов к населению работать упорнее и с большей эффективностью; попыток перейти на национальное самообеспечение; требований к народу покупать лишь тайские продукты с тем, чтобы правительство могло поощрять производство хлопка, сахара, шелка, выпускать на местных предприятиях стекло, цемент, напитки и вина; ряда законов, направленных на ограничение деятельности местной китайской торгово-промышленной буржуазии [235, с. 181]. Правительство Пибунсонграма призывало таи заменить китайцев — посредников в местной торговле. Однако политика дискриминации в отношении местной китайской буржуазии могла оказать отрицательное влияние на местную экономику, привести к нарушению оборота прибавочного продукта крестьянского хозяйства [171, с. 79]. Антикитайские действия даже в этот период наибольшего размаха национализма не принимали формы антикитайских погромов.

Политика правительства Пибунсонграма в экономической области не привела к глубоким переменам в сельскохозяйственной экономике страны.

Националистический курс в области внешней политики и полная денонсация 5 ноября 1936 г. тех договоров с капиталистическими державами, в которых еще содержались ограничения самостоятельности таиландского правительства в области таможенных тарифов, увеличив доходы государства, позволили правительству провести реформы в области налогообложения. Новое налоговое законодательство 1939 г., разработанное экспертами министерства финансов, которое в эти годы возглавлял Приди Паномионг, отменило подушное обложение и поземельный налог. Вместо них был введен подоходный налог, а также налог на торговые предприятия и свободные профессии [204, с. 172]. Такая политика рассматривалась Приди как частичное осуществление на практике его плана экономических преобразований: снижение прямых налогов считалось им одним из средств уменьшения народной нищеты, стимулом к развитию мелкого производства [134, с. 187]. На деле же сокращение прямых налогов сопровождалось пропорциональным ростом косвенных налогов — самых несправедливых и тяжелых для неимущих, поскольку ими облагались товары широкого потребления. Поступления в казну от косвенных налогов возросли с 44,5 млн. батов в 1938/39 г. до 71,2 млн. в 1941 г. [31, с. 284—287].

Политика «экономического национализма» не дала того результата, которого ожидали ее инициаторы: не удалось создать современную основу воспроизводства. Экономическая подоснова социальной структуры осталась раздробленной. Сохранились условия для вос-

становления влияния иностранного капитала из-за непреодоленных диспропорций развития, ориентации экономики страны главным образом на внешний рынок.

Национальная буржуазия не получила широких возможностей для своего развития. Капиталы в первые промышленные компании вкладывало в основном государство, а также крупные торговцы и чиновники. Например, в числе учредителей Сиамской компании по производству бумаги помимо государства состояли десять видных чиновников и два торговца [155, с. 71].

Квалифицированный пролетариат и группы рабочих мелких предприятий, сельскохозяйственный пролетариат формировались в совершенно различных условиях, сталкиваясь с разными группами эксплуататоров.

Началось формирование слоя бюрократической буржуазии, которую нельзя отождествлять с собственно классом буржуазии, поскольку она не является собственником средств производства, а лишь осуществляет контроль за распределением материальных ценностей и движением средств производства, принадлежащих государству.

Характер социально-политического размежевания в 30—40-е годы

В Таиланде и в послереволюционные годы нельзя говорить о наличии явно выраженных противоборствующих классов. Большие привилегии все еще оставались у тех социальных групп, которые располагали политической властью и контролем над распределением доходов, не будучи непосредственно связаны со сферой материального производства. Но и в этой общественной среде становится заметным социально-политическое размежевание, выразившееся в возникновении политических партий, в дальнейшем развертывании идейной и политической борьбы, возникновении новых социальных коалиций. В этот период происходит известная консолидация рабочего класса, в борьбу за идейное и политическое влияние на массы включается коммунистическая партия, происходит размежевание между сторонниками «азиатского народничества» и сторонниками шовинистического курса, можно говорить и о политическом обособлении либерально-буржуазных элементов. Однако социально-политическая борьба сохраняла традиционную форму конфликта «периферии» с «центром»: в 30-е годы — в виде парламентской оппозиции, в годы войны — движения «Свободное Таи», социалистических партий — в 40-е годы. Эта традиционная линия социальных противоречий пересекается с новой линией, связанной с возникновением организованного рабочего движения и активизацией работы коммунистической партии.

По оценочным данным В. А. Дольниковой, численность таиландского пролетариата в предвоенный период составляла 250—300 тыс. [124, с. 107]. В 1933/34 г. рабочие-китайцы провели ряд успешных забастовок на государственных предприятиях, на что правительство

ответило законом, введшим квоту на наем этих рабочих [155, с. 58]. Компартия в этот период усиливает политическую пропаганду через свою периодическую печать — газеты «Правда», «24 июня», «Массы». Под влиянием компартии на северо-востоке учащейся молодежью была создана коммунистическая ячейка молодежи. После принятия в 1933 г. Антикоммунистического закона компартия ушла в подполье, но, по-видимому, сохранила влияние в созданной в 1934 г. Всеобщей федерации профсоюзов, воздействуя на рабочее движение в стране. В этот период компартия вела работу в отрыве от общедемократического движения: революция 1932 г. была ею осуждена как «антинародная», ее участники названы «ложными революционерами». Но после VII конгресса Коминтерна (1935 г.)[9] местные коммунисты становятся автономной от компартии Китая организацией, поставившей целью борьбу с «империализмом и феодализмом». Этот лозунг потребовал расширения работы в массах. Стремясь выйти за пределы китайского меньшинства, таиландская компартия ищет связи с «народнической» группой Приди Паномионга. В 1942 г. в подполье состоялся I учредительный съезд партии, на котором она приняла официально название Коммунистической партии Таиланда. Своей целью компартия объявила работу по строительству «социализма и коммунизма в Таиланде» [300, с. 92]. По составу это была преимущественно партия местных китайских рабочих, но в ее руководстве появились местные деятели культуры. Генеральным секретарем был избран Прасот Сапсунтон, выпускник университета Тхаммасат, что указывает на стремление к установлению контактов со сторонниками Приди. Используя опыт китайской революции, КПТ приняла участие в антияпонском движении «Свободное Таи», что способствовало росту ее популярности в среде крестьянства и мелкого чиновничества «периферии». В годы войны она получила опыт ведения вооруженной борьбы.

Выйдя после окончания второй мировой войны из подполья, КПТ развернула легальную деятельность, и в частности открыто повела агитацию за свою программу, которая была изложена в виде десяти пунктов в брошюре «Задачи таиландских коммунистов» [300, с. 92—93]. Брошюра увидела свет в 1946 г. Компартия вновь подтвердила свою принципиальную готовность сотрудничать с любой политической партией или лицом, «стоящими на демократических позициях, с целью возрождения нашей родины». КПТ в программе-минимум поддержала «народническую» группу Приди, ее «социалистические» идеи, ее стремление к демократизации политической жизни в стране и к выработке новой конституции.

В программу-минимум было включено положение, требовавшее от правительства признать «равноправие национальных меньшинств вплоть до самоуправления». Под «меньшинствами» понималось прежде всего китайское меньшинство: компартия опиралась преимущественно на китайскую часть рабочего класса страны. Стремясь расширить свое влияние в широких слоях народа, КПТ включила в программу-минимум пункты о защите прав на демократические свободы всего народа. Только шестой пункт ее программы-

минимум касался рабочего класса, но в нем говорилось преимущественно о его экономическом положении, правах в экономической области. Остальные пункты касались общего состояния экономики страны, положения крестьянства, учителей. КПТ под названием «Рабочая партия» в послевоенные годы впервые стала издавать на тайском языке две газеты — «Новый мир» и «Рабочий народ», которые познакомили массового читателя с задачами КПТ, с рабочим движением за рубежом. КПТ сыграла большую роль в подготовке создания общенациональной профсоюзной организации — «Саха Ачива Каммакон», датой учреждения которой считается 1 января 1947 г. Преобладали в составе этой профсоюзной организации китайские рабочие, тайские были в меньшинстве. Коммунистическая партия в послевоенные годы выступала как «таиландская», но фактически круг ее воздействия ограничивался преимущественно рабочими китайской национальности. Подавляющая часть тайского пролетариата оказалась под влиянием идей национализма шовинистического толка, выступивших на передний план со второй половины 30-х годов и особенно распространившихся в предвоенные годы.

Социальной базой национализма в 30-е годы становится не столько еще весьма немногочисленная мелкая буржуазия столицы, сколько зажиточное крестьянство центрального рисоводческого района. Солдаты воинских частей, на которые опирались революционные полковники 1932 г., да и они сами были выходцами из земледельческих районов «центра»; со своими солдатами полковники были связаны не только как военачальники, но и как покровители. Их взглядам был присущ этноцентризм, ибо главный упор в национализме шовинистического толка делался не на классовые, а на этнические различия между таи и китайцами, таи и другими народами. Расистский аспект тайского национализма привел к рождению идеи пантаизма — объединения всех таи в рамках «тайской нации». В соответствии с этой линией страна 24 июля 1939 г. была переименована из Сиама в Мыанг Таи (по-английски — Таиланд). Усилия националистических лидеров были направлены на создание «национального лица», объединение всех таи единой культурной традицией. Возникла тенденция очищения языка от иностранных заимствований. Вывески на общественных и коммерческих учреждениях стали писать по-тайски. Большое внимание уделялось возрождению древних традиций: организовывались художественные конкурсы на лучшее исполнение национальных танцев, издана серия книг, посвященных древней истории страны, описанию ее исторических и архитектурных памятников [97, 3.IV.1941, с. 478—479; 293, с. 234—247]. Целью «культурной революции», которой, по словам таиландского автора, сопровождалось строительство «великой тайской нации», было не только возрождение традиций, но и модернизация последних, т. е. продолжение политики, начатой правителями Монгкутом и Чулалонгкорном еще в XIX в., за превращение Таиланда в «цивилизованное государство» [293, с. 234].

В сознании тайских шовинистов национализм ассоциировался

не только с национальностью и «тайской культурой», но и с ортодоксальной буддийской религией. «Религия,— говорил, обращаясь к сангхе, ее глава,— помогает сплачивать тайскую нацию. Религия и нация связаны друг с другом, и их нельзя разделить» [278, с. 214].

Идею политического лидерства националисты-шовинисты связывали не с партией, а с вождем, форма государственной организации мыслилась ими не как конституционная монархия, а как авторитарное государство. В декабре 1938 г. премьер-министром стал полковник Пибунсонграм, выдвинувшийся как способный военачальник в 1932—1937 гг. Пибунсонграма стали именовать «фюрером тайской нации»; перед началом сеансов в кинотеатрах на экранах появлялся его портрет. В государственной сфере Пибунсонграм призывал укреплять военные силы, ссылаясь на пример Германии, Италии, Японии [296, с. 306—307]. Нравственный облик подрастающего поколения Пибунсонграм пытался формировать через созданную при нем и по его почину военизированную организацию «Еванчун», а моральный дух народа — в соответствии с нормами традиционной морали, модифицированными на основе японского этического кодекса — «бусидо». Новые нормы морали превозносили воинский дух «тайской нации», подчеркивали важность буддизма как основы тайского национализма. Акцентировалось внимание на экономической деятельности как источнике материального благополучия. Проповедовалось развитие местного капитализма.

Обосновывалась важность политической ориентации не на монархию, а на традиционного «лидера», «подчинение команде вышестоящего», что издревле составляло основу социальной иерархии тайского общества, его военной организации. Обоснование идей шовинизма древними традициями, по мысли идеологов мелкобуржуазного национализма, призвано было победить страх в народе перед мощью колониальных держав, мобилизовать его на борьбу за националистические цели на международной арене. «Национальное движение в Таиланде в настоящее время направлено на уничтожение европейского и американского влияния в стране, на ускорение развития национального самосознания, на восстановление национального характера страны»,— заявил идеолог мелкобуржуазного национализма Луанг Вичит Ватакан в 1941 г. [97, 3.IV.1941, с. 478]. Но фактически мелкобуржуазный национализм, опиравшийся на древние традиции, вел не к сплочению «буржуазной нации», а к этническому обособлению таи, к таицентризму. Особенно это проявилось в отношении к китайскому меньшинству, судьбу которого, по идее Луанг Вичит Ватакана, можно было бы решить аналогично судьбе евреев в Германии [235, с. 167]. Так авторитаризм и милитаризм, поддержанные ортодоксальным буддизмом, слились в воинствующий национализм [204, с. 170].

Критиками расистского аспекта национализма выступили идеологи «套народнической» группы. Эта группа оказалась более устойчивой к давлению церкви, хотя и опиралась на религиозную философию, более склонной к общенациональным реформам в политической и экономической области. Приди Паномионг в 1934—1941 гг.

был министром иностранных дел, министром внутренних дел и министром финансов, отдавая все силы проведению реформ. Он выступал за привлечение к экономической деятельности таи, но не считал целесообразным ограничивать и притеснять экономически сильное китайское меньшинство. Луанг Вичит Ватакан, выступление которого по «китайскому вопросу» состоялось в 1938 г., был осужден за то, что «поднял расистский вопрос» в Таиланде. Если группа Пибунсонграма была за сближение с Японией на расистской основе как «народов желтой расы», то идеолог «народнической» группы Приди выступал против этого. «В Японии[10],— писал он в своих мемуарах,— меня пытались убедить в необходимости создать союз азиатских стран против стран белой расы. Я отказался, поскольку, по моему мнению, нельзя принимать во внимание только расу, гораздо важнее сосуществование всех народов вне зависимости от расы» [69, 24.XI.1974].

Разошлись идеологи этих групп и по вопросу об отношении к войне, которую готовили фашистские государства. Националисты-шовинисты выступали за участие в войне на стороне фашистских государств, они стремились вернуть территории, захваченные в XIX в. Францией и Англией. Их поддержала буддийская церковь, поставившая превыше заповеди ахимсы «не убий» «интересы государства и нации». По словам сангхарата, «нация ведет войну с врагом, чтобы укрепить независимость своей страны и буддизм» (цит. по [278, с. 216]). Буддийская община призывала тайский народ пожертвовать жизнью в защиту буддизма, «этого сокровища нации, учение которого означает для таи мир и счастье» [278, с. 217]. Очевидно, не без поддержки со стороны буддистов Таиланда Япония выступила с идеей создания мирового буддийского центра на манер Ватикана. Группа Приди стояла за нейтралитет страны в назревавшем мировом конфликте, а в годы второй мировой войны, в которой Таиланд принял участие на стороне держав «оси», выступила с антифашистских позиций и возглавила антияпонское движение «Свободное Таи».

В годы войны и после становится заметным стремление идеологов «народничества» к опоре на народные массы, хотя не снималась идея использования в политической борьбе государственного аппарата, в частности профессионально хорошо подготовленных вооруженных сил движения «Свободное Таи» и военно-морского флота. Символом революционности «народничества» стал союз с национально-освободительными силами Индокитая. Антирасистские идеи Приди нашли воплощение в Лиге стран Юго-Восточной Азии, созданной в 1946 г. и объединившей лидеров демократических кругов Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

В послевоенные годы сторонники Приди сделали попытку поставить под свой контроль профсоюзную организацию «Саха Ачива Каммакон» и тем самым расширить свою деятельность в столице. По-видимому, не было речи о союзе с Коммунистической партией Таиланда, которая рассматривалась идеологами «народничества», отрицавшими историческую роль пролетариата, как «чужая».

Хотя робко и непоследовательно, но «народническая» группа Приди Паномионга искала связей с более передовыми социальными силами, стремилась к объединению «центра» и «периферии», буддийского «социализма» и современных революционных теорий.

На характер социально-политического размежевания, определявшего ход политической борьбы в Таиланде 30—40-х годов, продолжали влиять традиционные факторы. Социально-политическую борьбу вели не столько классы и их партии, сколько разрозненные социальные группы, на поведение которых по-прежнему большое влияние оказывали этнические моменты, близость к политической власти, религия, место в социальной иерархии. Важным фактором оставалась борьба функциональных групп в аппарате политической власти. Традиции политической борьбы продолжали оказывать влияние на структуру социальных коалиций, пытавшихся завладеть «верхними эшелонами» власти. По-разному мыслилась и структура государства — от бонапартистской монархии до демократической республики. Соответственно по-разному мыслились и пути борьбы за национальное государство — в одном случае как антиколониальная (но не антиимпериалистическая) борьба, в другом — как союз с национально-освободительным движением.

Революция 1932 г. проходила в русле традиционного развития, которое и дальше продолжало идти эволюционным путем. Не дала больших результатов и политика «экономического национализма»: она не смогла превратить локально-земляческую форму капитализма в национальную структуру. Таиланд 30—40-х годов был раннебуржуазным государством, развитие капитализма в нем стало поощряться «сверху», но узкая этническая база сдерживала его развитие «снизу» в общенациональном масштабе. В структуре нового государства сохранялся в качестве активно действующего фактора институт монархии, а само государство по-прежнему воплощало систему социальных связей. Поэтому для социального слоя, который можно типологически соотнести с национальной буржуазией,— низшего ранга военных и гражданских чиновников — речь шла в ходе революции не о том, чтобы захватить аппарат власти, а о том, чтобы влиться в государственную структуру. В послереволюционный период инициаторы революции сумели быстро добиться консолидации правящей структуры в виде коалиции военной и гражданской бюрократии, что придало государству военно-бюрократический характер.

Социальная структура страны была еще слишком слабо дифференцирована. Ни рабочий класс, еще не заявивший о себе как о национальном лидере, ни либеральные круги в лице помещиков-абсентеистов, ни круги местной китайской буржуазии, проявлявшей особую осторожность в вопросах участия в политической власти, не смогли организовать сильную политическую оппозицию развивавшимся военно-бюрократическим тенденциям. Реальная власть в сельских районах стала сосредоточиваться в силу политической децентрализации в руках полковников, которые, судя по

титулатуре «пья, луанг», происходили из знати низших рангов — куннанг «центра». Постепенно представители этого социального слоя, связанного родством с главами деревень и общин, овладели высокими государственными постами, что привело к нарушению равновесия политических сил в пользу «народа», т. е. деревенской верхушки тайского «центра». Военная бюрократия теснее, нежели гражданская, формировавшаяся из городских слоев, была связана с сельскими интересами, она благодаря постепенному социально-политическому обособлению превратилась в особый социальный слой, присвоивший себе ряд привилегий, а также важные социальные и политические функции. В силу типологических особенностей общественных отношений сформировавшийся в 30-е годы политический режим, хотя и имел некоторые признаки бонапартизма, в основе оставался авторитарным. В политическую борьбу включались не классы и их политические партии, а обширный военно-бюрократический клан и его антагонист — численно быстро возраставшая гражданская бюрократия.

Между двумя фракциями бюрократии — гражданской и военной — вскоре выявились разногласия в отношении к фашистским государствам, к проблемам внутреннего развития, к налоговой политике. Гражданская группа, которую представлял в довоенных правительствах Приди Паномионг, добивалась бо́льших ассигнований на расширение системы начального образования, кредитных кооперативов, реформы местного управления, отмены неравноправных договоров с западными державами и соответственно повышения торговых тарифов. Политика военной бюрократии была направлена на увеличение ассигнований для перевооружения армии и решение с помощью применения силы социально-политических проблем.

Пибунсонграм, став в 1938 г. премьер-министром, назначил своих офицеров во все ведомства, не считаясь с тем, имели ли эти лица необходимую квалификацию для руководства тем или иным учреждением. Офицеры даже очень низкого ранга получили назначения на посты наместников провинций, им было поручено контролировать финансы. Частный бюджет королевской семьи был поставлен под контроль младшего армейского офицера [311, с. 14]. В патронажные связи военно-бюрократического клана были включены и гражданские лица, в том числе известные своими либеральными взглядами; ряд таких лиц, занимавших незначительные посты в гражданской администрации, получили при Пибунсонграме назначения на высшие государственные посты [195, с. 418].

Таким образом, введение конституции не уничтожило старых политических методов, таких, как угроза применения силы, широкое использование семейных и профессионально-клановых связей, а новые учреждения, в частности назначаемый сенат — высшая палата Ассамблеи народных представителей, стали дополнением к системе группировок. Принадлежность к одной из них по-прежнему оставалась важнейшим условием политической карьеры. Эти группы ориентировались на структуру социальных связей, которые признавались традиционной общественной психологией: патрон — кли-

ент, учитель — ученик, старший — младший. Такие связи в идеале предполагают взаимную привязанность, уважение, сохранение иерархичности, а лидер обязан обладать высокими качествами — соответствующим социальным рангом, образованием, внешним обаянием, щедростью. «Традиционный образ мышления, объединяющий успех и моральные качества, укрепляет нити, связующие данную группу. Стабильность и сила таких связей сильно варьируются»,— отмечал Д. А. Уилсон [308, с. 136]. Членов военно-бюрократической группировки связывали не только моральные обязательства, но также экономические и социальные интересы. В июле 1937 г. разразился так называемый земельный скандал, вызванный незаконной сделкой с частью коронных земель. Они были распроданы по баснословно низким ценам членам военно-бюрократической группы Пибунсонграма, включая и его самого [311, с. 14]. Это была особая группа землевладельцев, связанная с государственной властью и интересами своего клана.

Военная бюрократия, в подчинении у которой оказались армия, полиция, военно-воздушные и военно-морские силы, в 30—40-е годы стала важнейшим фактором в борьбе за политическую власть. Ее противником в политической жизни тех лет была избираемая часть Ассамблеи — провинциальные политики. Эта часть парламента противостояла военной бюрократии подобно тому, как ранее периферия противостояла столице. Выборная часть парламента представляла отсталую сельскую «периферию» (особенно северо-восток), ей был свойствен регионально-провинциальный дух, хотя ее представители пытались отстаивать «общенациональные» интересы. В процессе развития политической борьбы в предвоенные и военные годы избираемая часть парламента превратилась в заметную политическую силу, сказавшую свое слово в период политического кризиса летом 1944 г. Не менее важной политической силой, стоявшей в оппозиции к военной бюрократии, было гражданское чиновничество. Его представители занимали важные посты в государственном аппарате. Приди был на высоких постах во всех правительствах в 1934—1941 гг. Молодой сторонник Приди — Дирек Чайанам в 1937 г. сменил Приди на посту министра иностранных дел и сохранил этот пост в кабинете Пибунсонграма в 1938—1941 гг. Луанг Дамронг Навасват, в прошлом офицер флота, после 1932 г. вышедший в отставку и занявшийся адвокатурой, в кабинете Пибунсонграма был министром юстиции, Кхуанг Апхайвонг — министром путей сообщения. Группировка гражданских чиновников (занимавшая в кабинете 8 мест из 20) имела союзников в Ассамблее и кабинете министров, а также среди участников рабочего движения, студентов, особенно из университета Тхаммасат.

Во время второй мировой войны у левой оппозиции появилась массовая опора в лице патриотического антияпонского движения «Свободное Таи», базой которого были северо-восточные провинции. Представители этих провинций — их лидером был депутат от Убона — Тонг Ин Бурипхат [205, с. 299], группа гражданских чиновников во главе с Приди, группа либеральных помещиков,

объединявшаяся вокруг Кхуанга Апхайвонга, создали широкую коалицию, выступившую в 1944 г. против военно-бюрократической группы Пибунсонграма. Последний к этому времени утратил опору в армии: от него отошли поддерживавшие его полковники, составлявшие основную часть назначенных членов Ассамблеи народных представителей (в 1938 г. из 78 назначенных членов парламента 53 были военными [222, с. 76]). Исследователи характеризовали политические события 1944 г. как «редкий случай крушения военного режима в результате акции, инициатором которой были гражданские круги» [148, с. 163] в лице депутата Тонг Ин Бурипхата, выступившего в Ассамблее с вотумом недоверия правительству Пибунсонграма, результатом чего и была его отставка 24 июля 1944 г. [227, с. 350] Но вообще военный режим пал в результате социально-политического размежевания внутри страны, а также изменения хода войны в пользу держав антифашистской коалиции.

После отставки правительства Пибунсонграма было сформировано правительство, которое возглавил лидер буржуазно-помещичьих кругов Кхуанг Апхайвонг; его заместителем был Тави Буньякет, горячий сторонник Приди и его плана экономических преобразований [204, с. 141, примеч. 5], он же занял пост министра народного образования. В состав кабинета вошли три представителя военно-морского флота, соперника армии: пост министра обороны занял вице-адмирал Синтхью. Единственным представителем армии в новом кабинете был престарелый Пья Пахон. Он и Тонг Ин Бурипхат стали министрами без портфеля [194, с. 27; 195а, с. 167]. В сентябре 1945 г. это правительство было реорганизовано, премьер-министром стал Сени Прамот (до января 1946 г.). Это была коалиция социально-политических сил, выступавшая в защиту конституции и парламентаризма, против авторитарных сил, которые представляли армия и ее политический лидер Пибунсонграм. Правда, помещичьи круги не хотели удовлетвориться ролью союзника группы Приди Паномионга, стремясь обеспечить себе преобладание в руководстве государством. Но в послевоенной обстановке, в условиях подъема национально-освободительного и революционного движения в странах Юго-Восточной Азии ни помещики-абсентеисты (их лидером был Кхуанг Апхайвонг), ни близкие к ним промонархические круги (лидеры — Сени и Кыкрит Прамоты) не смогли удержать власть.

«Плюралистические тенденции», проявившиеся в политической жизни Таиланда с 1942 г [204, с. 181], в послевоенный период начали оформляться в двухпартийную систему западного образца: промонархические круги, создавшие Прогрессивную партию, и помещики-абсентеисты 6 апреля 1946 г. объединились в консервативную единую Демократическую партию (лидер—Кхуанг Апхайвонг); национальную демократию представляла партия «Сахачип», в январе 1946 г. вместе с независимыми членами Ассамблеи вошедшая в организацию «Конституционный фронт». Создание партий означало, что действующие в политической жизни Таиланда силы отказываются от поддержки личной клиентелы и ищут опоры в избира-

тельных округах, т. е. в политически активном населении. Отстранение от власти авторитарных сил знаменовали проведенные 6 января 1946 г. выборы в Ассамблею, а также новая конституция, принятая 10 мая того же года и введшая новый порядок назначения сената — опоры военно-бюрократических сил в парламенте. В результате власть в стране оказалась у национально-демократических сил, которые имели большинство как в Ассамблее народных представителей, так и в правительствах Паномионга (март — август 1946 г.) и Дамронга Навасвата (август 1946 — ноябрь 1947 г.).

Новый правящий режим проявлял стремление к политизации масс. Свидетельством этого были парламентские выборы, создание политических партий, легализация компартии и расширение рамок деятельности профсоюзов. Но оборотной стороной политической деятельности режима, который контролировали партии национальной демократии, была переоценка возможностей государственного регулирования и законодательства, слишком большое доверие к аппарату власти, который оставался нереорганизованным. В условиях инфляции военного и послевоенного времени члены государственного аппарата усиленно занимались личным обогащением. «Не было политика, у которого родственник или друг не занимался бы контрабандной торговлей рисом»,— отмечали современники [204, с. 206], и это несмотря на принятый в марте 1946 г. закон о контроле над ценами на рис. Коррумпированность и неэффективность бесконтрольного государственного аппарата отчетливо продемонстрировали слабость связей национальных демократов с массами.

К использованию привычных приемов насилия, не противоречивших тхамме, все больше склонялись помещики-абсентеисты. Лидер Демократической партии Кхуанг Апхайвонг быстро восстановил личную политическую клиентелу [204, с. 208]. В среде крупных земельных собственников и родилось движение против национальной демократии. Союзником этих кругов стала военная бюрократия и ее видный представитель Пибунсонграм, создавший в марте 1947 г. новую политическую партию — «Тхамматипат» («Тхамма и сила»).

В условиях парламентской демократии и мажоритарных выборов стало очевидным, что ни помещики-абсентеисты, ни промонархические круги не смогут получить большинства в парламенте, в котором установилось преобладание сил национальной демократии. Период социально-политического развития, начавшийся в годы войны, закончился государственным переворотом в ноябре 1947 г. Переворот был совершен армией, у власти стало помещичье правительство Кхуанга Апхайвонга, пытавшееся превратить армию в свою опору. Контрпереворот в апреле 1948 г. поставил у власти новое правительство военной бюрократии во главе с Пибунсонграмом: с этого момента начинается период так называемой контролируемой демократии [167, с. 15]. На политической арене военная бюрократия отстранила от власти как национальную демократию, так и консервативную оппозицию в лице помещиков-абсентеистов. Компартия Таиланда перешла на нелегальное положение

* * *

При рассмотрении причин неудач с утверждением в Таиланде демократических политических институтов следует выделить прежде всего причины структурного характера. Таиландское общество, пережив период модернизации, превратилось в общество, построенное на традиционных и современных принципах социально-политической организации. Хотя в «переходный период» и были сделаны небезуспешные попытки приспособить западные политические образцы к местным стереотипам развития, демократические тенденции в социально-политической жизни легко вытеснялись другой тенденцией — авторитарной, оправдывающей правление сильного и справедливого монарха, или вождя, поддерживающего тхамму и кладущего конец социальным беспорядкам «священным употреблением насилия».

Оставаясь земледельческим, таиландское общество по-прежнему сохраняло слабую классовую дифференциацию при четких этносоциальных границах; сфера экономической деятельности, выходящей за рамки земледелия, была предоставлена нетайским социальным группам; город и деревня не составляли единой структуры. В деревне сохранялась потребительская экономика, основой экономических представлений было самообеспечение — идеал миллионов крестьян, живущих за счет натурального хозяйства. Национальный капитализм в подобной структуре отодвигался на задний план и не играл серьезной политической роли. Одной из причин подрыва демократической структуры политической власти в 40-х годах были этносоциальные различия между тайским большинством и меньшинствами китайским, малайским, развитие регионализма на северовостоке и т. п.

Социально-политические силы — противники авторитарных форм правления — не смогли в 40-е годы серьезно подорвать базу военно-бюрократического режима. Помещики-абсентеисты, сторонники парламентского режима и «экономического либерализма» [204, с. 258], с середины 30-х годов выступали как наиболее сплоченная оппозиция, менее других зависимая от государства. Однако созданная ими Демократическая партия не имела широкой социальной базы и вербовала своих сторонников среди земельных собственников, проживавших в столице, и лиц свободных профессий (как правило, аристократического происхождения) В социально-экономическом плане помещики-абсентеисты оказались намного слабее многочисленного и сплоченного бюрократического аппарата, зависимого от государства. Если бюрократическая структура охватывала все районы страны, помещичье-абсентеистское землевладение продолжало ограничиваться центральным районом, составляя лишь 6,6% всей освоенной площади в стране [134, с. 91]. Помещик-абсентеист как представитель примитивного предпринимательства в земледелии, носившего грабительский характер, был ненавистен крестьянству: он был не только рентополучателем, но и ростовщиком, бравшим особенно высокие проценты. Помещик-аб-

сентеист был лишен союзника в лице сельского предпринимателя, поскольку законы Таиланда запрещали приобретение земли иностранцами, препятствуя переливу в землевладение торгово-ростовщического капитала китайского происхождения [204, с. 262].

Слабой оказалась и левая оппозиция. Подъем в послевоенные годы массового освободительного движения создал иллюзию национального единства, а вместе с тем и преувеличенное представление о возможности опоры на крестьянские массы. Фактически, как показали события 1947—1948 гг., эта возможность была очень ограниченной, что и заставило лидеров национальных демократов искать поддержки у военно-морского флота.

Социально-политическая слабость национальной демократии сказалась и в том, что ее опора — хорошо вооруженные и технически обученные отряды «Свободного Таи» были демобилизованы после войны. Вооруженные силы «центра» по-прежнему оставались под влиянием военной бюрократии, снова пришедшей к власти. Бо́льшая и лучшая часть армии находилась в околостоличном районе, она быстро могла быть приведена в действие во время государственных переворотов и парламентских выборов.

Бангкок оставался в центре социально-политической борьбы. В нем сосредоточивалось крупное чиновничество, связанное патронажными узами с деревенской верхушкой, здесь вели борьбу региональные политики в парламенте, наконец, здесь зародилось рабочее движение. Провинция была в политическом отношении отрезана от столицы из-за плохих дорог. Столичные газеты почти не достигали провинциальных городов, пресса в основном была в руках правящих групп. Провинция не поддерживала демократические круги также из-за неспособности их вывести страну из состояния экономического кризиса, подрывавшего политическую стабильность. Государство в новой — демократической — форме оказалось не способным к решению экономических задач, что обусловило возврат к авторитарным методам правления в форме военной диктатуры.

Часть III

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАИЛАНДА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (1947—1980)

Глава V

ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ
(Конец 40-х — начало 70-х годов)

Реакционный государственный переворот 1947 г. открыл период непрерывного двадцатипятилетнего существования военно-бюрократической диктатуры. В этот период сложились специфические черты политической системы Таиланда, выявился социальный облик его правящей элиты, страна продолжала двигаться по пути зависимого капиталистического развития. Во внутренней и внешней политике правящих кругов вместо национализма предвоенных лет восторжествовала отчетливо выраженная антикоммунистическая и проимпериалистическая линия. В этот период усиливается процесс образования бюрократического капитала путем установления тесной связи между правящей элитой и финансово-промышленными кругами китайского происхождения, выделяется финансовая олигархия, экспортирующая местную аграрную продукцию и сырье и обеспечивающая приток иностранных инвестиций в экономику. В результате правящие классы Таиланда оказываются тесными и нерасторжимыми узами связанными с международным империализмом, когда эксплуатация трудящихся осуществляется скорее через интеграцию страны в мировую капиталистическую систему хозяйства, нежели через национальную экономику

Социальные основы военно-бюрократического режима

Длительное существование в Таиланде авторитарного военно-бюрократического режима помимо внешних факторов — корыстных стратегических расчетов американских империалистов в условиях «холодной войны», заинтересованных в наличии надежного «антикоммунистического союзника» в Юго-Восточной Азии, — в первую очередь объясняется особенностями внутреннего развития тайского общества. Таиландская антимонархическая революция 1932 г. произошла в стране, буржуазная трансформация которой только началась, что не позволяло буржуазии взять власть в свои руки. Полно-

стью отсутствовали такие возможности и у пролетариата, который только начинал складываться и был еще слишком малочисленным; и в дальнейшем, вплоть до 60-х годов, рост пролетариата происходил довольно медленно: на долю занятых в промышленности и транспорте в 1947 г. приходилось 3,1%, в 1960 г.— 5,4, в 1970 г.— 7,1% [170, с. 27]. В послевоенную эпоху рабочие в основном были сосредоточены на мелких предприятиях, среди них преобладали неквалифицированные; их численное увеличение характеризовалось, как отмечает В. А. Дольникова, «разбуханием групп рабочих и полупролетариев, связанных с мелким хозяйством и так называемыми непроизводительными отраслями, особенно подверженных влиянию мелкобуржуазной идеологии и патерналистских настроений» [124, с. 238] Так же как и ядро местной буржуазии, пролетариат комплектовался в основном из этнического меньшинства — китайцев, которые даже в 60-е годы составляли 75% квалифицированной рабочей силы [297, т. 9, № 1—4, с. 15]. Несомненно, все это препятствовало превращению рабочего класса в гегемона борьбы трудящихся масс.

Таиланд и поныне остается одной из самых «крестьянских» стран мира: в 1970 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве составлял 76% самодеятельного населения по сравнению с Малайзией и Шри Ланкой, где эта доля соответственно равнялась 56 и 52% [127, с. 57]. При этом аграрный строй тайской деревни отличался сравнительно незначительными масштабами крупной земельной собственности. В то же время в Таиланде сохранялся большой фонд незанятых, пригодных под распашку свободных земель — обстоятельство, которое способствовало численному увеличению крестьян, владеющих землей, что замедляло нарастание социальных антагонизмов в тайской деревне [134, с. 69—70]. Мелкое крестьянское землепользование в 60-е годы составляло около 76% всей площади частного землевладения [134, с. 96].

Слабо дифференцированная многомиллионная крестьянская масса при относительной слабости как феодально-помещичьих, так и чисто буржуазных элементов в Таиланде первой половины XX в. представляла собой «почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии» [3, с. 212]. Мелкое патриархальное крестьянство и явилось той социальной базой, на которую опирался военно-бюрократический режим. В условиях Таиланда воздействие указанных факторов на его социально-политическую эволюцию было многократно усилено живучестью в сознании широких масс таких стереотипов политического поведения, которые связаны как с традициями восточного деспотизма вообще, так и со спецификой массовой тайской политической культуры в частности.

Таиландский «бонапартизм» вырос из революции и характеризовался внешне почти ничем не ограниченным господством военной и гражданской бюрократии над обществом, что, однако, никак не отменяло классовой обусловленности этого господства. «Чрезмерная самостоятельность» государства в исключительные переходные периоды,— пишет о «бонапартизме» и других случаях, когда

государственная власть как бы противостоит «гражданскому обществу», советский исследователь этого вопроса В. Е. Гулиев,— означает, что государство (т. е. аппарат, группа, или каста чиновников, военных, правителей), *служа своим интересам,* служит тем самым интересам всего господствующего класса, тогда как обычная относительная самостоятельность государства (речь идет об автономности политической надстройки в отношении базиса и вообще о наличии обратной связи между ними.— *Н. К.)* означает, что группа администраторов обеспечивает свои интересы, *служа прежде и вначале интересам уполномочившего их класса»* [122, с. 78].

Говоря о «бонапартизме» в Таиланде, следует подчеркнуть, что на начальном этапе существования военно-бюрократического режима (а складываться он начал еще в 30-е годы) он не был в полном смысле слова бонапартистским, т. е. не был формой господства буржуазии, передавшей власть в руки военной диктатуры, скорее он представлял собой «как современную форму разложения старой абсолютной монархии, так и форму существования бонапартистской монархии» [9, с. 254].

В переходную эпоху 30—50-х годов в Таиланде произошла экономическая и политическая консолидация власти новой социальной общности — бюрократической буржуазии, возникшей в результате срастания правящей военно-бюрократической элиты с занимавшим прочные экономические позиции китайским капиталом и интеграции Таиланда в систему мирового капиталистического хозяйства.

Бюрократический капитал, формирующийся «за счет незаконного использования государственных средств и прерогатив» [165, с. 87] представителями правящих групп, начал складываться в Таиланде в конце 40-х годов в условиях, когда каждая из боровшихся тогда за полный политический контроль группировок пыталась опереться на какую-то финансовую и экономическую базу. Переворот 1947 г., последовавший вслед за ним в 1948 г. полный переход политической власти в руки военной верхушки и ликвидация гражданского правительства сопровождались формированием новых соперничающих группировок внутри военно-политической элиты. Фельдмаршал Пибунсонграм, занимавший пост премьера с 1948 по 1957 г., теперь уже не был полновластным диктатором и вынужден был считаться с окружением организатора переворота 1947 г. фельдмаршала Пина Чунхавана и его племянника, директора национальной полиции Пао Сианона — «сильного» человека режима. Ему противостояла другая группировка, возглавляемая Саритом Танаратом, быстро выдвинувшимся с должности батальонного командира до командующего сухопутной армией. Опираясь соответственно на полицию и армию, обе группы вели друг с другом ожесточенную борьбу до тех пор, пока в 1957—1958 гг. Сариту не удалось путем двух государственных переворотов разгромить своих противников и установить единоличную диктатуру. После его смерти в декабре 1963 г. власть досталась его ближайшим соратникам Таному Киттикачону и Прапату Чарусатьену, удерживавшим ее вплоть до свержения военно-бюрократического режима в октябре 1973 г.

Таким образом, история военно-бюрократического режима в Таиланде распадается на два периода. В течение первого из них (1948—1957) — до захвата власти Саритом [1] — осуществляется отказ от политики «экономического национализма» и «таизация» предприятий местной китайской крупной буржуазии путем введения в их правления, зачастую по просьбе самих китайских капиталистов, представителей правящей элиты и бюрократии. При этом непосредственный контроль за коммерческой деятельностью по-прежнему сохраняли за собой китайские дельцы. Уже в начале 50-х годов высокопоставленные политические руководители входили в состав управляющих 2/3 крупных страховых компаний и 8 из 10 важнейших местных банков [222, с. 51]. Наибольшую активность в этом проявляли ведущие фигуры в правительствах. Так, из 237 членов кабинетов министров, существовавших в период 1932—1962 гг., в 50-е годы 61 был представлен в числе управляющих крупными корпорациями[2]. Показательна и динамика обуржуазивания представителей правящей верхушки. Если среди инициаторов переворотов 1932 и 1944 гг. лишь 13% в 50-е годы имели какие-либо коммерческие интересы, то подобные лица в те же годы составляли 33% числа лидеров переворота 1947 г. и 50% членов захватившей в 1957—1958 гг. власть группы Сарита Танарата [264, с. 271—272, 274].

Правление Танарата было отмечено еще более широкими масштабами обогащения членов правящей элиты, в том числе и путем откровенной коррупции. И в этом отношении примечательна судьба самого Сарита, после смерти которого в конце 1963 г. разразился крупнейший политический скандал, вызванный сенсационными разоблачениями финансовых афер покойного диктатора. При официальном жалованье всего в 500 долл. он сумел увеличить свое состояние за несколько лет пребывания у власти почти в 300 раз — с 500 тыс. до 140 млн. долл. Но еще до того времени, когда Танарат стал премьер-министром, он успел разбогатеть на торговле опиумом и к середине 50-х годов имел финансовые связи с 27 фирмами и корпорациями [264, с. 274]. По утверждению жены предшественника Танарата — Пибунсонграма, даже само свержение правительства ее мужа было ускорено угрозой разоблачения Танарата в присвоении нескольких миллионов батов из фондов государственной лотереи [252, с. 216).

После установления своей жестокой, фактически ничем не ограниченной диктатуры Сарит смог, наконец, вполне удовлетворить свою жажду власти и богатства. Занимаясь лично расправами над своими политическими противниками (вплоть до участия в расстрелах), обличая коррупцию прежних правительств и выдавая себя за спасителя отечества, Танарат, как вскрылось позднее, содержал до 70 любовниц — в основном победительниц популярных в Таиланде конкурсов красоты. Одновременно он получал долю доходов почти со всех крупных предприятий в Бангкоке — строительных фирм, пароходных и страховых компаний, курортов и шахт, спиртоводочных заводов и стадионов [82, 1964, № 50, с. 27].

Преемники Сарита — премьер-министр в 1963—1973 гг., фельдмаршал Таном Киттикачон и его заместитель, министр внутрен-

них дел Прапат Чарусатьен — не отставали от своего патрона. В 50-е годы каждый из них имел интересы приблизительно в 20 корпорациях [264, с. 274]. В дальнейшем сфера их финансового влияния неизмеримо расширилась, так что к середине 70-х годов в бангкокской печати утверждалось, что под контролем семейств Киттикачонов и Чарусатьенов и близких им людей находилось не менее половины всего частного национального банковского капитала [83, 11. 1. 1977].

Специальным комитетом по расследованию их деятельности, учрежденным после свержения диктатуры в октябре 1973 г., стоимость принадлежавших им вкладов и всего имущества в Таиланде была оценена в 70 млн. долл.; и осталась неизвестной сумма, переведенная бывшими правителями за границу. Самый богатый — Прапат Чарусатьен был, например, владельцем 15 домов, 18 автомобилей («Мерседесов» и «Линкольнов»), коллекции антиквариата, включавшей 197 статуй Будды, каждая из которых стоила по 2500 долл. А среди имущества его жены было обнаружено 219 унций чистого золота [87, 15. X. 1974].

Что касается приемов приобретения такого богатства, то они были весьма разнообразны. Один из самых распространенных заключался в подписании правительством контрактов с теми фирмами, в которых имели свою долю представители элиты. Причем эти, зачастую фиктивные, фирмы и не собирались выполнять свои обязательства, а получали прибыль путем передачи контрактов другим компаниям [252, с. 40].

Таким образом, почти вся частнопредпринимательская деятельность в стране оказалась под контролем высших представителей государственной власти. В этих условиях для обеспечения успеха в своих предприятиях частный капитал, как и ранее, представленный прежде всего китайскими дельцами, был кровно заинтересован в покровительстве влиятельных лиц в правительстве и сотрудничестве с ними.

Характерен, в частности, такой пример, приведенный осенью 1976 г. в американской газете «Нью-Йорк таймс»: одного банкира, связанного с военно-бюрократическими кругами, спросили, верно ли, что видный деятель при режиме Киттикачона — Чарусатьена, а позднее верховный главнокомандующий вооруженными силами Таиланда генерал Крит Сивара занимал директорские посты более чем в 200 компаниях. На это банкир ответил: «В этом не было необходимости... У него, вероятно, было несколько директорских постов, но сотни компаний — гораздо больше двухсот — платили ему крупные суммы. Он был их покровителем. Совсем не обязательно, чтобы его имя фигурировало на каком-нибудь документе, связанном с какой-то компанией, но они платили ему хорошо» [105, 17.XI. 1976]. Всего, по утверждению некоторых оппозиционных по отношению к олигархическому правительству кругов, к 1969 г. его члены и их родственники имели контакты с 381 частной компанией [252, с. 41].

В новых условиях сращивания правящей верхушки с крупным частным капиталом изменилась и роль государственного сектора,

в котором к 1962 г. насчитывалось 108 предприятий и компаний, главным образом в инфраструктурных отраслях. В 50—60-е годы его развитие затормаживается и удельный вес в бюджетных поступлениях от государственных предприятий сокращается с 17% в 1949 г. до 3 % в 1966—1969 гг. [134, с. 190—191]. Зарубежные специалисты по Таиланду Т. Силкок и Х. Д. Эверс объясняют это тем, что, «поскольку властвующая элита постигла технологию получения богатства через участие в китайском частном бизнесе и банках, создание правительственных предприятий перестало быть необходимым для укрепления ее политического положения» [292, с. 98]. Незаинтересованность в дальнейшем развитии госсектора (в значительной степени под влиянием рекомендаций американских экспертов) неоднократно подчеркивали и высшие тайские государственные руководители. Так, министр национального развития и ведущий правительственный эксперт по экономическим вопросам Пот Сарасин, выступая в 1965 г. перед американскими бизнесменами, выразил твердое убеждение, «что здоровый промышленный рост в Таиланде должен основываться на создании системы частного предпринимательства с минимумом правительственного вмешательства» [91, 17.II.1966, с. 274]. Критически отзывался о деятельности госсектора в заявлении о работе правительства 25 марта 1967 г. и тогдашний премьер-министр Киттикачон, указавший, что правительственная политика состоит в том, чтобы в будущем «не пытаться создавать новых государственных предприятий» [283, с. 52].

Поэтому правительство во второй половине 60-х годов не только пошло на сокращение затрат на госсектор в экономике, на долю которого по второму пятилетнему плану (1966—1971) пришлось лишь 12% плановых затрат [90, январь-февраль 1968, с. 18], но и начало распродажу государственных предприятий легкой и пищевой промышленности, продолжая финансировать только инфраструктурные отрасли. В течение пятилетия ожидалось, что государство фактически останется вне промышленности, а принадлежавшие ему предприятия должны были стать вполне конкурентоспособными и платить такие же налоги, как и частные предприятия. По этому поводу иностранные обозреватели отмечали, что «власти, по крайней мере частично, принимают всерьез взгляды бизнесменов (выступавших против госсектора.— *Н. К.*), так как многие правительственные чиновники сами являются бизнесменами или имеют крупные интересы в бизнесе. Военные лидеры становятся все более „гражданскими“» [91, 17.II.1966, с. 274—275].

Вместе с тем многие авторы подчеркивали, что, несмотря на рекламируемую помощь частному сектору, содействие его развитию не было главной целью военно-бюрократического правительства, поскольку основная задача состояла в укреплении прежде всего позиций верхушечных групп бюрократической буржуазии. «С этой точки зрения для правящей элиты,— писал один из западных экономистов,— вообще не стояла проблема, как действовать в условиях рыночной экономики, поскольку для нее не было необходимости приспосабливаться к условиям рынка» [246, с. 41].

Используя свое политическое влияние, тайская элита довольно скоро сумела поставить под контроль китайский капитал и добиться монополии в частном секторе. А это, в свою очередь, оказало тормозящее воздействие на рост других групп буржуазии. Об этом говорилось, например, в ежегодном отчете Бангкокского банка, где подвергалась критике правительственная политика по отношению к мелким фермерам и предпринимателям. В этом документе, в частности, указывалось, что первый и второй пятилетний планы мало затронули деревню, не способствовали вовлечению крестьянских хозяйств в рыночный товарообмен, что обусловило отставание темпов роста сельскохозяйственного производства, сужало внутренний рынок и препятствовало становлению капиталистической экономики в общенациональном масштабе [87, 20.III.1965].

Решающим фактором несбалансированного и крайне противоречивого развития капитализма в Таиланде 50—60-х годов была усилившаяся зависимость страны от иностранного капитала и втягивание ее правящих кругов в орбиту неоколониалистской стратегии американского империализма в Юго-Восточной Азии. Как отмечает американский леворадикальный исследователь социального развития Таиланда Д. Эллиот, в тот период таиландские правители столкнулись с двумя противоречивыми задачами при попытках стимулировать капиталистическое производство. С одной стороны, были приняты меры, чтобы побудить национальную буржуазию и сформировавшуюся к тому времени финансовую олигархию делать долгосрочные вклады в местную промышленность. С другой стороны, тесные связи правящих кругов Таиланда с Соединенными Штатами предоставили этим кругам возможность получать максимальные прибыли за короткий срок, инвестируя капитал в обслуживание непосредственных нужд американских войск, в течение десятилетия, начиная с 1965 г., находившихся на территории Таиланда в ходе индокитайской авантюры империализма США.

Однако на практике сложилась ситуация, при которой в промышленность были привлечены значительные суммы иностранного частного капитала на условиях, когда прибыли иностранных банков и компаний в несколько раз превышали прибыли местных предпринимателей [200, с. 123—125] Одновременно в связи с пребыванием американских войск в Таиланде возрастающие суммы местного капитала направлялись в сферу услуг, что привело к быстрому росту непроизводительного слоя мелкой и средней буржуазии. Если в 1960 г. доля рабочего класса в производящей сфере частного сектора составляла около 5% экономически активного населения и возросла на 50% к 1970 г., то численность мелкой буржуазии, составлявшей в 1960 г. 1,6% занятого населения, за десятилетие удвоилась [200, с. 124].

Буржуазия вместе с правящей элитой, полагает Д. Эллиот, ориентированная вплоть до 50-х годов в основном на национальный рынок, в условиях сочетания американского военного присутствия с резким усилением позиций иностранного капитала в экономике Таиланда оказалась вовлеченной в международную сферу капита-

листического обмена и распределения и приобрела компрадорский характер. «Стремление правящего класса поставить находящиеся под его контролем производительные силы на службу непроизводительным отраслям имело результатом извлечение дополнительной прибавочной стоимости без расширения капиталистического производства» [200, с. 126]. В конце концов это оказалось на руку прежде всего иностранному капиталу. В то же время рост в 50—60-е годы национального капитализма носил анклавный характер, т. е. он шел главным образом в столице и вблизи американских военных баз на северо-востоке страны.

В этих капиталистических анклавах процесс социальной дифференциации шел на смену этническим размежеваниям. К капиталистическим отношениям были приобщены зоны горнодобывающей промышленности, плантационного хозяйства, освоения целинных земель. Земледельцы в этих зонах попали в зависимость от китайской торгово-ростовщической буржуазии и большинство их потеряли землю. В зонах освоения земель сложилось крупное землевладение городской буржуазии и крупных землевладельцев из соседних земледельческих районов. В международную капиталистическую систему в 60-е годы активно включились горные районы на основе международной контрабандной торговли опиумом.

Развитие капиталистических отношений не повело к полной перестройке традиционной пространственной интеграции таиландского общества, основанной на противопоставлении «центра» «периферии», к объединению локальных зон в единую национальную структуру. Сельскохозяйственное производство по-прежнему носило экстенсивный характер. Правда, как в плодородных речных бассейнах, так и в горных долинах стали заметнее сдвиги в отношении интенсификации земледелия — введение доходных технических культур [68, с. 15—16]. Капиталистически ориентированное общество, с которым основные земледельческие зоны находятся в длительных контактах, предоставило широкий выбор стратегий для получения денежных доходов. Однако система взаимных услуг по-прежнему обусловливала простую структуру потребления их земледельческим населением: последнее не порывало с потребительским хозяйством. Даже зажиточные слои направляли свои доходы в потребительский сектор, широко предоставляя денежную помощь, которая предполагала ответные услуги. Такие сделки не регулировались стоимостными показателями рыночной экономики, они служили лишь установлению и поддержанию социального статуса [68, с. 42—47, 52—54].

Обследование деревень в центральном рисоводческом районе показало, что развитие капитализма к началу 70-х годов подорвало эту систему производственных отношений, что привело к обезземелению, распространению наемного труда, миграциям. Особенно большую роль сыграл первый фактор, поскольку безземельный, как несостоятельный член социальной организации, основанной на равенстве взаимных услуг, выбывал из нее. Положение безземельных стало закрепляться как особый социальный статус, чего не наблюдалось ранее К тому же в семейных кланах, сохранивших землю,

социальная иерархия стала определяться не социальным старшинством внутри коллектива, а размерами собственности на средства производства [190, с. 316—320]. Экономическая деятельность постепенно отделялась как от родственных отношений, так и от бюрократической системы.

В деревне и провинциальных городках широко распространились, захватив в 60-е годы провинции севера и северо-востока, низшие формы капитализма — торгово-ростовщические. Однако правящая группа не смогла в 60-е годы обеспечить формирование и консолидацию широкого слоя владеющего землей крестьянства — «идиллического класса мелких земельных собственников», добиться смягчения конфликтной ситуации в деревне, приводившей к беспорядкам и восстаниям крестьян. Буржуазное содержание этого курса не реализовалось из-за господства старых обычаев и слабости административной машины правительства. Буржуазное отношение к земле с трудом прокладывало себе путь в сознании таиландского крестьянства: до сих пор 55% обрабатываемой земли не имеет титула собственности [317, с. 167], не оформляются должным образом и арендные обязательства, что открывает широкую дорогу для злоупотреблений и не стимулирует земледельца к увеличению производства [273, с. 427]. «Если конфликт между обычным правом и современными законами не будет разрешен, то мало надежды на установление современной и рациональной системы землевладения» [298, с. 855],— констатирует японский исследователь, имея в виду невозможность в подобной ситуации расширения предпринимательской деятельности в земледелии. Господствующие позиции в сельской экономике сохранили «лендлорды» — крупные землевладельцы-абсентеисты, для которых наряду с земельной рентой источником увеличения дохода служили ростовщические и торговые операции. Эта группа занимала ведущие позиции в процессе первоначального накопления, однако сама «система лендлордизма не дает стимула, необходимого для развития сельского хозяйства, даже там, где есть плодородная земля и хороший рынок» [225, с. 246]. Экономический бум, сказавшийся на социальных отношениях в центральном районе, мало отразился на «периферии» — северном, северо-восточном, а отчасти и южном районах: реальный доход земледельческого населения здесь не возрастал, а кое-где даже снизился [91, 1978, № 48, с. 40—42]. В итоге это имело важные социально-политические последствия — заметную радикализацию беднейшей части крестьянства.

Общим результатом неравномерного, анклавного развития капитализма при опоре на иностранный капитал и интеграции страны в хозяйственную структуру мирового капитализма в 50—60-е годы на основе неоколониалистской зависимости стало появление предпосылок для социально-политического кризиса таиландского общества в последующее десятилетие — 70-е годы и усиление противоречия между социально-экономическим базисом и военно-бюрократической политической надстройкой в том виде, как они сложились здесь в послевоенный период.

Особенности социально-политической жизни в 50—60-е годы

Внешне с переломного времени революции 1932 г. и вплоть до наших дней политическая жизнь Таиланда характеризуется крайней нестабильностью: за пятьдесят с лишним лет в стране произошло больше десятка военных переворотов и еще больше военных путчей. Из 44 правительств, существовавших в Таиланде до начала 80-х годов, как отмечает таиландский социолог, только 13 было сформировано в результате всеобщих выборов, но лишь одно из них продержалось более года [152а, с. 69]. В то же время до октября 1973 г. Таиланд не пережил ни одного подлинно революционного взрыва и лишь в середине 40-х годов и середине 50-х годов можно отметить некоторое повышение политической активности более широких кругов населения.

По поводу особенностей местной политической жизни известный американский специалист по Таиланду Д. Вильсон отмечал, что «чуть более проницательное наблюдение обнаруживает поразительную живучесть тех же самых лидеров, большинства тех же самых законов и институтов. Наиболее радикальные перевороты приводили к власти хотя и не тех же самых людей, но их протеже или прежних партнеров. Новые конституции повторяли слово в слово бо́льшую часть содержания старых. Положение дел предстает как парадоксально стабильная нестабильность, непостоянное постоянство» [308, с. 274].

Лучшая иллюстрация подобных парадоксов — судьба конституций королевства. Общими чертами всех конституционных актов были: признание особой роли короля как главы государства и тайского буддизма; упор на обязанности, а не на права граждан из соображений «безопасности и порядка»; деление членов парламента, независимо от того, состоял ли он из одной или двух палат, на избираемую и назначаемую части (некоторое исключение — конституция 1946 г.). Фактически ни одна конституция не могла при этом реально ограничить исполнительную власть. На поразительную схожесть большинства тайских конституций авторитетно указывал в 1961 г. тогдашний глава правительства Сарит Танарат: «Отмененные конституции становились моделью для новых, а в некоторых случаях отмененные еще раньше принимались в качестве новых. Так продолжалось около 29 лет» [283, с. 37].

Коренной причиной подобного явления было стремление каждой вновь утверждавшейся у власти политической группировки узаконить свое господство и сделать это максимально удобным для себя способом. Этому и служили многочисленные конституции, вновь и вновь усиливавшие исполнительную власть и предусматривавшие, как правило, назначение правительством половины членов парламента.

Таким образом, конституционная чехарда, мало что менявшая в жизни государства, стала традицией, такой же как и государственные перевороты, пожалуй, даже не менее, а более законные

в глазах многих таи, чем разного рода демократические институты и процедуры, которые стали культивироваться в Таиланде с 1932 г. В этом отношении характерно вообще понимание законности таким авторитетным органом, как Верховный суд Таиланда, в одном из решений которого, относящемся к 50-м годам, говорилось: «Свержение силой предыдущего правительства и установление нового является незаконным до тех пор, пока народ не пожелает признать и уважать его. Если же новому правительству не оказывается серьезного сопротивления, это означает, что народ признает его, и всякое лицо, которое попытается с помощью мятежа свергнуть такое правительство, нарушит закон» (цит. по [308, с. 137]).

Очевидно, что это есть не что иное, как юридическое оправдание всякого режима, способного удержать за собой узурпированную власть, и оно непосредственно вытекало из упоминавшихся ранее традиционных буддийских представлений, связывающих любое политическое господство с моральным на него правом. При этом государственные перевороты в Таиланде всегда, вплоть до 1971 г., получали одобрение короля, который, как это и должно быть во всякой конституционной монархии, «царствует, но не управляет». Однако его реальная власть, точнее, окружающий ее божественный ореол, не идет ни в какое сравнение ни с уделом оказавшихся на задворках политической жизни европейских монархов, ни с теми почти безграничными возможностями, которыми располагали еще в наши дни император Эфиопии Хайле Селассие или свергнутый народом шах Ирана. Современным монархам Востока, продолжающим держать свою руку на рычагах управления, редко удается спокойно пережить государственные перевороты, обычно кладущие конец их царствованию, в европейских же странах монархический институт лишь дань романтике прошлого. Но в Таиланде мы наблюдаем исключительный случай, когда сильно ограниченная в своих политических и юридических правах королевская власть выполняет жизненно важную функцию узаконения фактически управляющих страной правительств.

Спустя пятьдесят лет после антимонархической революции таиландские массы в своем большинстве сохранили приверженность трону и связывают с королем как главой тайского буддизма свои религиозные чаяния. И если имена многочисленных местных «бонапартов» и в еще большей степени гражданских премьер-министров мало о чем говорят миллионам тайских крестьян либо вообще им неизвестны, то портрет короля можно видеть в каждом доме. Его авторитет непререкаем, и правящей военно-бюрократической верхушке, очевидно, было бы гораздо труднее контролировать страну, если бы в 30-е годы, когда тогдашнему королю пришлось все-таки отречься от престола, монархия была упразднена. «В теперешний период международной напряженности и обострения внутренних проблем,— писал в начале 70-х годов Ф. Дарлинг,— король остается напоминанием о прошлых достижениях и могуществе, он поддерживает ощущение стабильности и гордость за величие прошлого» [197, с. 91]

Нынешний тайский монарх Пумипон Адуньядет, известный поездками в самые отдаленные районы страны, высокой общей культурой и политической дальновидностью, в течение трети века своего правления не раз в кризисные моменты оказывал большое влияние на ход политической борьбы. Тем не менее фактически вся полнота власти в Таиланде после 1932 г. находилась в руках кабинетов министров, опиравшихся на армию как наиболее организованный, сплоченный и дисциплинированный институт и гражданскую бюрократию, отвечавшую за повседневное течение государственных дел. Из рядов офицерства и гражданского чиновничества в основном и комплектовались правительства. При этом главным условием вхождения в их состав была не близость к королю, как во времена абсолютизма, и не приверженность к той или иной идеологии или партийной программе, а принадлежность к возникавшим внутри военной и гражданской бюрократии кликам[3] — в условиях Таиланда это были основные инструменты достижения политического влияния.

Эти клики создавались всегда вокруг тех или иных выдающихся личностей, носили ярко выраженный неформальный характер, не имели организации и четко сформулированной идеологии. Рядовые их члены часто оказывались неизвестными друг другу и лично даже враждебными, что, однако, не мешало им идти вслед за вождем [308, с. 116—117, 132—137]. Этим клика отличается от объединений другого рода, так называемых кхана — группировок, образующихся из нескольких клик для совершения государственного переворота. Кхана состоит из устойчивого числа членов, которые ставят конкретную цель, проводят регулярные собрания. После успешного переворота подобные группировки начинают действовать открыто, официально называя себя, как было не раз в истории Таиланда, либо «группами переворота», либо «революционными партиями».

В этом отношении кхана напоминает политические партии, отличаясь от них исключительно узким, закрытым (до захвата власти) или полузакрытым характером. В своей сущности кхана, однако, всегда оставалась не более чем конгломератом персональных клик, которых объединяла лишь конъюнктурная цель — захват власти [308, с. 246—248].

Каждая клика в отдельности, как правило, была слишком слаба для того, чтобы осуществить государственный переворот собственными силами, что и толкало их к объединению в кхана. Успешный захват власти влек за собой распределение министерских постов. Среди получавших их лиц находились прежде всего лидер переворота и его ближайшие сторонники, затем шли руководители вооруженных сил, потом влиятельные лица, оказавшие в прошлом какие-то услуги правящей клике и требовавшие вознаграждения, и, наконец, просто популярные в стране люди, может быть и не связанные тесно с захватившей власть группой, но своим присутствием в ее правительстве укрепляющие его авторитет. Во все кабинеты входили также специалисты, обладавшие знаниями в тех или иных областях государствен-

ной деятельности. Им обычно доставались посты министров иностранных дел, юстиции и финансов [308, с. 153—154].

Но в любом случае в составе всех правительств преобладали представители бюрократии (гражданской и военной) независимо от того, были ли эти выходцы из чиновничьего аппарата просто экспертами или же активными участниками кхана — так называемыми патронами, покровителями переворотов. Из 237 лиц, бывших членами 30 правительств в период с 1932 г. по конец 1958 г. (фактически по конец 1963 г.), 184 человека принадлежали к числу гражданских или военных чинов, тогда как лишь 38 министров до включения в правительство не состояли на государственной службе. Из этих 184 чиновников — 100 были гражданскими и 84 — военными. Из общего числа министров (237) 56 были участниками кхана, причем из последних 53 — чиновниками. Таким образом, если на государственной службе ранее состояло 77% министров, то среди министров — членов групп переворота таковых было 95%, и именно они обладали решающим влиянием на политику правительства. Из министров, не имевших отношения к армии и бюрократии, членами групп переворотов были лишь двое (из 38).

Если принять в расчет тех министров, которые занимали свои посты не менее чем в трех кабинетах, то из 107 таковых 94, или 88%, также были чиновниками. Однако среди этих министров чиновников было все-таки несколько меньше, чем среди лидеров переворотов. Из числа же последних, также трижды занимавших министерские посты (всего таких было 40), почти все были чиновниками. При этом лидеров переворотов было больше в числе военных, а не гражданских бюрократов: из общего их числа (53) военные лидеры составляли 39, а гражданские чиновники лишь 14. Но зато гражданских лиц было больше в числе министров, трижды входивших в правительство,— 52 против 43 [264, с. 313—317].

Формирование и борьба клик внутри правящей элиты Таиланда были обусловлены ее иерархической структурой и отражали процессы перераспределения власти внутри ее верхних и нижних эшелонов. В то время как кабинет министров находился на самой верхушке военно-бюрократической пирамиды, ниже его по расширяющимся кругам располагались приблизительно 700 высших гражданских чиновников так называемого специального класса и около 300 равных им по статусу представителей армейской верхушки, носящих генеральские погоны. Именно в этой среде, стоявшей на ступеньку ниже могущественных министров, и создавались новые клики, претендовавшие на верховную власть. Следующий «этаж» элиты был представлен 2—3 тыс. видных гражданских чиновников и офицеров, из числа которых клики из вышестоящего круга вербовали своих сторонников. В случае успеха в борьбе за власть клиенты из этого круга поднимались на ступень выше в своей карьере, становясь чиновниками специального класса или же получая генеральские звания. Вслед за собой чиновники I класса и армейские полковники тянули вверх чиновников II класса, обычно обладавших университетскими дипломами, и младших

офицеров — выпускников военных учебных заведений. Общее число таких лиц внутри военной и гражданской бюрократии исчислялось приблизительно в 25 тыс., и каждый из них, двигаясь вслед за своими патронами, теоретически мог подняться к самым высшим должностям в государстве. Этого нельзя было утверждать о 200 тыс. низших гражданских служащих и 150 тыс. солдат и сержантов, лишь исполнявших волю властвующей элиты [219, с. 22—24].

Таким образом, принадлежность к военной или бюрократической корпорации обеспечивала продвижение к высшим государственным постам, открывала доступ в элиту. Для уяснения ее характера рассмотрим сначала некоторые особенности таиландской армии и ее офицерского корпуса, игравшего первостепенную роль в политике.

Армия и ее офицерский корпус

Решающая роль в вооруженных силах всегда принадлежала сухопутной армии, на долю которой приходилось около двух третей всех военнослужащих и которая всегда была лучше политически представлена во всех органах власти военно-бюрократического режима. Так, из 37 офицеров — руководителей антимонархического переворота 1932 г.— 23 были из сухопутных войск, из 36 военных — членов группы переворота 1947 г.— только двое были из ВВС и один — из полиции [219, с. 19]. Все успешные государственные перевороты осуществлялись благодаря поддержке сухопутных войск, и, наоборот, все попытки других родов вооруженных сил свергнуть правительство подавлялись армией. Ее традиционным соперником в 40—50-е годы выступал флот, в рядах которого, с одной стороны, были сильны позиции консервативных роялистских элементов, а с другой — имелись и представители демократической оппозиции.

Поскольку по своему генезису таиландский офицерский корпус был типичным порождением эксплуататорского общества, система его комплектования и подготовки характеризовалась кастовым, корпоративным духом, строгой иерархичностью, назначением на командные посты людей, социально близких правящей элите. И хотя революция 1932 г. отразила трансформацию сознания офицерства и выдвинула его на авансцену политической жизни, внутри самой военной организации мало что изменилось. В противоположность офицерам в некоторых развивающихся странах, зачастую становящимся движущей силой подлинно революционных преобразований, таиландские военные с течением времени превратились в носителей наиболее реакционных и консервативных тенденций в обществе. Более того, если многие военные деятели событий 1932 г. отличались достаточно широким кругозором и были передовыми, европейски образованными людьми, то последующее поколение офицерства 40-х годов, чьи представители оказались у власти в 50—

60-е годы, не имело такого образования и состояло в основном из приверженцев традиционно авторитарных взглядов на общество и государство, людей, которых трудно было назвать «военными интеллигентами» [101, 23.V.1973]. Сарит Танарат, Таном Киттикачон, Прапат Чарусатьен, занимавшие в 40-е годы весьма скромные должности в армии, как раз и являлись типичными представителями этого поколения.

В целом для Таиланда, как, впрочем, и для многих других развивающихся стран, было характерно то, что поступить в военные учебные заведения и в дальнейшем сделать военную карьеру стремились представители провинциальной молодежи, как правило, не имевшей шансов получить университетский диплом, необходимый для успешного продвижения в гражданской бюрократической иерархии. В основном это были выходцы из средних слоев и мелкой буржуазии, на долю которых пришлось свыше 60% лиц, принятых в военные училища Таиланда в 60-е годы [127, с. 489]. Наряду с этим офицерство постоянно пополнялось детьми представителей правящей элиты, где за годы существования военного режима сложилась даже традиция посылать одного из сыновей в армию[4], а другого в гражданский бюрократический аппарат [181, с. 108].

Политическое поведение военных определялось, однако, не столько их социальным происхождением, сколько той системой идеологической обработки, которой они подвергались, находясь в армии. Главные особенности той идеологии, которую стремились им внушить, хотя она, как отмечают тайские авторы, никогда не была достаточно четко сформулирована [101, 23.V.1973],— антикоммунизм, преданность существующему строю, преклонение перед сильной властью, национализм. Начиная с 30-х годов армейское командование постоянно пыталось представить вооруженные силы главным защитником национальных интересов и буддийских добродетелей, которым якобы угрожают коммунисты. При этом в армии пропагандировался национализм, начисто лишенный антиимпериалистических тенденций. «В отличие от послевоенного национализма в других странах региона,— указывает Ф. Дарлинг,— тайский национализм не был слишком обостренным, или революционным. Не является он и антизападным. По существу своему он консервативен» [197, с. 85]. Тайскому офицерству стремились также привить идею о беспрекословном повиновении начальству, воинственный дух, сознание своего предназначения к руководству обществом. Вот как, например, характеризовал Д. Вильсон самосознание тайского офицерства: «Оно рассматривает себя как часть организации, от которой зависит судьба и честь нации. Это приводит к вере в то, что все, что хорошо для армии, хорошо и для страны» [308, с. 188].

Большое значение в 50—60-е годы в армейской среде придавалось также культивированию союзнической верности США, их агрессивному антикоммунистическому курсу в Юго-Восточной Азии. С 1950 по 1969 г. в Соединенных Штатах прошло подготовку 10 136 таиландских офицеров [149, с. 193], и приблизительно

за такой же промежуток времени военная помощь США Таиланду составила 589,7 млн. долл., уступая по объему лишь затратам на таких американских союзников, как Южная Корея, Тайвань, Южный Вьетнам и Япония [219, с. 253]. Таиланд принял непосредственное участие в агрессии американского империализма во Вьетнаме, где с февраля 1969 г. находилась тайская дивизия «Черные пантеры» численностью 12 тыс. человек. Однако там таиландские войска не сумели зарекомендовать себя с лучшей стороны и, по признанию иностранных обозревателей, выглядели «бледной тенью» даже по сравнению с марионеточной сайгонской армией [91, 10.II.1966, с. 235].

Тайские вооруженные силы оказались также не в состоянии полностью подавить очаги повстанческого движения, вспыхнувшего в стране в 1965 г. Как полагают зарубежные наблюдатели, главной причиной этого оказался сам характер тех функций, которые выполняла в течение многих лет армия Таиланда, служившая прежде всего орудием борьбы за власть различных клик, а также увлечение политическими интригами и коммерческой деятельностью в ущерб военным вопросам слишком многих представителей ее командной верхушки.

В целях предотвращения возможных переворотов уже стоявшие у власти правители главное внимание уделяли не подготовке военного организма к боевым действиям, а проблеме политического контроля над ним. Для этого еще Сарит Танарат закрепил лично за собой посты верховного главнокомандующего всех вооруженных сил, а также сухопутных войск, руководителя полиции и центрального разведывательного управления [309, с. 115—116]. Этому примеру последовали позднее Таном и Прапат. Таном, в частности, постоянно откладывал свою отставку с действительной службы по возрасту, продолжая занимать посты главнокомандующего и министра обороны [87, 1, 16.VI.1971]. Его же заместитель Прапат Чарусатьен долгие годы занимал должность командующего сухопутными войсками, передав ее генералу Криту Сиваре лишь за две недели до восстания в Бангкоке [87, 1.X.1973].

Другими применявшимися способами контроля были концентрация отборных частей, объединенных в 1-ю армию, в районе столицы, поближе к правительству, а также искусственное расширение численности генералитета в целях удовлетворения честолюбивых амбиций жаждущих власти офицеров и насаждения в командовании лично преданных Таному и Прапату людей. В результате этого, по некоторым данным, в Таиланде к началу 70-х годов насчитывалось до 6 тыс. генералов, включая отставных [84, 12.III.1973, с. 3]. Сама структура вооруженных сил была такова, что, по мнению зарубежных наблюдателей, организация войск с точки зрения их боеспособности не имела для правительства большого значения. «Главным образом во внимание принимается политическая организация системы командного подчинения. Три корпусных штаба содержатся в основном для того, чтобы иметь должности для многочисленных генералов. Имеются четыре коман-

дира дивизий и штаб кавалерийской дивизии и, кроме того, командование воздушно-десантной дивизии. Генералы возглавляют пехотные, кавалерийские и танковые училища»,— писал корреспондент западногерманской газеты «Франкфуртер Альгемайне» в статье под характерным заглавием «Генералов, пожалуй, больше, чем батальонов». «Все же весьма сомнительно,— заключал он,— что таиландская армия при нынешней структуре командования сумеет хорошо зарекомендовать себя в боевых действиях» [94, 13.XII. 1965] [5].

К этому можно добавить, что, как утверждал известный тайский публицист и социолог Камон Сомвичьен, несмотря на массированную американскую помощь, общая боеготовность тайских вооруженных сил в первой половине 70-х годов в целом была ниже, чем до второй мировой войны. К 1973-му же году благодаря концентрации усилий офицерства в политической сфере специфически военные функции выполняли в основном подразделения территориального оборонного корпуса и пограничной охраны, а наиболее способные и образованные военнослужащие работали в министерствах иностранных и внутренних дел, а также заседали в парламенте. «Если нынешние тенденции,— заключал Сомвичьен,— получат дальнейшее развитие, то тайские вооруженные силы вскоре будут состоять из гражданских лиц в военной униформе» [101, 23.V.1973].

Оборотной стороной этого процесса была оппозиция многих офицеров использованию военной службы представителями правящей элиты в чисто карьеристских целях. Как пишет в своих мемуарах бывший в 1945 г. премьер-министром Таиланда, а в 1968 г. занимавший должность председателя Учредительного собрания Тави Буньякет, еще в конце 40-х годов, вскоре после захвата власти военной кликой в 1947 г., многие офицеры выражали недовольство тем, что на командные должности правящая группа выдвигает своих фаворитов, людей, не имеющих достаточного специального образования, мало заботящихся о поддержании боеспособности вооруженных сил. Уже в тот период кое-кто из профессиональных военных полагал, что главное внимание армейских кадров должно быть сосредоточено на чисто военных делах [252, с. 123—124].

В 60-е — начале 70-х годов подобные же настроения в тайском офицерстве отметил Д. Вильсон. Их распространение было связано как с непосредственным участием армии в военных действиях в Индокитае и на территории самого Таиланда, так и со значительным повышением уровня профессиональной подготовки, которую получили многие молодые офицеры под руководством американских инструкторов. Но принципиальных различий во взглядах между старшим и младшим поколением военных не наблюдалось. Обе группы в идеологическом плане стояли на антикоммунистической и консервативной платформе. Разногласия долгое время носили в основном внутрикорпоративный характер, связанный с разницей в политическом и жизненном опыте [309, с. 111—112]. «Можно ожидать переворотов внутри системы,— писал

в 1968 г. американец Д. Хиндли, анализировавший причины политической стабильности в стране,— но Таиланд в обозримом будущем едва ли произведет Перона, Арбенса или Супарджо» [217, с. 367] [6]. И действительно, в 60-е годы не наблюдалось признаков активности революционно настроенных мелкобуржуазных элементов офицерства. Тем не менее оппозиция к правительству Киттикачона — Чарусатьена нарастала и в 1973 г. военные круги отказались поддержать их пошатнувшееся господство.

Гражданская администрация в период военно-бюрократического режима

Военно-бюрократический режим в Таиланде 50—60-х годов имел ту особенность, что при решающей роли армейской верхушки в жизни страны гражданская администрация не была милитаризована в столь значительной степени, как при некоторых современных военных диктатурах. Хотя, по мнению многих тайских интеллигентов, «для того, чтобы стать чем-то в Таиланде, нужно прежде всего быть армейским офицером» [252, с. 36], военные стремились прежде всего к политическому контролю, многие из них назначались членами парламента и министрами, но на должностях гражданских чиновников их находилось сравнительно мало. Так, в 1958 г., вскоре после очередного военного переворота, из приблизительно 300 постов чиновников высшего специального класса во всем гражданском бюрократическом аппарате военным принадлежало меньше 20 должностей. В 1964 г в министерстве внутренних дел, которое возглавлялось Прапатом Чарусатьеном, лишь двое или трое военных занимали административные должности (не считая подведомственного министерству полицейского департамента). С поста ректора университета Тхаммасат ушел в 1965 г. ставший к тому времени премьер-министром фельдмаршал Таном Киттикачон, передавший руководство университетом гражданскому лицу. В 1965 г. военные были генеральными директорами некоторых министерских департаментов, например управления гражданской авиации министерства путей сообщения [274, с. 157]. Один из них возглавлял комиссию гражданской службы, осуществляющую надзор за деятельностью гражданских чиновников [274, с. 275].

Рассматривая отношение военных к представителям гражданской администрации, Д. Вильсон пришел к выводу, что «армия стремится скорее подчинять, нежели устранять их. Армия всегда придерживалась того взгляда, что она должна управлять через бюрократию, которая, по азиатским стандартам, очень успешно действует» [265, с. 275]. О том же говорил и У. Сиффин, утверждавший, что вооруженные силы никогда не применяли серьезных репрессивных мер в отношении гражданского чиновничества, не стремились подменить его собой и не пытались заполнить своими людьми большинство ключевых постов на гражданской

службе [274, с. 157]. И, пожалуй, самым ярким выражением такого отношения армейского руководства к бюрократии служит то, что вплоть до конца 60-х годов, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, почти все губернаторы 71 провинции Таиланда были гражданскими лицами [181, с. 108].

Однако все это не исключало наличия некоторых противоречий между представителями правящей военной элиты и гражданскими бюрократами и разницы в их подходе к решению главным образом экономических проблем. «Властвующая элита (т. е. политиканствующая армейская верхушка.— *Н. К.*) находится под менее сильным влиянием западных ценностей, чем большинство представителей гражданской бюрократии, поскольку основная масса ее членов получила образование в тайских военных учебных заведениях» [292, с. 96]. Вместе с тем гражданской бюрократии, отличавшейся довольно высоким образовательным уровнем, удавалось оказывать влияние на взгляды военных через систему совместного обучения военных и гражданских лиц в Колледже национальной обороны [292, с. 97]. Но в целом гражданская бюрократия была политически нейтральной, она беспрекословно повиновалась правительствам, приходившим к власти в результате военных переворотов [109, 1964, т. 16, с. 345]. При этом некоторые западные исследователи указывают и на то, что «гражданской администрацией постоянно манипулируют ее военные хозяева», причем «интересы правящей военной олигархии часто оказываются более важными, чем рациональные правительственные программы, оперативность в разрешении проблем или просто административная эффективность» [310, с. 126].

В тесном сотрудничестве гражданской бюрократии с армейской верхушкой весьма отчетливо видны подмеченные Р. Э. Севортяном закономерности: необходимость наличия для гражданской бюрократии «хозяина, который бы руководил ею, оправдывая смысл ее существования», ее потребность в стабильности и сильной власти и, наконец, сходство в стиле административной деятельности между военными и гражданскими чиновниками, в иерархичности структуры как военного, так и гражданского аппарата [162, с. 97].

Та роль, которую играла гражданская бюрократия в политической системе таиландских военных диктатур, во многом была также предопределена ее антидемократическим социальным обликом. Так, по материалам немецкого исследователя Х. Д. Эверса, если среди большой группы высокопоставленных чиновников двух министерств в числе поступивших на гражданскую службу до 1932 г. лица, вышедшие из самого чиновничества, составляли 19%, из буржуазии — 33, из крестьян — 43%, то среди пошедших работать в госаппарат в течение 1933—1963 гг. доля выходцев из самой бюрократии поднялась до 51%, процент выходцев из буржуазии остался почти неизменным — 31, а представительство крестьян сократилось в 4 с лишним раза, составив 10% [202, с. 483]. Другие авторы сообщают также о том, что к началу 70-х годов около 30% чиновников самого высокого ранга (внеразрядного спецкласса — по приня-

той в Таиланде градации административной иерархии) было родом из семей постепенно интегрировавшейся с правящей элитой крупной китайской буржуазии. Всего же у 50% представителей военно-бюрократической верхушки в жилах текла китайская кровь [289, с. 1187].

Показательны также сведения о десяти ведущих технократах — наиболее сведущих экспертах по экономическим вопросам, которые в то или иное время занимали высшие административные должности. Если из пяти таких лиц, принадлежавших к старшему поколению (59 лет в момент опроса, проведенного в первой половине 70-х годов), двое были выходцами из бедных слоев населения, то все пять технократов из более молодого поколения (45 лет) происходили из богатых семей. В первом поколении также было меньше китайцев (2 против 3 в младшем) и больше уроженцев провинций (2 против 1). Высшее образование все молодые технократы получили в Соединенных Штатах, тогда как пожилые учились главным образом в Англии, а также в Японии и у себя на родине [289, с. 1189].

Две указанные группы отличались друг от друга и по политическим взглядам, и по своему отношению к военным правителям. Старшее поколение состояло в основном из либералов классической английской закваски. Его типичный представитель — бывший председатель правления Бангкокского банка Пуэй Унгпакорн в 70-е годы даже прославился своей резкой критикой антидемократических, диктаторских порядков, защитой гражданских прав и свобод. В противоположность этому американские выученики из молодых технократов были настроены более прагматично, охотно сотрудничали с военными лидерами, занимали в их правительствах министерские посты и отдавали явное предпочтение экономическому развитию перед проблемами политической демократизации. Гражданские политические деятели не пользовались в их глазах авторитетом, и они были склонны упрекать их в некомпетентности и неспособности обеспечить политическую стабильность и твердое руководство [289, с. 1189—1191, 1195].

В условиях Таиланда важнейшим фактором обособления от массы и самовоспроизводства чиновничьей элиты являются те привилегии, которыми она обладает для получения высшего университетского образования, доступного до последнего времени лишь узкому кругу лиц. Это видно из того, что в 1963 г. лица с высшим образованием составляли всего 0,4% населения в возрасте старше 25 лет, тогда как со средним — 25% и с образованием ниже начального — 61,1% [297, т 9, № 1—4, с. 14]. Лица, которым удавалось получить высшее образование, в огромном большинстве устремлялись на работу в госаппарат. Так, по данным на 1958 г., от 50 до 70% учащихся высших учебных заведений мечтали о чиновничьей карьере [274, с. 274]. Кроме того, они проявляли до 70-х годов крайне низкую политическую активность по сравнению со студентами других стран, выступая в качестве вполне устраивающего власти резервуара пополнения их слуг. Немалую роль в склонности

студентов к чиновничьей карьере играл и традиционный престиж государственной службы, нежелание большинства таи искать работу в частном секторе, что выражается даже в популярной пословице: «Десять купцов не стоят одного королевского слуги» [224, с. 182].

Все чиновничество, согласно Акту о гражданской службе, формально подразделялось на четыре класса, обозначенных порядковыми номерами, и один специальный, состоящий из наиболее высокопоставленных лиц. Тайская бюрократия насчитывала в начале 60-х годов 26 тыс. чиновников III и II классов, 1750 чиновников I класса и 700 — специального класса. В I классе около 500 человек были высшими должностными лицами провинциальной администрации. Чиновники специального класса занимали посты генеральных директоров 85 департаментов, генеральных секретарей 12 министерств, губернаторов 71 провинции — чангвабов и ближе всего стояли к членам кабинета [264, с. 328—329].

Жалованье чиновников в зависимости от занимаемых ими должностей по пяти указанным иерархическим категориям варьировалось в конце 50-х годов в пределах 450—900 батов в IV классе, 750—1200 — в III, 1200—2650 — во II, 2650—4300 — в I и от 4300 до 8000 батов в высшем специальном классе [274, с. 197]. На содержание госаппарата в Таиланде уходят громадные деньги. По данным Д. Уита, в 60-е годы около 70% расходной части бюджета уходило на выплату жалованья военным и гражданским служащим [310, с. 131]. В 1961—1968 гг. в абсолютных цифрах его сумма возросла более чем втрое [134, с. 199]. Однако и этих денег не хватало для обеспечения прожиточного минимума низших клерков, годовые доходы которых равнялись 12 805 батов, а расходы — 17 319 батов [120, с. 52]. Поэтому к началу 70-х годов правительству пришлось предпринять некоторые шаги по улучшению их материального положения.

Несмотря на постоянный рост расходов на содержание госаппарата и преклонение перед университетскими дипломами, отвечающая за отбор Комиссия гражданской службы не всегда обеспечивала комплектование госаппарата наиболее компетентными и подготовленными лицами. По данным этой Комиссии, на 15 сентября 1966 г. по 30 департаментам 30% служащих не соответствовало занимаемой ими должности [120, с. 52]. Назначения на должность определялись не знаниями, а связями с могущественными покровителями. В то же время многие технически компетентные специалисты не загружались работой и содержались в штате лишь из престижных соображений администрации.

Деятельности тайского бюрократического аппарата 40—60-х годов было свойственно недостаточно четкое распределение функций между ведомствами, иррациональный подход к делу. Часто различные организации дублировали друг друга, хотя внешне административная структура Таиланда отличалась стройностью и простотой[7]. На деле построение управленческого аппарата отражало потребности бюрократии в более удобном с точки зрения

ее корпоративных интересов размещении кадров. Те или иные учреждения создавались не столько для решения практических задач, сколько для предоставления выгодных должностей влиятельным чиновникам и их клиентам. При наличии высокоцентрализованной бюрократической структуры и при постоянной тенденции передавать все важные вопросы для рассмотрения в высшие инстанции центральный аппарат на практике подчас оказывался мало способным контролировать подчиненные ему звенья административной машины. Вышестоящее начальство, как правило, не входило в детали выполнения подчиненными тех или иных решений, а для последних главным являлось не посвящение начальства в возникающие трудности, а поддержание с ним хороших отношений и создание видимости усердной и успешной работы [274, с. 167]. Как правило, наверху, приняв решение, плохо знали, как осуществить его на практике, и поэтому не стремились допекать исполнителей мелочным надзором. Во всей этой системе можно найти классическое подтверждение характеристики деятельности антидемократического неконтролируемого массами госаппарата, данной в свое время К. Марксом: бюрократическая иерархия «есть *иерархия знания.* Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частностей; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» [1, с. 271—272]. Однако, по-видимому, было бы некоторым преувеличением говорить о полнейшей недееспособности тайской администрации. Те же самые западные критики, которые со всей определенностью указывают на ее очевидные недостатки, отмечают и целый ряд ее достоинств, сравнивая с некоторыми другими странами. Так, Д. Вильсон в одной из своих работ 70-х годов писал, что «эффективность тайской системы управления очень высока, по крайней мере по сравнению с соседями» [309, с.125]. Относительную эффективность «по азиатским стандартам» гражданской службы Таиланда отмечал и Ф. Дарлинг [197, с. 91], а корреспондент журнала «Фар Истерн экономик ревью» в Бангкоке даже подчеркивал, что она «повсеместно считается наилучшим образом укомплектованной квалифицированными кадрами во всей Юго-Восточной Азии» [91, 17.II.1966, с. 27].

Партийная система, роль представительных институтов

Хотя ход политической жизни в Таиланде вплоть до 70-х годов в своей основе сводился к соперничеству военно-бюрократических клик и в условиях относительной пассивности масс главным способом разрешения конфликтов внутри правящей элиты служили государственные перевороты, время от времени заметную роль на политической арене играли и такие институты, как партии.

Несмотря на то что лидеры революции 1932 г. были объединены в Народную партию, эта организация после многочисленных

расколов, будучи фактически конгломератом клик, вскоре прекратила свое существование. Поэтому можно считать, что возникновение политических партий в Таиланде относится к первым послевоенным годам, когда со стороны оказавшейся тогда у власти группировки Приди Паномионга была сделана попытка ввести политическую борьбу в русло норм, свойственных буржуазной демократии. Неудача этой попытки предопределила запрещение в ноябре 1947 г. недавно появившихся партий, вновь вернувшихся к жизни только в 1955—1958 гг., а затем на целое десятилетие сошедших со сцены, чтобы опять начать функционировать в 1968 г.

Но даже в эти непродолжительные периоды достаточно отчетливо выявились некоторые особенности, присущие таиландской партийной системе. Ее главная отличительная черта — отчетливо прослеживаемая зависимость активности партий от отношения стоящих у власти правительств к парламентско-представительным учреждениям.

Признание правящей группой необходимости подготовки и проведения выборов оживляло деятельность партий, и, наоборот, перевороты, разгон парламентов, введение чрезвычайного положения почти всегда сопровождались роспуском партий. Отсюда и сами они были не столько постоянно действующими, массовыми организациями с четкой идеологией и программой, сколько непрочными парламентскими объединениями, группировавшимися вокруг личности лидера, работавшими среди населения лишь во время предвыборных кампаний. Соперничество за влияние и власть обусловливало частые переходы из одной партии в другую (в том числе и среди членов парламента). Еще одна черта таиландской партийной системы 50—60-х годов — возникновение перед каждыми выборами крупной, располагавшей хорошими связями с администрацией на местах и большими денежными фондами правительственной партии, как правило, без труда обеспечивавшей себе если не полную победу, то почти половину депутатских мест в парламенте. Подобные искусственно создававшиеся «сверху» политические группировки и объединяли в своих рядах представителей обуржуазившейся военно-бюрократической элиты, тогда как другие партии, несмотря на свою организационную рыхлость, становились каналами выражения опозиции к режиму со стороны различных социальных слоев.

В 1955—1957 гг. в качестве правительственной партии в Таиланде выступала партия «Сери Манангкасила», а в 1969—1971 гг.— Объединенная партия тайского народа (ОПТН). Главной же силой оппозиции всегда была Демократическая партия, образованная в 40-х годах,— политическое объединение аристократов-роялистов, чиновников и консервативно настроенных столичных интеллигентов. По словам Ф. Дарлинга, «важнейшей целью» этой партии «была смена правительства, а не его политики» [196, с. 237]. Однако, несмотря на консервативный состав своего руководства, Демократическая партия имела в тайском обществе устойчивую массовую базу и пользовалась определенной популярностью. С одной стороны, ее

роялистские лозунги были понятны сохранившим преклонение перед троном массам, с другой — консервативным лидерам демократов удавалось в 50—60-е годы представить себя как единственную альтернативу господству военной бюрократии. Не предлагая серьезной программы социальных преобразований, они тем не менее всегда подчеркивали необходимость устойчивого парламентского правления и передачи власти из рук военных гражданским деятелям (см., например, мемуары лидера партии с 1967 г. принца Сени Прамота в [252, с. 175—182]). В целом наличие такой партии, как Демократическая, создавало некоторое подобие двухпартийной системы с той лишь разницей, что возможностей прийти к власти при наличии военно-бюрократической диктатуры у демократов фактически не было.

Таиланд, как и многие другие развивающиеся страны, всегда отличался обилием различных мелких политических группировок, возникавших в результате расколов в двух ведущих партиях — военной и гражданской элиты или же отражавших интересы не представленных в правящей верхушке социальных групп, в том числе трудящихся масс. С таких позиций, в частности, выступали в 50—60-е годы некоторые небольшие партии мелкобуржуазной социалистической окраски — Объединенный социалистический (экономический — с 1968 г.) фронт, «Гайд-парк» и прочие, считавшие себя наследниками идей Приди Паномионга. Районом их устойчивого влияния являлись беднейшие в стране северо-восточные провинции.

Вообще мелкие партии в Таиланде возникали обычно вокруг одного сколько-нибудь заметного лидера и выступали не с общенациональной программой, а как выразители каких-либо местных или групповых интересов. Их члены, попав в парламент, отличались особым приспособленчеством, склонностью к интригам и сделкам с правящей кликой. «Оппортунизм и малые размеры,— пишет Ф. Дарлинг,— делают их чувствительными к уговорам и вознаграждениям, предлагаемым правительством, что, в свою очередь, усиливает межпартийную ненависть» [196, с. 239].

Такое поведение многих партийных лидеров в своей основе отражало общую незрелость современных классов в таиландском обществе, господство в сознании масс традиционных феодально-иерархических ценностей, что в той или иной мере предопределяло характер и методы партийно-политической борьбы. На определенном этапе социального развития Таиланда партии, парламенты и выборы, которых было немало, в сущности, лишь слегка маскировали отсутствие в стране почвы для успешного функционирования этих институтов, порожденных в западных государствах столетиями борьбы за политическую эмансипацию бужуазного класса и получивших затем новое содержание в условиях развертывания рабочего движения и его борьбы за преобразование политической демократии в социальную, за превращение ее из классово ограниченной в демократию для всех трудящихся.

Взятые же вне общего исторического контекста, в котором

они развились, демократические процедуры могут получить совсем иное значение, нежели то, которое они имеют в обществе с современной социально-классовой структурой. В частности, в Таиланде парламентские выборы вплоть до последних лет не отражали соотношения сил противостоящих друг другу классов, а служили дополнительным средством узаконения как в глазах народа, так и в еще большей мере в глазах буржуазных либералов за рубежом господства военно-бюрократической олигархии. «В Таиланде не было выборов,— указывал в 60-е годы один из западных наблюдателей,— при которых правящие группировки не были бы убеждены, что они могут сохранить или улучшить свои позиции через способствующие этому конституционные процедуры» [247]. В ходе выборов правительственные партии, как правило, обеспечивали себе большинство голосов.

Это было не только результатом различных махинаций правительственной администрации, но и следствием искусного использования ею отсталости крестьянских масс, политическая ориентация которых определялась традиционными стереотипами. Сошлемся на описание американского социолога Г. Филипса, наблюдавшего избирательную кампанию 1957 г. в одной расположенной неподалеку от Бангкока деревне [284, с. 254—269]. Из его анализа явствует, что крестьяне смотрели на выборы как на нечто им ненужное, необходимое лишь столичной верхушке. На вопрос о том, зачем вообще нужна избирательная процедура, большинство не могло дать удовлетворительного ответа. Одни отвечали, что, если им прикажут сельские власти, они будут голосовать, другие повторяли непонятные для них призывы, услышанные по радио: «избрать людей, которые будут нас представлять» или же «избрать людей, которые будут помогать нам». Решающую роль в избирательной кампании играли местные чиновники, к мнению которых крестьяне прислушивались и которые почти все принадлежали к правительственной партии. Важнейшим фактором, определившим исход выборов в пользу последней, было отождествление ее крестьянами с центральным правительством и лично с тогдашним премьером Пибунсонграмом. Характерно также и то, что в ходе кампании народ интересовали не программы партий, а личности кандидатов и в еще большей степени личности лидеров партий. Поэтому и сами партии в условиях пропорциональной избирательной системы строили свою агитацию под лозунгом вроде: «На 2500-м году буддийской эры голосуйте за № 25 (порядковый номер Пибунсонграма в списке кандидатов) и его боевых друзей». В обращении к крестьянам партии избегали употреблять свои собственные названия, а говорили так: «фельдмаршал и его партия», «Кхуанг и его партия» и т. п.

В своей агитации правительственная партия подчеркивала, что за годы пребывания у власти она «принесла прогресс стране», указывая на строительство школ и дорог и даже на то, что она «дала народу демократию». Небольшая оппозиционная партия социалистического толка «Гайд-парк» доказывала, что «только бедный человек может понимать нужды бедного человека». Ее ло-

зунги, как отмечает Г. Филипс, пользовались у крестьян большой популярностью, но они не были подкреплены личностью выдающегося лидера с конкретными, понятными сельским жителям обещаниями. По сравнению с социалистами правительственная группировка «Сери Манангкасила» казалась крестьянам «партией больших и могущественных людей», которая может что-то «дать народу и позаботиться о нем», тогда как социалисты воспринимались как простые ходатаи, которые сами ничего не имеют и могут лишь о чем-то просить правительство. Неудивительно, что на выборах в феврале 1957 г. правительственная партия одержала победу. В той провинции, где находилась обследованная деревня, она получила 7 мест в парламенте, а оппозиция — 2 места.

В целом крестьяне воспринимают выборы, делал вывод американский наблюдатель, как религиозный ритуал, при котором необходимо выразить почтение наиболее могущественным и богатым людям. Это обусловливалось средневековым представлением о том, что моральное совершенство, власть и могущество неотделимы друг от друга. Наряду с этим для народа выборы были поводом для вступления в личные отношения с могущественным патроном, который, как полагали сельские жители, должен будет щедро их отблагодарить.

Политическая отсталость и пассивность отмечались также и среди более образованных слоев населения: лишь 30% студентов колледжей в конце 50-х годов могли заявить, что примыкают к какой-либо политической ассоциации [274, с. 246]. О том же свидетельствовало и массовое уклонение от участия в голосовании. На первые выборы в истории страны в 1933 г. явилось 10% избирателей, в 1938 г.— 20, в 1946 г.— 30, в 1948 г.— 16 и в 1957 г.— 37%. В повторных выборах в декабре 1957 г. участвовало 40%, а спустя 12 лет, в февральских выборах 1969 г.,— 49% лиц, имеющих избирательное право [197 с. 67]. В этих условиях правящие круги вообще не очень-то нуждались в выборах и «народных представителях». Тем не менее различные трудности и расколы внутри правительства заставляли их прибегать к избирательным процедурам в целях расширения своей массовой опоры. Предвыборная агитация и парламентские прения были также той отдушиной, через которую выходило недовольство оппозиционных элементов, которые, однако, мало что могли изменить, действуя вопреки воле армейского командования. В общем же судьба парламентов определялась балансом сил внутри правящей элиты, и из числа их депутатов руководители правительства пополняли ряды сторонников образовавшихся внутри военной и гражданской бюрократии групп.

Соперничество этих непартийных объединений обычно находило свое выражение и в Национальной ассамблее и внутри правящей партии. Каждая группа старалась перетянуть на свою сторону как можно больше парламентариев, в том числе и депутатов оппозиционных партий. Такая ситуация, в частности, сложилась в 1957 г при обострении в правительстве Пибунсонграма борьбы между группировками Сарита Танарата и Пао Сианона и попыток со

стороны самого премьер-министра противопоставить армии, над которой он к тому времени утратил контроль, другие политические институты, в частности профсоюзы [252, с. 215]. Результатом оказался государственный переворот, произведенный в 1957 г. Саритом Танаратом, новые выборы, а через год ликвидация всякого подобия парламентского режима, поскольку группе Танарата не удалось заручиться прочной поддержкой большинства депутатов.

Целое десятилетие с тех пор Таиланд управлялся с помощью открыто диктаторских методов. Принятая в январе 1959 г. конституция (текст ее см. в [308, с. 285—289]) узаконивала фактически неограниченную власть, сосредоточенную в руках Сарита Танарата. Ни о каких политических свободах в ней не говорилось ни слова. Исполнительная власть полностью находилась в руках премьер-министра. Созданное на основании ст. 6 и 7 Учредительное собрание должно было полностью назначаться королем по рекомендации правительства и вплоть до принятия постоянной конституции выполнять функции парламента. В состав 240 его членов в феврале 1959 г. вошли 181 военнослужащий и 51 гражданское лицо, из которых более 90% были государственными чиновниками [222, с. 107].

Принятие постоянной конституции в течение многих лет откладывалось. Лишь 30 марта 1961 г. Национальная ассамблея смогла собраться в качестве учредительного собрания. Но при жизни Сарита, когда свирепствовал полицейский гнет, предпосылок перехода к иному политическому порядку не было. Лишь после его смерти началась некоторая либерализация режима и стали раздаваться требования приступить, наконец, к разработке давно обещанного правительством документа, дебаты по поводу которого затянулись на три с лишним года (январь 1965-го — февраль 1968 г.) Оправдывая постоянные отсрочки, премьер-министр Таном Киттикачон утверждал 25 марта 1967 г., что после переворота 1958 г. и отмены тогдашней конституции «народ почувствовал облегчение и, видя мирную ситуацию при правительстве революционной партии, не требовал принятия новой конституции» [283, с. 45—46].

На самом же деле, как явствует из авторитетного свидетельства сторонника возвращения к парламентскому режиму вице-председателя Учредительного собрания Тави Буньякета, принятие конституции вполне намеренно и систематически саботировалось как большинством членов собрания, так и его председателем — армейским генералом. Все они стремились как можно дольше пользоваться привилегиями депутатов. Лишь после того, как умер председатель Ассамблеи и его пост занял сам Тави, разработка конституции ускорилась. Но и после этого многие члены Ассамблеи уклонялись от посещения заседаний, дабы при голосовании не было кворума, а затем стали требовать тайного голосования с тем, чтобы отвергнуть проект и продлить свои полномочия. Хотя конституция была в конце концов одобрена, в канцелярии премьер-министра она пролежала три месяца вместо положенных полутора, прежде чем ее представили на подпись королю [252, с. 137—140] Важнейшим фактором, ускорившим ее вступление

в силу, была, по свидетельству тайской печати, намечавшаяся тогда поездка Танома в США [87, 29. XII. 1967]. Отсутствие постоянной конституции у Таиланда, верного американского союзника, не вполне устраивало правящие круги США, активизировавшие тогда вмешательство в дела Индокитая под предлогом «защиты демократии».

Но даже будучи вынужденной пойти в 1968 г. на создание парламентского фасада, правящая группировка Танома—Прапата сделала все возможное для сохранения контроля над правительством в своих руках. По конституции (текст ее см. [32]) верхняя палата парламента — сенат — составляла $^3/_4$ членов нижней, но в отличие от последней не избиралась, а назначалась королем по рекомендации правительства. Право выносить на обсуждение финансовые вопросы оставлялось за правительством (ст. 117), причем король получил право вето. Все важнейшие вопросы должны были рассматриваться на совместном заседании палат, что давало преимущество сенату. Была ограничена и возможность для парламентариев выносить вотум недоверия правительству: для вынесения подобного предложения на обсуждение требовалась инициатива не менее $^1/_5$ членов обеих палат (ст. 128). Само же правительство назначалось королем из людей, не являвшихся ни депутатами, ни сенаторами. Парламент (ст. 141) заодно лишался и полномочий выносить вотум недоверия никем не избиравшемуся правительству по заявлению о его общей политике. По поводу запрещения парламентариям быть министрами лидер ведущей оппозиционной партии демократов Сени Прамот в своих мемуарах отмечает, что это положение делало «бессмысленной любую дискуссию о содержании демократии в Таиланде» (цит. по [252, с. 182]).

Как показали, однако, последующие события, правящая клика не зря опасалась непокорности депутатов. Противоречия внутри самого правительства и разногласия лидеров режима с их собственной партией в период существования демократического фасада диктатуры (1968—1971) достигли значительной остроты.

С самого начала внутри созданной правительством Объединенной партии тайского народа развернулась острая фракционная борьба за право выдвижения кандидатов в депутаты. Каждая фракция хотела выдвинуть своих представителей. Большинство делегатов первого партийного съезда, поддерживавшее Танома Киттикачона, высказывалось за то, чтобы выдвинуть от ОПТН кандидатами в депутаты не старых парламентариев из правительственных партий 50-х годов, а новых людей, не имеющих самостоятельного политического веса, зависимых от правительства и строго подчиняющихся партийной дисциплине. Их противники, среди которых было много старых парламентариев, пользовались поддержкой второго по значению лица в правительстве, заместителя премьер-министра и министра внутренних дел фельдмаршала Прапата Чарусатьена, а также сочувствием большинства военных. Чарусатьен, как полагают иностранные обозреватели, был больше заинтересован в

лояльности будущих депутатов не к партии и правительству, а к нему лично.

В конце концов из выдвинутых 219 правительственных кандидатов около 40 человек в 50-е годы были депутатами от правительственной группировки. Ввиду того, что такие лица оказались на съезде в меньшинстве, многие из них выдвинули свои кандидатуры в качестве «независимых». Однако многие из этих «независимых» при поддержке Прапата Чарусатьена фактически выступали в качестве неофициальных кандидатов ОПТН. Как выяснилось в дальнейшем, основным критерием для выдвижения кандидатов было прежде всего личное богатство, парламентская карьера в прошлом, влияние в своей провинции и хорошие отношения с партийными лидерами в центре: так, в провинции Чиенгмай все шесть кандидатов ОПТН были весьма состоятельными людьми, а трое из них заседали в парламентах 50-х годов [247, с. 245—246]. В целях привлечения избирателей правительство пообещало каждому округу, пославшему в парламент кандидатов ОПТН, выдать 300 тыс. батов на местные нужды. Кроме того, каждый кандидат правительственной партии получил от властей на нужды избирательной кампании от 5 тыс. до 100 тыс. батов — в зависимости от своего влияния в верхах.

Кандидаты от оппозиционной Демократической партии, не получавшие правительственных дотаций, могли полагаться только на свои личные средства, поэтому, естественно, были весьма богатыми и имели значительные связи в элите. Остальные партии — либеральная Партия демократического фронта, Объединенный экономический фронт (социалисты), Народная партия — вообще не имели общенациональной организации и выдвигали кандидатов лишь в тех районах, где рассчитывали одержать победу. Результатом этого, а также скудости средств в распоряжении мелких партий явилось их поражение на выборах: из 219 мест все эти партии получили лишь 15 мандатов, а остальные места достались ОПТН, демократам и независимым. Демократам досталось 57 мест, в том числе 21 мандат от столичных округов, где они одержали внушительную победу над правительственными кандидатами, ОПТН завоевала 75 мест независимые — 72, Партия демократического фронта — 7, социалисты — 4, Народная партия — 2 и прочие — 2 места [247, с. 250—252].

Как и следовало ожидать, большинство депутатов вновь избранного парламента принадлежало к верхушке общества. Из 219 парламентариев 68 депутатов были членами предыдущих парламентов, 71 человек имели университетское образование, 91 депутат по роду занятий были бизнесменами, 44 — юристами, 27 — правительственными чиновниками, 8 — фермерами [247, с. 256]. Особо показательно здесь наличие большой группы предпринимателей, что указывает не столько на военно-бюрократическое, сколько на чисто буржуазное происхождение значительного числа парламентских деятелей. Это в определенной мере противопоставляло их ядру правящей элиты. Основное противоречие между депутатами

парламента и бюрократической олигархией заключалось в том, что главным оплотом влияния парламентариев на политической арене была провинция, а не центральный аппарат исполнительной власти. Как отмечает Д. Вильсон, парламент в Таиланде, по существу, институт «провинциальных политиков», готовых вместе «защищать свои общие интересы, даже если они разделены на группы и политические партии» [309, с. 106].

Несмотря на политическую отсталость избирателей, аморфность политических партий и зависимость их существования от воли военно-бюрократической элиты, само наличие партийно-представительных институтов отражало постепенную капиталистическую трансформацию таиландского общества и все присущие ей противоречия. В частности, это были противоречия между крупной столичной бюрократической буржуазией и народившейся и до какого-то времени политически слабой провинциальной буржуазией, стремившейся использовать парламент для усиления своего влияния на центральную власть. В этих условиях для успеха попыток господствующего бюрократического капитала расширить свою базу путем включения в правительственную партию представителей других групп буржуазии необходимы были уступки ее интересам, выделение для удовлетворения ее нужд государственных средств, проведение различных реформ. Такой должна была быть плата столичной военно-бюрократической верхушки за политическую поддержку, а в ней правящая группировка на рубеже 60—70-х годов все более и более нуждалась в результате изменения ситуации в Индокитае в ходе сопротивления американской агрессии и вызванного десятилетиями предыдущего развития нарастания классовых антагонизмов в тайском обществе.

Однако в течение двухлетнего периода привлечения парламента к управлению страной (1969—1971) правительству так и не удалось наладить сотрудничество не только с Национальной ассамблеей в целом, но даже со своей собственной партией. Как сообщала уже спустя три месяца после выборов местная печать, большинство депутатов от ОПТН чувствовали себя обманутыми их лидерами, поскольку к их голосу не прислушивались при формировании нового кабинета, который, в свою очередь, уделял мало внимания вносившимся проправительственными депутатами законопроектам [87, 20.V. 1969]. Особое раздражение вызвало у парламентариев нежелание исполнительной власти выделить средства на удовлетворение насущных потребностей районов, от которых были избраны кандидаты ОПТН, что явно компрометировало их в глазах избирателей. Последних, как уже упоминалось выше, в дни выборов было обещано должным образом вознаградить за поддержку ОПТН. Теперь же депутаты начали испытывать беспокойство по поводу того, как отнесутся к ним избиратели их округов при следующей баллотировке.

Наличие большого брожения среди депутатов явствует, в частности, из интервью, взятых в августе 1969 г. студентами университета Тхаммасат у 129 депутатов (59% членов парламента).

Большинство опрошенных высказались за расширение прав палаты представителей: 95% заявили, что «могущественный, избранный народом законодательный орган является единственной защитой, которую имеет нация против диктатуры», 83% депутатов утверждали, что парламенту «должно принадлежать последнее слово по всем вопросам правительственной политики», 71% парламентариев не соглашались с ходячим утверждением правительства о том, что права Ассамблеи должны быть ограниченны, «пока народ Таиланда не приобретет большего опыта в демократии», наконец, 75% признали, что парламент при существующих условиях фактически не обладает реальной властью, и никто не сказал, что ее у него слишком много [241, с. 311].

При рассмотрении очередного бюджета осенью 1971 г. противоборство между правительством и его собственной партией достигло предела. Парламентарии, как и раньше, стали настаивать на выделении 320 млн. батов (16 млн. долл.) на местные нужды представляемых ими районов. Несмотря на то что эта сумма, составлявшая чуть больше 1% бюджетных ассигнований, не была значительной, правительство им отказало [241, с. 311], поскольку такие влиятельные фигуры в кабинете, как Прапат Чарусатьен, вообще были против того, чтобы считаться со строптивыми депутатами, и уже давно мечтали о возвращении к привычным диктаторским методам управления.

В дальнейшем существовании Национальной ассамблеи они увидели угрозу своему господству и опасность наступления серьезных перемен. 17 ноября 1971 г. парламент был внезапно распущен, конституция отменена, а правительство преобразовано в так называемый Национальный исполнительный совет, почти сплошь состоявший из ведущих военных деятелей. Парламент, как и в прежние времена, был обвинен в создании угрозы национальной безопасности и препятствовании проведению необходимых реформ. Но вскоре после переворота его лидер Таном Киттикачон признал, что, по сути дела, единственной причиной разгона парламента «было слишком большое вмешательство в дела правительства со стороны представителей всех партий» [111, 20.XI. 1971]. Авторитетный же американский журнал прокомментировал события осени 1971 г. в Таиланде следующим образом: «Переворот был задуман для того, чтобы создать видимость изменений и решить проблемы, вставшие не столько перед страной, сколько перед самими Таномом и Прапатом» [93а, 1973, т. 51, № 2, с. 336]. Их расчет, однако, не оправдался.

Глава VI

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В ТАИЛАНДЕ 70-Х ГОДОВ

Свержение военно-диктаторского режима

Вопреки прогнозам некоторых западных обозревателей, полагавших, что в 70-е годы Таиланд, как и в предыдущее десятилетие, вновь надолго вернется к обычным, «спокойным» временам ничем не ограниченной военной диктатуры, ликвидация куцей парламентской демократии осенью 1971 г. послужила прологом к исключительно насыщенному событиями периоду его истории. В 70-е годы в королевстве действовали три постоянные и три временные конституции, сменилось шесть премьер-министров и с десяток кабинетов министров, произошло три государственных переворота и народное восстание в Бангкоке в октябре 1973 г. И все это развертывалось в условиях коренных перемен политической обстановки в Юго-Восточной Азии, ухудшения экономического положения Таиланда, усиления социальных контрастов и невиданного в таиландском обществе подъема политической активности масс и обострения классовых противоречий.

Поражение американской агрессии против народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, заключение в 1973 г. Парижских соглашений о восстановлении мира в Индокитае и окончательная победа индокитайской революции весной 1975 г. радикально изменили соотношение сил в Юго-Восточной Азии, привели к образованию у восточных границ Таиланда трех новых революционных государств, активизировали во всех странах региона выступления за глубокие демократические социальные преобразования. В новой ситуации окончательно выявилось банкротство реакционного внешнеполитического курса правителей Бангкока — верных союзников американского империализма в ходе войны в Индокитае. По воле правящей группы 50 тыс. американских военнослужащих и 750 боевых самолетов США находились на таиландских базах, откуда и осуществлялось до 80% налетов на территорию Вьетнама, Лаоса и Кампучии [83, 11.IV. 1976]. Тысячи таиландских солдат и офицеров приняли непосредственное участие в военных действиях против патриотических вооруженных сил этих стран.

Признание правительством США, сильнейшей империалистической державы современности, своей неспособности остановить победоносное шествие революционных событий в Индокитае, развал агрессивного военного блока СЕАТО, усиление нейтралистских и антиимпериалистических настроений в странах — членах АСЕАН[1] — все это самым решительным образом диктовало необходимость пересмотра односторонней проамериканской ориентации правящей группы Киттикачона Чарусатьена и отстранения от власти людей, столь тесно связавших себя с потерпевшей крах авантюрой американского империализма. В этих обстоятельствах даже такой

деятель, как министр иностранных дел Таиланда в 1959—1971 гг. Танат Коман, становится в оппозицию к правящей группе, выступает против планов прямого военного вмешательства Таиланда в Кампучии [219, с. 31—32], а позднее открыто разоблачает политику правительства и присоединяется весной 1973 г. к требованию общественности вывести из Таиланда все американские войска [91, 28.V. 1973, с. 15].

Но постепенное свертывание американских военных операций в Индокитае имело своим следствием конец искусственно вызванного экономического бума, когда страна наводнялась долларами, оставляемыми сотнями тысяч американцев, приезжавших сюда отдохнуть и поразвлечься из охваченного огнем Южного Вьетнама. Всего с 1966 по 1971 г. США израсходовали в Таиланде 1974 млн. долл., что равнялось всем резервным запасам валюты королевства [91, 4.II. 1977, с. 15]. Постепенный вывод американских войск уменьшил валютные поступления в таиландскую экономику на сумму, равную 15% всей ее экспортной выручки, 50 тыс. таиландцев, ранее занятых обслуживанием американцев, оказались без работы [219, с. 32].

Эти трудности были усугублены общим кризисом, охватившим в первой половине 70-х годов мировое капиталистическое хозяйство, к которому был тесно привязан Таиланд. Падение курса американского доллара, рост цен на промышленные товары и нефтепродукты сильно нарушили внешнеторговый баланс страны. В государстве с темпами экономического роста гораздо более высокими (6,6% в год в 1951—1969 гг.), чем средние показатели по Азии отличавшемся одним из самых низких уровней инфляции в мире [221, с. 221], началось снижение производства и усилились инфляционные процессы. В 1971 г. прирост валового национального продукта сократился до 2,8% по сравнению с 11,8% во второй половине 60-х годов. Инфляция составила 15% в 1973 г. и поднялась до 24% в 1974 г. Из-за неблагоприятных погодных условий и низкой производительности труда в сельском хозяйстве в 1972/73 г. на 12% сократилось производство основного продукта питания населения и главной экспортной культуры — риса. Цены на него на внутреннем рынке поднялись в 2 раза [249, с. 1100].

Сокращение сельскохозяйственного производства находилось в прямой связи с глубокими переменами, которые произошли в последнее десятилетие в аграрном строе тайской деревни. К началу 70-х годов там практически оказался исчерпанным фонд свободных нераспаханных земель. При одном из самых высоких в мире темпов прироста населения (до 3% в год), когда оно удваивалось за одно поколение, площадь обрабатываемой земли увеличивалась в Таиланде лишь на 1% в год[2] и усиливался процесс обезземеления мелких производителей. Средний размер их хозяйств по стране в целом сократился с 25 раев в 1950 г до 15,8 рая в 1970 г [249, с. 1100]. В первой половине 60-х годов на центральной равнине рисовой житнице Таиланда — не менее 60% крестьян лишились какой-то

части своей земли, а 27% вообще не имели ее [99, май 1975, с. 8]. Приблизительно за тот же период здесь 70—80% крестьян превратились в арендаторов, а на севере площадь крестьянского надела, которая уже и так была на 20% меньше средней по королевству, сократилась наполовину [98, 13.XI. 1976].

Всего по стране к 1976 г. земельный голод ощущало около половины из 36 млн. сельских жителей, подвергавшихся грабежу со стороны деревенских эксплуататоров. Ставка арендной платы, ограниченная по закону 50%, нередко достигала 75% стоимости урожая. При этом лишь один из каждых пяти крестьян мог предъявить документ, удостоверяющий его право на владение землей. Для того чтобы получить такие документы от властей, крестьяне вынуждены были платить им большие деньги в условиях, когда годовой доход многих семей не превышал 4 тыс. батов (200 долл.) и был ниже доходов городских жителей примерно в 5 раз [98, 13.XI. 1976].

Должники часто бывали вынуждены отдавать под залог свои документы на землю. При этом общая сумма крестьянской задолженности, по сообщению газеты «Бангкок пост» от 15 мая 1974 г., составляла около 16 млрд. батов (800 млн. долл.). Все меры, принятые правительством в 60-х годах по подъему сельскохозяйственного производства (строительство плотин и дорог, применение удобрений), в конечном счете оказались выгодными лишь крупным землевладельцам, повышавшим арендную плату, что ускоряло скупку ими земли у несостоятельных должников.

Массовое обезземеление в деревне приводило к значительному оттоку рабочей силы в город, пополняло армию безработных, число которых к 1976 г. достигло 1200 тыс. [83, 1.VIII. 1976]. При этом в ряды безработных вливались не только разорившиеся крестьяне, но и многочисленные выпускники высших учебных заведений. Если в 1961 г. в 5 университетах страны насчитывалось около 15 тыс. студентов, которые в дальнейшем с трудом устроились на работу в государственный аппарат, то в 1972 г. в 17 университетах уже насчитывалось более 100 тыс. учащихся, в том числе до 50 тыс. в вечернем Рамкамхаэнгском университете [249, с. 1101], поступить в который можно было без экзаменов. Однако треть окончивших вузы оказалась в 1973 г. нетрудоустроенной [87, 19.VII. 1975]. Сам по себе непрерывный рост количества учащихся объяснялся стремлением все большего числа молодых людей добиться в будущем престижного статуса «белого воротничка» в таиландском обществе, в котором, по словам еженедельника «Фар Истерн экономик ревью», «ученая степень требуется даже для занятия низшей канцелярской должности» и где «на долю юноши, не сумевшего поступить в университет, остается лишь неквалифицированная работа, если он только сможет ее получить» [91, 13.VIII. 1973, с 13]. Но невозможность для большинства учащихся достижения этой цели в новых условиях имела своим следствием рост недовольства образованной молодежи несправедливостью существующих в стране политических и социальных порядков, пробуждение ее политического самосознания.

В 70-е годы стали вызревать предпосылки и для развития в стране рабочего движения. Численность таиландского пролетариата к этому времени превысила 1 млн., причем он отличался высокой степенью концентрации, так как 80% промышленных предприятий страны находилось в Бангкоке. Поскольку при диктаторском режиме объединение рабочих в профсоюзы и проведение забастовок были официально запрещены и отсутствовала система социального обеспечения, у пролетариев были все основания чувствовать себя париями в обществе где минимум зарплаты был ниже 25 батов в день и доходил до 15, тогда как порция риса в столовой стоила 5 батов.

Повышение стоимости жизни, только в 1965—1971 гг возросшей на 17% (цены на продукты питания увеличились на 25%), создавало все большие трудности и для многочисленных государственных служащих. Так, 2/3 заработка полицейского, составлявшего 850 батов в месяц, уходило на покупку риса для семьи, состоявшей в среднем из 6 человек. В конце концов в условиях инфляции это толкало к коррупции не только мелких клерков и полицейских, но и более высокопоставленных чиновников, стремившихся сохранить приличествующий их рангу уровень жизни, необходимый, кстати сказать, и для их дальнейшего служебного продвижения [98, 13.XI. 1976]. Как стало известно из опубликованного в 1977 г. доклада специального правительственного комитета по борьбе с коррупцией, два года расследовавшего 1586 дел о продажности в гражданской администрации, 504 высокопоставленных должностных лица незаконно присвоили свыше 1,5 млн. долл. [83, 11.IX. 1977].

Концентрированным выражением кризисной обстановки, сложившейся в стране в первой половине 70-х годов, стал неуклонный рост повстанческого движения в самых бедных, населенных национальными меньшинствами северо-восточных, северных и южных районах страны[3]. Начиная с 1965 г., когда возникли первые очаги вооруженной борьбы, число повстанцев увеличивалось в среднем на 10% в год [249 с. 1100] При этом правительство Киттикачона оказалось не в состоянии приостановить развитие партизанского движения. В ходе проводившихся им операций воочию вскрылся низкий уровень боеспособности тайских вооруженных сил, порожденный всем порочным характером их организации и теми функциями, которые они до сих пор выполняли в политической жизни страны. В этом отношении показательны результаты действий против повстанцев 1-й армейской дивизии в феврале 1972 г. На эту операцию было израсходовано около 3,5 млн. долл., а ее итогом были потери в войсках (по разным данным — от 50 до 600 человек) и ни одного убитого повстанца [85, 1973, т. 13, № 2, с. 332].

Подобные неутешительные итоги несомненно подрывали престиж правящей военной группы и армии в целом, они же содействовали активизации оппозиции правительству со стороны более молодых хорошо профессионально подготовленных офи-

церов, не занимавших высших военных и политических постов и не связанных с бизнесом, так называемых младотурков — выходцев главным образом из мелкобуржуазной среды. Их настроения влияли и на некоторых представителей генералитета. Все это вело к назреванию раскола внутри армейской верхушки и постепенно лишало правительство Киттикачона—Чарусатьена его главной опоры — армии. Недовольство режимом охватывало также влиятельные круги в правящей элите. Так, в частности, открыто проявил свою оппозицию перевороту 1971 г. королевский двор, не выступивший, как прежде, с прокламацией, одобряющей его. Из правительства ушла такая видная фигура, как Танат Коман, из-за разногласий с Чарусатьеном лишился своего поста начальник полиции генерал Прасет Ручиравонг. С резкой критикой диктатуры выступил уехавший из страны виднейший тайский экономист Пуэй Унгпакорн (его открытое письмо см. [141, с. 211—213]). Трое депутатов разогнанного парламента в феврале 1972 г. открыто обвинили клику Киттикачона в узурпации власти, за что они были приговорены без суда к заключению на срок от 7 до 10 лет.

Перед лицом обострявшегося день ото дня политического и экономического положения клика Киттикачона не смогла предпринять никаких реальных шагов для исправления создавшейся ситуации. Подводя итоги деятельности Национального исполнительного совета за 1972 г., один из американских обозревателей констатировал: «Почти все, что сделала так называемая новая администрация, это — издала ряд законов, ограничивающих часы продажи спиртных напитков, и приказала ночным клубам и массажным кабинетам закрываться к полуночи» [93а, 1973, № 2, с. 336]. В конце 1972 г. произошла реорганизация ряда министерств, не ликвидировавшая, однако, по свидетельствам западных наблюдателей, характерного для тайской бюрократической структуры дублирования их функций. В целях укрепления своей власти правительство усилило контроль над судебными органами со стороны министерства юстиции. Эта мера была связана с тем, что в судебной системе было много противников правительства. Наконец, ему потребовалось 13 месяцев, чтобы 15 декабря 1972 г. провозгласить очередную временную конституцию, напоминавшую во многом антидемократическую конституцию 1959 г. В назначенной затем Национальной ассамблее из 299 членов более 200 были военнослужащие, в том числе 134 представителя армии, 30 — флота, 32 — ВВС и 13 — полиции [85, 1973, № 2, с. 162—163].

В сформированный 19 декабря 1972 г. вместо Национального исполнительного совета кабинет вошли 28 министров и их заместителей, 6 из них были высшими армейскими чинами и по 2 поста получили представители полиции, флота и ВВС. Таном Киттикачон, не найдя подходящей замены Коману, вынужден был взять на себя не только исполнение обязанностей министра обороны, но и руководство ведомством иностранных дел. В правительство не вошел фактический творец экономической политики в 60-е годы

Пот Сарасин, но зато появилось 13 новых членов [101, 20.XII. 1972].

В целом состав этого кабинета отражал кризис, переживавшийся правящей верхушкой,— Киттикачон и Чарусатьен все больше затруднялись найти в своем окружении людей, на которых они могли бы опереться. Этим и объясняется стремительное возвышение после 1971 г. к должностям директора управления национальной безопасности и руководителя комиссии по борьбе с коррупцией полковника Наронга Киттикачона, бывшего сыном Танома и зятем Прапата. Став, по существу, третьим человеком в Таиланде, честолюбивый отпрыск его долголетних правителей своим вмешательством в различные сферы администрации вызвал негодование у многих членов правящей элиты. В 1972—1973 гг. в печать просачивались также слухи о намерении Наронга с помощью связанных с ним некоторых офицеров бангкокского гарнизона упразднить монархию и по примеру кампучийского узурпатора Лон Нола стать первым президентом Таиланда.

Королевству, однако, не было суждено превратиться в подобие печальной памяти «Кхмерской республики». Вместо этого в 1973 г. в стране поднялась мощная волна оппозиционного движения, авангардной силой которого оказалась учащаяся молодежь, объединенная в Национальный студенческий центр (подробнее см. [141]). Его первые демонстрации были направлены против увеличившегося засилья иностранного капитала (в 1972 г. в стране действовали 1653 иностранные компании). Под давлением студенческих выступлений правительству пришлось в феврале 1973 г. закрыть для иностранцев 58 видов деятельности [83, 6.II. 1973]. Позже студенческое движение приобретает ярко выраженную политическую направленность, выдвигает требования установления парламентского режима и пересмотра одностороннего проамериканского курса внешней политики страны. Характеризуя социально-политические устремления учащихся, корреспондент одной американской газеты отмечал, что «среди них, по всей вероятности, гораздо меньше... радикально настроенных левых, чем в аналогичных группах в других странах. Тем не менее, по таиландским критериям, большинство из них несомненно стоит левее центра» [105, 16.VI. 1973].

Политическая активизация учащихся, не наблюдавшаяся в предыдущие годы, была вызвана не только потерей ими перспективы найти применение своим знаниям при катастрофическом уровне безработицы, но и значительной демократизацией социального состава студентов. Именно поэтому в 70-е годы впервые за свою историю тайская интеллигенция превратилась в социальную группу, способную сформулировать и выразить настроения не только узкого привилегированного меньшинства, но и основных классов современного Таиланда. Важный аспект оппозиционного движения в 1973 г. заключался также в том, что существенный вклад в него внесли выступления пролетариата: несмотря на запрет стачек и профсоюзов, за первые 9 месяцев 1973 г. было зарегистрировано 128 забастовок (по сравнению с 55 забастовками за весь предыду-

щий год). В них участвовало свыше 30 тыс. рабочих и служащих [82, 1973, № 37, с. 12].

Таким образом, в стране происходило постепенное вызревание всех основных элементов революционной ситуации: кризис «верхов», обострение бедствий угнетенных классов, «значительное повышение активности масс... в „мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими „верхами"*, к самостоятельному историческому выступлению» [12, с. 218].

Напряжение разрешилось осенью 1973 г., когда в октябре по обвинению в опасном антиправительственном заговоре были арестованы 11 активистов организации «Движение за конституцию». Вслед за тем был задержан один бывший член парламента. Аресты вызвали бурю протестов. В Бангкоке начались мощные демонстрации, в которых 13 и 14 октября участвовало около 400 тыс. человек. Демонстранты настаивали на освобождении арестованных и окончании разработки постоянной конституции в декабре 1973 г., а не к октябрю 1974 г., как о том объявило правительство. Вопреки мнению короля и старших армейских офицеров правительство бросило против демонстрантов полицию. В ходе столкновений погибли 72 человека, сотни людей были ранены.

Массовые демонстрации, однако, не прекращались, и 14 октября 1973 г. правительство Танома Киттикачона пало. Было сформировано временное правительство во главе с близким королю деятелем, бывшим председателем Верховного суда Сания Таммасаком, пообещавшим в течение шести месяцев разработать новую конституцию и провести выборы. Таному, Прапату и Наронгу, «трем драконам», или «трио», как их стали называть в Таиланде, пришлось в спешном порядке покинуть страну. Первый из них отправился в США, а двое остальных обосновались у своих старых друзей в Тайбэе (Тайвань). В кабинет Таммасака вошли только девять военных (три министра и шесть заместителей). Вскоре же было объявлено, что в будущем военные, находящиеся на действительной службе, лишатся возможности занимать министерские и политические должности [101, 20.X.1973].

Таким образом, тайские генералы, столь долго державшие в своих руках бразды правления, стали постепенно покидать политическую арену. В обстановке, когда открытая милитаристская диктатура окончательно дискредитировала себя в глазах широких кругов общественности, верхушка армии предпочла отойти в тень и передать управление консервативным гражданским деятелям. Несомненно, что в этом сказалось уже давно назревавшее недовольство значительных групп офицерства политическими и финансовыми аферами правящей группы и его стремление сосредоточить внимание на решении чисто военных задач борьбы против повстанцев. Выразителем этих настроений стал искусный политик и дипломат в армейском мундире генерал Крит Сивара, сменивший 30 октября 1973 г. Прапата Чарусатьена на посту главнокомандующего сухопутными войсками. В самый критический момент

он отказался направить свои части против студентов, указав, что не намерен «стрелять в наших детей» [87, 16.X.1973]. Тем самым был предопределен конец правления ставшего всем ненавистным «трио»: Танома, Прапата и Наронга. Важную роль в его падении сыграл также и король Пумипон Адульядет, трезво оценивший характер происходивших событий и настоявший на отставке прежнего правительства. В результате авторитет монархии в глазах миллионов тайцев возрос, как никогда, чем и постарались воспользоваться в дальнейшем правые политические круги.

«Демократический эксперимент»:[4] расстановка политических сил

После свержения диктаторского «трио» политическая жизнь в стране активизировалась. Спустя два месяца после этих событий 195 депутатов старого парламента заявили о своей добровольной отставке, после чего назначенный королем в составе 2345 человек Национальный конгресс избрал Учредительное собрание из 299 членов [83, 29.XII.1973]. Был наложен арест на имущество «трио», и началось расследование их деятельности. Большого размаха достигли выступления рабочего класса: только за первые шесть месяцев 1974 г. произошло до 1500 забастовок, в результате которых правительство согласилось поднять минимум заработной платы [85, 1975, № 2, с. 100]. Состоялись и первые в истории страны крестьянские демонстрации: 20 тыс. крестьян целых 17 дней в ноябре 1974 г. участвовали в них, требуя проведения земельной реформы. Не прекращалась и политическая борьба учащихся. Они, в частности, протестовали против попыток возродить в новой конституции положение, фигурировавшее в предыдущих основных законах, согласно которому лишь часть депутатов парламента должна избираться народом, тогда как остальные назначаются [83, 2.III.1974]

В подобных попытках ограничить демократические права тайского народа нашла свое выражение прочность позиций, которые занимали связанные со свергнутым режимом правые политические круги. Ведь в результате демократического выступления 14 октября 1973 г. от власти было отстранено всего несколько наиболее заметных и наиболее скомпрометированных деятелей, тогда как масса их подручных продолжала сохранять свое положение в административном аппарате и пользоваться немалым политическим влиянием. Следует также учитывать, что большинство во временном правительстве и Учредительном собрании оказалось в руках консервативно настроенных монархистов. Если, по некоторым подсчетам, среди членов Национального конгресса 53% составляли так называемые новые политические элементы, т. е. представители интеллигенции и крестьянства, то в составе Учредительного собрания на их долю пришлось лишь 32%. Остальные места достались старой элите — гражданским чиновникам (39%), бизнесменам (10%) и отставным военным (12%). В собрании фактически

отсутствовали крестьяне и вообще не было представителей студентов [244, с. 579]. Все это и повлияло на ход последующих событий, и в частности на проскт новой, десятой по счету, конституции королевства.

Разработка конституции была завершена в марте 1974 г., и она была представлена Национальной ассамблее для детального обсуждения. В начале октября конституция, состоявшая из 224 статей, вступила в силу. Во многих отношениях она напоминала предыдущие конституции. «Составленная и одобренная большинством консервативных элементов тайского общества — высшими правительственными чиновниками, армейскими офицерами, бизнесменами и академической интеллигенцией,— писал о новой конституции еженедельник „Фар Истерн экономик ревью",— она предусматривает конституционную монархию и парламентскую демократию по британскому образцу с властью, прочно находящейся в руках существующей правящей элиты» [91, 3.X. 1974, с. 13]. Именно консервативным влиянием элиты объяснялись сохранение назначаемой королем верхней палаты, возможность занятия половины министерских постов нечленами парламента, т. е. представителями чиновничества, и, наконец, отказ от вынесения конституции на всенародный референдум. К числу статей конституции, имевших, несомненно, положительное значение, можно отнести статью о необходимости для членов парламента отставки с государственной службы, предоставление нижней палате права выносить вотум недоверия правительству, введение в основной закон раздела о местном самоуправлении и отмену статьи о чрезвычайных полномочиях премьер-министра. В целях борьбы с коррупцией так называемых независимых депутатов конституция предусматривала, что все депутаты нижней палаты должны принадлежать к политическим партиям (полный текст конституции см. [33]).

Фактически еще задолго до официального разрешения активизировались старые и новые политические партии. После принятия в конце октября 1974 г. закона о политических партиях началась подготовка к выборам в палату представителей, на 269 мест в которой было выставлено свыше 2 тыс. кандидатов от 42 образовавшихся в стране партий [83, 27.1. 1975]. Такая дробность, очевидно, как и в прошлом, объяснялась отсталой социально-экономической структурой, неразвитостью классового самосознания населения и слабой оформленностью самих партий, возникавших словно грибы после дождя, их верхушечным городским характером и слабой связью с массами.

Важнейшей партией либерального центра, несмотря на выделение двух мелких раскольнических группировок, по-прежнему являлась старейшая в стране политическая группировка — Демократическая партия. От нее незадолго до выборов отпочковалась Партия социального действия во главе с младшим братом лидера демократов Сени Прамота, известнейшим тайским писателем и публицистом Кыкритом Прамотом, который после октября 1973 г.

был избран спикером Учредительного собрания. Обе партии выступали в своих программах за упрочение парламентского строя, проведение назревших социальных реформ. Демократы ратовали даже за «умеренный социализм», тогда как объединившая представителей технократической буржуазной интеллигенции, вроде крупного специалиста по экономическим вопросам Бунчу Ротанасатьена, бывшего вице-президента Бангкокского банка, Партия социального действия (ПСД) имела отчетливо выраженную прагматическую ориентацию и отвергала специфически политическую идеологию. Подчеркивая необходимость скорейшего восстановления порядка и повышения эффективности административного аппарата, руководители Партии социального действия выражали стремление сотрудничать с частным капиталом и обещали не задевать его интересов в случае повышения заработной платы трудящихся. Ярко выраженную буржуазную природу ПСД наглядно характеризует заявление Ротанасатьена, указавшего, что все лидеры этой группировки имеют собственный частный источник дохода и потому не нуждаются в использовании политической деятельности в целях личного обогащения [87, 10.XI. 1974].

Несколько правых партий — Тайская национальная партия (ТНП), Партия социальной справедливости, Социал-националистическая и Социально-аграрная — возникли на базе Объединенной партии тайского народа, бывшей правительственной партии в 1968—1971 гг. Они концентрировали вокруг себя различные группы сторонников прежнего правительства Танома Киттикачона, представителей реакционной военной верхушки, крупной буржуазии и помещиков. Лидерами Тайской национальной партии были отставные генералы Праман Адирексан и Чатчай Чунхаван. Оба они принадлежали к видным представителям бангкокской военно-бюрократической элиты. Адирексан в 50-е годы занимал министерские посты в правительствах Пибунсонграма и считался приверженцем Пао Сианона. После прихода к власти Сарита Танарата он попал в опалу и занялся бизнесом, сделавшись агентом японских вкладчиков капитала. Он был членом советов директоров многих корпораций, в том числе Бангкокского банка, и занимал посты председателя федерации промышленников Таиланда и тайской текстильной ассоциации. В 70-е годы он по-прежнему сохранял тесные связи с японским капиталом [91, 10.X.1975, с. 12]. Его шурин Чатчай Чунхаван, сын организатора реакционного переворота 1947 г. Пин Чунхавана, в 60-е годы также не стремился к политической власти, он был послом в европейских и латиноамериканских странах, а в декабре 1972 г. вошел в состав правительства Танома Киттикачона в качестве заместителя министра иностранных дел [101, 20.XII. 1972].

Добивавшаяся прежде всего установления твердого порядка в стране в целях защиты собственности, обеспечения национального единства и безопасности, Тайская национальная партия считалась самой правой политической группировкой, теснее всего связанной с реакционным крылом военщины в годы демократического режима.

Она была едва ли не самой богатой партией: обеспечивала своих кандидатов как минимум 2,5 тыс. долл. на ведение предвыборной кампании, занималась также скупкой голосов у кандидатов соперничающих с ней группировок [85, 1976, т. 16, № 2, с. 161]. В наибольшей степени включившая в свой состав членов бывшей ОПТН, Партия социальной справедливости возглавлялась транспортным магнатом Чуласапом, нажившим состояние на поставках во Вьетнам. Еще одна правая партия — Социал-националистическая — считалась прямым наследником фракции Прапата в ОПТН. Ее лидером был банкир китайского происхождения и бывший министр торговли Прасит Кончанават. Эта партия выражала прежде всего интересы местного китайского крупного капитала. Сувет Пиумпонгсарн, в прошлом министр финансов и депутат парламента, возглавлял правоцентристскую Социально-аграрную партию, выступавшую за реформы в сельском хозяйстве, исходя из принципа «земля — земледельцу» и развития кооперации.

Среди партий, стоявших левее центра, следует выделить «Новую силу», объединяющую более молодое, чем демократы, поколение либеральной интеллигенции. Ее неофициальным лидером слыл крупнейший тайский экономист Пуэй Унгпакорн, отказавшийся, однако, от активного участия в политической деятельности. «Новая сила» высказывалась за построение «социализма в соответствии с условиями Таиланда», выступала против всех видов агрессии, категорически отвергала насильственные методы борьбы за власть, заявляла о своей поддержке молодежного движения и монархии [87, 31.III. 1976]. У левонастроенных студентов Бангкока пользовалась поддержкой Социалистическая партия во главе с университетским преподавателем, известным социологом Бунсанонгом Пуниотаяном и полковником Сомкидом Сисангкомом. Она и другие левые мелкобуржуазные группировки выступали за радикальную земельную реформу, кооперацию, национализацию частных банков, плановое ведение хозяйства, развитие народного образования, предоставление массам самых широких политических прав и расширение полномочий местных органов власти [87, 31.III. 1976]. Социалисты высказывались также за расширение связей с социалистическими странами. Как показали, однако, итоги состоявшихся 26 января 1975 г. парламентских выборов, по своему влиянию левые группировки значительно уступали центристским и правым силам.

В результате выборов 1975 г. 22 партиям удалось получить места в парламенте, но при этом ни одна из них не смогла завоевать абсолютное большинство голосов. На первое место вышла, как и ожидалось, Демократическая партия, имевшая, однако, в палате представителей лишь 72 мандата из 269. Хотя демократы получили от Бангкока 23 места из 26, фактически по сравнению с выборами 1969 г. им не удалось улучшить своих позиций. Но в целом представительство всех умеренно-либеральных буржуазных группировок, по некоторым подсчетам, возросло в парламенте с 25% в 1969 г. до 35 в 1975 г., тогда как доля правых партий, выражавших интересы

военно-бюрократической буржуазии, упала с 67,5 до 40,1%. Социалистические партии и группы получили 9,5% парламентских мандатов, что при пропорциональной системе выборов свидетельствовало о сохранении ими устойчивой массовой базы среди крестьянства беднейших в стране северо-восточных провинций и об относительной узости их влияния в других районах страны, сельское население которых своим голосованием, как и в прежние времена, провело в Национальную ассамблею правых депутатов.

В этой связи показательна низкая активность населения в ходе первых относительно свободных выборов в Таиланде. В них участвовало всего 47% избирателей (на 2% меньше, чем в 1969 г., что, очевидно, объясняется меньшим давлением местной администрации, ранее принуждавшей народ голосовать за правительственную партию). В Бангкоке же голосовало только 33,65%. Причины такой апатии масс проясняют результаты опросов общественного мнения: 84% опрошенных заявили, что считают кандидатов людьми, которые, добиваясь избрания, преследуют лишь свои узкокорыстные цели; 78,19% сказали, что вообще не верят тому, что обещают кандидаты; 69,36% причиной массовой политической пассивности назвали обилие политических партий; 14% избирателей вообще не знало, зачем нужно избирать парламент, 12,54% не видело в выборах никакой пользы [87, 31.III. 1976].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что унаследованная от прошлого традиция пассивно воспринимать политические события и рассматривать политику как дело, касающееся исключительно элиты, еще очень живуча в сознании народа. Однако большинство опрошенных высказало свое глубокое разочарование деятельностью парламентов и политических партий в стране и, не видя выхода из этого положения, таким образом косвенно выразило свой протест против всей системы политического господства эксплуататорских классов. И в этом отношении показателен довольно низкий процент тех избирателей, которые, очевидно, по причине неграмотности и полной забитости вообще не знали, зачем нужны выборы.

Деятельность избранного в 1975 г. парламента во многом подтвердила эти пессимистические взгляды рядовых тайских граждан. Большинство его членов представляло интересы привилегированного меньшинства населения и само принадлежало к нему. Это показывают сведения об образовательном уровне депутатов. В 1975 г. он был выше, чем в парламентах предыдущих созывов; 6 парламентариев имели докторские степени, 21 — степени магистров, 98 были бакалаврами, 27 обладали другими дипломами высшей школы, 33 окончили полную среднюю школу или профессионально-технические училища, 9 были с неполным средним образованием, 14 — с начальным и 2 умели только читать и писать [87, 31.III. 1976]. Поскольку в Таиланде, как уже отмечалось, высшее образование доступно, как правило, лишь представителям верхушечных слоев населения, то рабочих и крестьян среди депутатов было совсем мало.

Как и ожидалось, после объявления результатов выборов противоречия в лагере буржуазных партий затруднили формирование устойчивого правительства. Попытка лидера демократов Сени Прамота создать в феврале 1975 г. кабинет из представителей центристских партий закончилась неудачей. В марте на смену ему пришла семипартийная правоцентристская коалиция, возглавленная братом Сени — Кыкритом, в которой многие ключевые посты достались Тайской национальной партии, Партии социальной справедливости и Социал-националистической. Несмотря на это, кабинет Кыкрита попытался в какой-то степени удовлетворить нужды крестьянских масс, выделив на развитие сельских районов 2,5 млрд. батов (125 млн. долл.). Он высказался за вывод к 20 марта 1976 г. всех американских войск и за налаживание нормальных отношений с новыми властями Вьетнама, Лаоса и Кампучии, чему всячески препятствовали империалистические круги и местная реакция. Из-за сопротивления правых кабинет Кыкрита Прамота не отменил так называемый Антикоммунистический закон; принятый еще во времена диктатуры.

Правительство Кыкрита Прамота продержалось у власти около года. Составленное из представителей множества буржуазных политических группировок, оно постоянно оказывалось ареной соперничества их лидеров в борьбе за власть. Это, в свою очередь, затрудняло претворение в жизнь конструктивных аспектов правительственной программы. Осенью 1975 г. противоречия внутри правительственной коалиции едва не привели к падению кабинета. Министр обороны и лидер ТНП Праман Адирексан, воспользовавшись отставкой по выслуге лет верховного главнокомандующего вооруженными силами, весьма популярного в военных и гражданских кругах генерала Крита Сивары, попытался провести в армейское командование своих людей. Это вызвало резкое противодействие со стороны Партии социальной справедливости. Для урегулирования возникших трений из Нью-Йорка с сессии Генеральной Ассамблеи ООН на родину был срочно вызван другой лидер ТНП, министр иностранных дел Чатчай Чунхаван. В конце концов кризис был преодолен, но ненадолго [91, 10.X. 1975, с. 11].

В декабре кабинет К. Прамота потерпел крупное фиаско: в ответ на повышение правительством цен на рис начались всеобщая забастовка и бурные студенческие демонстрации. Премьер-министру пришлось отказаться от принятого решения [281, с. 2]. Разногласия в правительстве усилились, возникла реальная возможность получения вотума недоверия в парламенте. 9 января К. Прамот попробовал укрепить позиции кабинета, введя в него представителей еще трех партий, что, в свою очередь, вызвало недовольство у других членов правящей коалиции и возмущение в рядах оппозиции. Под угрозой поражения в парламенте и образования нового правительства из представителей оппозиционных партий К. Прамот обратился к королю с просьбой о роспуске парламента. Вечером 12 января не просуществовавший и года первый демократически избран-

ный тайский парламент перестал существовать. Его роспуск был осуществлен под прямым нажимом правых сил, в том числе реакционных военных, опасавшихся, что в ином случае к власти может прийти коалиция с участием социалистических партий [281, с. 9]. А это не входило в расчеты реакции, до предела обострившей обстановку в Таиланде накануне выборов, назначенных на 4 апреля 1976 г.

Еще в ноябре 1975 г. после вооруженного столкновения на пограничной с Лаосом реке Меконг таиландские реакционеры и их империалистические покровители начали в широких масштабах раздувать в стране антикоммунистическую истерию. Под их давлением была закрыта лаосско-таиландская граница, и вплоть до лета 1976 г. фактически осуществлялась экономическая блокада не имеющей выхода к морю и поэтому зависящей от поставок товаров через таиландскую территорию Лаосской Народно-Демократической Республики. Одновременно резко активизировалась деятельность правых террористических организаций, таких, как «Навапон» и «Красные быки», руководимых людьми, тесно связанными с американским ЦРУ и реакционной военщиной. Разгул насилия принял столь широкий размах, что, по сообщениям местной печати, лишь за год (апрель 1975-го — март 1976 г.) в Таиланде было совершено 18 007 покушений и других преступных актов [83, 13.III.1976]. В течение предвыборной кампании 1976 г. более 30 кандидатов, в основном от прогрессивных партий, получили ранения, а 3 кандидата, в том числе генеральный секретарь Социалистической партии Бунсанонг Пуниотаян, были убиты. Незадолго до выборов крайне правые силы объявили о создании объединенного фронта антикоммунистических организаций и призвали к продолжению американского военного присутствия в стране. На том же настаивало и правительство США, угрожая сократить или вообще прекратить оказание Таиланду помощи, составлявшей около 70 млн. долл. в год.

В этой обстановке исполнявшее вплоть до выборов свои обязанности правительство К. Прамота заняло твердую позицию. 20 марта оно предложило в течение четырех месяцев всем военнослужащим США, за исключением 270 советников по оказанию военной помощи, покинуть Таиланд [83, 10.V.1976]. Это решение было принято в условиях массовых выступлений за скорейший вывод американских войск и усиливавшегося террора со стороны правых экстремистов.

Поэтому и всеобщие выборы 4 апреля прошли в сложной обстановке насилия и запугивания населения, отчего в них приняло участие лишь 40% избирателей — на 7% меньше, чем в 1975 г. [87, 8.IV.1976]. На 279 мест в новом парламенте претендовало 2370 кандидатов от 39 из имевшихся к тому времени в стране 56 политических партий [83, 5.IV.1976]. Перед голосованием К. Прамот призывал избирателей в целях укрепления политической стабильности отдавать голоса лишь кандидатам крупных партий, и этот призыв отчасти реализовался. В новую Национальную ассамблею удалось провести своих представителей только 18 партиям, причем 8

из них имели по одному депутату, тогда как на долю 4 крупных политических группировок приходилось 244 мандата.

Как и раньше, на первое место вышла Демократическая партия, получившая теперь 114 мест, вслед за ней шла Тайская национальная партия — 56 мест (ранее — 28). Партия социального действия серьезно увеличила свое представительство, добившись 46 депутатских мест (ранее — 18) отчасти за счет присоединения к ней перед выборами 27 депутатов прежнего парламента от других партий. Но ее лидер Кыкрит Прамот потерпел неожиданное поражение в столичном избирательном округе Дусит. Проживающие в нем представители военно-бюрократической элиты, как полагают многие обозреватели, были недовольны его твердым решением добиваться вывода американских войск, а также слишком либеральным отношением к рабочим и студенческим выступлениям.

Из других буржуазных политических группировок Партия социальной справедливости завоевала всего 28 мандатов (раньше — 45), а Социально-аграрная и Социал-националистическая партии получили соответственно 9 и 7 мест.

Атмосфера реакционного террора и антикоммунистической истерии, а также серьезный недостаток средств для финансирования предвыборной агитации привели к значительному сокращению парламентского представительства левых и левоцентристских партий. «Новая сила» завоевала только 3 депутатских места вместо 12, Социалистическая партия — 2 вместо 15, а Объединенный социалистический фронт — 1 вместо 10 [87, 7.IV.1976].

В этом помимо указанных факторов сказалась и незрелость классового самосознания масс, отсутствие прочной связи между демократическим движением в городах и крестьянством, которое во многих районах по-прежнему прислушивалось к голосу местных богачей и чиновников, подвержено влиянию религии и монархических настроений. Именно на этом и пытались сыграть правые, запугивая, например, избирателей тем, что левые хотят ликвидации монархии, как в Лаосе, в культурном и этническом отношении родственном Таиланду.

Вместе с тем итоги избирательной борьбы, принесшей убедительную победу либеральной Демократической партии и увеличение влияния Партии социального действия, продемонстрировали нежелание большинства населения возвращаться к временам военной диктатуры, его стремление к укреплению парламентского режима и проведению Таиландом независимой внешней политики. В той или иной мере эти положения фигурировали в программах всех, в том числе и правых, партий, что свидетельствовало об их приспособлении к новым настроениям масс.

Эти же принципы легли и в основу программы сформированного 17 апреля коалиционного правительства, возглавленного лидером Демократической партии Сени Прамотом. Помимо этой партии в коалицию, располагавшую 206 из 279 парламентских мандатов, вошли и три крупные правые группировки. Всего демократам досталось 19 министерских портфелей, в том числе ключевые посты минист-

ров внутренних (его занял сам премьер-министр) и иностранных дел, а после внезапной смерти 23 апреля не принадлежавшего ни к одной политической партии генерала Крита Сивары — и портфель министра обороны. Кроме того, министерские посты получили Тайская национальная партия, Партия социальной справедливости и Социал-националистическая. Из 31 члена кабинета 14 были бизнесменами и 6 — отставными генералами [83, 31.VII.1976].

Программные установки нового правительства во многом соответствовали политическому курсу предыдущего кабинета Кыкрита Прамота, партия которого образовала теперь ядро парламентской оппозиции. Как и прежде намечалось проведение аграрных реформ, борьба с дороговизной, ростом цен и коррупцией, сокращение безработицы, стабилизация экономического положения и смягчение вопиющих социальных контрастов. Результатом наличия в коалиции правых группировок было то, что программа не предусматривала радикальных социально-экономических преобразований. Аграрная реформа должна была проводиться крайне медленными темпами, и за пять лет только 500—600 тыс. крестьянских семей могли рассчитывать получить 10 млн. раев земли (в том числе 40—50 тыс. в 1977 г.). Таким образом, в 1981 г. предполагалось обеспечить наделом лишь 25% безземельных семей. Не планировалось никаких кардинальных мер по ликвидации безработицы. Критику прогрессивной общественности вызвало и правительственное предложение о широком привлечении в страну иностранного капитала [87, 27.IX.1976].

В целом правительственный курс носил характер компромисса между умеренно-либеральными и правоконсервативными элементами. Это нашло свое отражение, в частности, в отказе коалиции от предвыборного обещания Демократической партии отменить Антикоммунистический закон. Как и при предыдущем кабинете, его намеревались лишь несколько модифицировать.

В области внешней политики программа предусматривала вывод к 20 июля 1976 г. всех американских войск и нормализацию отношений со странами Индокитая. Постепенно она стала претворяться в жизнь: несмотря на давление реакции и некоторые уступки Вашингтону, американские войска вынуждены были оставить свои базы в намеченный срок. В начале августа таиландский министр иностранных дел провел конструктивные переговоры в Ханое и Вьентьяне. Однако внутриполитическая деятельность кабинета вскоре была парализована его расколом и соперничеством не только между демократами и их более консервативными партнерами, но и острой фракционной борьбой правого и левого крыла в крайне разнородной по своему социальному составу Демократической партии. Молодые, более радикально настроенные деятели этой партии выступили, в частности, за усиление правительственного контроля над 200-тысячными вооруженными силами. Это, в свою очередь, породило конфликт с армейским командованием, и без того недовольным выводом американских войск и продолжавшимися попытками Адирексана насадить в военном руководстве своих сторонников.

Наступление реакции: попытка реставрации военно-бюрократического режима

В течение трех лет, прошедших после свержения военно-диктаторского режима, генералы воздерживались от прямого вмешательства в политику, предпочитая действовать из-за кулис. Командовавший армией Крит Сивара в 1974—1975 гг. уклонялся от открытого обсуждения политических вопросов, хотя и поддерживал контакты с бывшими членами и некоторыми лидерами Объединенной партии тайского народа и других образованных в 1974 г. партий. Остальные известные в прошлом военные руководители следовали той же тактике, причем (в отличие от Крита Сивары) политическая репутация большей их части в глазах общественности оказалась подмоченной. Будучи типичным представителем военно-бюрократической элиты, не раз занимавшим министерские посты при свергнутом режиме и принимавшим участие в предпринимательской деятельности более 50 компаний, Крит Сивара в годы парламентского правления, искусно маневрируя, сумел завоевать авторитет и у гражданских политиков, и среди молодого поколения офицеров [91, 10.X. 1975, с. 12—13]. В сформированном в 1976 г. правительстве Сени Прамота ему был предоставлен пост министра обороны. Однако внезапная смерть помешала Криту Сиваре, вышедшему к тому времени в отставку 60-летнему генералу, приступить к исполнению своих новых обязанностей.

В армии Криту Сиваре удалось сплотить вокруг себя бóльшую часть офицеров. Достигнуто это было, в частности, благодаря тому, что на командные посты стали выдвигаться более молодые, профессионально хорошо подготовленные военачальники, как, например, назначенный в 1975 г. заместителем главнокомандующего генерал Криангсак Чаманан, прошедший обучение в США и продолжавший поддерживать связи с американцами. То же самое можно сказать и о ставшем в конце 1975 г. командующим первым (бангкокским) военным округом генерале Иот Тепасдине, командире 1-й гвардейской пехотной дивизии Аруне Таватасине и начальнике штаба сухопутных войск, а в 1976 г. их командующем Сем Нанаконе. Характеризуя это поколение генералов, комментатор еженедельника «Фар Истерн экономик ревью» полагал, что они не только хорошо разбираются в военных вопросах и теснее связаны с армией, чем «старая гвардия», но понимают и необходимость социальных и экономических перемен. «Возможно,— делал вывод журнал,— что они последуют примеру многих западных стран, где политическая роль военных сведена к минимуму, и что перевороты старого образца, которые так знакомы таи, могут отойти в прошлое» [91, 3.X. 1975, с. 10].

Однако этот прогноз, как показали события 1976 г., не подтвердился. Генералы, которые почувствовали угрозу интересам традиционно-бюрократической верхушки, продолжавшей господствовать и при парламентском режиме, но расколовшейся на множество соперничающих фракций и группировок, оказались перед

лицом нараставшего демократического движения. В этих условиях был подготовлен и совершен очередной военный переворот. В августе-сентябре 1976 г. при непосредственной поддержке армейского командования в Бангкок внезапно возвратились бывшие диктаторы Чарусатьен и Киттикачон. Их провокационное возвращение вызвало в стране социально-политический кризис, отставку правительства, протесты демократической общественности. Одновременно оно послужило сигналом к мобилизации всех правых элементов. 6 октября доставленные в Бангкок в большом числе из провинции правые экстремисты совершили вооруженное нападение на территорию университета Тхаммасат, студенты которого в течение нескольких дней подряд протестовали против пребывания в Таиланде свергнутого народом в 1973 г. Киттикачона. В результате кровавых столкновений 42 студента погибли и около 200 получили ранения [85, 1977, № 2, с. 127].

Воспользовавшись событиями в университете, вечером 6 октября 1976 г. военные руководители низложили правительство С. Прамота, после чего вся власть в стране перешла к составленному из 24 высших армейских офицеров Национальному совету административных реформ (НСАР). Его возглавил ушедший в отставку 1 октября с поста верховного главнокомандующего вооруженных сил адмирал Сангат Чалорью, который лишь за день до переворота был включен в качестве министра обороны в состав низвергнутого гражданского правительства. Остальные члены совета фактически представляли собой все высшее командование вооруженных сил [82, 1976, № 42, с. 7].

В стране было введено военное положение, приостановлено действие конституции 1974 г., запрещены политические партии, временно закрыты все высшие учебные заведения, начались массовые аресты и обыски. Спустя несколько дней после событий в октябре число арестованных превысило 4 тыс. Среди арестованных оказался генеральный секретарь Национального студенческого центра, ряд видных общественных деятелей, профессоров, писателей и лидеров левых политических партий [82, 1976, № 43, с. 5]. Сразу же после переворота было запрещено издание 13 газет и журналов, придерживавшихся левой ориентации. На другие издания были наложены жесткие цензурные ограничения [83, 15.II.1977].Из употребления оказались изъятыми и уничтоженными тысячи книг якобы «подрывного коммунистического» содержания. В высших учебных заведениях запрещалось преподавание «политических теорий», в том числе и учения о принципах «западной демократии». Одновременно были запрещены все студенческие организации политического характера. 18 октября декретом НСАР усиливалось действие принятого еще в 50-е годы Антикоммунистического закона. Власти получили право объявлять любой район «зоной коммунистического проникновения». Лица, подозреваемые в «коммунистической» деятельности, согласно распоряжению НСАР могли находиться под арестом без суда на срок до 540 дней [87, 13, 18, 19, 22.X.1976].

В то же время развернулась чистка нелояльных элементов в государственных учреждениях и армии. Так, 11 октября было объявлено о смещении с должности трех высших чиновников в министерстве путей сообщения, а 23 октября — постоянного заместителя министра иностранных дел, ранее выступавшего в поддержку вывода американских войск из Таиланда и за нормализацию отношений с Вьетнамом и Лаосом [87, 12, 24.X.1976]. Тогда же из армии был уволен связанный с П. Адирексаном заместитель командующего сухопутными войсками генерал Чалард Хираннасири. Другой видный военный — заместитель начальника штаба армии Витхун Ясават вынужден был отправиться в Японию на незначительный пост ответственного за обучение там тайских студентов [87, 14.X.1976].

Вместе с тем в целях консолидации своих позиций НСАР сразу же приступил к созданию новой государственной структуры страны. Спустя два дня после переворота на пост премьер-министра был назначен 49-летний юрист Танин Краивичьен. Выходец из семьи коммерсанта китайского происхождения, Краивичьен написал несколько книг антикоммунистического содержания. Он стал близок ко двору, занимая пост члена Верховного суда. Кроме того, он был политическим советником таиландской королевы Сирикит и одновременно имел связи в военных кругах. По своим политическим воззрениям Краивичьен слыл ярым антикоммунистом, что, по некоторым сведениям, обеспечило ему также место в исполкоме ультраправой организации «Навапон» [91, 5.XI.1976, с. 9]. В своем первом программном выступлении Краивичьен призвал к борьбе с «коммунистической угрозой», вместе с тем он указывал на необходимость покончить с коррупцией, угнетением народа со стороны представителей власти, нищетой, высказался за изменение системы управления [87, 9.X.1976].

22 октября 1976 г. стал известен состав нового кабинета министров и обнародована новая конституция. В правительство вошли в основном технические специалисты и гражданские чиновники, разделяющие воззрения Краивичьена. Министром иностранных дел стал бывший посол в США Упадит Патриянкун, пост министра внутренних дел достался единственному члену бывшего правительства Сени Прамота, которому позволили войти в новое правительство, лидеру крайне правого крыла Демократической партии Самак Сунтаравету Из военных в кабинет вошло пятеро: министр обороны, глава НСАР Сангат Чалорью и первый заместитель премьер-министра, вышедший в отставку главнокомандующий сухопутными войсками Бунчай Бамрунгпонг, обладавший большим влиянием среди офицерства. Остальные военные заняли посты заместителей министров. В целом, по признанию газеты «Бангкок пост», этот кабинет был «очень консервативен» и мог рассчитывать удержаться у власти всего лишь один-два года [87, 29.X.1976].

Однако, согласно сообщениям зарубежной печати, при формировании правительства Краивичьен проявил большую независи-

мость от военных лидеров: из 28 кандидатур на министерские должности, предложенных ему НСАР, он согласился лишь с одной [91, 5.XI.1976]. Тем не менее это не уменьшило роли военной верхушки в определении политического курса. После того как 22 октября объявили о передаче власти гражданским лицам, НСАР был преобразован в Консультативный совет при премьер-министре, который, по новой конституции 1976 г., был постоянно действующим органом с широкими полномочиями в области внешней политики и внутренней безопасности [83, 6.XI, 1.XII.1976].

Этот армейский орган стал одним из немногих новшеств одиннадцатой по счету таиландской конституции 1976 г., которая сильно напоминает конституции 1959 и 1972 гг., узаконявшие вплоть до 1973 г. антидемократические военные диктатуры. Состоявшая всего из 29 статей, она не содержала никаких гарантий гражданских прав и свобод, хотя и декларировала их в самом общем виде. Законодательный орган — Национальная палата административных реформ в составе не менее 300 и не более 400 членов должна была назначаться королем по рекомендации правительства сроком на 4 года. В дальнейшем, как предусматривал правительственный план введения «управляемой демократии», рассчитанный на 16 лет, парламент должен был частично избираться населением и стать полностью выборным лишь к концу этого периода. Исполнительной власти в лице премьер-министра предоставлялись широчайшие права, в том числе — издавать чрезвычайные указы в случае угрозы безопасности государства [85, 1977, т. 17, № 2, с. 129—130].

В образованную 20 ноября Палату административных реформ, где были представлены далеко не все слои общественности, как того ожидали или как это должно было быть, вошло 340 членов [87, 22.XI.1976]; в том числе 147 — военные и полицейские чины, 38 — бывшие министры или депутаты при предыдущем демократическом режиме [102, 21.XI.1976]. Они, как писала газета «Бангкок пост», «более известны своим консерватизмом, чем радикализмом» и «представляли правое крыло в ведущих, к тому времени распущенных партиях» [87, 22.XI.1976]. В Палату, однако, не попали братья Прамоты, зато в ней нашлось место для лидеров «Навапона» и других ультрареакционных террористических организаций. Многие депутаты представляли также высшую гражданскую бюрократию. «Тот факт, что Ассамблея включает значительную часть военных и гражданских чиновников,— указывалось в бангкокской печати,— реально отражает распределение влияния в тайском обществе... Административные и военные круги Таиланда являются главной основой для создания этой правительственной организации» [87, 22.XI.1976].

Таким образом, довольно быстро образованный гражданский фасад нового режима оказался не в состоянии затушевать то, что фактически власть в королевстве находилась в руках военно бюрократической элиты «верхних 5% населения Таиланда, которые,— по мнению газеты «Нью-Йорк таймс» — выиграли от возвра-

щения к статус-кво периода 1957—1973 гг.» [105, 22.XI.1976]. При этом на страницах парижского журнала «Монд дипломатик» указывалось, что армия «остается хозяйкой положения, хотя отдельные монархисты ее сдерживают. Офицеры, верные бывшим диктаторам Таному Киттикачону и Прапату Чарусатьену, хотели бы отомстить за обиды, нанесенные в октябре 1973 г. и в те годы, когда они находились в немилости, что вовсе не означает желания привести к власти одного из прежних правителей» [99, ноябрь 1976, с. 4][5]. Вместе с тем передача ряда правительственных функций гражданским деятелям отразила понимание военными лидерами крайней непопулярности в широких слоях населения открытой милитаристской диктатуры, показала их желание расширить весьма узкую социальную базу режима, переложить на плечи компетентных гражданских специалистов часть бремени по управлению страной, перед которой стоят столь многие острые проблемы.

В целях решения некоторых проблем правительство создало комитет по борьбе с коррупцией, запретило всем военным, полицейским и прочим государственным служащим занимать посты в частных коммерческих предприятиях [87, 20.XII.1976]. Однако покончить с коррупцией и участием в бизнесе чиновников в стране, где на протяжении десятилетий административная карьера открывала доступ к обогащению, а военно-бюрократическая элита срослась с классом капиталистических предпринимателей, фактически невозможно. Поэтому, как считал корреспондент еженедельника «Фар Истерн экономик ревью», программу борьбы с коррупцией правительство «либо не выполнит... либо, выполнив ее, приобретет много влиятельных врагов» [91, 5.XI.1976, с. 12]. В области социальной политики, заботясь об укреплении своего престижа, Танин Краивичьен заявлял, что видит образец социального развития в «демократическом социализме» Англии и Скандинавских стран. Но при этом для решения такого острейшего вопроса, как перераспределение земельной площади и предоставление ее безземельным крестьянам, по авторитетным свидетельствам специалистов, потребуется не менее 20 лет [91, 4.II.1977, с. 12], не говоря уж о том, что, как заметили иностранные наблюдатели, об аграрной реформе после 1976 г. вообще не было «ничего слышно».

К числу же конкретных шагов кабинета Краивичьена следует прежде всего отнести открытие в декабре 1976 г. для иностранных капиталовложений на сумму в 10 млрд. батов (500 млн. долл.) десяти ведущих отраслей промышленности [101, 21.XII.1976]. Иностранному капиталу предоставлялись большие льготы — отмена подоходного налога на период от 3 до 8 лет, резкое снижение или отмена ввозных пошлин на импортируемое сырье и оборудование, бессрочные гарантии от национализации принадлежащих иностранцам предприятий [83, 12.VII.1977]. Такими мерами захватившие власть реакционные силы пытались завоевать доверие и поддержку империалистических монополий, вклады которых в экономику Таиланда при демократическом режиме упали со 192 млн. долл. в 1974 г. до 52 млн. в 1976 г.

Одновременно со стороны главного советника премьер-министра по экономическим вопросам, президента Ассоциации таиландских банкиров Сукума последовал призыв к полному упразднению государственного предпринимательства, поскольку оно — «источник коррупции» [101, 24.XII.1976]. Следует подчеркнуть, что и прежние кабинеты времен «демократического эксперимента» не поощряли государственного сектора, затраты на который уменьшились в 1974 г. на 30%. Всего же за годы буржуазно-демократического режима доля госсектора в валовом национальном продукте упала с 7,4 до 4,6% — его самого низкого удельного веса с начала 60-х годов [91, 4.II.1977].

Таким образом, несмотря на серьезные перемены в политическом руководстве в 70-е годы, общий курс на свертывание государственной собственности остался таким же, как и десятилетие назад, ибо госсектор уже давно не является экономической опорой ни для одной из влиятельных групп в обуржуазившейся правящей элите.

Вместе с тем в период пребывания у власти правительства Краивичьена некоторые представители деловых кругов высказывались за необходимость ограничения деятельности местных капиталистических объединений, поскольку они ущемляли интересы множества других бизнесменов, «что может заставить молодых предпринимателей желать установления иной социальной системы» [96, ноябрь, 1976].

В целом, несмотря на некоторые тенденции к улучшению экономического положения Таиланда в 1976 г. (снижение инфляции, уменьшение дефицита платежного баланса и увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции [100, 10.IX.1977]), правительству Краивичьена не удалось разрешить ни одной из экономических проблем. Число безработных — 1200 тыс. — осталось прежним [88, 5.II.1977], предполагалось, что розничные цены на основные товары в 1977 г. возрастут не менее чем на 12—13% по сравнению с показателем 5,3% в 1975 г. и 4,2% в 1976 г. Уступки иностранным монополиям привели, например, к повышению в сентябре 1977 г. на 20% цен на бытовой газ, отчего нефтегазовые компании «Эссо», «Шелл» и другие могли бы получить более 5 млн. долл. дополнительной прибыли [83, 25.XI.1977]. Как выразилась в свое время, комментируя политику кабинета Краивичьена, английская газета «Гардиан», «цена, которую приходится платить за новые начинания, имеющие лишь ограниченные шансы на успех, поистине очень высока» [95, 30.X.1976].

Как и предсказывали сразу после переворота 6 октября многие обозреватели, наибольшую трудность для нового режима должна была представлять проблема стабилизации политической обстановки в стране после разгрома левых сил и ликвидации демократического режима, с которым значительная часть общественного мнения связывала надежды на проведение социальных реформ. И в этом отношении переворот в октябре 1976 г. отличался от столь многих предыдущих переворотов, поскольку он не просто заменял одну властвующую группу другой, но шел вразрез с основной тен

денцией развития Таиланда последних лет и носил характер «превентивной контрреволюции». В условиях с каждым днем усиливавшейся поляризации классовых сил он, по существу, был актом гражданской войны. Вот как охарактеризовал особенности и последствия событий 6 октября один из представителей местных леволиберальных кругов: «Готовность к компромиссу и гармония, бывшие составной частью таиландской политической традиции, отошли в прошлое. Покончено с возможностью создания прогрессивного тайского общества. Если они хотят гражданской войны, они ее получат» [95, 30.X.1976].

И действительно, повстанческая борьба в стране резко активизировалась. Это вынужден был признать и начальник полиции [101, 25.XII.1976]. Ряды повстанцев увеличились в 1,5 раза за счет ушедших в подполье и в джунгли активистов запрещенных левых политических и массовых организаций. Уже 21 октября 1976 г. радиостанция повстанцев «Голос таиландского народа» передала заявление четырех членов Социалистической партии, зачитанное бывшим членом парламента, в котором говорилось о том, что единственный путь к «подлинной независимости и демократии» в Таиланде лежит через вооруженную борьбу [91, 5.XI.1976]. Сразу же после 6 октября та же радиостанция впервые в истории страны открыто включила короля в число врагов народа и революции. Из-за поддержки, оказанной троном генералам — организаторам переворота, авторитет королевской власти, в прошлом стремившейся стоять вне политической борьбы, оказался существенно подорванным, а монархические иллюзии многих таиландцев стали рассеиваться. «Если учесть, в каком невыгодном положении находились прогрессивные силы,— отмечалось в зарубежной печати,— из-за огромного и до сих пор незапятнанного престижа короля, становится ясной вся серьезность этого шага» [99, ноябрь 1976, с. 4].

В создавшейся обстановке правительству приходилось усиливать карательные противоповстанческие операции, которые, несмотря на превосходство его войск в живой силе и технике, не принесли существенных результатов. По сообщению бангкокской газеты «Нейшн», с октября 1976 г. по апрель 1977 г. правительственные войска и полиция потеряли 130 человек убитыми, тогда как потери партизан составили 42 человека убитыми, 38 арестованных и 131 пленный [101, 20.V.1977]. В то же время в целях преодоления барьера, отделяющего режим от либерально настроенной общественности, правительство вынуждено было пойти на такие меры, как освобождение под залог 2,5 тыс. студентов, арестованных в октябре, возобновление издания большинства газет и журналов [83, 17 XI 1976] вступить в переговоры с профсоюзами. В начале декабря под контролем полиции был вновь открыт Тхаммасатский университет 4 января 1977 г. в связи с бракосочетанием наследного принца была объявлена амнистия, не коснувшаяся, однако, приблизительно трети из 63 тыс. человек, находившихся в заключении или под следствием, в том числе и подвергнутых аресту за

подрывную и «прокоммунистическую» деятельность [83, 18.II.1977].

Но указанные шаги не мешали продолжению репрессий. Так, только во второй половине января власти 5 раз подряд закрывали несколько столичных газет и журналов, арестовав некоторых их сотрудников [83, 15.II.1977]. В начале мая правительство нанесло удар по организациям трудящихся: 14 профсоюзов, объединяющих 100 тыс. рабочих, были распущены [83, 9.V.1977]. Все это свидетельствовало о том, что внутриполитическая ситуация в стране оставалась весьма сложной.

В целях упрочения своего шаткого положения Краивичьен и его окружение с первых дней прихода к власти делали все, чтобы заручиться поддержкой Соединенных Штатов, которые, как в этом было убеждено большинство зарубежных обозревателей, причастны к свержению парламентского режима. С Пентагоном начались переговоры о предоставлении ему права вновь использовать некоторые оставленные американскими войсками таиландские базы, было достигнуто соглашение о закупке американского оружия. Таиландский премьер-министр вызвался быть глашатаем давно лелеемой империалистическими кругами идеи превращения АСЕАН в антикоммунистический военный блок, что, однако, не встретило одобрения других членов организации [83, 17.XII.1976]. Наконец, тогдашнее таиландское правительство стало на путь открытой конфронтации с соседними государствами — Лаосом, Кампучией и Вьетнамом, полностью отказавшись от поисков путей нормализации отношений с ними, которые предпринимались правительствами Кыкрита и Сени Прамота. Однако попытки разрешить острые внутренние проблемы путем нагнетания антикоммунистической истерии лишь еще больше выявили нереалистичность правоэкстремистского курса Краивичьена и вызвали изоляцию его правительства даже внутри правящих кругов, многие представители которых еще с первых месяцев его существования требовали реорганизации кабинета, публично обвиняя его в неспособности «проводить эффективную политику» [83, 16.I.1977].

Об остроте разногласий внутри правых свидетельствовала попытка переворота 26 марта 1977 г. Она была предпринята под руководством бывшего командующего таиландскими войсками во Вьетнаме Чаларда Хираниасири, уволенного из армии вскоре после октябрьских событий 1976 г. и известного своими ультрареакционными взглядами. Поскольку в этом путче приняло участие всего около 300 солдат и офицеров, через несколько часов он был подавлен. После проведения расследования был казнен его руководитель [86, 28.III.1977]. По поводу этих событий в таиландской печати отмечали, что «атмосфера непостоянства окружает Танина и его кабинет с тех пор, как они пришли к власти». Констатировалось также, что «насилие становится частью политической жизни Таиланда». Наконец, было обращено внимание на наличие среди заговорщиков нескольких невысокопоставленных офицеров, участие которых в попытке переворота «может указывать на сильную неудовлетворенность и разочарование теперешним военным руководст

вом со стороны младшего и среднего офицерского состава» [86, 28.III.1977]. Эти предположения отчасти подтвердились в июне 1977 г., когда командиры нескольких воинских частей, расположенных в районе Бангкока, потребовали от верховного командования удаления из правительства восьми министров [91, 24.VI.1977, с. 8—9].

Положение правительства Краивичьена становилось все более критическим. «Избранный военными как простой исполнитель их воли,— писала об итогах его деятельности французская газета «Монд»,— Танин Краивичьен сумел всего за один год проделать настоящий фокус: оттолкнуть от себя почти все политические круги, не добившись заметного успеха в своей политике. Его редкие проекты, в частности в пользу иностранных капиталовложений, застряли в бюрократическом аппарате, ставшем настоящим государством в государстве. Упразднив всякую демократию, даже формальную, он дал повстанцам, к которым присоединились деятели оппозиции, веские поводы для борьбы. Чувствуя опасность, армия, которая поддерживала Танина Краивичьена, а иногда и диктовала ему свои решения, сделала крутой поворот и избавилась от союзника, ставшего ей в тягость» [98, 21.X.1977].

На экстренном заседании консультативного совета при премьер-министре 20 октября было принято решение отстранить от власти потерпевшее банкротство гражданское правительство. Вечером того же дня Краивичьен был арестован, консультативный совет преобразован сначала в революционный, а затем в национальный политический совет в составе 23 маршалов, генералов и адмиралов под председательством руководителя переворота 1976 г. адмирала Сангата Чалорью. Ставший с 1 октября 1977 г. верховным главнокомандующим вооруженными силами генерал Криангсак Чаманан был объявлен «хранителем мира и порядка» в стране. Армия должна была оставаться «защитницей монархии», а король — главой государства. Объясняя по телевидению причины переворота, С. Чалорью указал, что ухудшение экономического положения вызвало серьезное недовольство народа внутренней политикой низложенного правительства. Распоряжением новых властей распускалась Национальная палата административных реформ и отменялась октябрьская конституция 1976 г. Одновременно было заявлено, что не будет производиться перестановок в армии и полиции. Членам распущенного правительства запретили выезд из страны.

Таким образом, события 20 октября 1977 г. положили начало новому этапу во внутренней и внешней политике страны. Осуществленный теми же самыми людьми, которые за год до этого сурово расправились с демократическим движением и упразднили институты парламентской демократии, этот последний переворот, ставивший целью либерализацию общественной жизни и возвращение к некоторым позитивным аспектам политического курса правительств, стоявших у власти в 1973—1976 гг., отражал новую расстановку сил в правящих кругах Таиланда. Наиболее трезво мыслящие представители этих кругов осознали бесперспективность ставки на го-

лое насилие в условиях обострения классовых противоречий в стране и коренного изменения обстановки в Юго-Восточной Азии. «Нужно сохранить единство армии и расшевелить общественность, становящуюся все более апатичной, тогда как антикоммунистическая борьба со всеми ее перипетиями усиливается»,— комментировала западная печать задачи нового режима. «Генералы-реалисты хотели бы договориться с Ханоем о своего рода модус вивенди, что позволило бы им укрепить свою власть. Если им это не удастся, то безопасность королевства окажется под угрозой» [98, 21.X.1977]. «Внешняя политика — не единственный вопрос, по которому у армейских командующих имелись разногласия с Танином Краивичьеном,— констатировала лондонская «Файнэншл таймс».— Они настроены столь же антикоммунистически, как и бывший премьер, но поняли, что их произвол в отношении профсоюзов, печати и университетов порождал то самое зло, от которого они пытались избавиться» (цит. по [82, 1977, № 44, с. 5]).

Новый этап социально-политического развития (1978—1980)

Недостаточная организованность и политическая незрелость демократических сил позволили представителям крупного капитала, бюрократии и военщины сохранить в своих руках политический контроль над обществом в 1973—1976 гг. Контрнаступление реакции и попытка в 1976—1977 гг. реставрировать прежнюю военно-бюрократическую диктатуру, хотя и серьезно ослабили левые силы и сбили волну массового демократического движения, тем не менее показали, что возврат к старым, военно-диктаторским методам правления невозможен.

Политический режим в Таиланде, оформленный конституцией 1978 г., с одной стороны, обеспечивает сохранение власти в руках военно-бюрократической элиты путем назначения королем ее представителей в верховную палату парламента — сенат, имеющий широкие прерогативы при решении важнейших политических вопросов, а с другой — предоставляет возможность политическим партиям через избираемую на всеобщих выборах нижнюю палату Национальной ассамблеи влиять на политический курс правительства.

Общие тенденции развития политической жизни в Таиланде после 1977 г. характеризовались неустойчивым равновесием: периодическим обострением противоречий и поисками компромиссов между различными группировками крупной и мелкой буржуазии, военных, бюрократией и королевским двором при относительно невысокой степени политической активности широких народных масс, левых и демократических сил. Вскоре после прихода к власти Криангсака Чаманана началась разработка проекта новой, 12-й по счету, конституции, вокруг которого развернулась острая борьба. В комитете по составлению конституции были представители как

военно-бюрократической группы, возглавлявшейся адмиралом Сангатом Чалорью, так и средних офицеров из «младотурок». Переданный 5 октября 1978 г. комитетом на обсуждение назначенной Национальной ассамблее проект конституции увековечивал власть чрезвычайного органа — Национального исполнительного совета (НИС), через который стоявшая у власти военно-бюрократическая группировка намеревалась контролировать действия правительства в течение «переходного периода». Проект предусматривал однопалатный парламент, половина членов которого назначалась бы королем с согласия председателя НИС, а вторая избиралась путем всеобщих выборов. В ходе обсуждения проекта представитель «младотурок» предложил демократический проект в духе конституции США, связав его с программой социальных реформ. Однако в ходе борьбы не прошел ни тот ни другой: премьер-министр Криангсак Чаманан собрал у себя дома для обсуждения проекта конституции представителей офицеров-«младотурок», которые выступили за усиление авторитарной военной исполнительной власти в целях проведения реформ.

Новая конституция, одобренная Национальной ассамблеей 18 декабря 1978 г., уже не содержала статьи, которая давала право председателю НИС назначать сенат: последний должен был назначаться королем по согласованию с премьер-министром. И в то же время она была в большей мере, чем конституция 1974 г., отражением компромисса со старой военно-бюрократической структурой: право назначения премьер-министра от спикера нижней палаты передавалось президенту назначаемого сената. Конституция разрешила «независимым», т. е. лицам, не состоящим ни в одной политической партии, выставлять на выборах свои кандидатуры. Таким образом, произошло смещение власти в парламенте от избираемых к назначаемым членам сената и ослабление системы партий, хотя при назначении в новый сенат предпочтение оказывалось не генералам, а средним офицерам-«младотуркам».

Руководство армией распалось на консервативную военно-бюрократическую верхушку и враждебное ей мелкобуржуазное офицерство [174, с. 108]. Усилилась вражда между армией и полицией, была нарушена традиционная сеть патронажных отношений, а также связи между военными и торгово-промышленными кругами. Правительство Криангсака перешло в наступление и упразднило НИС. Изменилась роль монархии: она перестала служить делу узаконения политического режима своим моральным авторитетом; полем ее политической деятельности стали сельские районы — она служит теперь связующим звеном между военным политическим режимом и зажиточными слоями — традиционными лидерами деревень; возглавляя борьбу с левоэкстремистскими группами в сельских районах, монархия взяла на себя роль противника быстрых социальных перемен [240, с. 117]

Незадолго до парламентских выборов, состоявшихся 22 апреля 1979 г., возобновилась деятельность политических партий-37 из которых выставили своих кандидатов в нижнюю палату пар-

ламента. Фактически в стране произошло восстановление партийной структуры, существовавшей в период «демократического эксперимента», с той лишь разницей, что партии, по новой конституции, не играли отныне главные роли на политической сцене. С другой стороны, в отличие от времен военно-бюрократической диктатуры правительство на этот раз не приложило серьезных усилий для образования собственной партии, которая обеспечила бы ему твердую поддержку избранных депутатов. Правда, некоторое подобие правительственной партии было все-таки создано в виде группировки «Серитам» — Партии свободы и справедливости, объединившей сторонников Криангсака из представителей интеллигенции и технократии.

Характерно, что сам Криангсак и многие члены его кабинета отказались от баллотировки в качестве кандидатов в депутаты, исходя из предположения, что они все равно сохранят власть, опираясь на поддержку сената, в состав которого на следующий день после народного голосования было назначено 194 военнослужащих и 31 гражданское лицо [87, 23.IV.1979]. Кроме того, как показали данные опроса общественного мнения в сентябре 1978 г., 72% опрошенных высказались за правительство Криангсака, а 63% вообще высказались против проведения выборов [87, 22.IX.1978], видимо, полагая, что они могут привести к дестабилизации политической обстановки в стране.

В конечном счете выборы принесли значительный успех Партии социального действия, получившей в палате 83 мандата из 301 вместо прежних 45. Таким образом, эта партия во главе со своим прежним лидером, многоопытным политиком Кыкритом Прамотом, стала крупнейшей оппозиционной группировкой в палате. В ходе избирательной кампании Кыкрит критиковал экономическую политику правительства и недемократический характер ограничения полномочий нижней палаты. Успех этой партии на выборах можно объяснить популярностью программы развития сельских районов, проводившейся правительством Кыкрита в 1975—1976 гг., и его обещанием возобновить ее осуществление в случае возвращения к власти.

В целом, несмотря на некоторые потери, сохранила свои позиции правоконсервативная Тайская национальная партия и леволиберальная «Новая сила», выступавшая в поддержку политики правительства Криангсака. «Серитам» получила всего 21 место, т. е. намного меньше, чем получали в свое время разного рода правительственные партии.

Крупнейший урон понесла по итогам голосования старейшая в стране Демократическая партия. Ее парламентское представительство сократилось на этот раз со 114 до 32 депутатов. Причину этого следует искать в разочаровании избирателей в политике демократов перед переворотом 1976 г., в острой фракционной борьбе внутри партии в связи с уходом от дел Сени Прамота и других ее старых лидеров. Новый лидер партии, не раз упоминавшийся выше, министр иностранных дел в 60-е годы, Танат Коман оказался в кон-

це концов и единственным ее кандидатом, прошедшим в палату от Бангкока — традиционной вотчины демократов.

29 мест от Бангкока получили кандидаты новообразованной Тайской народной партии [91, 4.V.1979, с. 12]. Внушительный успех этой группировки в столице в значительной степени был связан с демагогическими талантами ее лидера Самака Сунтаравета. Этот деятель получил широкую известность в апреле 1976 г., нанеся поражение Кыкриту Прамоту в одном из столичных избирательных округов — Дусите. Тогда он был руководителем крайне правого крыла в Демократической партии и немало способствовал перевороту 1976 г., а затем стал министром внутренних дел в правительстве Краивичьена. Он также считался личным врагом Криангсака Чаманана. Яростные нападки Самака на политику правительства, особенно в связи с последствиями инфляции для малообеспеченных слоев населения столицы, снискали ему поддержку этих социальных групп [91, 4.V.1979, с. 14].

С учетом антикоммунизма и предельной враждебности Сунтаравета к революции в Индокитае и его связей с наиболее правыми военными кругами, результаты выборов в Бангкоке, где, кстати, голосовало всего 19,45% избирателей [87, 27.IV.1979], свидетельствуют о том, что силы крайней реакции в Таиланде по-прежнему, как и во время драматических событий 1976 г., располагают массовой базой в лице пауперизированного населения столицы и центральных районов, утратившего связи с землей. И если беднейшие слои «периферии», особенно северо-востока, где сосредоточено 90% тех, у кого душевой доход ниже среднего по стране [87, 21.III.1979], до последнего времени служили социальной базой повстанческого движения и левого экстремизма, то аналогичные социальные группы в центре выступают в роли «простого народа», который в октябре 1976 г. якобы собрался со всей страны, чтобы спасти ее от «коммунистов» и заставить общественное мнение поверить, что сам «простой народ» добровольно начал борьбу в защиту «короля, религии, нации» — традиционных лозунгов тайского национализма [238, с. 38].

О силе таких реакционных настроений свидетельствует и то, что местные социалисты, Социалистическая партия и Объединенный социалистический фронт, создавшие теперь Социал-демократическую партию, не смогли завоевать ни одного парламентского мандата. Но в 1979 г. сохранялась массовая политическая апатия избирателей[6] — результат их неверия в разного рода демократические процедуры. Вместе с тем выборы, в ходе которых было избрано 63 независимых кандидата, показали, что в поведении избирателей еще слишком сильны патронажные связи, они ориентируются на личность кандидата, располагающего социальным влиянием и богатством (а это — характерная особенность всех независимых кандидатов), а не на его программу. В то же время расширение представительства, пожалуй, наиболее «модернистской», выступающей с программой буржуазных реформ Партии социального действия и общее серьезное сокращение числа мелких партий в пар-

ламенте подтвердило высказывавшееся в нашей литературе мнение о наличии тенденции к укреплению позиций партий с достаточно четкой классовой ориентацией, стремлении многих тайских граждан к утверждению буржуазно-демократических норм в политической жизни [129, с. 119].

Окончательное оформление нового режима в результате выборов не привело, однако, к созданию политически устойчивого правительства и ликвидации острых противоречий между военными и гражданскими группировками в правящих кругах. 12 мая 1979 г. Криангсак Чаманан на совместном заседании сената и палаты депутатов был избран премьер-министром. Но процедура его избрания бойкотировалась ведущими парламентскими партиями — Социального действия, Тайской национальной и Тайской народной, сразу же таким образом вставшими в оппозицию к новому правительству. За Криангсака было подано 311 голосов из общего числа 526 сенаторов и депутатов, причем лишь 89 членов нижней палаты поддержали его кандидатуру [102, 12.V.1979].

С большими трудностями столкнулся Криангсак и при формировании своего кабинета. Попытка включить в его состав ведущего эксперта по экономическим вопросам, заместителя лидера Партии социального действия и к этому времени президента Бангкокского банка Бунчу Ротанасатьена и лидера ТНП Прамана Адирексана не увенчалась успехом. В частности, Бунчу потребовал для себя полного контроля над всей экономической политикой правительства, в чем ему было отказано [91, 1.VI.1979, с. 12]. В конце концов из 44 членов нового правительства в его составе оказалось лишь 8 членов палаты и только 1 из них получил министерский пост, а остальные заняли должности заместителей министров. Сам Криангсак сохранил за собой посты министра финансов и сельского хозяйства, не сумев подыскать для этих ключевых ведомств достаточно крупных фигур (состав кабинета см [102, 25.V.1979]). По оценкам местной печати, правительство представляло собой «мешанину прежних лиц» [91, 8.VI.1979, с. 13] и могло опереться в парламенте не более чем на сотню депутатов от партий «Серитам», «Новая сила» и на большинство независимых [91, 1.VI.1979, с. 12].

В итоге, как отмечалось политическими обозревателями, новая конституция позволила Криангсаку остаться у власти «без обеспечения ему политической базы, без которой нельзя было взяться за решение... хронических внутренних социальных и экономических проблем» [91, 20.IV. 1979]. Среди этих проблем по-прежнему главными оставались инфляция, безработица, аграрный вопрос. Несмотря на рост валового национального продукта и сельскохозяйственного производства, уровень инфляции в 1979 г. поднялся до 18—20% по сравнению с 10% в 1978 г. Из-за повышения цен на нефтепродукты на мировом рынке увеличился дефицит платежного баланса [102, 20.X.1979; 91, 14.XII.1979, с. 37] Правительство вынуждено было установить жесткий контроль над ценами на нефтепродукты и принять меры по ограничению потреб-

ления горючего. Попытка властей усилить контроль над частными банками с тем, чтобы больше кредитов направлялось в сельское хозяйство и трудоемкие отрасли промышленности, вызвала оппозицию финансовых кругов [91, 21.IX.1979, с. 100—103; 102, 12.XI. 1979].

Несмотря на резкое снижение накала забастовочной борьбы рабочего класса, раскол в профсоюзном движении и меры властей по урегулированию трудовых конфликтов на патерналистской основе, трудящиеся добились подъема минимума заработной платы в конце 1978 г. [91, 15.XI.1978, с. 51—54]. Однако рост их реальных доходов не поспевал за темпами инфляции, поскольку только лишь в 1977—1978 гг. цены на потребительские товары в Бангкоке возросли на 20%, а за 1974—1978 гг.— в 1,5 раза при уровне доходов половины семей в столице ниже официального прожиточного минимума [83, 1.VIII.1978].

Нерешенной оказалась и проблема занятости: в 1979 г. в стране насчитывался 1 млн. безработных [87, 20.II.1979]. По данным тайской печати, ежегодно более 100 тыс. сельских жителей прибывало в Бангкок в поисках работы и до 20% из них оседало в столице [87, 21.IV.1980]. Несколько понизилась, но попрежнему оставалась довольно внушительной (5—10%) доля безработных среди выпускников высших учебных заведений [87, 6.VII.1978].

Все это предопределило ослабление поддержки правительства Криангсака со стороны профсоюзов. В июле 1979 г. по призыву Рабочего совета Таиланда произошли демонстрации против роста цен на нефтепродукты, за повышение минимума заработной платы. Властям пришлось установить его в 45 батов в день для Бангкока, что было, однако, на 15 батов меньше, чем просили рабочие [102, 20.VIII.1979]. Спустя некоторое время произошла крупнейшая забастовка 3 тыс. железнодорожников [102, 3.X.1979].

Не принесла ощутимых плодов и политика правительства по решению проблем деревни. Вместо коренной реформы аграрных отношений бангкокские власти ограничились главным образом мерами по подъему сельскохозяйственного производства путем дотаций и кредитов. В 1977/78 г. только половина из 1600 млн. батов, выделенных для оказания помощи фермерам, пострадавшим от засухи, была получена крестьянами, хотя потери от стихийного бедствия вчетверо превышали ассигнованную сумму [102, 17.V.1978].

Несмотря на то что 1979 год был официально провозглашен «годом фермера» и новая сельскохозяйственная программа предусматривала израсходовать 20 261 млн. батов на ирригацию, улучшение дорог, снабжение крестьян удобрениями и сельскохозяйственные кредиты, к концу финансового года было завершено только около 50% из намечавшихся 18 926 проектов. Истрачено было лишь 46% ассигнованных сумм [102, 2.X.1979]. При этом помощь шла в основном крупным, ориентировавшимся на рынок фермерам. Следует подчеркнуть также, что в условиях инфляции правительству при попытках увеличить капиталовложения в сельское хозяйство или поднять закупочные цены на его продукцию постоянно приходилось

сталкиваться с оппозицией довольно широких слоев городского, прежде всего столичного, населения, поскольку именно они, особенно их состоятельная часть, получают основные выгоды при сложившейся в стране налоговой системе перераспределения доходов. Фактически в этом отражается старый конфликт между «центром» и «периферией». Поэтому, по словам американского обозревателя А. Рамзея, главная проблема любого таиландского правительства заключается в том, что его «гражданская опора, состоящая в основном из городских кругов, почти наверняка будет сопротивляться всякому крупному отвлечению денежных средств на подъем сельского хозяйства. Они не будут также поддерживать усилия правительства по значительному сокращению импорта нефтепродуктов, средств производства и потребительских товаров. Этот импорт необходим для поддержания давно сложившейся модели экономического роста, благоприятствующей городскому сектору. Таким образом, будет крайне трудно изменить эту модель или решить создаваемые ею проблемы» [85, 1980, № 2, с. 12].

В конце концов все эти проблемы и стали причинами быстрого падения, по существу внепарламентского, кабинета Криангсака Чаманана. 27 октября 1979 г. три ведущие оппозиционные партии предложили вынести вотум недоверия четырем министрам (торговли, путей сообщения, промышленности и внутренних дел). И хотя, благодаря голосованию за правительство назначенных сенаторов на совместном заседании палат, это предложение не прошло, Криангсаку пришлось осуществить перегруппировку в своем кабинете [102, 28.IX.17.X, 22.XI.1979]. Дальнейшее углубление конфликта с парламентской оппозицией вызвало в январе 1980 г. еще одну реорганизацию правительства. Самому Криангсаку пришлось отказаться от поста министра финансов. Из кабинета были удалены все министры — члены парламента [91, 22.II.1980, с. 8—9]. Это, несомненно, сделало правительство еще более одиозным в глазах оппозиционных кругов.

По мере усиления трудностей Криангсак стал терять поддержку в военных кругах. В 1978 г. на пост командующего сухопутной армией им был выдвинут генерал Прем Тинсуланон, который после выборов занял также пост министра обороны. Оказавшись таким образом во главе военного руководства и пользуясь поддержкой верховного главнокомандующего вооруженными силами Сема Нанакона, Прем стал постепенно насаждать своих людей в армейском командовании, тогда как число сторонников Криангсака там неуклонно сокращалось [85, 1980, № 2, с. 112—113].

Дальнейшее повышение цен на нефтепродукты зимой 1980 г. вызвало массовые демонстрации студентов, рабочих, а также активистов различных ультраправых организаций. Как оказалось, в этих условиях правительство не могло даже рассчитывать на поддержку сената и офицеров-«младотурков». 28 февраля Криангсак Чаманан вынужден был подать в отставку. Новым премьер-министром был назначен Прем Тинсуланон [87, 3—4.III.1980]. Шестидесятилетний Прем Тинсуланон, «консерватор в душе»,

пользовался репутацией неподкупного офицера, не замешанного ни в финансовых аферах, ни в борьбе различных армейских клик. Бо́льшую часть своей военной карьеры он служил в кавалерии, проходил подготовку в США, как и многие тайские военачальники. Известность получил в 1973—1977 гг., когда, будучи командующим 2-й армией при подавлении повстанческого движения на северо-востоке страны, вместо репрессий выступил за улучшение условий жизни местного населения с тем, чтобы предотвратить рост поддержки повстанцам. Подобная тактика имела успех и способствовала дальнейшему продвижению генерала наверх [91, 21.III.1980, с. 18].

В отличие от предыдущего в состав нового правительства из 37 членов вошло 17 депутатов нижней палаты и оно опиралось в парламенте на поддержку почти двух третей парламентариев, в том числе от трех ведущих партий — Тайской национальной, Демократической и Социального действия. В результате достигнутого компромисса правительство Тинсуланона оказалось достаточно жизнеспособным. Оно смогло пережить попытку государственного переворота 1 апреля 1981 г., предпринятую некоторыми лидерами армейских «младотурок», сохранить лояльность армии и, как показали итоги состоявшихся 18 апреля 1983 г. очередных парламентских выборов, обеспечить себе поддержку в парламенте, расстановка сил в котором принципиально не изменилась. Однако решение тех острых социально-экономических проблем, которые породили затяжной политический кризис в 70-х годах, по-прежнему остается на повестке дня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Типологические особенности традиционной общественной структуры Таиланда были предопределены условиями ее формирования и развития. В числе таких условий были природная среда и тип хозяйства, демографические процессы, длительное сохранение отношений естественно-социальной общности — сельской общины. Воспроизводство человека, всего общественного коллектива как целого было неотделимо от природных условий его существования. Социальные (род) и экономические (домохозяйство) отношения были синтезированы в крестьянской семье. Характер производства определялся экстенсивным типом хозяйства — рисоводством на основе естественного орошения. Земля в подобной системе производства не считалась собственностью и не могла отчуждаться. Сохранялась сакрализация земли, что воплощалось в ритуале и закреплялось им. Отчуждаться могли только продукты труда.

Экстенсивный характер хозяйства в условиях тропиков требовал наличия системы взаимопомощи, т. е. общинных форм простой кооперации труда. Экономическая функция взаимопомощи состояла в том, что она обеспечивала рабочей силой весь цикл земледельческих работ. На семейно-родственной основе и складывались временные производственные объединения, создававшие примерно равные условия производства для всех семей в деревенской общине. В производственной системе таиландского общества устойчиво сохранялись традиционные формы разделения труда: половозрастное внутри семьи («дома»), по функциональному признаку, а также между общинами на базе узколокальной специализации хозяйства.

Внутри семьи («дома») основой экономических отношений было половозрастное разделение труда. Совокупный же труд членов деревенской общины распределялся не по экономическому, а по социальному принципу: благодаря их престижу наибольшее материальное обеспечение доставалось главам семей, старостам (они же были представителями рода) деревенских общин, военачальникам и вождям, обеспечивавшим военную защиту и отправлявшим управленческие функции. Узколокальная основа хозяйственного разделения труда, преобладание обмена продуктами труда над обменом трудом не открывали путей для выделения ремесла в особую сферу производства, для разделения труда между городом и деревней.

Основой аграрного строя оставалась свободная заимка земли. Расширенная семья соотносила размер поля со своими хозяйственными возможностями. Надельная система землепользования действо-

вала лишь в рамках семьи («дома»); ни деревенская община, ни государство не вмешивались в этот распорядок. Наличие большого свободного земельного фонда, пригодного для использования в хозяйственных целях, поддерживало равновесие между общиной и природным окружением. Присвоение земли гарантировалось прочностью семьи («дома»), устойчивостью ее социальных связей, военной защитой, которую ей обеспечивало государство.

Традиционному таиландскому обществу были присущи иные, чем развитым классовым обществам, представления о производительной силе человека, ее источниках и условиях. Слово «там» (работа, дело) означало одну из важнейших функций социальной организации — труд, который считался общественной обязанностью, определявшейся полом, возрастом, социальной ролью человека. Предмет труда — земля, из которой, как считалось, вышли члены данного социального коллектива и куда они уходят, не имела цены, ее продажа считалась бессмысленной. Она была объектом магических культов, ритуалов. Систему производительных сил создавали не земля и не труд сами по себе, а община как ячейка производства, организация которой действовала по принципу естественно-социальной общности, ибо экономическое могущество общины определяли широта и прочность ее социальных связей. Быть богатым значило входить в многочисленную и крепкую семью, имеющую также адаптированных и зависимых членов.

Большую роль играли социальные связи как регулятор в распределении и перераспределении совокупного общинного труда. Система распределения постепенно — по мере расширения сфер труда — отделяется от общины и становится государственной функцией. Если одна часть общинного труда распределялась внутри общин в порядке взаимопомощи на эквивалентной основе, то другая часть — принудительные работы на государство, налоги — ушла из-под контроля общин. Отношения общинников с должностными лицами основывались на морально-этическом долге — бун кхун и выглядели как покровительство, что отличало их от отношений сеньориальных в феодальных обществах классического типа.

Крестьяне не были крепостными людьми определенного крупного землевладельца: они были связаны с должностными лицами отношениями покровительства, поскольку необходимо было выполнять фискальные обязанности перед государством. Право вышестоящего на социальной лестнице на неоплаченный труд нижестоящего было временным, оно не вырастало из феодального права собственности на землю, передаваемого по наследству и сопряженного с привилегиями и наследственными взаимными обязательствами. Формы эксплуатации, восходившие к общинным повинностям — государственные работы, налоги,— не требовали общественной организации труда. Основным было различие между лично свободными и лично несвободными людьми. Такие отношения способствовали выживанию традиционного таиландского общества и его эволюции, облегчали процесс приспособления к меняющимся

внешним обстоятельствам, а также помогали крестьянам противостоять гнету господствующего класса.

Крестьянство, составлявшее большинство населения страны, численно преобладало над несвободной частью населения: все свободные земледельцы облагались налогом и обязаны были выполнять работы на государство. Эти формы эксплуатации были прерогативой власти, необходимым условием существования государства. Политическая власть сохранила право распоряжаться распределением, присваивая неоплаченный труд и прибавочный продукт земледельца как компенсацию за свои услуги. Государство в периоды стихийных бедствий оказывало в порядке религиозной благотворительности помощь пострадавшему населению. Оно же военно-политическими мерами гарантировало безопасность землевладения и труда земледельца. Обязанностью центральной власти было выполнение важнейших ритуалов. Она же решала серьезные споры по поводу земли, выступая в роли арбитра. Ритуалом сопровождалось назначение представителей знати на должность: считалось, что эта процедура способствует отбору «наилучших людей», людей, обладающих высшими моральными качествами, в состав элиты. Этический закон и космос считались находящимися во взаимозависимости, и нарушение морали — тхаммы рассматривалось как действие, могущее повлечь неисчислимые бедствия: экономическая деятельность не рассматривалась как автономная от морально-этического комплекса.

Но, сохраняя архаичные черты, традиционные общество и государство Таиланда приобретали постепенно новые черты. Возрастание населения на компактной территории послужило материальной основой укрепления государства в противовес сельской общине. У государства оказались значительные массы живого труда, которым оно могло распоряжаться, используя чиновничество. Превращение бывших должностных лиц общины в бюрократию, численный рост последней также вели к усилению государственной власти. Присвоение неоплаченного труда земледельцев господствующим классом в условиях земледельческого абсентеизма последнего поднимало значение методов прямого политического и религиозного давления. В традиционном обществе Аютии шел длительный процесс формирования крестьянства, признаками которого были появление минимальной неразделенной семьи, укрепление кровнородственных связей, становление деревенской общины. На этой социальной основе пошло распространение с XII в. буддизма как мировой религии, что включало традиционное таиландское общество в широкую сеть конфессиональных связей. Однако социальная структура общества была нечеткой. Каждый представитель господствующего класса считался находящимся на государственной службе, он жил в городском центре и был слабо связан с землевладением, могущим послужить экономической базой его власти. Центральная власть использовала формально свободное положение земледельца против должностного лица государства в отличие от развитой системы феодализма, при которой крупный

частный земельный собственник и находившийся в крепостной зависимости от него крестьянин противостояли центральной власти. Традиционное государство было государством-общиной: все свободные — таи — как подданные формально были равны перед обожествленным правителем.

Северные тайские раннеклассовые государства следует классифицировать как раннефеодальные: здесь социальная структура была более четкой. Однако сохранение в общественной структуре тайских мыангов отношений естественно-социальной общности снижало их социально-политическую активность. К тому же северные мыанги оказались отрезанными от мировых торговых путей государством Аютия. Подчинение на протяжении XVI—XVII вв. Аютией тайских мыангов не было процессом, аналогичным ликвидации феодальной раздробленности, открывавшим путь для становления национальных государств в обществах европейского типа. Усилился эксплуататорский паразитический характер господствующего класса, использовавшего для своего обогащения меновые стоимости, поступавшие как дань с «периферии».

Ни в централизованной, ни в децентрализованных общественных структурах не развилось такой формы социальной борьбы, как крестьянские войны. Сельская община была символом устойчивости, традиционности. Модернизатором являлась правящая элита. Она сформировала систему ценностной ориентации общества, отведя в ней основное место религии. С точки зрения как этики, так и политики, занявшей следующее место в ценностной ориентации, человек был лишь тем, чем он являлся для других в системе социальных связей: поведение человека детерминировалось извне. Традиционное общество не совершенствовало производителя и общественный продукт, остановившись на уровне этносоциальной структуры.

С XVIII в. наряду с этими двумя — централизованной и децентрализованной общественными структурами появляется китайское этносоциальное меньшинство с его торгово-предпринимательскими интересами. Эта социально-экономическая структура, связанная с мировым капиталистическим рынком, также строилась на естественных связях, но последние использовались в интересах развития новых общественных отношений.

Те ограничения, которые налагала на протобуржуазную структуру земледельческая система таи, резко снижали возможности развития буржуазных отношений и вызывали социально-политические выступления протобуржуазных социальных групп. Подверглась модернизации и сама централизованная религиозно-политическая структура. Религия становится дополнительным фактором в политической системе. Усиливается роль государства как основной связующей и объединяющей силы.

В ходе столкновения в XIX в. с западными общественными системами возникает стремление со стороны таиландского традиционного общества не столько к «националистическому» противостоянию, сколько к приспособлению. Путь развития через абсолютизм рассматривался как всеобщий, одинаково подходящий для Запада

и Востока. Однако в таиландской модели абсолютной монархии исполнительная власть по-прежнему стоит над обществом, но не столько из-за равновесия сил старого, феодального и нового, буржуазного общества, сколько в силу религиозной ориентированности земледельческого общества: правитель всегда возвышался над обществом, находился в центре космической модели мира и потому его действия считались направленными «на благо общества». Абсолютизм в Таиланде, хотя и ставил перед собой задачу «строительства нации», выступал с узкоэтнических позиций тайского земледельческого большинства, со временем становясь все более шовинистическим.

Абсолютные монархии западного типа обеспечивали политическую централизацию страны, королевская власть выступала единственным источником законодательной и исполнительной власти в государстве. Такая степень концентрации власти и централизации страны была возможна лишь при наличии соответствующей экономической базы — развития товарно-денежных отношений на обширных пространствах, становившихся территориями крупных современных буржуазных государств.

В Таиланде почти полностью отсутствовали все эти экономические условия. Развитие государства из суммы общинно-родственных, естественных единиц в национальное государство в рамках единой территории проходило с большими трудностями и не закончено по сей день. Проводя реформы, Чулалонгкорн и Вачиравуд создавали «национальное государство» с применением прежде всего авторитарной военно-бюрократической силы «центра» против «периферии», ломая сложившиеся патриархальные политические структуры, подчиняя бюрократической централизации этносоциальные и этнические группы. Такой метод создания «национального государства» не привел к возникновению социально-политических условий, открывавших широкий путь к буржуазной трансформации: сохранялась авторитарная власть правящей элиты, не являющейся собственником средств производства, а лишь осуществляющей контроль за распределением материальных ценностей и движением средств производства, принадлежащих общинам.

Таиландское общество не пережило ни периода Реформации, ни периода Просвещения, местные религиозные представления не переплавились в рациональное сознание буржуазного общества. Поэтому роль образованной прослойки в нем отличалась от роли интеллигенции буржуазного общества, создавшей передовые научные идеи и концепции общественного развития. Местная образованная элита не была предпринимательской, но ее связь через авторитарную форму власти с крестьянскими массами, а через монархическую — с «бюргерскими» слоями города обеспечила успех модернизации. На рубеже XIX—XX вв. возникает бюрократически-иерархическая система административной организации: в ней задачи были более четко определены, функции более специализированы, чиновники стали занимать по-

сты в основном в силу знаний, а не в силу социальных привилегий. Однако в практической жизни такие профессиональные бюрократы поставили свои знания на службу своим личным или семейно-клановым интересам, а не интересам общества. Новое чиновничество — особенно военное — не отличалось большой компетентностью, легко поддавалось коррупции, неуклонно рвалось к власти. В 20-е годы «нижние этажи» бюрократической структуры заняли выходцы из непривилегированных социальных групп. Они-то и стали лидерами и вдохновителями революции 1932 г.

Политические события 1932 г. отразили наличие антагонистических противоречий в общественной структуре между привилегированным меньшинством и непривилегированным большинством, подтвердив эксплуататорский характер традиционного таиландского общества, часто выдаваемого за структуру с профессионально-функциональными различиями. Важно подчеркнуть буржуазный характер революции 1932 г. Ее идеологи выступали в защиту интересов частнособственнических групп, за модернизацию традиционной общественной структуры, против буддийских морально-этических норм, поддерживавших концепции «разделенной бедности», за накопление материального богатства. После Великой Октябрьской революции в России, выдвинувшей новое учение о строительстве бесклассового общества, в Таиланде возникли идеи «буддийского социализма» и организации общества на их основе.

Революция 1932 г. в Таиланде не передала власть в руки класса национальной буржуазии, а поставила у власти блок социальных групп, представлявших частнособственнические интересы и интересы бюрократии. Не была разрушена централизованная система перераспределения прибавочного продукта докапиталистических укладов, государственного регулирования производства и обмена «во имя всеобщего блага». Над интересами классовой солидарности буржуазии довлел тайский этноцентризм: торгово-предпринимательская буржуазия из китайского меньшинства в послереволюционные годы стала подвергаться активной социально-культурной и экономической дискриминации.

Социально-экономические процессы подвели страну в 30—40-е годы к необходимости преодоления сохранявшихся — особенно в аграрной сфере — архаичных общественных отношений и соответствовавшей им авторитарно-бюрократической структуры политической власти. Активной силой развития становятся национальное государство и новые социальные группы, ориентирующиеся на накопление богатства, на материальные интересы. Королевская семья превращается в консервативную группу собственников, обладающую большими богатствами, сохраняющую и «вертикальные» связи с видными и богатыми семьями китайской общины. Устойчивой социальной группой стали помещики-абсентеисты. Возникла, хотя и незначительная, прослойка либеральной интеллигенции. Государство от традиционной религиозной благотворительности переходит к составлению планов экономического развития, рождается «экономический национализм». Новая бюрократия порвала

с романтикой традиционно-религиозных представлений, ставивших под моральный запрет материальные интересы. Но все эти социальные частнособственнические группы не превратились в корпоративную группу буржуазных собственников — класс национальной буржуазии. Велика была область, которую захватывали естественные отношения — отношения родства, клановости, большесемейные отношения, опиравшиеся на собственные источники политической власти. Весь этот хаотичный социально-политический мир новая политическая структура власти — конституционная монархия и военно-бюрократический режим — стремилась организовать на принципах буржуазного парламентаризма, используя и деспотические приемы правления. Государственная власть вновь оказалась стоящей над обществом, на государство трудящиеся массы по традиции смотрели как на орган религиозной благотворительности, а не развития экономики.

После государственного переворота 1948 г. постепенно происходит воссоединение захваченной военными власти, богатства и монополии на образование — возникает правящая элита современного Таиланда, вокруг которой и объединяются столичные группы частных буржуазных собственников. Она сформировалась из «верхних эшелонов» бюрократии, выступавших в предвоенные и военные годы с расистских позиций и проводивших политику подавления китайского этносоциального меньшинства.

Новая правящая элита не имела узаконенных привилегий, что противопоставляло ее традиционной бюрократической структуре. В то же время она представляла авторитарную структуру политической власти, не сливаясь с предпринимательской буржуазией. Исторические традиции соединялись в ней с идеями обновления. Правящая элита через налоги по-прежнему перераспределяла в пользу столичных верхов прибавочный продукт традиционных крестьянских хозяйств. Неудача в области создания предприятий госсектора привела к переориентации военных и гражданских членов правящей элиты на установление отношений патронажа с верхушкой местной китайской буржуазии, что подвело экономическую базу под ее политическое господство.

К концу 50-х годов правящая военно-бюрократическая группировка срастается с верхушкой местной китайской буржуазии, в результате чего возникает финансовая олигархия. «В сущности,— отмечал по этому поводу советский востоковед Н. А. Симония,— речь шла не об изъятии капитала из производственной сферы, а о перераспределении той доли доходов, которая раньше в виде частной прибавочной стоимости доставалась в основном китайской буржуазии. В общественно-политическом плане процесс формирования бюрократического капитала в Таиланде носил реакционный характер, ибо был направлен прежде всего против коренных интересов широких масс трудящегося населения, а также ущемлял интересы мелкой и средней буржуазии. Вместе с тем в экономическом плане этот процесс, сопровождавшийся насильственной централизацией капиталов и созданием общего "благоприятного климата"

для предприятий, привел к ускорению концентрации капитала и общего капиталистического развития страны» [166, с. 24—25].

Принудительное подчинение китайской буржуазии правящей бюрократией создало предпосылки для дальнейшего роста жизнеспособного крупного капитала, постепенно теряющего признаки своего инонационального и бюрократического происхождения. Произошла фактическая интеграция когда-то противостоящих друг другу групп. Выходцам из многих видных китайских семей удалось занять посты в правительстве и бюрократии.

В 50—70-е годы процесс капиталистического развития Таиланда носил крайне противоречивый характер, обусловленный как корыстными интересами правящего слоя, так и увеличивавшейся зависимостью страны от иностранного капитала, особенно американского. С одной стороны, в политике правящей группы по мере вовлечения ее в частнопредпринимательскую деятельность взяла верх тенденция к свертыванию госсектора, который в отличие от многих развивающихся стран никогда не был фактически экономической основой ее политического господства. С другой стороны, существование военно-бюрократической авторитарной политической надстройки и унаследованное от прежних времен насильственное перераспределение прибавочного продукта путем налогов в пользу государства, т. е. в данном случае также и в пользу верхушечных групп буржуазии, препятствовали становлению капиталистических отношений в общенациональном масштабе, тормозили рост средней и мелкой буржуазии, особенно в периферийных районах. В Таиланде, таким образом, сложилась такая модель капиталистической эволюции, при которой столичный «центр» развивался за счет аграрной «периферии».

Дополнительным фактором неравномерного, анклавного развития капитализма в Таиланде стало привлечение возрастающих сумм иностранного частного капитала в промышленность, вывоз им своих прибылей за границу при одновременной концентрации местного национального капитала в сфере услуг и других непроизводительных отраслях. Этот процесс явился прямым следствием усиления позиций иностранных монополий в таиландской экономике и вовлечения местной буржуазии в сферу транснационального обмена и распределения в связи с длительным пребыванием в Таиланде американских войск, которое само по себе стало важнейшим источником валютных поступлений в страну и прибылей местной буржуазии.

Однако этот финансовый бум захватил лишь столицу и те районы, где находились американские базы. В то же время в аграрной сфере капиталистические отношения не получили должного развития. Там сохранялось большинство мелкого патриархального крестьянства и традиции потребительского хозяйства. Слабость капиталистических элементов в деревне, политическая пассивность крестьянских масс объективно способствовали длительному сохранению в стране военно-бюрократического режима. Вместе с тем к началу 70-х годов усиление позиций в деревне торгово-ростовщического капитала

подорвало систему традиционного землепользования, привело к обезземелению крестьян, их миграции в города, появлению армии безработных. Однако это не имело своим следствием образование широкого слоя мелких земельных собственников капиталистического типа — фермеров. Поэтому аграрная сфера таиландского общества оказалась в состоянии глубокого кризиса, при котором на смену традиционным аграрным отношениям не пришла капиталистическая практика.

Сложившийся в Таиланде в послевоенный период авторитарный политический режим отражал интересы сформировавшейся бюрократической буржуазии и в условиях слабости как чисто буржуазных, так и пролетарских элементов, слабой классовой дифференциации в обществе просуществовал более четверти века, опираясь на помощь внешних империалистических сил. Характерными чертами этого политического режима были: опора на армию и чиновничество, сохранение королевской власти в качестве института, осуществляющего функции узаконения режима в глазах народных масс, смена правительств и конституций путем борьбы клик, возникающих на основе традиционных патронажных личностных связей внутри правящей военно-бюрократической элиты, и одновременно периодическое создание видимости наличия представительных учреждений, проведение выборов, разрешение деятельности политических партий. На практике такой режим, выражаясь словами К. Маркса, представлял собою «не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм» [5, с. 28].

Конституционные акты военно-бюрократического режима предусматривали верховенство исполнительной власти над законодательной и создание таких условий для оппозиции, при которых стоявшая у власти военно-бюрократическая группа не могла быть смещена конституционным путем. Вместе с тем наличие парламентского фасада отражало стремление правящих группировок как-то расширить свою социальную базу за счет привлечения к политической жизни представителей формирующейся национальной тайской буржуазии периферийных районов, интересы которой отчасти и защищали парламентские политики. Кроме того, формально демократические процедуры являлись своего рода отдушиной для выхода накапливавшихся в обществе оппозиционных настроений. И, наконец, они придавали «респектабельный» облик военно-бюрократической диктатуре в глазах либерально-буржуазных кругов за рубежом.

Основными институтами политической системы Таиланда оставались армия и бюрократия. Таиландское офицерство в период после окончания второй мировой войны в целом выступило как реакционная политическая сила. Его взгляды характеризовались антикоммунизмом, консервативным национализмом, представлениями о ведущей роли армии в жизни общества. Особо боль-

шое влияние на политические позиции офицерства оказало военное сотрудничество с США и непосредственное участие Таиланда в индокитайской авантюре американского империализма. Вместе с тем политическая активность военных, использование армии как средства для совершения государственных переворотов и сведения счетов между различными кликами внутри правящей элиты, вовлечение военной верхушки в частнопредпринимательскую деятельность привели к относительному снижению боеспособности вооруженных сил и вызвали недовольство молодых профессиональных военных. В 70-е годы эти люди стали выступать за концентрацию усилий офицерства на чисто военных вопросах, за отказ от диктаторских методов правления и проведение социальных реформ.

Гражданское чиновничество Таиланда в течение многих лет выступало в качестве младшего партнера военной верхушки. Отличаясь от прежней феодально-аристократической чиновной элиты более демократическим социальным составом, таиландская бюрократия тем не менее оставалась замкнутой кастой, что было результатом малой доступности для трудящихся масс высшего образования. В условиях сохранения в таиландском обществе традиционного престижа чиновничьей карьеры при невозможности дальнейшего численного расширения и без того разбухшего государственного аппарата постепенно происходила радикализация широких слоев образованной молодежи, которая ранее вливалась в ряды чиновничества и ориентировалась на ценности правящей элиты. В 70-е годы эта социально неустроенная молодежь выступила застрельщиком борьбы за демократизацию общественной жизни.

«Студенческая революция» привела к свержению в октябре 1973 г. военно-диктаторского режима, что было отражением важных внутренних социальных сдвигов в обществе и изменений в международном положении страны в результате победы индокитайской революции.

Ускоренное, но несбалансированное развитие капиталистических отношений сопровождалось массовым обезземелением крестьянства. В городе развитие капитализма повело к росту рабочего класса и одновременно появлению более чем миллионной армии безработных, люмпенства. Социальная напряженность в городе и деревне усугублялась недовольством новых групп национальной буржуазии, численно возросшей мелкой буржуазии, либерально-буржуазной интеллигенции, не имевших власти при господстве сросшейся с крупным капиталом китайского происхождения военно-бюрократической олигархии периода до 1973 г.

В условиях нарастания социально-политической напряженности в первой половине 70-х годов внутри самой правящей элиты произошло размежевание между поборниками прежних военно-диктаторских методов правления и сторонниками проведения умеренных социальных реформ и либерализации политической жизни. Подъем студенческого, рабочего и крестьянского движения, распространение в его рядах радикальной, демократической идеологии

в 1973—1976 гг. не имели прецедента в истории страны. Однако раздробленность, недостаточная организованность и идеологическая незрелость левых сил в сочетании с сохранением традиционных патерналистских взглядов в сознании крестьянских масс не позволили им получить доступ к политической власти. В годы «демократического эксперимента» власть оказалась в руках неустойчивой коалиции либерально-буржуазных и консервативных элементов правящей элиты. В условиях неспособности гражданских правительств эффективно контролировать положение в стране, а также активизации крайне правых сил и нагнетания ими антикоммунистической истерии в связи с событиями в Индокитае произошел реакционный государственный переворот в октябре 1976 г. Этот переворот, в сущности, носил характер «превентивной контрреволюции», направленной на полную ликвидацию еще не окрепшего демократического движения и консолидацию позиций правящей элиты перед лицом обостряющихся социально-экономических проблем страны и революционизирующего влияния побед народов Индокитая.

Однако попытка крайне реакционных сил восстановить диктаторский режим в 1976—1977 гг. не увенчалась успехом и не встретила поддержки со стороны нового поколения военных руководителей и особенно среднего и младшего офицерства, так называемых «младотурок». Находясь в целом на консервативных позициях, они считают, что с «коммунистической опасностью» в стране можно покончить лишь путем проведения назревших реформ. Выразителем их интересов стал генерал Криангсак Чаманан, возглавивший очередной государственный переворот осенью 1977 г.

Правительству Чаманана удалось добиться некоторых позитивных результатов в плане стабилизации внешнеполитического и внутреннего положения королевства. Руководствуясь стратегией уменьшения социально-политической напряженности и изоляции «подрывных элементов», кабинет Чаманана выступил с широко разрекламированными обещаниями начать практическое осуществление аграрных реформ, предусмотренных еще законом 1975 г., выделил дополнительные средства на развитие сельского хозяйства. В 1978—1979 гг. в стране произошла определенная либерализация политической жизни и консолидация нового политического режима, призванного, согласно замыслам его создателей, сочетать «демократию со стабильностью». В целях расширения своей социальной базы, особенно в сельских районах, правительство разрешило деятельность политических партий (запрещенных с осени 1976 г.) и провело всеобщие выборы. Но в соответствии с конституцией 1978 г. роль партий, представленных в избираемой нижней палате, оказалась урезанной за счет предоставления широких полномочий сенату, формируемому из назначаемых представителей военно-бюрократической элиты. В результате все ведущие партии оказались в оппозиции к правительству Криангсака.

Неэффективность аграрной политики, неспособность удовлетворить требования профсоюзов, рост инфляции и непопулярные

меры по борьбе с нею в сочетании с усилением соперничества различных группировок в военной среде лишили правительство поддержки тех кругов, на которые оно могло бы опереться. Пришедший ему на смену кабинет Према Тинсуланона претендует на консолидацию сил военно-бюрократической и гражданской фракций правящего класса перед лицом хронических социально-экономических проблем Таиланда и сложной международной обстановки в Юго-Восточной Азии.

Прошедшие с тех пор четыре года показали, что социально-экономические факторы, определявшие ход политического развития Таиланда 70-х годов, продолжают сохранять свое значение. Ускорение капиталистического развития страны в начале 80-х годов объективно ведет к перегруппировке сил внутри правящей элиты, к усилению влияния политических партий, выражающих интересы различных слоев буржуазии, к некоторому изменению политической роли армии, бюрократии и монархии. Вместе с тем наличие полутрадиционной аграрной периферии, мучительный процесс ее перестройки на капиталистический лад, живучесть многих архаичных форм общественного сознания порождают серьезные противоречия в политической надстройке и в будущем чреваты социальными потрясениями. Общая тенденция, однако, такова, что значение традиционных факторов будет постепенно уменьшаться, а роль классов и институтов, характерных для капиталистического общества, усиливаться.

Глава I

[1] В Убоне, по данным 80-х годов XIX в., было около тысячи домов и 18 буддийских храмов. Город был центром интенсивной внутренней торговли. Вдоль городской стены располагались многочисленные лавочки китайских купцов. Население было смешанным: преобладали китайцы, но можно было встретить таи, реже кхмеров и бирманцев. На местном рынке торговали в основном женщины лао, продававшие пироги, рисовую водку, табак, овощи, рыбу. Из Убона по реке спускались барки с солью, которая обменивалась на продукты промыслов — кардамон, рога, воск [37, т. 1, с. 78].

[2] В районе Атопе (ныне на границе Кампучии с Лаосом) горные народности поставляли на рынок воск, шкуры, слоновую кость, рог оленя, быков, носорога, золото, рабов. Все это обменивалось на соль, пряжу, гончарные изделия [37, т 1, с. 134].

[3] Южный район Таиланда — север Малаккского полуострова заселяли малайцы-мусульмане, поэтому мы их социальную организацию не рассматриваем.

[4] «Поле» (на) — участок земли более или менее определенного размера, который считался как бы единицей обработанной земли.

[5] Возможно, эта форма собственности возникла из той формы землевладения, которая установилась в подвластных «китайским раджам» на юге Таиланда владениях. О таких «раджах» англичанин Е. Х. Паркер писал в 1892 г.: «Практически они вице-короли и хозяйничают в своих маленьких государствах по строгим принципам бизнеса при условии уплаты ежегодной дани королю Сиама» (цит. по [147, с. 50]).

[6] К. Венк в своей работе, посвященной периоду правления Рамы I (1782—1805), приводит такой эпизод: махаупарат, т. е. назначавшийся при жизни правителя преемник трона, попросил правителя увеличить полагавшиеся ему ежегодные выдачи из казны, которые составляли 1 тыс. чангов серебра (1 чанг =604,53 г). Просьба мотивировалась тем, что получаемая им сумма недостаточна для содержания своего двора. Рама I отказался удовлетворить просьбу махаупарата, посоветовав ему начать торговлю [307, с. 12].

[7] К этим землям устремились предпринимательские элементы столицы, однако указом правителя спекулятивные сделки с землей были запрещены [288, с. 195]

[8] Категория крестьян «прай сом»— это свободные, переданные правителем принцам и принцессам и приписанные к кромам последних. Эта категория ведет происхождение от обычая учета и регистрации молодежи в возрасте 18 лет в кромах: с 18 до 20 лет прай сом овладевали специальностью — военной или гражданской — и были на государственной службе два года. С 20 лет они регистрировались как прай луанг [224, с. 107]. Таиландский исследователь Акин Рабибхадана считает, что социальное положение прай сом в ранний период Бангкока приближалось к крепостному состоянию — они были «собственностью» принцев и могли быть переданы по наследству [257, с. 30—31]. Однако существование такой категории крестьянства не дает оснований говорить о наличии в социальной структуре Таиланда «крупных феодалов... которые с каждым годом перетягивали в свои крепостные все больше и больше крестьян» [116, с. 138].

[9] На запястье земледельца ставилось имя покровителя и название места проживания.

[10] При Раме III в ближайших к столице провинциях налог в рисе, уплачивавшийся в размере двух корзин падди с поля, был переведен в денежную форму [304, с. 22].

[11] «Чтобы откупиться от барщины,— писал Паллегуа,— нужно внести 16 тикалей чиновнику, который положит их в карман или наймет другого человека. Чиновники

обычно освобождают за такую плату от государственных работ, а выкуп присваивают. Король об этом знает, но закрывает на это глаза. По-сиамски это называется пахать на спине народа» [65, т. 1, с. 296].

[12] Погибший в войнах с Бирмой в год падения Аютии (1767 г.) свод законов был пересоставлен в 1802 г.

[13] Со второй половины XVIII в. политика благоприятствования росту городских торговых слоев и внешней торговли вела к усилению налоговой эксплуатации прай луанг, разорению целых земледельческих общин, установлению их зависимости от столичной знати и принцев. Возрастало число беглых земледельцев: на это, в частности, указывают декреты Рамы II. Беглым разрешалось вернуться в свои деревни и выбрать новых най, если старые довели их до разорения [257, с. 88]. Однако разорение членов общин было результатом действий не только най, но и государства: рента-налог, особенно же изнурительные военные кампании, отрывавшие крестьян от земли, произвол должностных лиц также вели к разорению земледельцев. На стремление последних избавиться от давления государства указывают данные, содержащиеся в указах Рамы I: прай стремились перейти в несвободное состояние, стать кха пхра или тхат ватов и частных лиц, которые оказывали им покровительство, были их най; най использовали это стремление и регистрировали земледельцев не как прай луанг, а как тхат. Указ 1788 г. не признавал покупку прай луанг в состояние тхат законной и предписывал наказание най, которые совершали подобные действия [257, с. 89].

[14] Назначение лиц из числа знати на посты наместников в провинции совершалось правителем в соответствии с рекомендациями совещательного органа. Составлялся список кандидатов с перечислением заслуг, при этом упор делался на военные качества кандидата [307, с. 27].

[15] В числе наложниц правителя Рамы I были дочери двух чао прайя — должностных лиц, возглавлявших важнейшие кромы, дочери правителей Вьентьяна Интхавонга, наместников Накхонситхаммарата и Патталунга, женщины из менее знатных семейных кланов. В гареме Рамы II из 39 женщин, имевших детей, шесть были из семейного клана его матери — ратчаникун Банчанг. Главная жена, мать будущего правителя Монгкута, была по семейному клану связана с древней линией брахманов [314, с. 217].

[16] Высший класс составляли лица в ранге пхра и сактина 1 тыс.— 5 тыс. (т. е. имевшие право на труд 40—200 прай): из них вербовались должностные лица, замещавшие наместников провинций по административной, военной и судебной линиям. Из второго класса были должностные лица в ранге луанг, управлявшие мыангом, дворцом наместника, казной и землями. Ранг и сактина 800—3 тыс. давала этим должностным лицам право на труд податного населения прай луанг. Все они несли судебные функции: должностное лицо, управлявшее мыангом, ведало уголовными делами, управлявшее дворцом — гражданскими исками, казной — долговыми спорами, землями — спорами при разделе земли и урожая. Должностные лица третьего класса были помощниками должностных лиц первого и второго классов. Их сактина была 400— 1 тыс., ранг — кун, мун, пан. Они не имели приписанных прай луанг, но могли иметь прай сом, если последние перешли к ним по наследству [257, с. 71—73, с. 113—114] Интересно провести сравнение с провинциальным чиновничеством в Бирме XVIII — начала XIX в., которое формировалось частично из «больших людей» — мьо туджи, было более самостоятельным в отношении государства, чем низшее чиновничество в Таиланде, поскольку не утрачивало связей на местах [111а, с. 29—40]

Глава II

[1] «Фактически управление определялось соглашением: если вы надзираете над провинцией и платите мне, я сохраняю вашу семью у власти до тех пор, пока не появится более сильный соперник»,— писал хорошо знавший Таиланд XIX в. английский инженер Х. В. Смит [76, т. 1, с. 21].

[2] Обложению налогом предшествовала перепись податного населения — сак лек, составление земельных кадастров, регистрация плодоносящих деревьев и плантаций сахарного тростника, перца, табака.

[3] В Бангкоке в Национальном архиве хранятся ценнейшие документы по крому махаттай. Однако публикация их все еще остается делом будущего [313, с. 112].

А между тем в этих документах заключены ответы на многие вопросы, связанные с изучением проблемы налогов и системы налогообложения.

[4] Так, для подавления восстания китайцев в сахаропроизводящем районе Накхончайси был использован слоновий корпус [39, т. 1, с. 87].

Глава III

[1] Первый неравноправный договор был заключен Таиландом с Англией в 1855 г.

[2] По словам принца Чула Чакрабонгсе, его отец получал с земель в Бангкоке доход в 20 тыс. ф. ст., по цивильному листу как чаофа 4 тыс. ф. ст. [192, с. 64].

[3] Чао Бассака на склонах горы Дон Пхах Кхам имел плантации кокосовой и арековой пальм, а также рисовые поля, которые обрабатывали «дикари» из деревушки Бан Кхон Кхен и лао из деревни Ван Та Пхо. Тот же источник называет о-в Дон Баоунг, засаженный кокосовой пальмой, ареком и бананами; обрабатывали земли рабы должностных лиц — «мандаринов» — из Бан Са Пхай [37, т. 1, с. 67—68]. «Все берега великой реки выше и ниже Бассака засажены хлопком, индиго» [37, т. 1, с. 73].

[4] Назначение на высшие должности в центральном и местном аппарате управления обязательно учитывало принадлежность лица к высшим слоям, ведущим происхождение от знати XIX в. При Раме VI (1910—1925) вводятся имена и фамилии. Королевский декрет 1916 г. запретил употреблять в фамилии слово «на» без разрешения короля: оно резервировалось для лиц, которые могли доказать, что «их предки принадлежали к семьям чиновников или заслуженных лиц, издавна утвердившихся в данной местности и пользовавшихся уважением и известностью» [305, с. 867]. Другой декрет 1916 г. запретил использование названий бывших столиц Сиамского королевства, его главных провинций, а также вассальных государств в качестве имен простолюдинов. Фамилии, содержавшие слово «на» вместе с названием столицы, были зарезервированы для семей, представители которых исполняли в прошлом обязанности наместников провинций. Семьи местной знати попали в кром кан писет — класс специальных чиновников, что было значительным понижением для лиц, в прошлом занимавших посты наместников небольших провинций. Не все чиновники ранга кром кан писет были из провинциальной знати: известны случаи, когда этот ранг получали главы местных китайских кланов, например в Питсанулоке, Пукете и других местах [305, с. 867]. Введение имен и фамилий, естественно, имело отношение ко всему населению, но этот акт абсолютной монархии выделял из общей массы тот слой, который в прошлом совпадал со знатью либо имел какие-то особые заслуги перед монархией, и этим подчеркивался особый социальный статус этих групп.

[5] Социологическое обследование, проведенное в 1963 г. американскими учеными среди гражданских служащих Таиланда, выявило такую картину: у 19% лиц, поступивших на государственную службу до 1932 г., отцы были правительственными служащими, у 5% — лицами привилегированных профессий, у 33% отцы представляли китайские деловые круги, у 43% отцы были зажиточными крестьянами [202, с. 104—105; см. также 292, с. 89].

[6] Стиклак в северных мыангах использовался для крашения хлопка и шелка. В 20-е годы спрос на него предъявили США. Экспорт стиклака из Таиланда в 1923/24 г. составил 2 млн., в 1924/25 г.—3,7 млн. тикалей [60, с. 98].

[7] Р. Ле Мей, в 20-е годы посетивший г. Пре на севере Таиланда, писал: «Пре сильно зависит от урожаев риса, а его жители не слишком предусмотрительны и не стремятся превратить его в торговый город. Когда случаются неурожаи, а это бывает довольно часто, его жители находятся на грани голодной смерти» [60, с. 157].

[8] По расчетам Скиннера, в 1874—1881 г. из числа прибывавших в Таиланд китайцев до 50% возвращались на родину через порт Сватоу, в дальнейшем этот процент от десятилетия к десятилетию возрастал [275, с. 59].

[9] Представители таких китайских торговых фирм получали западное образование в Малайе или Гонконге [275, с. 396].

[10] На севере зоны между общинами — леса и горы — были объявлены собственностью государства, что положило предел свободному передвижению общин, население которых к тому же было обложено тяжелым подушным налогом [56, с. 425].

[11] «Разве не запуганы мы ничтожнейшими призраками предрассудков, разве не сковывают нас цепи пустых, но обязательных религиозных церемоний, не находимся ли мы под влиянием чрезмерного почтения к ритуалам, не заняты ли мы нашей

прошлой и будущей жизнью настолько, что утратили веру в самих себя и вместо того, чтобы своими руками строить свою судьбу, пытаемся прочитать ее в знамениях небес, богов, явлениях природы, смутном и пустом прошлом» [278, с. 63].

Глава IV

[1] Прайя Манопакон при старом режиме занимал высокие посты в управлении.

[2] Ряд исследователей отмечал совпадение ст. 10 временной конституции Таиланда со схемой, разработанной гоминьданом и предусматривавшей поэтапное, по мере распространения грамотности, приобщение народа к политической жизни. По-видимому, в этом совпадении отразилось сходство условий, в которых приходилось действовать гоминьдану и Народной партии, а не только то, что в составе основателей Народной партии был высок процент лук чин [303, с. 130, примеч. 15].

[3] Этот тезис в изложении Э. О. Берзина получил неоправданно ироническое изложение: «Причину отсталости экономики Приди видел не в отсутствии механизации, а в том, что у сиамского крестьянина слишком много свободного времени» [116, с. 229].

[4] Луанг Вичит Ватакан по происхождению лук чин, образование получил в Париже. После революции 1932 г. возглавил департамент изящных искусств.

[5] Борьба промонархической партии против сторонников конституционной формы правления на этом не закончилась: в 1939 г. была сделана новая попытка мятежа. Но силы монархистов были подорваны, и о возврате к прежней форме государственного устройства вопрос более не поднимался [50, с. 170].

[6] Это были Пья Пахон, Пья Сонг Сурадет и Пья Рит Аккханей. Все трое участвовали в июньских событиях 1932 г. [204, с. 148].

[7] По конституции 1932 г. (ст. 46) число министров не могло быть меньше 14 и больше 24 [50, с. 183].

[8] Квота на вывоз каучука определялась Международным комитетом по регулированию экспорта каучука, в котором главную роль играл английский капитал.

[9] Есть сведения, что представитель Таиланда присутствовал на VII конгрессе Коминтерна.

[10] Приди посетил Японию в 1936 г. в качестве министра иностранных дел.

Глава V

[1] В тайской печати принято тех или иных деятелей называть только по личным именам, без указания фамилии, которые употребляются в редких случаях.

[2] В это число входят и лица, занимавшие министерские посты в 30—40-е годы и только после выхода в отставку получившие свой пай в китайских предприятиях.

[3] В данной работе для обозначения группировок, возникающих внутри правящей элиты Таиланда, автор употребляет термин «клика», поскольку слово «группа» не вполне точно отражает специфику этих объединений. Термин «клика» (clique) широко используется в англоязычной литературе по Таиланду, причем он не обязательно имеет уничижительный оттенок, свойственный русскому языку.

[4] В январе 1977 г. на первой пресс-конференции после возвращения в Бангкок из изгнания один из бывших военных диктаторов Таиланда — Прапат Чарусатьен заявил, что его «дети хотят быть солдатами... Конечно, они родились в солдатской семье. Все, что знают мои дети,— это военное дело» [101, 17. I. 1977].

[5] Позднее, анализируя опыт борьбы с повстанцами, один американский обозреватель указывал: «Больше всего, однако, поражает тот факт, что военное правительство явно не хочет укреплять национальную полицию и использовать ее для антипартизанских операций, опасаясь, что полиция — традиционный соперник армии в борьбе за власть — совершит поворот на 180 градусов и посягнет на бразды правления в стране. И только для того, чтобы отбить желание у потенциальных организаторов государственного переворота среди полиции, военные держат отборные войска и бóльшую часть своих вертолетов не на северо-востоке (район повстанческого движения.— *Н. К.*), а возле столицы» [104, 19. VI. 1967, с. 31]. До захвата власти Саритом Танаратом в 1957 г. полиция действительно была опорой соперничавшей с ним клики Пао Сианона.

[6] Генерал Перон — глава буржуазно-националистического режима в Аргентине, выступавший в свое время против засилья американских монополий. Полковник Х. Арбенс — руководитель революционно-демократического правительства Гватемалы, свергнутого в 1954 г. Генерал Супарджо — один из лидеров путча в Индонезии 1965 г., известного под названием «движения 30 сентября».

[7] Это обстоятельство, например, всячески подчеркивается двумя тайскими авторами, написавшими апологетическую статью о гражданской службе своей страны [109, 1964, т. 16, с. 345]. Американский же социолог Ф. Риггз по этому поводу с иронией замечал: «Если сравнить эту структуру с американской... то приговор будет вынесен в пользу рациональности тайской системы в противоположность безнадежной иррациональности американской» [264, с. 347].

Глава VI

[1] АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — организация пяти стран ЮВА, занимающаяся вопросами экономического, политического и культурного сотрудничества. Таиланд входит в нее с 1967 г.

[2] В 1911 г. население Таиланда составляло 8266 тыс., в 1960 г.—26 258 тыс., в 1970 г.— около 36 млн., а в конце 1975 г.— около 42 млн. [170, с. 17—18]. В настоящее время население Таиланда приближается к 50 млн.

[3] На северо-востоке, где проживает около 9 млн. человек в основном лаосской национальности, годовой доход на душу населения был в 2 раза ниже среднего по стране. Здесь и на севере, населенном различными племенами горцев (мео), повстанцами руководила ориентировавшаяся на Пекин компартия Таиланда. На юге Таиланда — районе расселения малайцев-мусульман — движение возглавляли организации малайских сепаратистов, а также пропекинская компартия Малайи. К 1975 г. регулярные силы повстанцев насчитывали 9,5 тыс. человек, кроме того, их поддерживало 8 тыс. ополченцев, тогда как в 1972 г. повстанцев было всего 3,5 тыс. и в 1973 г.—5 тыс. Территорию, охваченную партизанскими выступлениями, населяло до 3,6 млн. жителей. За 10 лет с 1965 г. повстанцы убили 2410 чиновников, полицейских и военнослужащих [98, 13. XI. 1976].

[4] Период, последовавший за событиями 1973 г. и продолжавшийся вплоть до военного переворота в октябре 1976 г., в таиландской политической литературе известен под названием «демократический эксперимент».

[5] Вскоре после переворота 1976 г. расследование прошлой деятельности Танома, Прапата и Наронга было прекращено. Они были реабилитированы и вслед за Таномом возвратились в Таиланд. Весьма характерны высказывания Чарусатьена на его первой пресс-конференции в Бангкоке: «Я всегда придерживался демократических принципов... всегда хотел видеть Таиланд демократической страной... Если же речь идет о выводе всего американского персонала из Таиланда, то это, по-моему, опасно. Я против этого... Мы остаемся единственной страной в Индокитае, которая сохранила демократию». И, наконец, по поводу массовых выступлений 14 октября 1973 г. «За событиями стояли коммунисты и левые. 13 мятежников я арестовал. Разве это неправильно?» [101, 17. I. 1977].

[6] В выборах приняло участие всего 43,54% избирателей, в том числе на северо-востоке — 53,33%, а в центральных провинциях — 36,59% [87, 27. IV. 1979]

ЛИТЕРАТУРА

Работы основоположников марксизма-ленинизма[1]

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Т. I
2. Маркс К. Морализирующая критика и критизирующая мораль.— Т. 4.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8.
4. Маркс К. Революционная Испания.— Т. 10.
5. Маркс К. Критика готской программы.— Т. 19.
6. Маркс К. Капитал. Т. I.—Т. 23.
7. Маркс К. Капитал. Т. II.— Т. 24.
7а. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. I.— Т. 46. Ч. I.
8. Маркс К. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы.— Т. 46. Ч. II.
9. Энгельс Ф. К жилищному вопросу.— Т. 18.
10. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
10а. Энгельс Ф.— Марксу в Брюссель.— Т. 27.
11. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века.— Т. 17.
12. Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Т. 20.
13. Ленин В. И. Политические партии в России.— Т. 21.
14. Ленин В. И II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля 7 августа 1920 г.— Т. 41.

Документы КПСС и международного коммунистического движения

15. Доклад П. Тольятти.— Шестой конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 6. М.— Л., 1929.
16. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
17 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981

Источники

Публикации документов и статистических материалов

18. Донесение А. Е. Оларовского В. Н. Ламздорфу о восстании в Сиаме и помощи Франции в его подавлении. 7 (20) апреля 1902 г.— Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы. Ч. 2. М., 1967.
19. Сборник секретных документов из Архива бывшего МИДа, декабрь 1917. Пг., [1918], тетр. № 2.
20. The Directory of Siam 1920. Bangkok, 1920.
21. The Directory for Bangkok and Siam 1920. L., 1920.
22. The Directory for Bangkok and Siam 1921. L., 1921.
23. The Dynastic Chronicles. Bangkok Era the First Reign: Chaophraya Thiphakorawong Edition. Transl. and ed. by Th. and Ch. Flood. Vol. 1. Text. Tokyo, 1978.
24. Great Britain. Foreign Office. Diplomatic and Consular Report on Trade and Finance. Annual Series: № 771. Siam. Report for the Year 1889 on the Trade of Bangkok. L., 1890.
25. Great Britain. Foreign Office. Diplomatic and Consular Report on Trade and

[1] Труды К. Маркса и Ф. Энгельса даются по второму изданию Сочинений. В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Finance. Annual Series: № 938. Report for the Year 1890 on the Trade of Siam. L., 1891.
26. Report of the Financial Adviser on the Budget of the Kingdom of Siam for the Year 2469 (1926-27). Bangkok, 1927.
27. Report of the Financial Adviser on the Budget of the Kingdom of Siam for the Year 2473 (1930-31). Bangkok, 1931.
28. Siam's Political Future. Documents from the End of the Absolute Monarchy. Comp. and ed. with Introd. by B. A. Batson. Ithaca (N. Y.). 1974.
29. Statistical Yearbook of the Kingdom of Siam 1924. Bangkok, 1925.
30. Statistical Yearbook of Siam 1936/37. Bangkok, 1939.
31. Statistical Yearbook. Thailand № 21. B. E. 2482 (1939—1940) to 2487 (1944) Bangkok, 1950.
32. Thailand. Constitution 1968: Constitution du Royaume de Thailande (21 juin 1968). P., 1969.
33. Thailand. Constitution 1975. Constitution du Royaume de Thailande.— "Informations Constitutionneles et Parlementaires". № 101. Genève, 1975.
34. Thiphaakorawong Chaophaya. The Dynastic Chronicles. Bangkok Era. The Fourth Reign B. E., 2394—2411 (A. D. 1851—1868). Vol. 1—2. Tokyo, 1965—1966.

Работы современников, обследования деревень

35. Aksorluksna, Luang Pracherd. La constitution siamoise de 1932. P., 1933.
36. Andrews J. Siam. 2nd Rural Economic Survey. 1934—1935. Bangkok, 1935.
37. Aymonier E. Voyage dans le Laos T, 1—2. P., 1895—1897.
38. Bailey J., Whittington R. Economic Conditions in Siam at the Close of 1934. Report. L., 1935.
39. Bowring J. The Kingdom and People of Siam with a Narrative of the Mission to that Country in 1855. Vol. 1—2. Kuala Lumpur, 1969.
40. [Bradley D B.]. Abstract of the Journal of... Dan Beach Bradley, M. D. Medical Missionary in Siam, 1835—1873. Cleveland, 1936.
41. Carter A. C. The Kingdom of Siam. N. Y., 1904.
42. Chaudruang K. Young Siam in the New World.— «Asia». May, 1939.
43. Crawfurd J. Journal of the Embassy from the Governer-General of India to the Courts of Siam and Cochin China Exhibiting a View of the Actual State of Those Kingdoms. Vol. 1—2. L., 1830.
44. Crosby J. Siam. L., 1920.
44a Curtis L. T. The Laos of Northern Siam. Philadelphia, 1903.
45. Engel D. M. Code and Custom in a Thai Provincial Court: the Interaction of Formal and Informal Systems of Justice. Tucson (Arizona), 1978.
46. Fraser Th. M. Rusembilan: A Malay Fishing Village in Southern Thailand. Ithaca (N. Y.), 1960.
47 Graham W. A. Siam. Vol. 1—2. L., 1924.
48. Heide J. H. van der. The Economical Development of Siam during the Last Half Century.— JSS. 1906, vol. 3, p. 2.
49. Holt-Hallet S. A. Thousand Miles on an Elephant. L., 1890.
50. Jolabhoom T. La Thailande (Siam) sous le régime constitutionnel. Caen, 1940.
51. Judd L. C. Dry Rice Agriculture in Northern Thailand. Ithaca (N. Y.), 1964.
52. Kanchanadul P. L'organization administrative de la Thailande (Siam). P., 1940.
53. Kaufman H. K. Bagkhaud. A Community Study in Thailand. N. Y., 1960.
54. Keyes Ch. F. Kin Groups in a Thai-Lao Community — Change and Persistence in Thai Society. Essays in Honour of Lauriston Sharp. Ed. by G. W Skinner and A. Th. Kirsch. Ithaca — London, 1975.
55. Keyes Ch. F. In Search of Land: Village Formation in the Central Chi River Valley, Northeastern Thailand.— CAS. 1976, vol. 9.
56. Kunstadter P Usage et tenure des terres chez les Lua (Thailande). ER, 1974, № 53—56.

57. La Loubère. Description du royaume de Siam. Vol. 1—2. Amsterdam, 1700.
58. Lainé J. P. Le delta de la Menam Chao Phraya (Thailande). Un exemple d'éménagement hydraulique.— ER, 1974, № 53—56.
59. Leckie Ch. S. The Commerce of Siam in Relation to the Trade of the British Empire.— JRSA. 1894, vol. 42.
60. Le May R. An Asian Arcady. The Land and People of Northern Siam. Cambridge, 1926.
61. Manish-Jumsai M. L. King Mongkut and Sir John Bowring (From Sir J. Bowring's Personal Files, Kept at the Royal Thai Embassy in London). Bangkok, 1970.
62. McGilvary D. A Half Century among the Siamese and Laos. N. Y. — L., 1912.
63. Mentzer E. H., Piker St. Personality Profiles for Two Central Thai Villages.— CAS, 1975, vol. 8.
64. Mouhot H. Travels in the Central Parts of Indochina (Siam), Cambodia and Laos during the Years 1858, 1859, and 1860. Vol. 1—2. L., 1964.
65. Pallegoix M. Description du Royaume Thai ou Siam. Vol. 1—2. P., 1854.
66. Piker St. The Post-Peasant Village in Central Plain Thai Society.— Change and Persistence in Thai Society.
67. Piker St. The Closing of the Frontier. Land Pressures and Their Implications for Rural Social Organization in the Thai Central Plain. — CAS. 1976, vol. 9.
68. Potter J. M. Thai Peasant Social Structure. Chicago — London, 1976.
69. The Pridi Panomiong Story. My Revolutionary Adolescence.— «Bangkok Post», 21, 24.XI.1974.
70. Pugh M. Economic Development of Siam. Wash., 1929.
71. Richardson Dr. Journal of a Mission from the Supreme Government of India to the Court of Siam.— JASB. 1839, vol. 8, p. 2, № 36.
72. Rubin H. J. The Dynamics of Development in Rural Thailand. De Kalb (Ill). 1974.
73. Sharp R. B. and L. Some Archeological Sites in North Thailand.— JSS. 1964, vol. 52.
74. Sharp L, Hanks L. M Bangchan. Social History of a Rural Community in Thailand. Ithaca — London, 1978.
75. Siam. Nature and Industry. Ministry of Commerce and Communications. Bangkok, 1930.
76. Smyth H W Five Years in Siam (from 1891 to 1896). Vol. 1—2. L., 1898.
77. Srikasibhandha S Le pouvoir royal à la Thailande. Caen, 1940.
78. Thompson P Lotus Land Being an Account of the Country and the People of Southern Siam. L., 1906.
79. Wright A, Breakspear O. T. Twentieth Century Impressions of Siam: History, People, Commerçe, Industries, Resources. L., 1908.
80. Zimmerman C. Siam, Rural Economic Survey 1930-31. Bangkok, 1931.

Периодика

81. «Азия и Африка сегодня», М.
82. «За рубежом», М.
83. «Правда». М.
84. «Asia Magazine», Bangkok.
85. «Asian Survey». Berkeley.
86. «Asian Wall Street Journal». Bangkok.
87. «Bangkok Post».
88. «Bangkok World».
88a. «Bulletin du Comité de l'Asie Française». P
89. «Current History». Philadelphia.
90. «Eastern World». L.
91. «Far Eastern Economic Review». Hong Kong.
92. «Far Eastern Survey».
93. «Financial Times». L.
93a. «Foreign Affairs». Wash.
94. «Frankfurter Algemeine».

95. «Guardian». L.
96. «Investor». Bangkok.
97. «Japan Times Weekly». Tokyo.
98. «Le Monde». P.
99. «Le Monde diplomatique», P.
100. «Morning Express». Bangkok.
101. «Nation». Bangkok.
102. «National Review». Bangkok.
103. «Newsweek». Bangkok.
104. «Newsweek». Wash.
105. «New York Times».
106. «Pacific Affairs». Vancouver.
107. «Time». N. Y.
108. «Times of India». Delhi.
109. «United Asia». Bombay.
110. «US News and World Report». Wash.
111. «Washington Post».

Литература

111а. Агаджанян А. С. Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме.— НАА. 1983, № 3.
112. Агаев С. Л. Пути и этапы общественного развития Ирана в XX в.— НАА. 1977, № 3.
113. Агаев С. Л. «Мейдзи исин»: революция или реформа? (Опыт историко-типологического анализа).— НАА, 1978, № 2.
114. Беленький А. Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии. 1917—1942 гг. Радикальный мелкобуржуазный национализм. М., 1978.
115. Берзин Э. О. Борьба европейских держав за сиамский рынок (30—80-е годы XVIII в.). М., 1962.
116. Берзин Э. О. История Таиланда (Краткий очерк). М., 1973.
117. Борисов Ф. Б. Обсуждение типологии развитого феодализма в странах Востока.— НАА. 1977, № 2.
118. Васильев В. Ф. Очерки истории Бирмы. 1885—1947. М., 1962.
119. Владимиров А. А., Юрьев К. И. Особенности современного положения в Таиланде.— ПДВ, 1977, № 1.
120 Владимиров В Как рождается коррупция? — ААС. 1968, № 11
121 Гордон А. В. Полевые исследования тайской деревни как источник изучения трансформации буддизма (50—70-е годы). — НАА. 1979, № 6.
121а. Гордон А. В. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии (научно-аналитический обзор дискуссии американских этнографов о социальной организации и межличностных отношениях в тайской деревне). М., 1980.
122. Гулиев В. Е. Современное империалистическое государство. М., 1973.
123. Дворжак Л. Экономические основы неоколониализма. М., 1969.
124. Дольникова В. А. Рабочий класс Таиланда. М., 1971.
125. Ерасов Б. С. К характеристике социокультурного универсализма в цивилизациях Востока.— Исследования социологических проблем развивающихся стран (теория социальной структуры). М., 1978.
126. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
127. Зарубежный Восток и современность. Т. I. М., 1980.
128. Зубов А. Б. Некоторые общественно-политические причины установления олигархического режима в Таиланде после июньских событий 1932 г.— Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977.
129. Зубов А. Б. Парламентаризм в Таиланде (Опыт исследования политического развития современного восточного общества методом анализа статистики парламентских выборов). М., 1982.

130. Иванова Е. В. Тайские народы Таиланда. М., 1970.
131. Иванова Е. В. Таиланд. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
132. Иванова Е. В. Концепция «рыхлой структуры» таиландского общества в современной американской этнографии.— Социальная история народов Азии. М., 1975.
132а. Ивин А. Что происходит в Сиаме? — «Тихий океан». М., 1935, № 5.
132б. Ильюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
133. Искольдский В. И. К аграрному вопросу в Таиланде.— Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1966.
134. Искольдский В. И. Таиланд. Экономические очерки. М., 1971.
135. История СССР. Первая серия. Т. 3. М., 1967.
136. Калашников Н. И. Некоторые особенности развития современной тайской бюрократии.— Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн. 2 (Материалы научной конференции в Институте востоковедения АН СССР). М., 1974.
137. Калашников Н. И. Роль правящих элит в современной общественной эволюции Индонезии и Таиланда.— Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977.
137а. Кожевников В. А. Очерки новейшей истории Лаоса. М., 1979.
138. Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1975.
139. Корнев В. И. Тайский буддизм. М., 1973.
140. Корнев В. И. Попытка определения интернациональных и национальных элементов в идеологических системах стран «третьего мира» на примере Таиланда.— Национальное и интернациональное в идеологии национально-осободительного движения. Ч. 2. М., 1974.
141. Корнев В. И. Таиланд: студенты и политика. 70-е годы. М., 1981.
141а. Корнев В. И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М., 1983.
142. Кюзаджян Л. С. Вьетнамско-китайские революционные связи в эпоху пробуждения Азии.— В И. 1959, № 1
143. Лайнгер С. Р. Социальная организация китайских мигрантов — хуацяо (по материалам японских исследований).— НАА. 1978, № 4.
144. Ларионова Л. В., Ребрикова Н. В. Зарождение в Таиланде национальной историографии.— Национальная историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1974.
145. Ларионова Л. В. Буржуазная революция в Таиланде. 1932—1934. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. истор. наук. М., 1977.
146. Ларионова Л. В. Революция 1932—1934 гг в Таиланде: образование Народной партии и ее состав.— Экономика и история стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1978.
147. Мельниченко Б. Н. Социальные реформы в Таиланде в конце XIX — начале XX в. М., 1976.
148. Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970.
149. Мнацаканян Э. А. Колониализм и его исторические формы. М., 1976.
150. Новая история Вьетнама. Отв. ред. С. А. Мхитарян. М., 1980.
151. Новая история Индии. Отв. ред. К. А. Антонова, Н. М. Гольдберг, А. М. Осипов. М., 1961.
152. Павлов В. И. Система «распределение — сфера обмена» как элемент базисных отношений позднесредневековых обществ Азии.— НАА. 1978, № 5.
152а. Понгсанти Т Суверенная страна в неоколониалистских цепях.— «Проблемы мира и социализма», 1982, № 4.
153. Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии. М., 1971
154. Развивающаяся Азия. М., 1973.
155. Ребрикова Н. В. Очерки новейшей истории Таиланда (1918—1959). М., 1960.
156. Ребрикова Н. В. Очерки новой истории Таиланда (1768—1917) М., 1966.

157. Реброва Н. В. Источники по истории сиамского общества в средние века.— Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1971.
158. Реброва Н. В. Сиам (Таиланд).— Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.). М., 1973.
159. Реброва Н. В. Советская историография Таиланда.— Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
160. Реброва Н. В. Таиланд. Социально-экономическая история (XIII—XVIII вв.). М., 1977.
161. Рейснер Л. И. [рец.: А. Б. Беленький. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1917—1942 гг. Радикальный мелкобуржуазный национализм. М., 1978].— НАА. 1978, № 6.
162. Севортян Р. Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.
163. Сентеш Т. Толкование экономической отсталости. Будапешт, 1967.
164. Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
165. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.
166. Симония Н. А. Особенности социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии и проблема экономической самостоятельности.— Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии. М., 1970.
167. Симония Н. А. Экономические процессы и эволюция политических систем в странах Востока (70-е годы).— Структурные сдвиги в экономике и эволюция политических систем в странах Азии и Африки в 70-е годы (Тезисы докладов на научно-теоретической конференции). М., 1979.
168. Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. Вопросы теории. Постановка проблемы.— Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978.
169. Словесная Н. Г. Интеллигенция Таиланда. М., 1983.
170. Современный Таиланд. Справочник. М., 1976.
171. Сочевко Г. Г. Некоторые особенности формирования национального капитала в ЮВА в 50—60-х годах.— Экономические проблемы стран Юго-Восточной Азии. М., 1978.
172. Структурные сдвиги в экономике и эволюция политических систем в странах Азии и Африки в 70-е годы (Тезисы докладов на научно-теоретической конференции). М., 1979.
173. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
174. Федоров В. А. Армия и политический режим в Таиланде (1945—1980). М., 1982.
175. Хорос В. Г. «Народничество» в развивающихся странах.— НАА. 1973, № 2.
176. Хорос В. Г. «Народничество» на современном этапе национально-освободительного движения.— НАА. 1973, № 3.
177. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
178. Чешков М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979.
179. Чистозвонов А. Н. К вопросу о стадиально-региональном методе сравнительно-исторического изучения буржуазных революций.— Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
179a. Andersen K. E. Deference for the Elders and Control over the Younger among the Karen in Thailand.— "Volk". 1979/80, Bd 21—22.
180. Ayal E. Value Systems and Economic Development in Japan and Thailand.— "Journal of Social Issues", 1963, vol. 19.
181. Badgley I. H. Two Styles of Military Rule: Thailand and Burma.— "Government and Opposition". L., 1969, vol. 4.
182. Bell P. F. "Cycles" of Class Struggle in Thailand.— "Journal of Contemporary Asia". London—Stokholm, 1978, vol. 8, № 2.
183. Brandt A. Merit, Hierarchy and Royal Gift-Giving in Traditional Thai

Society.— "Bijdragen tot de taal, land- en volkenkunde de van Nederlandsch Indie". Nijhoff, 1975, vol. 131, № 4.
184. Bruneau M. Ethnies, peuplement et organisation de l'espace en Thailande septentrionale.— COM. 1974, № 108.
185. Bruneau M., Durand-Fasserve A., Molinée M. La Thailande: analise d'un espace national.— EG. 1977, vol. 6, № 3.
186. Bunnak T. Buddhist Monk, Buddhist Layman. A Study of Urban Monastic Organization in Central Thailand. L., 1973.
187. Bunnag T. The Provincial Administration of Siam. 1892—1915. Kuala Lumpur, 1977.
187a. Calavan K. M. Princes and Commoners in Rural Northern Thailand: the Case of Cao Mahavong.— CAS. 1980, vol. 15.
188. Callis H. G. Foreign Capital in Southeast Asia. N. Y., 1942.
189. Casella Al. Communism and Insurrection in Thailand.— WT. May, 1970.
190. Change and Persistence in Thai Society. Essays in Honor of Lauriston Sharp. Ed. by G. W. Skinner and A. Th. Kirsch. Ithaca and London, 1975.
191. Chula Chakrabongse. Brought up in England. L., 1943.
192. Chula Chakrabongse. The Twain Have Met or an Eastern Prince Came West. L., 1957.
193. Chula Chakrabongse. Lords of Life. The Paternal Monarchy of Bangkok 1782—1932. With the Earlier and More Recent History of Thailand. L., 1960.
194. Coast J. Some Aspects of Siamese Politics. N. Y., 1953.
195. Crosby J. The Failure of Constitutional Government in Siam.— AR. 1943, vol. 39.
195a. Crosby J. Siam: the Crossroads. L., 1945.
196. Darling F. Political Parties in Thailand.— PA. 1971, vol. 44, № 2.
197. Darling F. and P. Thailand: the Modern Kingdom. Singapore, 1971.
198. Darling F. Student Protest and Political Change in Thailand.— PA. 1974, vol. 47, № 1.
199. Dilok. Die Landwirtschaft in Siam. Lpz., 1908.
200. Elliot D. Thailand: Origins of Military Rule. L., 1978.
201. Embree J. F. Thailand. A Loosely Structured Social System.— AA. 1950, vol. 52, № 2.
202. Evers H. D. The Formation of a Social Class Structure: Urbanization, Bureaucratization and Social Mobility in Thailand.— ASR. 1966, vol. 31, № 4.
203. Feuerwerker A. Rebellion in Nineteenth-Century China. Ann Arbor, 1975.
204. Fistié P. L'évolution de la Thailande contemporaine. P., 1967
205. Fistie P. Minorités ethniques. Opposition et subversion en Thailande.— PE. 1967, année 32, № 3.
206. Fistié P. Sous-développement et utopie au Siam. Le programme de réformes présenté en 1933 par Pridi Phanomyong. P., 1969.
207. Flood Th. The Thai Left Wing in Historical Context.— BCAS. 1975, vol. 7, № 2—3.
208. Flood Th. The United States and Military Coup in Thailand. Indochina Resource Centre Publication. Wash., 1976.
209. Fressen H. Strategie und Bilanz der thailändischen Agrarpolitik 1945 bis 1977.— AALA. 1978, Bd 6. Hf. 4.
210. Girling I. F. S. Thailand: The Coup and Its Implication.— PA. 1977, vol. 50, № 3.
211. Griswold A. B., Prasert na Nagara. On Kingship and Society at Sukhodaya.— Change and Persistence in Thai Society.
212. Haas M. R. The Declining Descend Rule for Rank in Thailand: a Correction.— AA. 1951, vol. 53, № 4.
212a. Hale A. A Reassesment of Northern Thai Matrilineage.— "Mankind", 1979, vol. 12, № 2.
213. Hanks L. M. Merit and Power in the Thai Social Order.— AA. 1962, vol. 64, № 6.
214. Hanks L. M. Rice and Man: Agricultural Ecology in Southeast Asia. Chicago, 1972.

215. Hanks L. M. Thai Social Order as Entourage and Circle.— Change and Persistence in Thai Society.
216. Haseman J. B. The Thai Resistance Movement during the Second World War. De Kalb (Ill), 1978.
217. Hindley D. Thailand: the Politics of Passivity.— PA. 1968, vol. 41, № 3.
218. The History of South-East, South and East Asia. Kuala Lumpur etc. 1977.
219 Hoadley S. Soldiers and Politics in Southeast Asia: Civil-Military Relations in Comparative Perspective. Cambridge, 1975.
220. Ingersoll J. Merit and Identity in Village Thailand.— Change and Persistence in Thai Society.
221. Ingram J. Economic Change in Thailand. 1850—1970. Stanford, 1971.
222. Insor D. Thailand. A Political, Social and Economic Analysis. L., 1963.
223. Ishii Y. A Note on Buddhistic Millenarian Revolts in North-East Siam.— ISAS, 1975, vol. 6, № 2.
224. Jacobs N. Modernization without Development. Thailand as an Asian Case Study. N. Y.— Wash.— L., 1971.
225. Jacoby E. H. Agrarian Unrest in Southeast Asia. Bombay, 1961.
226. Johnston D. B. Opening a Frontier. The Expansion of Rice Cultivation in Central Thailand in the 1890's.— CAS. 1976, vol. 9.
227. Jones F. C. Japan's New Order in East Asia. Its Rise and Fall 1937—1945. L.— N. Y., 1954.
228. Jones R. B. Thai Titles and Ranks. Including a Translation of Traditions of Royal Lineage in Siam by King Chulalongkorn. Ithaca (N. Y.), 1971.
229. Kasetsiri Ch. The Rise of Ayudhya: a History of Siam in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Kuala Lumpur, 1976.
230. Keyes Ch. F. Isan: Regionalism in Northeastern Thailand. N. Y., 1967.
231. Kirsch A. Th. Modernizing Implications of 19th Century Reforms in the Thai Sangha.— CAS. 1975, vol. 8.
232. Kirsch A. Th. Economy, Policy and Religion in Thailand.— Change and Persistence in Thai Society.
233. Kroef J. M. van der. Communism and Political Instability in Thailand.— IS. 1976, vol. 12, № 9.
234. Landon K. P. Thailand in Transition. Chicago, 1939.
235. Landon K. P. The Chinese in Thailand. L., 1941.
236. Lapomarède de. The Setting of the Siamese Revolution.— PA. 1934, vol. 7, № 3.
237. Loosely Structured Social Systems: Thailand in Comparative Perspective. Ed. by H.-D. Evers. New Haven, 1969.
238. Luther H. U. Peasants and State in Contemporary Thailand: from Regional Revolt to National Revolution? Hamburg, 1978.
239. Mallet M. Causes and Consequences of the October 76 Coup.— JCA. 1978, vol. 8, № 1.
240. Marks Th. A. The Thai Monarchy under Siage.— AQ. 1978, № 2.
241. Mesey M. I. The 1971 Coup in Thailand: Understanding Why the Legislative Fails.— AS. 1973. vol. 13, № 3.
242. Moerman M. Chiangkam's Trade in the "Old Days".— Change and Persistence in Thai Society.
243. Mokarapong T. History of the Thai Revolution. Bangkok, 1972.
244. Morell D., Chai-anan Samudavanija. Thailand since October 1973: Dissolution of a Revolution.— PC. July, 1975.
245. Morell D., Chai-anan Samudananija. Thailand's Revolutionary Insurgency: Change in Leadership Potential.— AS, 1979, vol. 19, № 4.
246. Muscat R. I. The Development Strategy in Thailand. N. Y., 1967.
247. Neher C. D. Constitutionalism and Election in Thailand.— PA. 1970, vol. 43, № 2.
248. Neher C. D. The Dinamics of Politics and Administration in Rural Thailand. Athens (Ohio), 1974.
249. Neher C. D. Stability and Instability in Contemporary Thailand.— AS. 1975, vol. 15, № 12.
250. Neher C. D. Political Corruption in a Thai Province.— JDA. 1977, № 11

251. Phillips H. P. Thai Peasant Personality. The Patterning of Interpersonal Behavior in the Village of Banchan. Berkeley — Los Angeles 1965.
252. Portraits of Thai Politics. Ed. by I. K. Ray. Delhi, 1972.
253. Prizzia R. Thailand: New Social Forces and Re-Emerging Socialist Principles.— AQ. 1975, № 4.
254. Prizzia R., Sinsawasdin. Thailand: Student Activism and Political Change. Bangkok, 1974.
255. The Psychological Study of Theravada Societies.— CAS. 1975, vol. 8.
256. Pye L. W. Armies in the Process of Political Modernization.— The Role of the Military in Underdeveloped Countries. Princeton, 1962.
257. Rabibhadana A. The Organization of Thai Society in the Early Bangkok Period. 1782—1873. Ithaca (N. Y.), 1969.
258. Rabibhadana A. Clientship and Class Structure in the Early Bangkok Period.— Change and Persistence in Thai Society.
259. Race J. The Future of Thailand.— PC. 1977, vol. 8, № 2.
260. Ramsay A. Modernization and Reactionary Rebellions in Northern Siam.— JAS. 1979, vol. 38, № 2.
261. Reeve W. D. Public Administration in Siam. L.— N. Y., 1951.
262. Reynolds C. J. Buddhist Cosmography in Thai History with Special Reference to Nineteenth-Century Cultural Change.— JAS. 1976, vol. 35, № 2.
263. Reynolds C. J. Monastery Lands and Labour Endowments in Thailand. Some Effects of Social and Economic Change, 1868—1910.— JESHO, 1979, vol. 22, p. 2.
264. Riggs F. W. Thailand. The Modernization of a Bureaucratic Polity. Honolulu, 1966.
265. The Role of the Military in Underdeveloped Countries. Ed. by I. Jonson. Princeton, 1962.
266. Rosenberg Kl. Das Thema "Eintracht" im thailändischen Schrifttum der Epoche König Chulalonkon's (r. 1868—1910).— "Oriens Extremus". Hamburg, 1978, Jg 25, H. 1.
267. Roth D. F. Dimentions of Policy Change: towards an Explanation of Rural Change Policies in Thailand.— AS. 1976, vol. 16, № 11.
268. Roy E. van. Structure of the Miang Economy.— Ethnographic Notes on Northern Thailand. N. Y., 1965.
269. Roy E. van. Economic Systems of Northern Thailand. Structure and Change. Ithaca-London, 1971.
269a. Royalty and Commoners: Essays in Thai Administrative, Economic and Social History. Ed. by C. M. Wilson a. o.— CAS, 1980, vol. 15.
270. Rubin H. J. Will and Awe: Illustrations of Thai Villager Dependency upon Officials.— JAS. 1973, vol. 32, № 3.
271. Rubin H. J. Rules, Regulations, and the Rural Thai Bureaucracy.— JSEAS. 1980, vol. 11, № 1.
272. Schweisguth P. Etude sur la littérature siamoise. P., 1951.
273. Sein Lin, Exposito B. Agrarian Reform in Thailand: Problems and Perspectives.— PA. 1976, vol. 49, № 3.
274. Siffin W. Thai Bureaucracy. Honolulu, 1966.
275. Skinner G. W. Chinese Society in Thailand. An Analitical History. N. Y., 1957.
276. Skinner G. W. Chinese Assimilation and Thai Politics.— JAS, 1957, vol. 16. № 2.
277. Skinner G. W. Leadership and Power in the Chinese Community of Thailand. Ithaca (N. Y.), 1958.
278. Skrobanek W. Buddhistische Politik in Thailand. Wiesbaden, 1976.
279. Smith R. B. Thailand and Vietnam.— JSS. July, 1972.
280. Somporn S. Coalition Behavior in Modern Thai Politics: a Thai Perspective. Singapore, 1976.
281. Somporn S. Some Observations on the Elections and Coalition Formation in Thailand. Singapore, 1976.
282. Somvichian K. "The Oyster and the Shell": Thai Bureaucrats in Politics.— AS. 1978, vol. 18, № 8.
283. Southeast Asia: the Documents of Political Development and Change. Ed. by R. M. Smith. Ithaca (N. Y.), 1974.

284. Southeast Asia: the Politics of National Integration. Ed. by C. McAlister Jr. N. Y., 1973.
285. Stránsky J. Die Wiedervereinigung Thailands unter Taksin 1767—1782. Hamburg, 1973.
286. Suksamran S. Political Buddhism in Southeast Asia. L., 1977.
287. Takaya Y. An Ecological Interpretation of Thai History.— JSAS. 1975, vol. 6, № 2.
288. Tanabe Shigeru. Historical Development of the Canal System in the Chao Phraya Delta.— "Tonan Ajia Kenkyu". 1973.
289. Tecnocrats in Southeast Asia. Symposium.— AS. 1976, vol. 16, № 12.
290. Textor R. B. The "Loose Structure" of Thai Society: A Paradigm under Pressure.— PA. 1977, vol. 50, № 3.
291. Thailand: the Roots of Conflict. Ed. by A. Turton, J. Fast, M. Caldwell. Nottingham, 1978.
292. Thailand: Social and Economic Studies in Development. Ed. by T. H. Silcock. Canberra, 1967.
293. Thamsook Numnonda. Pibunsongkram's Thai Nation-Building Programme during the Japanese Military Presence. 1941—1945.— JSAS. 1978, vol. 9, № 2.
294. Thompson V. Thailand: the New Siam. N. Y., 1941.
295. Thompson V. Labour Problems in South-East Asia. L., 1947.
296. Thompson V. Thailand: Nationalism and Prosperity.— CH. 1952, vol. 23, № 132.
297. Tominaya Kenichi, Komai Hiroshi a. o. The Modernization and Industrialization of Thai Society: a Sociological Analysis.— EACS. 1969, vol. 8, 9, № 1—4.
297a. Tomosugi T. A Structural Analysis of Thai Economic History. Tokyo, 1980.
298. Toru Sano. Land Tenure in Thailand.— AS. 1968, vol. 8, № 10.
299. Tradition and Change in Theravada-Buddhism in Ceylon and Thailand in 19th — 20th Centuries. Ed. by B. L. Smith.— CAS. 1973, vol. 4.
300. Trager F. N. (Ed.). Marxism in South-East Asia. Stanford, 1959.
301. Trend towards Democracy in Thailand. Bangkok, 1944.
302. Turton A. The Current Situation in Thai Countryside.— JCA. 1978, vol. 8, № 1.
303. Vella W. F. The Impact of the West on Government in Thailand. Berkeley — Los Angeles, 1955.
304. Vella W. F. Siam under Rama III, 1824—1851. N. Y., 1957.
305. Vickery M. Thai Regional Elites and the Reform of King Chulalongkorn.— JAS. 1970, vol. 29, № 4.
306. Wales H. G. Qu. Ancient Siamese Government and Administration. L., 1934.
307. Wenk K. The Restoration of Thailand under Rama I. 1782—1809. Tucson (Arizona), 1968.
308. Wilson D. A. Politics in Thailand. N. Y., 1966.
309. Wilson D. A. The United States and the Future of Thailand. N. Y.— Wash.— L., 1970.
310. Wit D. Thailand: Another Vietnam. N. Y., 1968.
311. Woodman D. Soldier and Stateman: Pibul and Pridi.— AH. 1948, vol. 1.
312. Wyatt D. K. Siam and Laos, 1767—1827.— JSAH. 1963, vol. 4, № 2.
313. Wyatt D. K., Wilson C. M. Thai Historical Materials in Bangkok.— JAS, 1965, vol. 25, № 11.
314. Wyatt D. K. Family Politics in Nineteenth Century Thailand.— JSAH. 1968, vol. 9, № 2.
315. Wyatt D. K. Politics of Reform in Thailand. Education in the Reign of King Chulalongkorn. New Haven—London, 1969.
316. Wyatt D. K. Education and the Modernization of Thai Society.— Change and Persistence in Thai Society.
317. Zahir A. Land Reforms in South-East Asia. Delhi, 1975.
318. Zimmerman R. F. Reflections on the Collapse of Democracy in Thailand Singapore, 1978.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААС — «Азия и Африка сегодня». М.
ВИ — «Вопросы истории». М.
НАА — «Народы Азии и Африки». М.
ПДВ — «Проблемы Дальнего Востока». М.
AA — «American Anthropologist».
AALA — «Asien — Afrika — Lateinamerika». B.
AH — «Asian Horizon».
AQ — «Asia Quarterly» Bruxelles.
AR — «Asiatic Review».
AS — «Asian Survey». Berkeley.
ASR — «American Sociological Review». N. Y.
BCAS — «Bulletin of Concerned Asian Scholars».
CAS — «Contributions to Asian Studies». Leiden.
CH — «Current History». Philadelphia.
COM — «Cahiers d'outre-mer». Bordeaux.
EACS — «East Asian Cultural Studies». Tokyo.
EG — «Espace géographique». P.
ER — «Etudes rurales». P.
IS — «Issues and Studies». Taipei.
JAS — «Journal of Asian Studies». Ann Arbor
JASB — «Journal of the Asiatic Society of Bengal».
JCA — «Journal of Contemporary Asia».
JDA — «Journal of Developing Areas».
JESHO — «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Leiden.
JRSA — «Journal of the Royal Society of Arts». L.
JSAH — «Journal of Southeast Asian History».
JSAS — «Journal of Southeast Asian Studies». Singapore.
JSS — «Journal of the Siam Society».
PA — «Pacific Affairs» Vancouver
PC — «Pacific Community». Tokyo.
PE — «Politique etrangère». P
WT — «The World Today».

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

The work *Thailand: Society and State* bu N. V. Rebrikova and N. I. Kalashnikov presents the authors' views on a range of disputable historical and theoretical problems of Orientalistics. They include the typological peculiarities of the state and society at the late 19th century, the directions of their evolution in Modern times, and their present state. The authors estimate the social structure of Thailand as transitional which had no clear-cut class differentiation. This phenomenon could be explained by the conditions of its formation. Among them an important role belonged to nature because its rich and easily accessible resources did not stimulate rapid development of the means of production. The extensive agriculture was made for by the intensive social relations forming the basis of the society and its integral productive forces. These two factors determined the functional peculiarities of the Thai society. Weak social differentiation accounted for low development rates of the society while the low intensity of social conflicts was a consequence of non-developed forms of exploitation which did not require social division of labour.

The Thai society still had, by the late 19th century, the archaic features of social organization engendering, in its turn, the typological peculiarities of the state itself in which the ethnic, communal and religious factors as well as personal relations were of major importance. The centralized bureaucratic structure was rather an instrument of social relations whose main function was the raising of taxes than an administrative body. The state form of exploitation determined the structure of both the ruling class and the peasantry uniting the two social groups into the Thai ethnic community which dominated the non-centralized alien ethnic periphery.

The insufficiency of social conflicts accounted for the major role of the Thai ruling élite in the evolution of the society which, under the impact of the external factors, initiated its modernization. The ruling élite in the late 19th century carried out important social reforms and effected the reformation of Buddhism which somewhat contributed to bourgeois transformation of the society. A bureaucratic stratum associated with modern town and rural élite was formed within the ruling class. In 1932 it accomplished a revolution and after gaining political power attempted to create a national state. However, being economically weak it was compeled to enter into allience with economically dominant Chinese minority. The exploitation of traditional country-side helped form large bourgeois stratum in the capital city and consolidated the positions of bureaucratic capital but, however, it hindered the formation of interest groups at lower levels as well as bourgeois transformation in rural areas. In the posr-war period power in Thailand is being concentrated in the hands of military-bureaucratic regimes. Social struggle boils down to insignificant actions by the working masses, the communist party is banned, and the activities of trade-unions are controlled by the ruling block.

The authors share the viewpoint of those scholars who think it most important to examine the dialectical interaction of "traditions" and "innovations", of "transitional" and "original" structures of such weakly developed societies as Thailand. They indicate that Thailand is of particular interest for scholars so far as its society most clearly

demonstrates contradictions inherent in the entire developing world. First of all it is the growing differentiation between bourgeois capital city and traditional country-side, the uneven regional development and the intensifying opposition of the periphery to the exploiting bureaucratic centre.

In the 1970s, Thailand entered the stage of an aggravating structural crisis. The authors think that given the general situation in the world—the crisis of capitalism and successes of the socialist world—the search for ways of coming out of the crisis instills the socio-political processes in Thailand with new content.

СОДЕРЖАНИЕ

Нина Васильевна Ребрикова,
Николай Иванович Калашников

ТАИЛАНД:
общество и государство

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор **О. М. Гармсен**
Младший редактор **С. П. Какачикашвили**
Художник **Ю. Н. Зеленков**
Художественный редактор **Б. Л. Резников**
Технический редактор **Г. А. Никитина**
Корректоры **В. М. Кочеткова и О. Л. Щигорева**

ИБ № 14708

Сдано в набор 22.07.83. Подписано к печати 10.01.84. А-09322. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,0. Усл. кр.-отт. 17,25. Уч.-изд. л. 20,16. Тираж 1400 экз. Изд. № 5486. Зак. № 1237. Цена 3 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
Фотонабор выполнен в ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате
ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области
Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Первой типографии издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

3 р. 20 к.

Н. В. РЕБРИКОВА
Н. И. КАЛАШНИКОВ

ТАИЛАНД общество и государство